

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

КНИГА 6

МОНОГРАФИЯ

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2009

УДК 332.14(470+571)
ББК 65.050.22(2 Рос)

Коллектив авторов:

*В.В. Виноцына, О.С. Гайфутдинова, П.М. Горшенина,
Т.С. Гринько, Е.А. Камбарова, Ж.Я. Колычева, Н.Ю. Коротина,
Е.В. Кочева, Ю.Д. Кузьмина, В.А. Лукин, Ж.А. Мингалева,
Л.Н. Плеханова, Е.В. Подгорнова, Е.В. Протасова,
С.И. Сивцева, Е.Н. Тупикина, Л.Н. Чайникова, С.С. Чернов*

Под общей редакцией
канд. экон. наук, доцента *С.С. Чернова*

Рецензенты:

Профессор кафедры Государственного управления и финансов Орловского государственного технического университета, докт. экон. наук, профессор *Г.М. Самостроенко*

Заведующий кафедрой Мировой и национальной экономики Курского государственного технического университета, докт. экон. наук, доцент *И.В. Минакова*

Факторы устойчивого развития регионов России: монография / В.В. Виноцына, О.С. Гайфутдинова, П.М. Горшенина и др. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Книга 6. – Новосибирск: ЦРНС, 2009. – 326 с.

ISBN 978-5-94301-085-9

Регулирование регионального развития в настоящее время предстаёт как недостаточно исследованная в научном плане проблема. Между тем кардинальные перемены, происшедшие в последние годы, многоплановы и в высшей степени динамичны. Именно поэтому осмысление новых реалий, определение методов и подходов к обеспечению устойчивого регионального развития сегодня особенно актуально.

Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

УДК 332.14(470+571)
ББК 65.050.22(2 Рос)

ISBN 978-5-94301-085-9

© В.В. Виноцына, О.С. Гайфутдинова,
П.М. Горшенина и др., 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	11
1.1. Понятие региона и регионального развития	11
1.2. Понятие устойчивого развития и его применимость к региональной политике	31
1.3. Применение принципов устойчивого развития в рамках региональных стратегий	40
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	51
2.1. Инновационная система и региональная безопасность.....	51
2.2. Инновационная инфраструктура и эффективность инноваций.....	55
2.3. Понятие и оценка инновационной конкурентоспособности региона	63
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ФАКТОРЫ, ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ.....	77
3.1. Специфика деятельности, преимущества и роль малых предприятий в развитии региональной экономики	77
3.2. Региональные аспекты анализа состояния и уровня развития малого предпринимательства.....	79
3.3. Инновационная составляющая развития малого предпринимательства.....	88
3.4. Современная ситуация на мировом рынке наукоемкой продукции	90
3.5. Исследование основных причин, препятствующих инновационному развитию малого предпринимательства в российских регионах (на примере Ростовской области).....	93

3.6. Роль малых предприятий в формировании инновационной системы региона	95
3.7. Основные направления совершенствования системы государственной поддержки развития малого предпринимательства	97
3.8. Механизм управления устойчивым развитием малых предпринимательских структур	104
3.9. Координация федерального, регионального и местного уровней реализации политики в сфере развития малого предпринимательства	107
ГЛАВА 4. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	113
4.1. Имидж России в XXI веке: энергетическая политика как фактор формирования имиджа современной России	113
4.2. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области и повышение ее конкурентоспособности	121
4.3. Предложения по повышению инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан	135
ГЛАВА 5. РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ТЕМПЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	146
5.1. Понятие региональной инфраструктуры и значение государственных инвестиций в инфраструктуру	146
5.2. Зарубежный опыт развития региональной инфраструктуры и повышения темпов экономического роста	150
5.3. Принципы государственного инвестирования инфраструктуры	164
ГЛАВА 6. ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	170
6.1. Особенности бюджетной системы Российской Федерации....	170
6.2. Трансформация финансового механизма межбюджетных отношений	180
ГЛАВА 7. РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА	196
7.1. Характеристика рынка образовательных услуг	196
7.2. Концепция развития региональной системы образования	201

ГЛАВА 8. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ	214
8.1. Человеческий потенциал: новое измерение в условиях региональной дифференциации	214
8.2. Социальная и экономическая адаптация студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности (на примере вузов Красноярского края)	227
ГЛАВА 9. СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В ЯКУТИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ	238
9.1. Довоенная численность и состав «трудпоселенцев» и «беженцев»	238
9.2. Спецпоселенцы Якутии в годы Великой Отечественной войны и их положение	242
9.3. Послевоенная численность, состав спецпоселенцев в Якутии	258
ГЛАВА 10. ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	264
10.1. Индикаторный подход в оценке эколого-экономического состояния территории	264
10.2. Проблемы государственного и муниципального управления рекреационным природопользованием и устойчивым развитием в прибрежной зоне Краснодарского края	272
ГЛАВА 11. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ ЛОКАЛЬНОГО УСПЕХА НА ВОЛНЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОТОКОВ ИНФОРМАЦИИ	287
11.1. Аркаим – визитная карточка Урала.....	287
11.2. Устройство древнего Аркаима	291
11.3. Целенаправленный пиар и создание брэнда.....	298
11.4. Эпохи, народы, степь	305
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кардинальные изменения последних двух десятилетий в общественно-политическом развитии России и ее регионов сопровождались резким сокращением объемов производства, падением жизненного уровня значительной части населения, критическим снижением эффективности национальной экономики, ухудшением состояния окружающей среды. В хозяйственных системах российских регионов были подорваны основы расширенного воспроизводства, сформированы многочисленные факторы, дестабилизирующие развитие, неустойчивость стала характерной чертой их функционирования.

В результате обострились многие социально-экономические проблемы, ухудшилось качество жизни населения, основой экономики стала продажа природных ресурсов, усиливались черты колониально-сырьевой направленности производства, снижался научно-технический и инновационный потенциал страны, углубился кризис биосферной системы «природа – экономика – общество».

На фоне сложившейся ситуации актуализируется значимость разработки политики устойчивого развития экономики российских регионов, как системного взаимодействия экономических, социальных, экологических и других решений в интересах нынешних и будущих поколений.

Таким образом, устойчивое развитие региона – проблема многогранная. Исследованию широкого круга факторов, определяющих устойчивое развитие регионов, посвящена настоящая монография.

В первой главе монографии определено понятие региона, дана характеристика феномену устойчивого развития и его применимости к региональной политике, исследованы принципы устойчивого развития в рамках разработки стратегий регионального развития.

Во второй главе монографии исследована специфика построения национальной инновационной системы в контексте региональной безопасности, раскрыто понятие инновационной инфраструктуры регионального развития и эффективности инноваций, исследовано понятие и дана характеристика системы оценки инновационной конкурентоспособности региона.

Инновационный малый бизнес является атрибутом рыночной системы, значимость которого меняется в процессе его развития. Снижение роли малых хозяйственных форм в рамках индустриального структурного сдвига

характерно для форм ее интенсивного развития. В третьей главе монографии исследованы региональные аспекты инновационного развития малого предпринимательства. В России разработана федеральная программа (ФЦП) «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в Российской Федерации на 2008-2015 гг.». Общий объем финансирования программы составил более 29 млрд. рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета – более 28 млрд. рублей. Исследована целевая направленность данной ФЦП, раскрыты основные направления совершенствования системы государственной поддержки развития малого предпринимательства в регионах.

В третьей главе монографии исследованы стратегические аспекты регионального развития: дана характеристика сбалансированной энергетической политики как фактору формирования имиджа современной России, исследована стратегия социально-экономического развития региона (на примере Тамбовской области), раскрыты направления повышения конкурентоспособности региона.

Современное общество, стремясь ускорить темпы экономического роста, повысить качество жизни населения, должно создать благоприятные условия для привлечения инвестиций в реальный сектор экономики. Лишь после того, как в России будет кардинально изменена внутренняя инвестиционная привлекательность, когда инвестиции в регионы и реальный сектор экономики станут выгодными и на этой основе в России произойдет рост объемов инвестирования, только после этого можно ожидать существенных результатов в экономике и социальной сфере. А это будет способствовать повышению конкурентоспособности российских предприятий, модернизации реального сектора экономики. В монографии даны рекомендации по повышению инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации на примере Республики Башкортостан.

Пятая глава монографии посвящена исследованию роли и влияния государственных инвестиций на темпы регионального развития: раскрыты понятие инфраструктуры и значение государственных инвестиций в инфраструктуру, исследован зарубежный опыт развития региональной инфраструктуры и повышения темпов экономического роста, сформулированы принципы государственного инвестирования в инфраструктуру регионального развития.

В шестой главе анализируются особенности бюджетной системы Российской Федерации через раскрытие основных характеристик бюджетного устройства. Сравниваются особенности организации бюджетной системы в федеративных и унитарных государствах. Предлагается авторская группировка принципов построения бюджетной системы и трактовка определения понятия «бюджетный федерализм».

Особое внимание в работе уделяется трансформации финансового механизма межбюджетных отношений. Также предлагается использование политической, финансовой и правовой трактовки содержания понятия

«межбюджетные отношения», предлагается авторское определение понятия «финансовый механизм межбюджетных трансфертов». Анализируются особенности выделения межбюджетных трансфертов из федерального и регионального бюджетов.

Одним из важных факторов устойчивого регионального развития на современном этапе является гармоничное функционирование системы образования. В седьмой главе монографии дана характеристика рынка образовательных услуг, исследована концепция развития региональной системы образования.

В условиях глобализации социально-экономических процессов, отечественными и зарубежными учеными уделяется большое внимание человеческому измерению экономического развития. Человек является важнейшей составляющей регионального развития. В восьмой главе предложен новый подход к оценке индекса человеческого потенциала, как основного показателя уровня человеческого развития. Кроме того, в монографии дана характеристика системы социальной и экономической адаптации студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности.

В девятой главе автор выявляет некоторые факторы историко-демографического развития северного региона Российской Федерации – Республики Саха (Якутии), которые, несомненно, связываются с демографической историей всей страны. Исследователь выделяет периоды спецпереселенческого движения – довоенный, военный и послевоенный, каждый из которых имеет свою специфику. Впервые на основе рассекреченных архивных материалов раскрывается динамика численности и состава высылаемых в республику людей.

Современный этап социально-экономического развития определяет объективную необходимость формализованной оценки социально-экономических процессов. Для большинства территорий данная оценка является достаточно сложной и может быть реализована на основе эколого-ориентированного подхода в определении тенденций концептуальных изменений социально-экономических процессов. Инструментом реализации эколого-ориентированного подхода на уровне муниципальных образований может служить индикаторный подход, детально исследованный в десятой главе монографии.

В нашей стране имеются регионы, основу экономики которых составляют туризм и рекреационное природопользование. В работе отмечена роль муниципальных образований прибрежной зоны Краснодарского края в экономическом и геополитическом аспектах, рассмотрены основные проблемы и перспективы устойчивого развития туризма в муниципальных образованиях Краснодарского края.

В условиях неконтролируемой миграции различных ресурсов, в том числе информации о научных открытиях, остановимся на истории успеха уникального степного музея-заповедника, ставшего известным всему ми-

ру в эпоху глобализации. Тема Аркаима и современных ему городищ Южного Зауралья вызывает сегодня неизменный интерес, что наглядно иллюстрирует недавнее посещение Аркаима Президентом В.В. Путиным.

В итоге 12-летней работы в экспедициях заповедника «Аркаим» в одиннадцатой главе монографии автор приходит к выводам об устройстве древнего городища как единственной реальности Аркаима научного, а также о причинах повышенного общественного интереса к памятнику, не являющегося зрелищным, как любой другой археологический памятник. Увидеть в заповеднике можно только степные ландшафты и современные культовые сооружения.

Монография подготовлена авторским коллективом в следующем составе:

1. *Виницына В.В.*, Хакасский институт бизнеса (г. Абакан), доцент, кандидат экономических наук – *глава 6*.
2. *Гайфутдинова О.С.*, Пермский государственный университет (г. Пермь), доцент кафедры Национальной экономики и экономической безопасности – *глава 2*.
3. *Горшенина П.М.*, Уфимский государственный нефтяной технический университет (г. Уфа), аспирант кафедры Политологии, социологии и связей с общественностью – *раздел 4.1*.
4. *Гринько Т.С.*, Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета (г. Сибай), заместитель заведующего кафедрой Налогов и налогообложения, кандидат экономических наук – *раздел 4.3*.
5. *Камбарова Е.А.*, Новороссийский политехнический институт Кубанского государственного технологического университета (г. Новороссийск), доцент кафедры Государственного и муниципального управления, кандидат географических наук – *раздел 10.2*.
6. *Колычева Ж.Я.*, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону), аспирант – *глава 3*.
7. *Коротина Н.Ю.*, Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы (г. Челябинск), заведующая кафедрой Экономики и финансов, кандидат экономических наук, доцент – *раздел 10.1*.
8. *Кочева Е.В.*, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики (г. Владивосток), главный специалист-эксперт – *раздел 8.1* (в соавторстве).
9. *Кузьмина Ю.Д.*, Пермский государственный университет (г. Пермь), ассистент кафедры Национальной экономики и экономической безопасности (г. Пермь) – *глава 1* (в соавторстве).
10. *Лукин В.А.*, Лесосибирский филиал Сибирского государственного технологического университета (г. Лесосибирск), заведующий ка-

федрой Экономики и управления на предприятии, кандидат экономических наук, доцент – *раздел 8.2.*

11. *Мингалева Ж.А.*, Пермский государственный университет (г. Пенза), заведующая кафедрой Национальной экономики, доктор экономических наук, доцент – *глава 1* (в соавторстве), *глава 5* (в соавторстве), *глава 7* (в соавторстве).
12. *Плеханова Л.Н.*, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино), старший научный сотрудник, кандидат биологических наук, Челябинский государственный университет (г. Челябинск), биолог – *глава 11.*
13. *Подгорнова Е.В.*, Пермский государственный университет (г. Пермь), ассистент кафедры Национальной экономики и экономической безопасности (г. Пермь) – *глава 5* (в соавторстве).
14. *Протасова Е.В.*, Пермский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета (г. Пермь), соискатель кафедры Национальной экономики и экономической безопасности – *глава 7* (в соавторстве).
15. *Сивцева С.И.*, Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), доцент кафедры Культурологии, кандидат исторических наук, доцент – *глава 9.*
16. *Тупкина Е.Н.*, Тихоокеанский государственный экономический университет (г. Владивосток), доцент кафедры Информационных технологий и статистики – *раздел 8.1* (в соавторстве).
17. *Чайникова Л.Н.*, Тамбовский государственный технический университет (г. Тамбов), доцент кафедры «Финансы и кредит», кандидат экономических наук, доцент – *раздел 4.2.*
18. *Чернов С.С.*, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск), заведующий кафедрой Систем управления и экономики энергетики, заместитель декана факультета энергетики, руководитель «Центра развития научного сотрудничества», кандидат экономических наук, доцент – *предисловие, общая редакция.*

Центр развития научного сотрудничества выражает признательность всем исследователям, принявшим участие в написании книги.

Предложения и замечания по монографии можно направлять по адресам: *monography@ngs.ru, monography@mail.ru.*

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Понятие региона и регионального развития

России в ближайшие десятилетия следует решить задачи, на которые другие государства потратили столетия. Включаясь в мировой экономический процесс, нашей стране предстоит в ускоренном темпе строить открытое общество – рыночную экономику, развитую демократию, правовое социальное государство. При этом основной упор в достижении поставленных целей реформирования все больше делается на отдельные регионы.

Российский регион представляет собой сложную многоуровневую структуру, которая обладает своей внутренней динамикой и является важной составляющей национальной экономики. Для регионов характерно наличие большого числа разнообразных связей, сочетание экономического, социального, экологического, информационного и других элементов, циркуляция крупных финансовых материальных и информационных потоков. В России, являющейся федеративным государством, ключевыми являются проблемы экономической самостоятельности, безопасности и устойчивого развития регионов.

Необходимость региональной проработки вопросов социально-экономического развития, более широкого включения регионов в мировое общество обусловлена тем, что социальные и экономические процессы, структура производства и потребления приобретают все более выраженный региональный характер. Это связано с неравномерностью распределения природных ресурсов, территориальными различиями в природно-климатических условиях, сложившейся системой расселения населения, традициями хозяйственного уклада. Использование природных ресурсов, охрана природной среды, социально-экономическое развитие всегда соотносятся с определенной территорией.

В условиях глобализации экономики регионы, также как и страны, становятся полноценными субъектами не только межрегиональных, но и меж-

дународных экономических отношений. Они находятся в состоянии жесткой конкурентной борьбы за рынки сбыта и капитал. Способность власти четко определять стратегические приоритеты, улучшать бизнес-климат, эффективно распределять и повышать качество региональных ресурсов и инфраструктуры, создает предпосылки для наращивания устойчивых конкурентных преимуществ региона, бизнеса и благосостояния населения.

В результате создания телекоммуникационных и информационных мостов, выходящих за рамки отдельных регионов, стран, и совершенствования международной транспортной инфраструктуры уменьшается так называемое экономическое расстояние между этими регионами. Мировое хозяйство стало представлять собой единое целое, благодаря глобализации преобразовалось в «компактное» геоэкономическое пространство.

С одной стороны, мировые экономические тенденции позволяют за счет уменьшения таможенных барьеров, международного разделения труда сокращать издержки производства. Глобализация способствует распространению новейших технологий. Позволяет привлекать капиталы транснациональных корпораций, и использовать их для модернизации экономики и ускорения развития отдельных территорий – стран, регионов. С другой стороны, все это приводит к размыванию национальных границ, страны делятся на части, которые становятся элементами различных воспроизводственных циклов.

Таким образом, в мировом геоэкономическом пространстве в условиях глобализации осуществляется взаимодействие национальных и региональных экономик. За счет этого происходит взаимный обмен информацией, капиталами, людьми, товарами и услугами, инновациями, духовными и культурными ценностями. Все это определяет возрастающую роль отдельных регионов во внешних экономических связях.

Исследование текущего положения регионов и развития межрегиональных экономических связей необходим для определения сущности наблюдаемых процессов и факторов, влияющих на них. Следует выявить важные особенности регионов, проблемные и критические ситуации в их развитии для оценки возможных последствий. И соответственно, разработку на этой основе мер воздействия на эти процессы [41, с. 154].

В условиях становления рыночных отношений возникает объективная необходимость изучения специфики воспроизводственных процессов конкретного региона путем разработки концепции развития региона. На воспроизводственный процесс влияет множество объективных и субъективных факторов. К факторам объективного характера можно отнести: уровень развития региона, структуру регионального хозяйства, природно-экономическое положение региона, внедрение новых форм хозяйствования и т.д. Не менее важны и субъективные факторы, такие как политика региональных властей, поддержка или противодействие различных социальных групп реформированию, предпринимательская активность насе-

ления, инвестиционная привлекательность региона и т.п. Можно отметить, что именно субъективные факторы в значительной мере определяют тенденции влияния объективных факторов.

Одной из важнейших специфических особенностей региона, влияющих на структуру экономики, является его природно-ресурсный потенциал. Взаимообусловленность обеспеченности природными ресурсами и состояния экономики хорошо известна в экономической науке. Для примера сошлемся на выводы, сделанные западными экономистами [50, с. 126], что в стране, обладающей значительными природными ресурсами или имеющими потенциал для приобретения необходимого сырья, возможности экономики не ограничены.

В этих условиях происходит объективное изменение роли региона в социально-экономическом развитии общества.

Изменение реального позиционирования региона в мировой экономике требует и изменения фундаментальных подходов к трактовке понятия «регион», а также пересмотра основных методологических положений стратегии и тактике регионального развития, формулирования его новых целей и задач, разработки новых методов и инструментов регионального управления и т.д.

Однако следует отметить, что до сих пор во многих работах по регионоведению и региональной экономике регион определяется преимущественно как объединение в рамках конкретной территории населения и природных ресурсов, производства и потребления товаров, сферы обслуживания. Наиболее типичным определением в рамках этого подхода является такое: регион – это «часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий» [74, с. 25]. Или: «регион – это территория в административных границах субъекта Федерации, характеризующаяся: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления» [33, с. 15]. Изначально регион не подвергался рассмотрению как носитель особых экономических интересов.

Современные теории рассматривают регион как многоаспектную и многофункциональную систему, отличающуюся функциональными признаками. Наиболее широкое распространение получили следующие концепции определения региона: квазигосударство, квазикорпорация, рынок, социум [33, с. 62].

Регион можно рассматривать в качестве квазигосударства, поскольку он представляется собой относительно обособленную подсистему страны и национальной экономики. «... Если регион выделяется в качестве административно-территориального образования или экономического района, то должен отвечать требованиям управления общественным развитием или народнохозяйственного регулирования. ... Всякому региону присуще внутреннее хозяйственное единство, являющееся источником экономии

общественного труда» [74, с. 26]. Во многих государствах регионы собирают все больше финансовых ресурсов и выполняют функций, ранее принадлежавшие центру.

Одной из главных функций властей региона является регулирование регионального экономики. Различные формы межрегиональных взаимоотношений, согласованные действия федеральных и региональных властей обеспечат сбалансированное и рациональное функционирование и взаимодействие региональных экономик в общей системе экономики страны.

Регион-квазикорпорация представляет собой крупный экономический субъект. В этом плане регионы выступают как участники конкурентной борьбы за рынки товаров, услуг, капитала. Регион как субъект экономической деятельности взаимодействует и сотрудничает с транснациональными корпорациями. Размещение филиалов таких компаний, их механизмы распределения рабочих мест и заказов, ценообразования, уплаты налогов, трансфертов доходов оказывают существенное влияние на экономическое положение регионов. Регионы, также как и современные корпорации, стали обладать высоким ресурсным потенциалом для саморазвития.

Подход к региону как рыночному ареалу, обладающему определенными границами, делает акцент на общей ситуации осуществления экономической деятельности (предпринимательский климат), а также позволяет выделить особенности региональных рынков труда, информации, знаний, ценных бумаг, капитала, кредитно-финансовых ресурсов, различных товаров и услуг и т.п.

Данные три концепции определения региона рассматривают проблемы соотношения государственного регулирования, рыночного саморегулирования и социального контроля.

Рассмотрение региона как социума, т.е. как совокупности людей, проживающих на определенной территории, акцентирует внимание на воспроизводстве социальной жизни (населения, трудовых ресурсов, культуры, здравоохранения, образования, окружающей среды и пр.) и развитии системы расселения. Анализ проводится в разрезе социальных групп с их особенными интересами и функциями. Выделенный подход обширнее экономического, поскольку учитывает образовательные, культурные, социально-психологические, медицинские, политические и другие аспекты жизнедеятельности регионального сообщества.

Помимо этого регион также можно рассматривать как подсистему информационного общества или как непосредственного участника глобализации экономики.

Что касается основных концепций развития региона, то здесь следует выделить, прежде всего, пять направлений:

1. неоклассические теории, основанные на производственной функции;
2. теории кумулятивного роста;

3. новые теории регионального роста, базирующиеся на возрастающей отдаче от масштаба и несовершенной конкуренции;
4. новые формы территориальной организации производства, опирающиеся на промышленные и региональные кластеры, цепочку добавления стоимости, экономику обучения, национальную и региональную системы инноваций;
5. другие теории, объясняющие частные или отдельные вопросы регионального роста.

В зарубежной литературе широко обсуждается и применяется целый спектр разнообразных теоретических подходов к региональному развитию, нашедших, в том числе применение в практике региональной политики в Европейском Союзе. Это: блок теорий, которые можно объединить в группу подходов, ориентированных на спрос (теория экспортного баланса, региональный Input-Output-анализ), неоклассическая теория регионального развития, поляризационная теория, теория внутренних экономических показателей, «новая экономическая география» и ряд других [239]. Изучение этих концепций важно с точки зрения понимания основных положений и принципов региональных политик, проводимых в странах Западной Европы.

Теории и модели регионального экономического роста *неоклассического направления* основываются на факторах, определяющих производственный потенциал территории с добавлением пространственных факторов. При этом регионы рассматриваются как единицы производства, между которыми посредством рынков факторов может установиться взаимосвязь и равновесие. Неравномерное развитие регионов в этих моделях объясняется временными отклонениями от равновесия или следствием несовершенной корректировки в ответ на экзогенные шоки. Исходя из этого, в долгосрочной перспективе дифференциация уровня развития регионов должна исчезать и будет происходить сближение региональных уровней экономического развития.

Наиболее видные представители неоклассического направления регионального роста – Дж. Бортс, Х. Зиберт, Р. Солоу, Т. Сван, Г. Мэнкью, Д. Ромер, А. Уэйл, Р. Барро, Х. Сала, Д. Мартин, Р. Холла и Ч. Джонса. В основе выдвигаемых ими теорий лежат основные правила сходимости регионов, межрегиональной торговли и межрегиональной мобильности факторов производства, перемещений и расстояний, сбалансированного или равновесного роста и условия свободной конкуренции. Опираясь на эти правила, в состав факторов регионального роста они включили традиционные производственные факторные и транспортные затраты, а также социальные, политические и географические факторы. Причем они считали, что со временем должно происходить сглаживание различий темпов роста регионов путем достижения капиталовооруженности равновесного состояния и мобильности факторов производства.

Первые исследования различий в региональных темпах роста проводились на базе факторов производства, используемых для объяснения темпов роста на общенациональном уровне. Изначально данный метод измерения регионального роста был применен Дж. Бортсом [199]. Этот подход был господствующим до середины 60-х гг. двадцатого столетия, но продолжает использоваться и в настоящее время [79, с. 21]. Основной упор делается на факторы, увеличивающие производственный потенциал экономики регионов, к которым отнесены количество и качество природных ресурсов, общая численность и квалификация трудовых ресурсов, запасы капитала и уровень технологии. Отсюда рост экономики в регионах определяется обеспеченностью этими факторами производства, а ее уровень достигается посредством межрегионального движения факторов. Поэтому предполагается, что со временем благодаря их мобильности будет происходить постепенное сближение относительных цен факторов производства (или факторных цен), которое в итоге выравнивает уровни экономического развития регионов.

Данное заключение основывается на фундаментальных положениях ряда теорий: сравнительного преимущества Д. Рикардо; соотношения факторов производства Хекшере-Олин; выравнивание цен на факторы производства (или теорема) Хекшере-Олина-Самуэльсона. Согласно им, каждый регион вывозит за пределы своих границ в другие регионы и страны те товары, производство которых возможно за счет обладания относительно избыточными факторами производства, и ввозит из других регионов те товары, в факторах производства которых он испытывает относительный недостаток. Такое перемещение факторов производства и товаров между регионами выравнивает цены на них и приводит к равновесному состоянию пространственной экономики и, следовательно, экономическому росту территорий. При этом предполагается, что слаборазвитые регионы растут более высокими темпами, нежели высокоразвитые и в долгосрочной перспективе происходит сближение уровней развития регионов внутри страны. Исходя из этого, можно констатировать, что рост национальной экономики рассматривается как результат эффективного распределения факторов производства, следовательно, доходов между регионами посредством инструментов стихийного рынка.

К этому классу теории регионального роста и развития можно отнести модель Р. Холла и Ч. Джонса [225]. В свою модель они включают не только традиционные производственные факторы роста – физический, человеческий капитал, труд и т.д., но и социальные, институциональные, политические факторы и географическое положение страны. При этом особое внимание они обращают на показатель эффективности использования рабочей силы, которая, прежде всего, определяется ими различиями в социальной инфраструктуре регионов. В данное понятие включены государственная и институциональная политика, формирующая экономиче-

скую среду, внутри которой экономические агенты действуют и осуществляют свои капиталовложения. При этом благоприятной для роста и развития региона считается инфраструктура, стимулирующая накопление капитала и производственную активность, побуждающую к внедрению новых технологий и повышению качества продукции.

Вместе с тем авторы предупреждают, что часто социально-экономическая среда, наоборот, создает условия для коррупции (грабежа, хищений, взяточничества). Если производитель не защищен от воровства, то оно может оказаться привлекательной альтернативой честному труду. Производителям приходится тратить часть своих средств и усилий на защиту от грабежей, что можно уподобить дополнительному налогу на производство и в этой связи отмечают, что государственная защита интересов намного эффективнее, чем индивидуальная [235].

Во многих неоклассических теориях регионального роста заложено сближение межрегиональных различий экономического развития, которое осуществляется механизмом стихийного рынка – факторы производства перемещаются в те регионы, где за них платят больше. В соответствии с этими теориями, в условиях факторной мобильности, капитал перемещается из высокоразвитых районов в менее развитые из-за низкой нормы прибыльности относительно второй группы районов. Трудовые ресурсы, наоборот, перемещаются в высокоразвитые районы, где уровень заработной платы намного выше, чем в менее развитых регионах. В результате разнонаправленного движения труда и капитала сближаются совокупные доходы регионов и, следовательно, выравниваются межрегиональные различия экономического развития.

В условиях отсутствия факторной мобильности, напротив, активно перемещаются продукты, производимые данными факторами путем межрегиональной торговли. За счет полученных доходов от торговли в эти регионы привлекаются мобильные факторы (капитал, рабочая сила и т.д.), необходимые для производительного использования немобильных факторов. Таким образом, именно взаимозаменяемость межрегиональной торговли с межрегиональным движением факторов производства обеспечивается рост экономик и сближение уровней экономического развития таких регионов.

Перечисленные выше неоклассические модели регионального роста имеют ряд существенных недостатков: слишком строгие предпосылки, используемые для объяснения регионального роста и развития, избыточное внимание к обрабатывающему сектору; и пренебрежение к социальным и политическим факторам; игнорирование инноваций и каналов их распространения в экономике; рассмотрение роста как последовательно сменяющие друг друга однородные равновесные состояния, а также допущение однородности экономического пространства и времени; использование в своих моделях условий свободной или совершенной конкуренции;

придание большую роль внешнему фактору, действие которого очень слабо изучено.

Несмотря на указанные недостатки, неоклассические модели обладают рядом достоинств, которые позволяют: измерять региональные эффекты; определять направления движения факторов производства, товаров и услуг, а также степень накопления капитала по регионам; выявлять степень влияния производственных и пространственных факторов на темпы роста экономики регионов; предсказывать сходимость (конвергенцию), благодаря наличию положительной зависимости между темпом роста экономики и различием между текущим и равновесным уровнем дохода в экономике; применять их на практике и осуществлять проверки.

Теории кумулятивного роста базируются на концепции «взаимной и кумулятивной обусловленности» Г. Мюрдаля [96, с. 565-575]. На первый план выдвигаются процессы, создающие после своего начала условия для последующего развития и обеспечивающие конечный результат, превосходящий первоначальный импульс. Следует отметить, что действие всех этих сил разветвляется в одном и том же направлении. Однако развитие происходит в том или ином направлении процессов, которые все время подвергаются воздействию импульсов, возникающих то в одном, то в другом месте. При этом уровни экономического развития регионов не выравниваются, а происходит лишь некоторое сближение между ними.

К наиболее ярким представителям теорий кумулятивного роста относятся Г. Мюрдаль, А. Хришман, Ф. Перру, Х. Ричардсон, Дж. Фридман, Т. Хегерstrand, Ж-Р. Будвиль, П. Потье, Х.Р. Ласуэн, Х. Гирш. Основу их моделей составляют такие базовые положения как возникновения центров роста, образование агломераций и центральных мест, диффузия нововведений, развитие периферийных территорий, постоянная отдача от масштаба, неравномерного роста в условиях свободной конкуренции. Основываясь на эти правилах, в состав пространственных факторов роста экономики они включают специализацию или территориальное разделение труда, транспортные издержки, мобильность факторов производства, центральное место и факторы его возникновения, агломерацию производства и факторы ее образования, инновацию и другие нововведения и каналы их распространения, локализацию, связанную с немобильностью факторов производства и индивидуальные особенности регионов.

Базовой среди моделей данного направления является модель Г. Мюрдаля. Согласно ему преимущества центров или полюсов роста определенных территорий ведут к ускорению их развития и большому отставанию других регионов. На этом основании он делает вывод, что рост экономики происходит неравномерно и уровни экономического развития территорий не сближаются.

Впервые концепция «полюсов роста» была выдвинута французским экономистом Ф. Перру. Согласно данной концепции рост экономики стра-

ны во всех регионах не происходит равномерно, он появляется в некоторых *пунктах, или полюсах роста*, с изменяющейся интенсивностью он распространяется по различным каналам и с определенным переменным эффектом – на всю экономику.

«Полюс роста» Ф. Перру включает три основных компонента:

1. ведущую отрасль, отрасль-мотор, обладающую мощным потенциалом роста и высокой способностью к нововведению, иначе говоря, отрасль с большим мультипликационным эффектом;
2. группу отраслей местного значения, связанную с ней через систему отношений типа «затраты-выпуск». Эти отношения и служат средством передачи эффекта ведущей отрасли на всю экономику;
3. пространственную агломерацию производства, обеспечивающую предприятиям получение «внешней экономии».

Возникает серия взаимосвязанных эффектов, при благоприятных условиях способная сильно изменить экономическое пространство регионов. «Полюс роста» – это своеобразный генератор нововведений, но только их объединение обеспечивает весомый экономический эффект.

При этом Ф. Перру считает, что определяющая роль в создании «полюсов роста» и «каналов» распространения вызванных ими «эффектов увеличения» принадлежит государству, которое должно гармонизировать развитие, уменьшить или свести к приемлемым масштабам неоднородность или неравномерность в экономике, ее отраслей и регионов.

Концепция «полюсов роста» Ж.-Р. Будвиля есть дальнейшее развитие региональной теории роста Ф. Перру. В современном виде эта концепция утверждает, что производственный рост происходит неравномерно во всех отраслях хозяйства, таким образом, выделяются динамичные отрасли, которые представляют собой стимул для развития всей экономики – «полюса развития».

Теория «полюсов роста» Х.Р. Ласуэна более детально рассматривает полюса экономического роста и выявляет следующие их особенности:

1. региональный комплекс предприятий, который связан с экспортом региона, может представлять собой полюс роста;
2. полюса роста растут за счет импульсов, которые порождаются национальным спросом, передающимся в свою очередь через экспорт региона;
3. второстепенные отрасли экономики получают импульс роста через рыночные связи между предприятиями [41, с. 87].

Модель совокупной причинной обусловленности Х. Ричардсона предполагает, что выгоды распределяются между теми регионами, которые уже находятся в благоприятном положении. Любое распределение ресурсов среди регионов с целью увеличения национального экономического роста усилит региональные неравенства. И государственные инвестиции, и рыночные силы в большой степени увеличивают, нежели уменьшают

неравенства в экономическом развитии регионов [262]. Региональный рост опирается на внутренние немобильные ресурсы и привлечение мобильных ресурсов из других регионов. Данная концепция также учитывает социально–политические факторы и технический прогресс [79, с. 25].

Теория «центр-периферия» Дж. Фридмана [218] включает следующие стадии формирования центров роста (который он называет ядрами):

1. наличие большого числа локальных ядер, мало влияющих на окружающие их территории;
2. появление одного наиболее мощного ядра, формирующего полюс роста, влияющий на обширную периферию;
3. развитие еще нескольких ядер, приводящее к образованию полицентрической структуры полюсов роста;
4. слияние ядер в урбанистическую полиареальную структуру с мощной периферией.

Суть модели «вулкан» Х. Гирша [220] заключается в следующем – крупная агломерация с ее развитой промышленностью и мощной научной базой обладает наиболее высоким уровнем доходов на душу населения, что обеспечивается периодическими импульсами инновационной деятельности. Извержение лавы нововведений в таком «полюсе роста» постепенно растекается на периферию и сопровождается постепенной повышением уровня благосостояния отсталых районов.

Достоинством теорий кумулятивного регионального роста являются: учет реальных региональных факторов, особенно факторов размещения производства; использование инноваций и их распространения как основного фактора роста территорий, особенно каналов распространения; обладание определенным возможностями и выравнивания межрегиональных уровней экономического развития.

Однако перечисленные теории кумулятивного роста не лишены недостатков: в них не учитывается значение малых предприятий, зачастую определяющие характер региональной экономики; региональная политика, ориентирована на насаждение крупных предприятий индустрии, которые почти игнорируют специфику региона; не оказывается должного внимания внутренней согласованности региональной производственной системы; не учитывается природа транснациональных фирм в развитии регионального экономического пространства.

Начиная с 80-х годов в теоретических и эмпирических исследованиях западных экономистов и экономико-географов появились *новые теории и модели регионального роста и развития*. В числе наиболее известных представителей находятся: П. Кругман, М. Фуджит, Т. Мори, Э. Венаблес, Д. Пуго, Дж. Харрис, А. Пред, Р. Фиани, А. Гильберт, Дж. Гаглер, Дж. Эллисон, Е. Глэйзер, Д. Дэвис, Д. Вайнштайн, Лунгэнь Инн.

Теория «потенциал рынка» Дж. Харриса утверждает, что при прочих равных условиях предприниматели будут стремиться размещать свое

производства в местностях с хорошим доступом к рынку. Результаты исследования также показали, что концентрация производства обладает функцией самовоспроизводства. Фирмы размещали производство в регионах с хорошим доступом к рынку, но доступ к рынку улучшался в регионах, где концентрировалось производство. Недостаток данной теории в том, что основное это правило не срабатывает в отношении предприятий, базирующихся на немобильных факторах производства. Так, например, большой масштаб рынка сбыта нефти и газа находится далеко за пределами мест их добычи.

Модель циклического движения факторов Э. Венаблеса: страна с большим промышленным сектором предоставляет большой рынок для промежуточных товаров, что ведет к концентрации промежуточного производства в этой стране. Последняя, в свою очередь, обеспечивает стране преимущество в сфере производства товаров, находящихся еще ниже в технологической цепочке производства. Это еще больше усиливает первоначальное преимущество и т.д. Эта модель легко применима для регионов внутри страны, поскольку факторы производства гораздо менее мобильны на уровне страны, нежели на уровне регионов. Положительный момент этой модели – выделение концентрации промышленности и особенно размера рынка в качестве основных факторов неоднородного развития стран и регионов.

Анализ теорий и моделей новой экономической географии выявил, что в любом варианте (запланированном или спонтанном) рост или развитие экономики в пространстве происходит неравномерно по типу «центр-периферия». Причиной подобной формы пространственного развития является возникновение региональной агломерации, обусловленной возрастающей отдачей от масштаба, особенно отдачей от масштаба рынка, вызванной механизмом монополистической конкуренции. При этом происходит некоторого сближение межрегиональных различий экономического развития благодаря индустриализации аграрной периферии и растущему объему рынка или высокой доступности рынка. Однако практика развития слаборазвитых регионов показывает, что очень сложно обеспечить развитие промышленности и расширение масштабов рынка в этих странах и регионах, из-за очень низких доходов населения, привычного образа жизни людей, медленной изменчивости общественных институтов и т.д.

В модели «ядро-периферия» Мюрдаля и Хиршмана [132] начало развития региона связывается со случайным фактором, например, открытием минеральных месторождений или развитием экспорта продукции пищевой промышленности. Рост реальных зарплат и высокая отдача от капитала порождают возрастающую отдачу от масштаба и развитие агломерации, выражающейся в росте производительности труда и капитала как функции темпа роста регионального выпуска.

Гильберт А. и Гаглер Дж. критикуют подход «ядро-периферия», утверждая, что в моделях такого типа недооценивается роль международного влияния, недостаточно внимания уделяется социальным аспектам регионального развития, таким как бедность и дифференциация доходов.

Достоинством рассматриваемых новых теорий регионального роста является: ввод в модели пространственных факторов как внутренних (эндогенных) источников роста регионов и несовершенной конкуренции, приближающих их реальной жизни; выявление нового фактора – эффекта объема рынка или степень доступности к рынку как главной причины возникновения агломераций как территориальной формы размещения промышленного производства; модернизация традиционной теории размещения производства на основе спонтанного образования центра-периферии; отнесение циклического движения факторов производства к основной причине неравномерного экономического развития стран и регионов; определение каналов сближения различий развития регионов путем индустриализации периферии и расширения объема рынка или повышения уровня доступности к рынку; определение возрастающей отдачи от производства услуг как одного из важных факторов увеличения различий в темпах роста между регионами; изучение возникновения агломерации с позиций возрастающей отдачи от масштаба.

К слабым местам новых теорий регионального роста можно отнести: недооценку роли международного влияния и к социальным региональным факторам; игнорирования инноваций, нововведений, каналов их распространения и новых форм пространственной организации производства – промышленных и региональных кластеров, цепочкам добавления стоимости, экономике обучения и региональной системе инноваций.

Глобализация экономики и усиление конкуренции между странами потребовала исследования основных факторов и механизмов конкурентоспособного развития или стабильного роста экономики и благосостояния населения стран (регионов) в международном разделении труда. В этой связи внимание многих экономистов и экономико-географов было обращено на *теорию новых форм пространственной организации производства* – промышленных и региональных кластеров, цепочку добавления стоимости, экономику обучения, национальных и региональных систем инноваций.

Все теории новых форм территориальной организации производства, по географическому признаку, разделяются на три группы или научные школы: американскую, британскую и скандинавскую. Подобную группировку теории конкурентоспособности стран и регионов осуществил И.В. Пилипенко [113, с. 72-75].

Американская школа теорий новых форм организации производства. Эта школа представлена теоретическими и прикладными исследованиями М. Портера, М. Энрайта, М. Сторпера, С. Резенфельда, П. Маскелла и М. Лоренцена.

Теория промышленных кластеров М. Портера основывается на следующем выводе из теории ромба конкурентных преимуществ: условия для создания конкурентного преимущества регионов лучше тогда, когда фирмы, работающие в одной определенной отрасли, географически сконцентрированы – объединены в кластер (кластер, по М. Портеру, это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга). Портер М. предлагает не искусственное создание кластеров сверху, а в реальной жизни обнаружение их и поддержание со стороны государственных структур и исследовательских институтов. При этом Портер утверждает, что необходимо поддерживать развитие всех без исключения кластеров, потому что невозможно предугадать, какой кластер будет развиваться быстрее, а какой медленнее. Поэтому политика правительства, при которой помощь оказывается только тем кластерам, которые имеют в настоящее время высокие темпы развития, по его мнению, ошибочна.

Таким образом, М. Портер отдает приоритет в повышении конкурентоспособности или обеспечении экономического развития страны промышленному кластеру как новой форме пространственной организации производства. Действительно географическая близость кластерных фирм обуславливает внутреннюю и внешнюю экономию фирм за счет использования общей научной и технологической инфраструктуры, усиления конкуренции между фирмами, возможности образования временных альянсов для взаимного повышения конкурентоспособности компаний, отраслей и, следовательно, экономики в целом.

Также он подчеркнул, что макроэкономическая стабильность, под которой подразумеваются политические, социальные и правовые рамочные условия, создает только потенциал для высокой конкурентоспособности. Однако она не является достаточным условием. По М. Портеру, способность к созданию конкурентных преимуществ зависит от улучшения микроэкономического потенциала страны и усиления локальной конкуренции между фирмами [113, с. 77].

Теория региональных кластеров М. Энрайта. Объектом исследования М. Энрайта были региональные различия в конкурентоспособности внутри страны и географический масштаб конкурентного преимущества. Он сделал допущение, что конкурентные преимущества создаются не на наднациональном или национальном уровне, а на региональном уровне, где главную роль играют исторические предпосылки развития регионов, разнообразие культур ведения бизнеса, организации производства и получение образования [113, с. 80].

Региональный кластер, по М. Энрайту, это промышленный кластер, в котором фирмы-члены кластера находятся в географической близости друг к другу. Или, региональный кластер – это географическая агломера-

ция фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства. Региональный кластер может включать в себя: 1) промышленный район малых и средних предприятий; 2) концентрацию высокотехнологичных фирм, связанных через развитие и использование общих методов производства (технологий); 3) производственную систему с бывшими предприятиями крупных ТНК и фирмами, отделившихся от материнских компаний [212].

Региональные кластеры – это конкретные объекты проведения кластерной политики. Именно они нуждаются во внимании со стороны государственных структур и поддержке исследовательских организаций. Главными же детерминантами улучшения развития региональных кластеров являются четыре стороны ромба конкурентных преимуществ, определенные Портером.

Анализ теоретических и практических исследований улучшение конкурентоспособности стран и регионов М.Портера и М.Энрайта показывает, что они выделили три главных фактора-преимущества стимулирования развития промышленных и региональных кластеров (см. табл. 1.1)¹.

Таблица 1.1

**Основные факторы-преимущества стимулирования развития промышленных и региональных кластеров
(по М. Портеру и М. Энрайту)**

Преимущества развития кластеров	Влияние на социально-экономическое развитие региона
Увеличение производительности труда и эффективности производства	Для фирм облегчается доступ к поставщикам, квалифицированной рабочей силе, информации, обслуживанию и образовательным центром. Облегчается координация совместных действий и трансакции между фирмами-партнерами за счет близости расположения фирм в кластере Ускорение диффузии инноваций
Стимулирование изобретения нововведений	Фирмы имеют доступ к самой совершенной информации по усовершенствованию производственного процесса, а образовательные и научно-исследовательские центры генерируют новые знания и имеют возможность экспериментально подтвердить или опровергнуть правильность новых теорий
Обеспечение коммерциализации знаний и производства	Создаются льготные условия (наличие соответствующей рабочей силы, поддерживающих институтов и нужных поставщиков) для создания новых фирм и запуска новых ассортиментов товаров

Теория региональных кластеров С. Розенфельда, П. Маскелла и М. Лоренцена. Розенфельд С. развивает теорию региональных кластеров, исследует каналы связей между фирмами и связанными с ними другими организациями, воспринимая их как существенный элемент кластеров. По мнению С. Розенфельда, региональный кластер – это не только географически очерченная концентрация взаимозависимых фирм, они «должны иметь также

¹ Составлено по [113, с. 86-87].

каналы для производственных транзакций, диалога и коммуникации между малыми и средними предприятиями» [113, с. 92]. Маскелл П. и Лоренцен М. дополнили его исследования заключением, что организация сетевого взаимодействия между фирмами на основе доверия к партнеру является главным условием формирования конкурентоспособного регионального кластера и повышения конкурентоспособности каждой из его компаний.

Таким образом, главным достижением американской школы теории новых форм территориальной организации производства является признание основной пространственной формой развития экономики стран и регионов промышленных и региональных кластеров, реализующих ромб конкурентных преимуществ. Были выявлены конкурентоспособные формы организации производства, т.е. синтезированы экономические и экономико-географические знания, что позволяет получить синергетический эффект в экономическом росте и развитии регионов.

Наиболее известными представителями Британской школы теорий новых форм территориальной организации производства являются Дж. Даннинг, Р. Каплински, К. Фримэн, Дж. Хамфри и Х. Шмитц.

Даннинг Дж. сделал существенные замечания и добавления к ромбу конкурентных преимуществ. По его мнению, Портер не учел многих факторов, влияющих на конкурентоспособность страны – например, склонность к предпринимательству или влияние прямых иностранных инвестиций. При этом Дж. Даннинг отметил правильное решение М. Портера оставить «государство» вне ромба, так как оно определяет все начальные условия игры, в которых взаимодействуют между собой четыре детерминанты ромба. Однако ТНК также оказывают огромное влияние на государства и их конкурентную позицию в мировом хозяйстве. Таким образом, Дж. Даннинг добавил в ромб М. Портера еще один независимый элемент – «деятельность международного бизнеса», который обладает одинаковым с «государством» и «случаем» независимостью и вместе с тем влияет на «государство» и «случай» [113, с. 100].

Концепция технико-экономической парадигмы К. Фримэна предполагает, что в каждом цикле (типа Кондратьева-Шумпетера) развития существует одна технико-экономическая парадигма, определяющая приоритетное положение одной из отраслей промышленности в экономике. Смена технико-экономической парадигмы предполагает: появление и быстрый рост новых отраслей промышленности и сферы услуг, использующих новые технологии; доступ к новым факторам производства с более низкими издержками производства; способность адекватного восприятия перемен бизнес-сообществом, правительственными структурами и обществом в целом; удовлетворение самым строгим экологическим стандартам, с учетом их возможного ужесточения в будущем; быстрое распространение нововведений в мировом хозяйстве; потенциал для перестройки и улучшения процессов производства во многих отсталых отраслях промышленности [113,

с. 112-113]. Достоинство концепции технико-экономической парадигмы состоит в том, что она может подсказать правильные методы для усовершенствования своей экономики и переход на более высокую стадию развития.

Британская школа рассматривает цепочки добавления стоимости, постоянно усовершенствуемые ТНК, взаимосвязи цепочек добавления стоимости и локальных кластеров.

Скандинавскую школу теорий новых форм организации производства образуют теории экономики обучения и национальной системы инноваций датских ученых Б.-О. Лундвала и Б. Йонсона и теория региональной системы инноваций норвежских исследователей Б. Асхайма и А. Изаксена.

В теории экономики обучения утверждается, что изобретение инноваций и генерирование новых знаний является единственным вариантом повышения конкурентоспособности страны и, особенно малой страны.

Изучая происхождение инноваций в пределах экономики такой малой страны как Дания, Б.-О. Лундваль пришел к выводу, что инновация является не дискретным, а кумулятивным процессом. Иными словами, каждый день создается что-то новое, новые идеи накапливаются в более значительные изобретения. Второй постулат Б.-О. Лундвала основывался на более высокой степени развития связей потребитель-производитель на малой территории, на основе которых возникало чувство доверия к противоположной стороне, что, в свою очередь, облегчало распространение инноваций в обществе. Постоянный обмен мнениями между продавцом и покупателем способствовал генерированию добавочных инноваций.

Лундваль Б.-О. вводит особый термин экономика обучения (*Learning economy*) [236]. «Обучение» подразумевает под собой непрерывный процесс совершенствования навыков и знаний, необходимых для производства более совершенного продукта. Новые знания могут приобретаться как в процессе работы, так и в процессе учебы или профессионального обучения.

Другой датский ученый Б. Йонсон отметил другое, что кроме аккумуляции знаний в процессе обучения для усовершенствования экономики страны важным является также *процесс забывания*. Его следует понимать как освобождение от привычек и привязанностей населения, которые могут тормозить процесс повышения конкурентоспособности государства, т.е. иногда «созидательное разрушение знаний – бесполезно» [113, с. 117-118]. Другими словами – это способность быстро воспринимать новое, т.е. модернизоваться.

В теории региональной инновационной системы Б. Асхайма и А. Изаксена авторы рассматривают промышленные районы в качестве источника инноваций и нововведений. Анализируя работы А. Маршалла и Ф. Перу, они пришли к выводу о наличии значительного инновационного потенциала промышленных районов для постоянного изобретения инноваций. Но главной проблемой для развития промышленных районов, по Б. Асхайму и А. Изаксену, является практически полное отсутствие радикальных инноваций в них и преобладание добавочных инноваций. Последние

могут поддерживать конкурентоспособность района на высоком уровне, но в случае резкой смены технико-экономической парадигмы внутренних ресурсов может и не хватить для генерирования радикальных инноваций. В результате может оказаться под вопросом конкурентоспособность экономики региона. Для того, чтобы поддерживать конкурентоспособность экономик промышленных районов в эпоху новой технико-экономической парадигмы они предлагают реализовать интерактивную инновационную модель, в которой «знание является главным ресурсом, а обучение – главным процессом». Таким образом, Б. Асхайм и А. Изаксен сделали вывод о необходимости развивать конкурентные преимущества регионов с опорой на процесс обучения в располагающихся в них промышленных районах. Поэтому такие регионы получили название регионы обучения. А региональная инновационная система в них рассматривалась как основа для повышения конкурентоспособности региона [113, с. 126].

В региональной инновационной системе норвежские экономико-географы выделяют следующие ее главные параметры: региональную структуру управления, включающую административную систему, систему государственных и частных институтов; региональную специализацию на производстве определенного ассортимента продуктов; разница между развитием центра и периферии в промышленной и инновационной структуре региона; использование альтернативных – линейной и интерактивной инновационных моделей развития [113, с. 126].

Модель инновационного регионального роста А. Андерсона и Дж. Маннинена [190] использует такие факторы производства, как величина капитала, сбережения, накопленная величина знаний, и пространственные факторы – доступность знаний в регионе и расстояние между регионами. В модели предполагается, что капитал и знания растут пропорционально склонности к сбережениям, причем распределение между инвестициями в физический капитал и НИОКР определяется долей НИОКР в общем накоплении капитала.

В своей модели А. Андерсон и Дж. Маннинен показали, что в такой системе существует равновесие, для которого отношение капитала к знаниям постоянно. Предложенная модель предсказывает, что отклонение доли НИОКР в общем капитале выше равновесного значения может привести к первоначальному краткосрочному росту регионального неравенства доходов.

Таким образом, для скандинавской школы теории новых форм пространственной организации производства характерно удаление особого внимания роли научно-образовательных учреждений в развитии процесса обучения на территории и внедрению инноваций в производства, а также государственной поддержки и деятельности компаний по обеспечению непрерывного процесса обучения для улучшения их конкурентоспособности. Скандинавским ученым принадлежит признание важной роли регионов обучения в рамках про-

мышленных районов и региональных кластеров в качестве главных факторов поляризации и развития экономики страны и регионов. Эта научная школа много внимания уделяет также местным особенностям развития экономики и социально-культурным аспектам конкурентоспособности.

К основным достоинствам теории новых форм территориальной организации производства в региональном росте относятся:

- теоретическое обоснование и показ на практике возможности роста или развития экономики не одиночным функционированием фирм, а в составе групп или кластеров в условиях глобализации экономики и усиления конкуренции на мировых рынках между странами и регионами;
- выделение промышленных и региональных кластеров, основанных на ромбе конкурентных преимуществ и четырех стадии экономического развития наций (страны) американской школы, а также конкурентоспособных форм территориальной организации производства на основе синтеза экономических и экономико-географических знаний существенно повышающего вероятность их практического применения;
- особое внимание к социально-экономическим особенностям конкурентоспособности и роли системы инноваций, экономики обучения и регионов обучения для усовершенствования конкурентных преимуществ.

Главными недостатками этих теорий является: невозможность применения ромба конкурентных преимуществ к экономике слаборазвитых регионов; не возможности определения степени неравномерности экономического развития регионов в целях сближения их развития, которая характерна для всех школ теории конкурентоспособности.

Кроме неоклассических, кумулятивных, новых теорий роста в западной экономической и экономико-географической науке существует ряд *других теорий регионального роста и развития*. Они, как правило, не охватывают всех аспектов регионального роста и развития, изучают его отдельные или частные вопросы, иногда в них даже отсутствует теоретическая обоснованность. К этой группе теорий регионального роста примыкают: теории экономической базы, экспортной базы, секторов и гибкой специализации, «сырьевая теория», модель «затраты-выпуск; некоторые эконометрические теории регионального роста; модель размещения производства Я. Тинбергена и Х. Боса и др.

Согласно теории экономической базы (представители – Питер Де Ла Курт, В. Сомбарт) экономическое развитие происходит за счет базового сектора экономики, ориентированного на внешний спрос. Поэтому увеличение объема регионального экспорта приводит к росту масштаба производства, доходов и занятости в базовом секторе, а затем он мультиплика-

тивно транслируются на всю экономику региона. Главной слабостью является ее неадекватность в качестве теории, объясняющей экономическое развитие, особенно в долгосрочной перспективе. На практике влияние различных отраслей базового сектора на региональную экономику может быть далеко не одинаковым. Существуют трудности с определением мультипликативного эффекта в кратко- и долгосрочной перспективе.

Теория экспортной базы отрицает развитие за счет технического прогресса и внутренних инвестиций. Данная теория не учитывает существование связи между размерам внутреннего регионального рынка и степенью открытости региона. Также игнорируются миграция людей и капитала.

В сырьевой теории (Х.А. Иннис и др.) основными факторами развития выступают внешние инвестиции в производство экспортного сырьевого товара и устойчивый внешний спрос. В сумме это дает позитивную производственную и сбытовую динамику экспортного товара на мировых рынках. В свою очередь, приток экспортной выручки позволяет развивать внутреннюю экономику региона.

В теории секторов (А. Фишер, Колин Кларк, Ж. Фурастье и др.) основными категориями являются понятия трех агрегированных секторов экономики – первичного, вторичного и третичного. Основными движущими силами развития являются два фактора: эластичность спроса по доходу на продукцию третичного сектора и производительность труда в первичном и вторичном секторах. Логика развития описывается моделью перераспределения трудовых ресурсов между секторами под действием названных факторов. Рост производительности труда в экономике приводит к повышению уровня доходов населения. С повышением доходов, опережающими темпами начинает расти спрос на продукцию третичного сектора экономики. В то же время производительность труда в первичном и вторичном секторах растет быстрее, чем в третичном. Эти две тенденции приводят к высвобождению рабочей силы в первичном и вторичном секторах и ее поглощению третичным сектором. Основным недостаток теории проистекает от самого разделения экономики на первичный, вторичный и третичный сектора, дающий слишком обобщенные оценки и тем самым ограничивающий возможности ее эффективного использования на практике.

Теория гибкой специализации (Ч.Ф. Сэйби, Д. Цейтлин и др.). Данная теория исследует и оценивает влияние на региональное развитие различных производственных режимов (штучное производство на заказ, серийное производство, а также фордистская модель производства; практика использования привлеченных специалистов; отношения с поставщиками) и процессов вертикальной интеграции и дезинтеграции. Развитие рассматривается не просто как количественный рост, но еще и как качественное изменение структуры промышленности и конкурентных преимуществ (к примеру, переход от минимизации издержек и ценовой конкуренции к конкуренции, основанной на инновации, дифференциации про-

дукции и маркетинге, ориентированном на отдельные рыночные ниши). В более поздних работах внимание акцентируется на исследовании влияния гибкого производства на трудовые отношения, жалование, и отношения рыночной власти между большими и мелкими фирмами.

Основным фактором развития в этой теории выступает изменение характера спроса, требующее от фирм большей мобильности. Стандартизированное массовое производство, ориентированное на снижение себестоимости продукции, оказывается все менее жизнеспособным, поскольку вкусы потребителя в промышленно развитых странах становятся более изощренными, а также нарастает международная конкуренция. Фирмы адаптируются к новым условиям за счет внедрения гибких производственных технологий, выстраивания гибких отношений с поставщиками, использования межфирменных сетей для обмена информацией и совместного решения проблем.

Среди сильных сторон теории гибкой специализации – фокусирование ее внимания на сложной производственной динамике внутри фирмы, между фирмой и другими фирмами, между фирмой и работниками. Слабость теории является обратной стороной ее сильных качеств – фокусирование внимания на специфических микроэкономических связях зачастую обуславливает невнимание к агрегированным региональным показателям.

Ценность упомянутых выше теорий регионального роста в возможности решения с их помощью частных и конкретных проблем, возникающих в процессе роста региональной экономики, без привлечения для этого общих теорий роста. Общим слабым местом для них является отсутствие учета всех основных производственных и пространственных факторов в исследовании регионального роста.

Анализ направлений и школ регионального экономического роста и развития показывают, что они создавались и применялись в отдельной стране исходя из особенности ее экономики и достигнутого уровня ее социально-экономического развития. Поэтому все эти теории и модели не могут использоваться в России, требуется определенная адаптация к условиям российской действительности. Для оценки и разработки стратегии социально-экономического развития страны и отдельных регионов можно использовать: кумулятивное направление – «полюса роста», неоклассическое – сходимость или конвергенция, новые теории – пространственные эффекты и новая форма территориальной организации производства – промышленные и региональные кластеры и инноваций. При этом необходимо учитывать особенности функционирования экономики и социальной сферы территории.

Наконец, особое место среди западноевропейских подходов к региональному развитию занимает концепция регионального развития на основе региональной структурной политики [31], широко распространенная в Германии. При этом, в качестве основной задачи региональной структурной политики обозначено сосредоточение на экономическом и инфраструктурном развитии регионов, а сфера применения распространена далеко за

пределы чисто экономических вопросов, например, таких как политика создания капиталов или политика формирования рынка труда [31, с. 306]. В расширенном толковании региональная структурная политика представляет собой формирование комплекса экономических явлений [226].

В работах отечественных исследователей проблем регионального развития разнообразие существующих концепций можно свести к двум основным подходам. Согласно первому подходу, в региональном развитии доминирует поступательный тип движения, хотя «... в ряде исследований отмечается, что развитие региональной системы может сопровождаться регрессивным движением некоторых ее компонентов или созданием неэффективных ... связей между ними...» [146, с. 163]. Второй подход основывается на циклически волновых представлениях о региональном развитии [110, 123].

Еще одним подходом, получившим в последнее время большое распространение является концепция полюсов или центров роста, включающая политику поляризованного развития [146, с. 163-179].

Наконец, при анализе качества регионального развития достаточно широко используется концепция теории стадий роста, в рамках которой выделяется три основные стадии жизненного цикла региона: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная [133, с. 8].

В то же время близость и схожесть национальной экономики и региона обуславливает возможность применения для региона макроэкономических теорий, в том числе и концепцию устойчивого развития.

1.2. Понятие устойчивого развития и его применимость к региональной политике

Термин «устойчивое развитие» первоначально появился в природопользовании, в частности в рыбном и лесном хозяйстве. Под этим термином понималась система эксплуатации природных ресурсов, при которой они не истощаются и имеют возможность естественного воспроизводства.

Современный и общеизвестный перевод термина «sustainable development» – «устойчивое развитие», однако у него существуют и другие значения – самоподдерживающееся, длительное, подкрепляемое, поддерживаемое, непрерывное, сбалансированное развитие.

Понятие «устойчивое развитие» было введено в мировую науку и политику международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной в 1984 г. Генеральной Ассамблеей ООН. По результатам многолетних исследований проблем окружающей среды и человеческого развития группой общественных деятелей и ученых из разных стран под руководством премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтланд был подготовлен доклад «Наше общее будущее». В данном докладе впервые была предложена концепция устойчивого развития в социальном, экономическом и экологи-

ческом равновесии. В докладе «Наше общее будущее» устойчивое развитие было определено как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [98, с. 50].

Согласно данному докладу в понятие «устойчивое развитие» вводятся два ключевых элемента:

- потребности, в частности потребности, необходимые для существования беднейших слоев населения, которые должны иметь первостепенный приоритет;
- ограничения, обусловленные организацией общества и состоянием технологий, которые в свою очередь накладывают ограничения на способность окружающей природной среды удовлетворять имеющиеся и возникающие в будущем потребности».

В докладе подчеркивается: «С развитием связано прогрессивное преобразование экономики и общества; устойчивость может быть обеспечена лишь при условии, что при разработке политики развития уделяется внимание таким вопросам, как изменения в доступе к ресурсам и в распределении затрат и доходов между различными слоями населения. Даже при узком понимании физической устойчивости развития предусматривается забота о социальной справедливости по отношению к разным поколениям, забота, которая логически должна быть распространена на отношения справедливости к различным слоям населения в пределах каждого поколения. (...) Мир, в котором процветают бедность и несправедливость, всегда будет подвержен экологическим и другим кризисам» [98, с. 30].

Эксперты Всемирного банка определили устойчивое развитие как процесс управления совокупностью (портфелем) активов, направленный на сохранение и расширение возможностей, имеющихся у людей. Активы в данном определении включают не только традиционно подсчитываемый физический капитал, но также природный и человеческий капитал. Чтобы быть устойчивым, развитие должно обеспечить рост – или, по крайней мере, отсутствие уменьшения – во времени всех этих активов, и не только экономический рост.

В соответствии с приведенным определением устойчивого развития главным показателем устойчивости, разработанным Всемирным банком, являются «истинные темпы (нормы) сбережения» или «истинные нормы инвестиций». Принятые сейчас подходы к измерению накопления богатства не учитывают истощение и деградацию природных ресурсов, таких как леса и нефтяные месторождения, с одной стороны, а, с другой – инвестиции в людей – один из самых ценных активов любой страны. При переходе на вычисление истинных темпов сбережений (инвестиций) этот недостаток исправляется корректировкой рассчитываемых традиционными методами темпов сбережений: в сторону уменьшения – путем оценки истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей

среды (потеря природного капитала), и в сторону увеличения – путем учета возрастания человеческого капитала (прежде всего из-за инвестиций в образование и базовое медицинское обслуживание).

Что касается отечественных исследований, то еще в середине 90-х гг. В.И. Данилов-Данильян предложил следующее определение устойчивого развития – «это развитие, при котором воздействие на окружающую среду не выходит за рамки хозяйственной емкости биосферы, таким образом, природная основа для воспроизводства жизни человека не разрушается» [46, с. 5]. При этом под хозяйственной емкостью биосферы понимается предельное антропогенное воздействие, превышение которого приводит ее в возмущенное состояние и угрожает необратимой деградацией [47, с. 164].

Кроме того, в отечественной литературе устойчивое развитие определяется как форма такого взаимодействия (коэволюции) общества и природы, при котором сохраняется биосфера и обеспечивается, выживание, неопределенно долгое развитие человечества [93].

В Указе Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденном в 1996 г., под устойчивым развитием понимается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы». В дальнейшем это понятие конкретизируется: «Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма окружающей среды и ее глобальным изменениям» [3].

Несмотря на обилие терминов, описывающих понятие «устойчивого развития», при всей широте палитры его толкований, можно сделать вывод, что все они сходятся в том, что устойчивое развитие предполагает необходимость учета и соотношения текущих и перспективных жизненных потребностей. В свою очередь, устойчивость социально-экономической системы предполагает способность эффективно и рационально использовать ресурсы своего развития, постоянно увеличивать показатели своего положительного изменения, не повышая затраты невозобновляемых ресурсов или минимизируя их.

Теория и практика показали, что экологическая составляющая является неотъемлемой частью человеческого развития. В основе деятельности Международной комиссии по окружающей среде и развитию и её заключительного доклада «Наше общее будущее» была положена новая триединая концепция устойчивого (эколого-социально-экономического) развития, которая была подтверждена на Всемирном саммите ООН по устойчивому развитию (межправительственный, неправительственный и научный форум) в 2002 г. Графически единство трех подходов (трех составляющих) и областей пересечения их влияния можно представить следующим образом (см. рис. 1.1).

Дадим более подробную характеристику трех основных составляющих концепции устойчивого развития.

Экономическая составляющая. Экономический подход к концепции устойчивости развития основан на теории максимального потока совокупного

дохода Хикса-Линдаля, который может быть произведен при условии, по крайней мере, сохранения совокупного капитала, с помощью которого и производится этот доход. Эта концепция подразумевает оптимальное использование ограниченных ресурсов и использование экологических – природо-, энерго-, и материало-сберегающих технологий, включая добычу и переработку сырья, создание экологически приемлемой продукции, минимизацию, переработку и уничтожение отходов. Однако при решении вопросов о том, какой капитал должен сохраняться в первую очередь (а именно: физический, природный или человеческий капитал) и в какой мере различные виды капитала взаимозамещаемы, а также при стоимостной оценке этих активов, особенно экологических ресурсов, возникают проблемы правильной интерпретации и счета. Появились два вида устойчивости – слабая, когда речь идет о неумещающем во времени природном и произведенном капитале, и сильная – когда должен не уменьшаться природный капитал (причем часть прибыли от продажи невозобновимых ресурсов должна направляться на увеличение ценности возобновимого природного капитала).

Рис. 1.1. Базовые составляющие концепции устойчивого развития

Социальная составляющая. Эта составляющая устойчивости развития ориентирована на человека и направлена на сохранение стабильности социальных и культурных систем, в том числе, на сокращение числа разрушительных конфликтов между людьми. Важным аспектом этого подхода является справедливое разделение благ. Желательно также сохранение культурного капитала и многообразия в глобальных масштабах, а также более полное использование практики устойчивого развития, имеющейся в недоминирующих культурах. Для достижения устойчивости развития, современному обществу придется создать более эффективную систему принятия решений, учитывающую исторический опыт и поощряющую плюрализм. Важно достижение не только внутри-, но и межпоколенной

справедливости. В рамках концепции человеческого развития человек является не объектом, а субъектом развития. Опираясь на расширение вариантов выбора человека как главную ценность, концепция устойчивого развития подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение.

Экологическая составляющая. С экологической точки зрения, устойчивое развитие должно обеспечивать целостность биологических и физических природных систем. Особое значение имеет жизнеспособность экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы. Более того, понятие «природных» систем и ареалов обитания можно понимать широко, включая в них созданную человеком среду. Основное внимание уделяется сохранению способностей к самовосстановлению и динамической адаптации таких систем к изменениям, а не сохранение их в некотором «идеальном» статическом состоянии. Деградация природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и утрата биологического разнообразия сокращают способность экологических систем к самовосстановлению.

Все указанные выше элементы устойчивого развития должны рассматриваться сбалансировано. Важны также механизмы их взаимодействия. Экономический и социальный элементы, взаимодействуя друг с другом, порождают такие новые задачи, как достижение справедливости внутри одного поколения (например, в отношении распределения доходов) и оказание целенаправленной помощи бедным слоям населения. Механизм взаимодействия экономического и экологического элементов породил новые идеи относительно стоимостной оценки и интернализации (учета в экономической отчетности предприятий) внешних воздействий на окружающую среду. Наконец, связь социального и экологического элементов вызвала интерес к таким вопросам как внутрипоколенное и межпоколенное равенство, включая соблюдение прав будущих поколений, и участия населения в процессе принятия решений.

Введя понятие устойчивого развития и приняв «Повестку на XXI век» [125], призванную обеспечить переход на устойчивое развитие во всемирном масштабе, ученые и политики поставили задачу избежать острых кризисных явлений и катастроф на пути дальнейшего развития. Прогресс в науке и технике естественно привел к развитию технологического, производственного, военного и других потенциалов человечества. Соответственно, появилась вероятность глобальных угроз и проблем. Системное изучение процессов формирования, существования и развития отдельных регионов, стран и всего глобального мирового общества позволило научно доказать разрушение природной среды, оскудение жизнепригодной биосферы, уменьшению уровня и качества жизни населения и в итоге неустойчивости. Сложилась критическая ситуация, характеризующая отношения между промышленно развитыми странами и остальным миром. Нынешнее общество, взаимодействуя с природой, используя ее, столкнулось с ситуацией,

когда функционирование технического мира породило ряд проблем. И в связи с этим развитие все чаще стало носить критический характер и приводить к возникновению катастрофических событий. Противоречия, возникающие между обществом и природой, между сообществами внутри единого социума, стали перерастать в конфликты, и приводить к антропогенным технологическим, экологическим, социальным катастрофам.

Том Рене Фредерик под «катастрофой» (греч. переворот) определил скачкообразное изменение динамической системы в ответ на плавное изменение условий внешней среды. Таким образом, под «катастрофой» можно понимать происшествие, возникшее в результате природной или техногенной чрезвычайной ситуации, повлекшее за собой гибель людей или какие-то другие непоправимые последствия; происшествие, обуславливающее собой резкий перелом в общественной жизни.

Можно выделить четыре рода причин возникновения катастроф:

- истощение внутренних ресурсов развития;
- дисгармония между активными подсистемами, вызванная их несбалансированным развитием;
- достижение внешних границ развития;
- внешнее воздействие на систему, активное, целенаправленное или случайное [47, с. 154-155].

Кроме того, можно выделить несколько основных типов катастроф (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2

Классификация катастроф

Тип катастрофы	Причины катастрофы	Проявление катастрофы
Природные катастрофы	Порождаются стихийными силами природы	Землетрясения, извержения вулканов, ураганы, наводнения, смерчи, засухи, оползни, провалы, лавины, наводнения, цунами, ливни, таяние ледников, сели, сильные снегопады, циклоны, тайфуны, торнадо, пожары, вызываемые молнией и извержением вулканов и прочее
Экологические катастрофы	Вызываются либо локальными, местными, либо планетарными нарушениями в выполнении функции биосферы	Загрязнения почв, воды, атмосферы, концентрация углекислого газа, озона
Технологические катастрофы	Обусловлены антропогенным воздействием	Транспортные, энергетические, инфраструктурные, ядерные аварии
Социальные катастрофы	Определены непродуманной управленческой либо сознательной целенаправленной деятельностью по изменению социально-политического строя, разрушению государственных систем и социальных общностей	Уничтожение цивилизаций, стран, народов, каких-либо политических союзов; бунты, революции, войны, контрреволюционные перевороты

Природные катастрофы общество пока не в силах полностью избежать и предотвратить. Но при прогнозировании данных катастроф возможно уменьшение потери от них. Однако следует учитывать, что своими необдуманными действиями или бездейтельностью, например загрязнение источников воды, их уничтожение, вырубка леса, загрязнение окружающей среды и прочее, можно многократно приумножить разрушительный потенциал природы.

Экологические катастрофы в качестве основы имеют антропогенное воздействие на окружающую среду, потребление и расходование природно-ресурсного потенциала. Все возрастающее влияние человека на природу, использование разнообразных технологий по изменению и преобразованию среды обитания приводят к нарушению основных круговоротов, баланса в соотношении биологических видов жизни, уменьшению восстановительной способности биосферы. Все это вызывает локальные катастрофы, тем самым, увеличивая вероятность наступления глобальной катастрофы.

Технологические (техногенные) катастрофы имеют социальную обусловленность, поскольку вся техника и технологии придумываются, управляются людьми, и работают в обществе. Они порождаются отсутствием согласованного взаимодействия человеческих и технических элементов. По мере развития техники все большее значение играет человеческий фактор, что выражается в просчетах персонала, появлении инженерных ошибок, несвоевременной помощи спасательных служб. Увеличение размеров технических систем приводит к повышению размеров человеческих, материальных, а также экологических потерь.

Социальные (гуманитарные) катастрофы приводят к немалым человеческим жертвам, разрушению духовных основ жизни, деградации социальной и демографической структур общества. Данный тип катастроф целиком обусловлен социальными факторами.

Технический и технологический прогресс придал большее значение факторам социальной, общественной обусловленности возможных катастроф. Это приводит к постановке вопроса об их системном изучении для обнаружения причин их возникновения, их максимального предотвращения и минимизации потерь от них. По существу, речь идет о появлении новой концепции жизнедеятельности людей – обеспечения экономической, социальной, экологической безопасности как способности общества защищаться от внутренних и внешних угроз, как способности к устойчивому развитию.

Таким образом, концепция устойчивого развития явилась логическим переходом к экологизации научных знаний и подходов к социально-экономическому развитию.

Стратегия устойчивого развития нацелена на гармонизацию отношений между отдельными представителями человечества, и между природой и обществом в целом. Эта более широкая интерпретация понятия устойчивого развития приемлема для выработки как государственной, так и региональной социально-экономической стратегии, не ограничиваясь

только сферой хозяйственной или экологической деятельности. Понятно, что концепция устойчивого развития в таком случае должна формулироваться, учитывая оба основных признака понятия – антропоцентричный и биосфероцентричный.

Под первым из них в самом широком смысле понимается выживание человечества и способность дальнейшего непрерывного устойчивого долгого развития без кризисов и катастроф. Антропоцентричность предполагает также требование, чтобы будущие поколения имели аналогичные экологические условия и возможности удовлетворения своих потребностей в природных ресурсах в сравнении с нынешними поколениями.

Биосфероцентричный (экологическое) признак обусловлен необходимость сохранения биологической сферы, поскольку она является естественной основой всей жизни на планете, поддержания ее устойчивости и естественной эволюции.

Можно выделить следующие закономерности устойчивого развития [260]. Увеличение численности населения, а также повышение скорости потребления ресурсов не устойчивы. Соответственно, все труднее и проблематичнее привести общество к состоянию устойчивости в связи с ростом численности населения и увеличением скорости потребления ресурсов. Также А.А. Бартлеттом была выявлена обратная зависимость между средним уровнем жизни населения и потенциальной емкостью территории (под последней понимается численность населения, устойчиво существующую на определенной территории). Таким образом, с целью обеспечения желаемого устойчивого уровня жизни населения численность населения должна быть меньше либо равна потенциальной емкости территории.

Бартлеттом А.А. было определено, что затраты, связанные с увеличением численности населения и повышением потребления ресурсов, возлагаются на все общество, а выгоды от этого извлекаются немногими. Следовательно, повышение скорости потребления невозобновимых ресурсов приводит к резкому снижению периода существования остающейся части ресурса. Однако, при значительных вложениях, направленных на увеличение эффективности применения ресурса, приобретаемая выгода сопоставима с дополнительной потребностью в данном ресурсе, которая возникает в связи с приростом населения.

Основываясь на этих рассуждениях А.А. Бартлетт сформулировал гипотезы дальнейшего развития. Из проведенного анализа было установлено, что численность всей планеты превышает её потенциальную емкость. Самой большой угрозой дальнейшего устойчивого развития является увеличение численности населения. При этом программы снижения роста численности населения по своей стоимости малы в сравнении со стоимостью самого увеличения численности населения. Рост населения и уменьшение количества ресурсов приводят к снижению уровня жизни населения, что в основном ложится на плечи бедных. Время, которое требуется для плавного перехода территории к устойчивости, увеличивается сораз-

мерно средней скорости потребления природных ресурсов на душу населения и увеличению численности населения.

Что касается проблем, носящих экологический характер, они не могут быть разрешены путем роста скорости потребления ресурсов. Будет слишком поздно думать об устойчивости, когда нехватка ресурсов и перенаселенность станут явны и бесспорны для большинства людей. К этому времени потенциальность экологической сферы будет уже превышена. Стабильное развитие, конечно, является необходимым условием для устойчивого развития, но при этом не является достаточным.

Устойчивость проявляется, когда система (антропогенная, природная) переходит из одного состояния в другое. И определяется способностью сберегать определенные свойства и характеристики в течение периода времени, противостоя при этом внешним влияниям, приспосабливаясь к ним, не изменяя своих свойств. Устойчивое развитие не предполагает смены таких состояний. Предполагается создание таких условий, которые учитывали бы воздействие всех внешних факторов, и достижение системой такого устойчивого состояния, при котором она не переходила бы уже в другие состояния. Следовательно, важным моментом является установление критериев, которые позволили бы определить наличие стабильности, устойчивости системы, значения пороговых, кризисных состояний. При этом необходимо использование таких показателей, которые охарактеризовали бы изменение качества жизни людей, а не оценку экономических достижений по показателям количественного роста (таких как величина ВВП).

Нужно отметить, что общепринятых, универсальных индикаторов, критериев для определения устойчивости пока нет. Однако рядом авторов предпринимаются попытки выявить и установить один или несколько единых показателей. Среди зарубежных авторов следует назвать систему индикаторов устойчивого развития предложенную С. Муран (табл. 1.3) [269], а среди российских исследователей – систему из 12 ключевых и 19 дополнительных индикаторов, разработанную А.В. Андреевым, Л.М. Борисовой, Э.В. Плучевской [14, с. 329-330].

Таблица 1.3

Состояния развития и критерии устойчивости (по С. Муран)

Индикатор развития	Устойчивое	Критическое	Разрушительное
Рост населения	< 0,5 % в год	1,0-1,5 % в год	> 2,0 % в год
Валовой национальный продукт за год	3 % < ВВП < 5 %	8 % < ВВП < 10 %	ВВП < 0 % ВВП > 10 %
Обезлесение	< 0,1 % в год	0,5-1,0 % в год	> 1 % в год
Относительная площадь лесов	> 30 %	15-20 %	< 10 %
Площадь пашни	> 0,3 га/чел.	0,15 – 0,2 га/чел.	0,1 га/чел.
Обеспеченность собственным зерном	> 90 %	60-70 %	< 50 %
Плотность городского населения	< 50 чел./га	100-150 чел./га	> 200 чел./га
Численность населения города	< 0,5 млн. чел.	> 1млн. чел.	> 10 млн. чел.

Стратегия выживания человечества, как составляющая концепции устойчивого развития, предполагает использование меньшего количества сырья и энергии на единицу продукции при производстве большего количества продукции путем сохранения возобновимых ресурсов, увеличения эффективности производства, утилизации отходов, внедрения технологических новинок. В качестве примера можно привести Японию, которая по сравнению с 1973 г. при аналогичном количестве потребляемой энергии создает на 81 % больше продукции.

Сокращение потребления должно происходить в тех слоях общества, которые имеют высокие доходы, преимущественно это касается развитых стран. Известный американский экономист Герман Дейли рассматривает понятие «справедливо распределять». Он выступает за законодательное использование принципа ограниченной неравности, и против принципа несправедливой, с его точки зрения, насильственной равенности. Принцип ограниченной неравности состоит в том, чтобы соотношение между максимальным и минимальным доходом не превышало 10 (в крайнем случае 20).

Требуется обеспечение перераспределения жизненно важных благ (куда должны быть включены и экологические услуги) между получающими слишком много и потребляющими слишком мало. Можно отметить, что в мире имеется около 400 миллиардеров, их совокупное богатство соотносимо с имуществом 2,5 млрд. наиболее бедных людей.

Несомненно, стратегия устойчивого развития не является совершенной, но при этом она наиболее реалистична в современном мире, и может рассматриваться как основная стратегия выживания. При этом стратегия устойчивого развития требует теоретической и практической проработки на каждом уровне и, прежде всего, региональном.

1.3. Применение принципов устойчивого развития в рамках региональных стратегий

Для реального обеспечения интегрального подхода, объединяющего триаду «природа – население – хозяйство», все более важным становится региональный аспект, который отражает состояние и преобразования территориальных сочетаний природных ресурсов и условий, населения, производства. Однако, как отмечают современные исследователи проблем устойчивого развития, «используемые в настоящее время подходы к управлению макроуровнем российской экономики стали результатом ... исследования национального хозяйства индустриального типа, целостность которого в практическом управлении достигалась локализацией всего комплекса факторов производства в рамках государственных границ... Однако такой подход становится неудовлетворительным в реальных условиях глобализации современного типа...» [155, с. 25-26].

К сожалению, вопросы устойчивого развития регионов проработаны в отечественной литературе недостаточно. Среди основных авторов, работающих в этом направлении, следует назвать, прежде всего, профессоров и преподавателей Академии народного хозяйства им. Плеханова, в работах которых проведен анализ методов и инструментов государственного регулирования устойчивости и устойчивого развития экономики региона [133, с. 46-60], а также сформулированы подходы к оценке резервов устойчивого развития экономики региона [155, с. 28-44].

Другим направлением применения концепции устойчивого развития применительно к мезо-экономическому уровню является анализ стратегий устойчивого развития городов и населенных пунктов [131], но не региона в целом.

Конечно, этого явно недостаточно. Необходимо более широкое и повсеместное распространение идей устойчивого развития в региональных сообществах, построение региональных стратегий и планов развития на основе принципов устойчивого развития. Значимость регионального аспекта стратегии достижения устойчивости развития в методологическом и практическом плане определяется тем, что прогрессивное развитие России в целом возможно лишь при стабильном, гармоничном и устойчивом развитии всех регионов и обеспечении необходимых взаимосогласованных, сбалансированных межрегиональных отношений.

Генеральное направление регионального развития заключается в максимальном усилении собственной экономической базы в каждом из субъектов Федерации путем структурной перестройки их хозяйства, адекватной требованиям рыночной экономики и платежеспособного спроса на продукцию предприятий региона и учитывающей весь комплекс научно обоснованных экологических требований.

Регионы являются по своей сути интегральными образованиями, обладающими определенным единством природных, хозяйственных и социальных компонентов и поэтому напрямую заинтересованы в пропорциональном сбалансированном развитии и использовании всех этих компонентов.

Опора на регионы, являющиеся естественными выразителями интегрального подхода и заинтересованные в сбалансированном развитии всей системы «природа – население и хозяйство», будет способствовать преодолению недостаточного в нынешних условиях узко экономического подхода к постановке и решению проблем развития, к определению их приоритетности, к оценке эффективности различных хозяйственных и социальных мероприятий. В региональной политике надо будет все больше руководствоваться не только чисто экономическими, но и более комплексными критериями, соответствующими требованиями устойчивого сбалансированного развития.

При всем при этом, следует учитывать двойственный характер региона как экономического объекта. С одной стороны, он представляет собой отно-

сительно самостоятельную экономическую подсистему со своим ресурсным и экономическим пространством. С другой стороны, регион (как субъект Федерации) – это часть национальной экономики и его функционирование связано с участием в формировании единого экономического пространства.

Бизнес, расположенный в конкретном регионе (как, впрочем, и крупные межрегиональные корпорации), для своего развития использует как региональные, так и федеральные ресурсы. В связи с чем свою деятельность он должен проводить в рамках действующих федеральных и региональных институтов, в том числе согласовывая свои решения, если они влияют на экономическую среду региона, с властными структурами – как на региональном, так и на федеральном уровнях.

В регионах сосредоточен основной производственный, интеллектуальный, технологический, гуманитарный потенциал страны. Поэтому, попытки общенациональной модернизации и обеспечения опережающего экономического роста должны проводиться с выдвиганием региона на первый план.

Необходимо, с одной стороны, учитывать специфику каждого региона, а с другой – выстраивать общий, результирующий вектор государственного развития. Это обуславливает необходимость приоритетного решения местных проблем и формирования действенной системы социально-экономического и политического представительства региональных интересов на общегосударственном уровне.

Региональный контекст должен стать ключевой детерминантой государственной политики. Тогда национальные интересы будут иметь реальное социально-экономическое, политическое и культурное содержание.

Любые преобразования или реформы будут успешными только в том случае, если их результатом является реальное улучшение жизни большинства граждан. Поэтому формат национальной стратегии изначально должен быть региональным, учитывающим местные потребности, специфические интересы людей проживающих на данной территории.

При этом все более настоятельным становится необходимость объединения процессов вхождения России в мировое сообщество с процессом реализации положений и принципов концепции устойчивого развития. Переход России на принципы устойчивого развития предполагает изменение ключевых подходов к использованию ресурсов и факторов производства, максимального задействования резервов устойчивого развития экономики страны в целом и ее отдельных регионов, дальнейшее структурирование и углубление демократии, появление в будущем ее новой формы, которая позволит более эффективно реализовать новый путь развития.

Однако современное состояние демократических институтов в России не дает возможности однозначно прогнозировать их динамику в аспекте устойчивого развития. С одной стороны, демократизация социальной жизни повышает роль негосударственных организаций и граждан в подготовке важных решений в области охраны окружающей среды (не случайно

именно экологические движения одними из первых включились в демократический процесс). Реформы создают предпосылки для выхода на путь устойчивого развития, и позволяют сформулировать новую идею и стратегию развития, открывающую путь к согласованию интересов власти, общества и к сохранению природной среды. С другой стороны, в настоящее время реальная ситуация такова, что проблема охраны и защиты окружающей природной среды, будучи в прошлом одной из приоритетных проблем, сейчас оказалась на периферии приоритетов. Властным структурам необходимо осознать, что стратегия развития немыслима без органичного синтеза устойчивого развития, цивилизованной демократии, защиты природной среды; и что эти три элемента не могут существовать и развиваться отдельно друг от друга.

Такое противоречие между существующей практикой регионального развития и стратегическими потребностями общества в значительной степени обусловлено слабым распространением в обществе и органах государственного управления положений и принципов концепции устойчивого развития.

Итак, что касается внедрения принципов устойчивого развития в управление регионом, то речь идет о формировании и становлении в будущем такой «социо-природной системы региона», которая разрешила бы совокупность противоречий, способных привести к экономическим, социальным и экологическим катастрофам. Среди этих противоречий можно назвать следующие:

- между окружающей средой и обществом;
- между экономикой и экологией;
- между интересами отдельных территорий;
- между существующими сейчас и будущими поколениями;
- между бедным и богатым населением;
- между имеющимися стереотипами потребления и разумным производством и потреблением и т.п.

На саммите ООН по вопросам окружающей среды и развития, который состоялся в 1992 г., были обозначены принципы устойчивого развития, рекомендованные для применения при создании национальных и региональных стратегий¹.

Согласно данным принципам целью социально-экономического развития является улучшение и усовершенствование качества жизни населения (улучшение здоровья, получение необходимого образования, увеличение продолжительности жизни и т.п.) отдельных стран и регионов, а также обеспечение возможностей удовлетворения основных материаль-

¹ В дальнейшем эти принципы были развиты на Всемирной встрече по устойчивому развитию 26 августа – 4 сентября 2004 года в Йоханнесбурге, в результате чего концепция устойчивого развития получила целый ряд новых аспектов и составляющих ее элементов.

ных и духовных потребностей современных и будущих поколений без разрушения окружающей среды.

Природная среда региона в таком контексте рассматривается в качестве неотъемлемой части устойчивого развития и без отрыва от него. Следовательно, устойчивое социально-экономическое развитие региона в качестве базы должно ориентироваться на приоритеты улучшения и стабилизации окружающей среды, сохранении и приумножении устойчивости биологической сферы и биологического разнообразия. Улучшение качества жизни людей в регионе не должно выходить за рамки ограничений существующей потенциальной емкости экологической системы, иначе возможно ее разрушение.

Рациональное использование региональных ресурсов подразумевает:

- неистощительное использование возобновляемых ресурсов;
- максимально возможное уменьшение потребления невозобновляемых ресурсов и расширенное использование вторичных ресурсов;
- безопасная утилизация, обезвреживания и захоронение отходов, разработка для этих целей соответственных технологий.

Необходимо стремиться к отказу от использования опасных с экологической точки зрения и нерациональных в экономическом плане моделей потребления ресурсов и производства продукции. В единстве должны рассматриваться экономическое, социальное, экологическое развитие региона и его безопасность. Необходимо обеспечить значительное углубление взаимосвязи экологии и экономики, сформировать экологически ориентированную экономическую системы развития, которая обеспечит взаимодействие биологической сферы и человеческой жизнедеятельности, усовершенствование структуры личного потребления.

Следовательно, в рамках региональной и межрегиональной политики во все возрастающем объеме должна присутствовать направленность на воссоздание нарушенных экологических систем, принятие усилий по разработке и введению в действие эффективных законов, призванных защищать окружающую среду.

В социальном плане устойчивое развитие региона предусматривает осуществление и поддержку демографической политики, которая обеспечит рациональное расселение населения и общую стабилизацию численности. В программах регионального развития должны быть сформулированы такие цели, как искоренение нищеты, бедности, снижение имущественного и материального неравенства, сглаживание уровней жизни населения региона.

Также для достижения устойчивого развития региона следует добиться демократизации регионального сообщества и соблюдения принципов правового государства, рыночного хозяйства и гражданского общества.

Требованием внедрения принципов устойчивого развития региона является и широкое применение принципа предосторожности с целью предупреждения ухудшения состояния региональной природной среды, при-

нятия превентивных мер по недопущению катастроф в экологическом плане. Необходимо распространение и поддержание в региональном сообществе экологического мировоззрения с целью переориентирования систем воспитания, обучения и образования на принципы устойчивого развития, внедрения и расширения новых моральных ценностей.

В общем виде взаимосвязь различных аспектов устойчивого развития региона представлена на рис. 1.2, а основное содержание этих аспектов приведено в табл. 1.4.

Рис. 1.2. Аспекты устойчивого развития региона

Таблица 1.4

**Основное содержание ключевых аспектов
устойчивого развития региона**

Элемент	Содержание
Политико-правовой аспект	а) развитая современная демократия, т.е. народовластие, конституционная власть, правовое государство, подлинно гражданское общество, б) система разумного законодательства и налогообложения; в) социальная справедливость (достойная плата за труд, строгое соблюдение прав человека); г) обеспечение свободы и равенства всех людей перед законом; д) единство патриотизма и интернационализма, дружба народов, взаимная ответственность гражданина и общества; е) координация правительственных и общественных структур в обеспечении ноосферного развития общества.
Экономический аспект	а) разумное сочетание государственной, общественной и частной собственности в народном хозяйстве, цивилизованная товар-рыночная экономика; б) демополизация и свободная конкуренция производителей и продавцов; в) производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, культурных благ в достаточном количестве для удовлетворения основных жизненных потребностей всех жителей планеты; г) эффективные и гуманные средства стимулирования полезной деятельности человека.

Продолжение табл. 1.4

Элемент	Содержание
Экологический аспект	а) обеспечение взаимосвязи эволюции биосферы и социума, создание и сохранение относительной гармонии между природой и человеком; б) сохранение и поддержание на требуемом уровне возможностей для нынешнего и будущих поколений удовлетворять свои основные жизненные потребности; в) разработка и реализация на практике способов эффективного и рационального потребления природных ресурсов; г) обеспечение безопасности развития с экологической точки зрения; д) разработка и внедрение малоотходного и в будущем безотходного производства, широкое развитие биотехнологии; е) поэтапный переход от сжигания органического топлива к альтернативным способам получения энергии на основе использования возобновимых источников – ветер, солнце, подземное тепло, вода и пр.; ж) совершенствование административных, экономических и правовых методов защиты природы; з) постоянная забота о сохранении видового многообразия биосферы; и) систематическая эколого-воспитательная работа среди населения, особенно молодежи, что должно привести к формированию бережного отношения граждан к природе, как к своему собственному дому; к) разработка и неукоснительное соблюдение требований эколого-нравственного кодекса.
Социальный аспект	а) искоренение голода и нищеты; б) забота о детях и пожилых людях, больных и калеках; в) дошкольное и школьное общее образование, воспитание детей и подростков; г) развитие широкой и общедоступной сети профессиональных средних и высших учебных заведений.
Информативный аспект	а) высокий уровень развития науки, техники и их воплощения на практике; б) широкое распространение народного образования и средств массовой информации (СМИ), их правдивость; в) кибернетизация и информатизация всего народного хозяйства и культуры; г) массовое применение электронных средств в идеологической работе, в частности в пропаганде успехов стратегии устойчивого развития, в критике фактов ее недооценки; д) выдвижение на приоритетное место информационных ресурсов перед естественно-энергетическими; е) преодоление отставания сознания от бытия, развитие у людей способности научного предвидения.

Сущностью перехода к устойчивому развитию является снижение антропогенного воздействия на экосферу региона, органичное и гармоничное сосуществование человека и природы неопределённо долгий период времени. А основные проблемы на пути перехода к устойчивому развитию – это в первую очередь проблемы управления данным процессом.

Усиление регулирования и управления требуется в тех случаях, когда происходит изменение целей развития. Реализация соответствующих задач возможна, если будут приняты определённые управленческие решения и совершены конкретные действия властных структур, которые в современных условиях приходится принимать опережающе в условиях неопределённости и риска. Необходимость принятия рационального преду-

преждающего решения, которое оптимизирует существующее и будущее развитие общества, обеспечит его взаимодействие с окружающей средой, приводит к необходимости качественных изменений под влиянием целей и принципов устойчивого развития.

Таким образом, противоречия, возникающие между актуальными интересами и потребностями нынешнего поколения, а также будущих поколений и интересами природы, можно разрешить на основе применения принципа предосторожности или упреждения¹. Управление региональным развитием должно происходить именно на его основе.

Согласно концепции устойчивого развития и в соответствии с продекларированным в Рио-де-Жанейро принципом упреждения (предосторожности), необходимо постепенно исключать стихийные процессы во всех сферах человеческой деятельности. Но для этого следует предварительно сконструировать образ этого будущего желаемого состояния и сформулировать цели устойчивого и стабильного развития региона в каждой области человеческой жизнедеятельности.

В целом управленческие и организационные действия по достижению российскими регионами устойчивого состояния должны содержать следующие общие функции:

- стимулирование существующих механизмов и тенденций, способствующих переходу к устойчивому состоянию;
- использование региональных механизмов управления, тормозящих и в дальнейшей перспективе исключающих события, явления, процессы, угрожающие процессу достижения новых цивилизационных целей.

В целом следует отметить, что управление устойчивым развитием, в отличие от современной модели, должно быть опережающим и основываться на тщательно продуманных долгосрочных программах. При этом управление не должно сводиться к простому регулированию (разве что на заключительном этапе перехода к устойчивому развитию). Предупреждающий характер должна иметь и законодательно-правовая база, которая будет разрабатываться и развиваться на глобальном, национальном и конечно региональном уровнях.

Приложение принципа опережающих действий (предосторожности), согласно «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», возможно за счет разработки системы прогнозных и программных документов:

- создание стратегии действий, имеющей долгосрочный характер;
- долгосрочное, среднесрочное и краткосрочное прогнозирование, основывающееся на прогнозах изменений природной среды и отдельных экологических систем из-за осуществления хозяйственной деятельности.

¹ Принцип предосторожности или упреждения был сформулирован и утвержден на саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Важным моментом перехода к устойчивому развитию является проблема финансового обеспечения. Без финансирования данного процесса его осуществление невозможно. При этом имеющиеся в регионе и возникающие издержки от накопления отходов, загрязнения природной среды и истощения региональных ресурсов не должны переноситься на другие регионы и страны, а также на будущие поколения. Эти расходы следует трактовать как инвестиции в будущую экономику.

Достижение устойчивого состояния в региональном развитии должно базироваться на существующей в настоящий момент экономике, которая должна быть преобразована и реструктурирована под перспективные цели развития. Факторы, влияющие на переход к требуемому экологическому, экономическому и социальному состоянию, должны быть интернализированы.

Закономерно, что новая модель существования и развития региона должна рассматриваться в социальной, экономической, а также экологической системе координат. Поэтому задача сочетания и соединения законов развития экономики и законов развития биологической сферы выходит на первый план. Сохранение биосферы и биотической регуляции, стабилизация природной среды должны быть современными «аксиомами». Главным принципом любой человеческой деятельности должно стать действие в рамках «хозяйственной», потенциальной емкости экосферы.

Системный характер будущей стратегии устойчивого развития региона предполагает создание единой сбалансированной системы, включающей экономику, экологию и социальную сферу. Главной является обеспечение перехода региона к устойчивому развитию, а затем и всей страны совместно со всей мировой цивилизацией. Стратегия перехода к устойчивому региональному развитию нацелена на реализацию следующих целей:

- развитие социальной активности граждан, достижение рационального и требуемого уровня качества жизни населения региона, обеспечение равноправных возможностей в получении медицинской помощи и образования, повышение средней продолжительности жизни, планирование семьи, рационализация структуры и масштабов личного потребления, социальная защита пожилых людей, инвалидов и иных социально уязвимых групп населения;
- хранение и поддержание естественных экологических систем в рамках регионального и межрегионального пространства, стабилизация и улучшения качества природной среды, уменьшение выбросов и сбросов опасных и вредных веществ в атмосферу и водные объекты, уменьшение создаваемых отходов, в особенности токсичных, организация их утилизации и переработки;
- формирование новой этики хозяйствования путем создания осмысленного отношения к экосфере, соблюдения закономерностей ее развития, а также следующих из них запретов и ограничений;

- создание экологически и социально эффективной региональной экономики, которая обеспечит требуемый уровень жизни населения, позволит быстро адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры и экологической обстановки, повысит конкурентоспособность экономики региона и его отдельных предприятий; создание этики эффективного и рационального хозяйствования, разумного потребления и использования природно-ресурсного потенциала, здорового образа жизни.

В этих условиях повышаются роль и значение региональных властных структур в качестве гаранта обеспечения перехода к устойчивому состоянию и дальнейшему сбалансированному развитию. Сохранение и поддержание окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности обусловлено эффективностью государственного контроля и управления в сфере охраны природы. Необходимо сбалансированное решение вопросов социально-экономического развития, обеспечение благоприятной окружающей природной среды, сохранение природно-ресурсного потенциала региона.

Для различных юридических лиц, социальных групп и отдельных граждан должны быть сформированы условия, которые обеспечат заинтересованность в решении проблем перехода к региональному устойчивому развитию.

Формирование устойчивой социально-экономической системы должно базироваться на принципах устойчивого развития, основными из которых являются:

- улучшение качества жизни;
- гарантированное здоровье людей;
- удовлетворение основных жизненных потребностей как современного населения, так и будущих поколений;
- борьба с бедностью;
- рациональные структуры производства и потребления;
- рациональное природопользование;
- сохранение экосистем, защита климата и озонового слоя;
- обеспечение экологической безопасности;
- устранение всех форм насилия над человеком и природой (предупреждение войн, терроризма и экоцида).

Разработка соответствующих региональных программ развития с территориальной конкретизацией позволит непосредственно сориентироваться на использование имеющихся региональных предпосылок для стабилизации и улучшения социально-экономического положения.

Таким образом, для продвижения России к устойчивому развитию необходима разработка и реализация последовательной и эффективной экономической, инвестиционной, экологической и региональной политики.

Переход к устойчивому развитию – сложный и длительный процесс, который затрагивает фактически весь комплекс проблем долгосрочного развития как страны в целом, так и её отдельных регионов.

При этом стратегия регионального развития в условиях федеративно-го государства не должна и не может сводиться к стратегии управления региональным развитием со стороны федерального центра. Очевидно, что государство должно иметь свою стратегию, в первую очередь в плане пространственного и отраслевого развития. Сложившаяся мировая практика признает за государством региональную политику, направленную на поддержание, прежде всего, депрессивных и проблемных регионов, при этом стратегия развития благополучных регионов является прерогативой самих регионов.

Таким образом, успех выработки и реализации российской стратегии устойчивого развития значительно определяется ее региональной конкретизацией и взаимоувязкой со стратегиями территориального социально-экономического развития России. Идеи устойчивого развития соответствуют современным объективным требованиям и способны оказать решающее воздействие на будущее развитие стран по всему миру, в том числе и России. Стремление к устойчивости имеет большое значение при определении путей дальнейшего реформирования страны, установлении государственных и региональных приоритетов, формировании стратегии социально-экономического развития.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

2.1. Инновационная система и региональная безопасность

В последнее десятилетие много внимания уделяется тому, что инновации становятся одним из наиболее эффективных методов укрепления конкурентоспособности хозяйствующих субъектов на всех иерархических уровнях: национальной экономики, регионов, отдельного предприятия. Формирование инновационной экономики в России позволит не только уменьшить зависимость социально-экономического развития от конъюнктуры нефтегазового комплекса, но и повысит статус страны на мировой арене, принимая во внимание то, что зарубежные страны основывают свою политику на расширении инновационной сферы. Более того, основываясь на мировом опыте, можно утверждать, что инновационная активность позволит укрепить народнохозяйственный комплекс и повысить уровень жизни населения.

Учитывая специфику государственного устройства России, развитие экономики страны во многом зависит от того, насколько развиты отдельно взятые регионы, насколько эффективно каждый из них формирует свой потенциал и насколько полно его использует. В современных условиях развитие региона не может происходить без использования инноваций, поэтому, в первую очередь, усилия региональных властей должны быть направлены на развитие инновационной сферы.

Мировой финансово-экономический кризис поставил на повестку дня важный вопрос, касающийся обеспечения национальной безопасности. В этом аспекте и учитывая российскую специфику регионов (большую территорию, географические, исторические особенности и т.д.) возникает актуальность формирования системы региональной безопасности, как составного элемента укрепления конкурентоспособности региона. Среди структурных элементов региональной безопасности нас будет интересовать, в первую очередь, экономическая безопасность.

На основе существующих подходов к пониманию национальной безопасности под региональной безопасностью можно понимать показатель

состояния населения выбранной территории, означающий, что совокупное действие внутренних и внешних вредных факторов не может значительно снизить качество ее жизни и не создаст угрозу ее существованию [175]; защищенность конституционными, законодательными и практическими гарантиями жизненно важных (территориальная целостность региона, особенности воспроизводства населения, уровень государственно-исторического, экологического самосознания населения, его культура и образование, экономическое и социальное благополучие, психическое и физическое здоровье человека, создание условий для достойного существования будущих поколений) и геополитических интересов населения региона (Россия на сегодняшний день в этом плане считается самодостаточной) [186].

Термин национальной безопасности зародился в американской экономике. Анализ проблем национальной безопасности в США имеет доктринальный характер. Доктрина национальной безопасности в США – это интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления тенденциями, реальными и прогнозируемыми, для защиты постоянных интересов общества и государства [176]. На основе данной доктрины можно представить построение региональной безопасности (см. рис. 2.1).

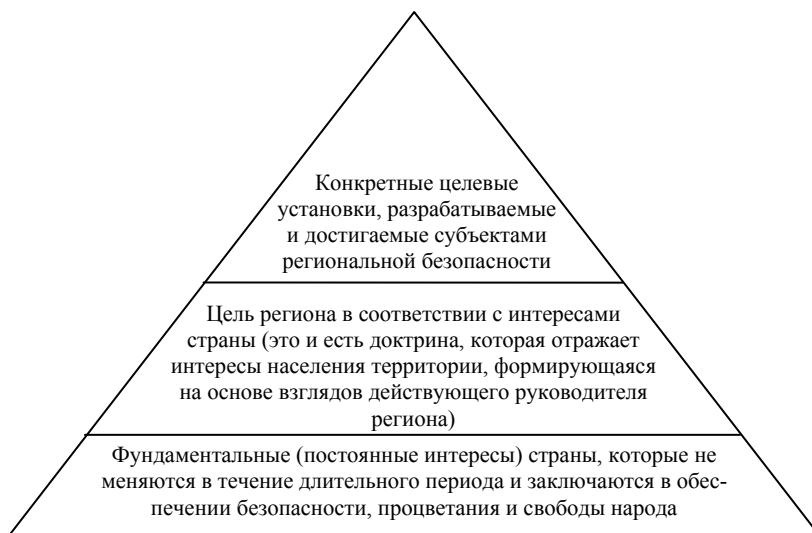

Рис. 2.1. Структура региональной безопасности

Региональная безопасность включает в себя все сферы жизнедеятельности общества территории, в которых проявляют себя внешние и внутренние опасности и угрозы: экономическую, оборонную, информацион-

ную, социальную, политическую, духовно-нравственную. По каждому выделенному направлению необходимы свои специфические мероприятия в зависимости от особенностей той или иной сферы. Региональная экономическая безопасность занимает важное место в структуре региональной безопасности, так как говоря о благополучном или неблагоприятном развитии определенной территории судят, в первую очередь, по таким экономическим показателям, как: валовый региональный продукт в абсолютном и относительном выражении, объем продукции определенных отраслей и т.д., поэтому от развитости экономического сектора безопасности будет во многом зависеть развитие всех остальных составляющих: экологической безопасности, демографической безопасности и др. (см. рис. 2.2).

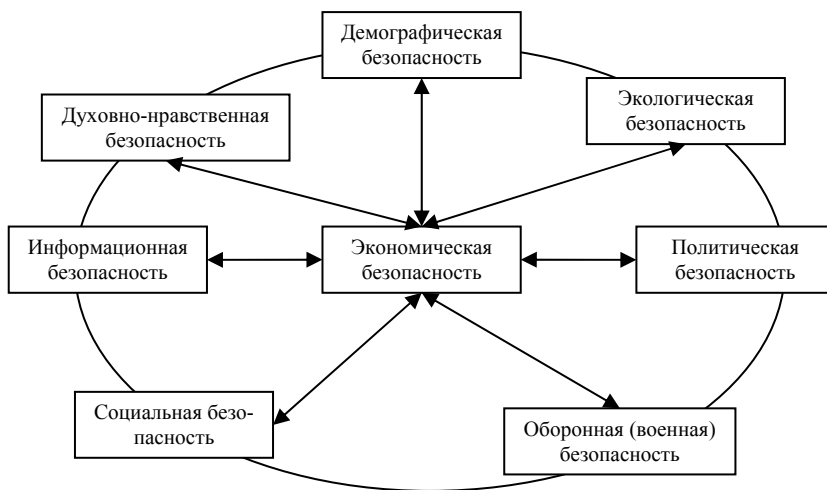

Рис. 2.2. Структура региональной безопасности

С учетом существующих подходов к экономической безопасности, под региональной экономической безопасностью будем понимать следующее: состояние экономики региона и его институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита региональных интересов, социальная направленность стратегии регионального развития даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов; стабильность и устойчивость региона, способность его экономики к постоянному обновлению и самосовершенствованию.

Сущность экономической национальной безопасности реализуется через систему критериев и пороговых значений. Несоответствие фактических пороговых значений тем значениям, которые имеет страна в данном случае влечет за собой проблемы не только в развитии экономики, но и по

всем направлениям жизнедеятельности человека, поэтому расчет критериев определяется постоянно для того, чтобы оценить насколько национальная экономическая безопасность соответствует тому уровню, который считается оптимальным для страны [173, с. 814]. Среди пороговых значений показателей экономической безопасности для России можно использовать те из них, которые выражены относительными величинами и подходят для регионального уровня (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Пороговые значения показателей региональной
экономической безопасности**

№	Показатели	Пороговые значения
1.	Объем ВРП	*
2.	Инвестиции в основной капитал, % ВРП	25
3.	Расходы на гражданскую науку, % ВРП	2,0
4.	Доля инновационной продукции во всей промышленной продукции, %	15
5.	Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве, %	25
6.	Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всем населении, %	7
7.	Соотношение среднедушевых доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения, разы	8
8.	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, разы	3,5
9.	Уровень безработицы по методологии МОТ, % экономически активного населения	5,0
10.	Уровень инфляции, %	125
11.	Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов, %	25
12.	Отношение прироста полезных ископаемых к объемам погашения их в недрах, %	125

* Требуется дополнительных исследований.

Однако, возвращаясь к теме инноваций и говоря о том, что стратегия развития региона может быть эффективной только в случае, если она базируется на развитии инновационной сферы, наиболее актуальным будет рассмотрение структуры национальной экономической безопасности с учетом развития инновационной деятельности в исследуемом регионе.

Инновационная составляющая в структуре региональной экономической безопасности по аналогии с национальной экономической безопасностью занимает место ядра, так как, с одной стороны, развитие инновационной деятельности может происходить только с учетом определенного уровня, который должен быть достигнут в отношении развития всех остальных сфер, с другой стороны, активная позиция в инновационной деятельности способствует развитию всех составляющих региональной экономической безопасности в отдельности, а также экономики региона в целом (см. рис. 2.3).

Рис. 2.3. Структура региональной экономической безопасности [35]

Очевидно, что регион не может развиваться во всех направлениях жизнедеятельности общества, потому что существует ограничение в виде различных ресурсов, которое позволяет функционировать любой экономической системе только в условиях Парето-эффективности. Инновационная позиция по таким же причинам будет более активна в одних секторах и менее в других. Предполагается, что инновационная деятельность должна приносить намного большую выгоду по сравнению с обычными инвестициями, однако, еще одним отличием инноваций является то, что появление дополнительных рисков приводит к тому, что просчитать весь эффект в условиях инновационного проекта не всегда удастся.

Более того, в каждом конкретном случае, прибыль и положительный социальный эффект не всегда являются результатом инвестиций в инновационный сектор. Придя к пониманию того, что инновации являются на сегодняшний день самым действенным инструментом PR-компаний, во многих регионах понятие инноваций используется повсеместно, часто не предусматривая истинное значение данного явления. Примером могут являться многие проекты регионального значения, в том числе и в Пермском крае.

2.2. Инновационная инфраструктура и эффективность инноваций

В последнее время появляется достаточно много работ, затрагивающих важную тему определения эффективности инноваций и реальной их

значимости. Можно выделить работу, автор которой подразделяет инновации на интенсивные и экстенсивные в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации общественного воспроизводства [108]. При этом под экстенсификацией понимается количественное изменение ресурса с целью увеличения выпуска продукции, а под интенсификацией эта же цель достигается за счет экономии используемых материалов. Таким образом, ресурсосберегающим направлением интенсификации является реализация мероприятий, при которой осуществляется экономия стоимости используемых ресурсов.

Причем автором подчеркивается, что в разных регионах могут быть различного рода направления интенсификации: на дальнем Востоке и на Севере России предлагается сделать упор на трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской, Челябинской областях, Удмуртской Республике – считается актуальным выбрать фондосберегающее направление интенсификации; Белгородской области – материалосберегающее направление, учитывая высокую развитость металлургической и горнодобывающей отраслей промышленности. Таким образом, регион может выбирать направление развития инновационной сферы, опираясь в своем выборе на предложенную классификацию, поскольку интенсификация является важнейшим фактором роста социально-экономической эффективности конкурентоспособности хозяйствующего субъекта.

Система показателей интенсификации производства, по мнению автора, включает две группы: первая – это показатели, характеризующие факторы интенсификации производства, к которым относятся: НТП, концентрация, специализация, комбинирование и кооперирование, совершенствование отраслевой и территориальной структуры, совершенствование управления, планирования и организации производства и т.д. Вторая – отражающие результаты действия этих факторов, а именно: темп роста и прироста производительности труда, показатели абсолютного и условного высвобождения рабочей силы за счет тех или иных факторов, показатели фондоотдачи и фондоемкости в динамике, показатели экономического эффекта от различных факторов интенсификации производства, а также прирост прибыли от внедрения мероприятий НТП и др.

Среди важных показателей в последней группе выделяется показатель, отражающий долю продукции, получаемой за счет факторов интенсификации производства, который определяется через производственную функцию, являющуюся простейшей двухфакторной моделью экономического роста:

$$П = A \times \Phi_t^\alpha \times Q_t^\beta$$

где $П$ – объем продукции (валовой, товарной, чистой и др.) в году t ;

A – показатель приведения к единому масштабу продукции, затрат фондов и труда, учитывающий влияние на рост объема продукции не учтенных в модели факторов;

Φ_t и Ψ_t – соответственно объем производственных фондов и затрат живого труда;

α и β – показатели эластичности роста продукции в зависимости от роста производственных фондов и живого труда.

Если оказывается, что $\alpha + \beta > 1$, то это означает, что происходит повышение эффективности общественного производства за счет факторов интенсификации производства. В этом случае для того, чтобы определить долю продукции, получаемой за счет интенсивных факторов, строится модель:

$$\Pi = A\Phi^\alpha\Psi^{1-\alpha}e^{kt}$$

где e^{kt} – характеризует рост объема продукции за счет повышения эффективности используемых производственных ресурсов.

Далее описывается доля интенсивных факторов:

$$D_{инт} = \frac{K}{\alpha f + (1 - \alpha)m + K}$$

где K , α – коэффициенты в модели;

f и m – среднегодовые темпы прироста производственных фондов и затрат живого труда.

Учитывая различные направления интенсификации производства: трудосберегающее, фондосберегающее и т.д., наряду с «общетраслевыми» показателями, характеризующими процесс интенсификации отраслевого производства, используются и специфические показатели, для изучения какого-то определенного направления интенсификации.

Предложенный методический подход позволяет количественно оценить в структуре инноваций долю тех, которые способствуют усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, и тех, которые способствуют процессу экстенсификации или, иначе говоря, инновации интенсивного и экстенсивного типа. По мнению автора, для реализации качественных сдвигов в развитии экономики региона большое значение имеет формирование новых подходов к осмыслению и объяснению сущности процесса интенсификации общественного производства и дальнейшего развития системы рыночных производственных отношений.

Таким образом, опираясь на данный подход, можно выбрать направление, в котором развитие региона может быть успешным и позволит ему повысить конкурентоспособность по сравнению с другими территориями.

Уровень развития инновационной составляющей региональной экономической безопасности предлагается определять через инновационную конкурентоспособность, под которой понимается приобретение конкурентных преимуществ по сравнению с другими регионами за счет использования инноваций, где инновация представляет собой материализованный результат, полученный от вложения капитала в новую технику или технологию, в новые формы организации производства, труда, обслуживания и управления, включая новые формы контроля, учета, методы планирования, приемы анализа и т.п.

На сегодняшний день чаще всего уровень инновационности региона рассматривается через уровень инновационной активности предприятий, который, в свою очередь, определяется через показатель удельного веса инновационно-активных предприятий. При этом под инновационно-активными предприятиями понимаются организации, осуществляющие разработку и внедрение новых или усовершенствованных продуктов, технологических процессов и иные виды инновационной деятельности [135].

В свою очередь, инновационно-активные предприятия могут быть разделены на группы в зависимости от вида выполняемой ими инновационной деятельности, а также от направлений осуществляемых затрат в инновационной сфере: исследования и разработки; приобретение новых технологий, а также прав на патенты и патентные лицензии; выполнение производственных проектно-конструкторских работ; приобретение программных средств; обучение и подготовка персонала; маркетинговые исследования; приобретение машин, оборудования, установок, прочих основных фондов, связанных с внедрением инноваций; прочие виды инновационной деятельности.

В зависимости от удельного веса данных предприятий в общем числе предприятий региона, отечественные исследователи говорят об уровне инновационной активности отдельного региона.

Помимо этого, в отечественных исследованиях по инновационной проблематике для количественной и качественной оценок уровня инновационной деятельности предприятий регионов применяются такие показатели как: доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции; объем затрат на исследования и разработки; удельный вес затрат на технологические инновации в объеме продукции, отгруженной предприятиями; количество внедренных предприятиями новых технологий; количество созданных передовых технологий; доля инновационно-активных предприятий в общем количестве предприятий и ряд других.

Недостатком всех этих показателей является невозможность формирования инновационной политики развития региона на их основе, т.к. отсутствует зависимость между принимаемыми региональными властями мерами и статистическими расчетами. Более того данные показатели не информируют о комплексном развитии региона, не позволяя сделать вывод о том, какие сферы требуют дополнительного регулирования и дотаций.

Предлагается использовать показатель региональной инновационной конкурентоспособности, который устраняет большинство из перечисленных недостатков. Основой для расчета данного показателя послужила методика, используемая Европейским Союзом для анализа инновационной деятельности [213]. Региональная инновационная конкурентоспособность рассчитывается на основе двенадцати переменных:

1. удельный вес работников с высшим образованием в общем числе занятых в регионе (данный показатель является одним из важнейших, потому что отражает общий уровень имеющихся навыков и знаний, напрямую влияющих на принятие и внедрение инноваций);
2. удельный вес предприятий, на которых осуществляются обучение и подготовка персонала, связанных с инновациями, в общем числе предприятий, функционирующих в регионе (значимость этого показателя в том, что от него зависит формирование инновационного культуры, способствующего устранению сопротивления инновациям);
3. удельный вес расходов на исследования и разработки в общем объеме годовых расходов региона (данный показатель отражает расходы, осуществляемые на первых стадиях инновационного процесса);
4. удельный вес предприятий, получающих государственные субсидии на инновации, в общем числе предприятий в регионе (финансовая поддержка развития инновационной сферы со стороны государства является значимым фактором, потому что недостаток финансовых средств, учитывая масштабность инвестиций в этой области и длительный срок окупаемости вложений, в наибольшей степени тормозит инновационный процесс. Чаще всего, государственные субсидии рассматриваются отдельно по иерархическим уровням предоставления финансовых средств: федеральный, региональный);
5. удельный вес предприятий, внедряющих инновации, в общем количестве предприятий в регионе (данный показатель отражает наличие инновационно-активных предприятий в регионе);
6. удельный вес малых и средних предприятий в регионе, сотрудничающих с другими предприятиями по вопросам научно-технического развития, в общем количестве малых и средних предприятий в регионе (данный показатель учитывает те малые и средние предприятия которые имели какие-либо соглашения о сотрудничестве по инновациям с другими предприятиями или учреждениями. С его помощью оценивается степень, в какой малые и средние предприятия вовлечены в инновационное сотрудничество. Кроме того, этот показатель характеризует поток знаний меж-

ду исследовательскими институтами и предприятиями. Ограничение данного показателя малым и средним бизнесом связано с тем, что почти все крупные предприятия, тем или иным образом, вовлечены в инновационное сотрудничество);

7. удельный вес расходов на инновации в общих расходах в регионе (развитие инноваций зависит от инновационного климата, сформировавшегося в регионе, который напрямую зависит от участия региональных властей в становлении инновационной институциональной системы);
8. удельный объем продаж продукции, подвергшейся значительным технологическим изменениям или вновь внедренной в общем объеме продаж в регионе;
9. удельный вес объема продаж продукции, подвергшейся усовершенствованиям в общем объеме продаж в регионе;
10. удельный вес предприятий в регионе, которые патентуют свои изобретения, в общем числе предприятий в регионе;
11. удельный вес предприятий, использующих новые торговые марки, в общем числе предприятий в регионе;
12. удельный вес предприятий, использующих регистрацию частей проекта, в общем числе предприятий в регионе.

Последние шесть показателей поделены в зависимости от существующих видов инновационной деятельности, которые фиксируются в соответствии с методиками, принятыми в России.

Количественная оценка этих показателей позволяет оценить насколько развиты сферы, которые напрямую взаимодействуют с инновационной деятельностью, проанализировать, где есть упущения и сформировать региональную политику, направленную на развитие тех факторов, которые доступны, с точки зрения, возможностей региона, и имеют наибольшее влияние на сводный показатель.

Обобщающий (интегральный) показатель отражает уровень развития инновационной сферы в целом по региону, дает характеристику инновационной конкурентоспособности в каждом из регионов, позволяет сравнивать развитие хозяйствующих субъектов между собой, а также оценить значение каждого параметра в отдельности в сравнении с другими регионами и проанализировать правильность региональной политики в сфере инновационного развития.

Таким образом, региональная политика региона не только формируется исходя из количественной оценки факторов инновационной конкурентоспособности и общего показателя, но и дальше корректируется с учетом статистических расчетов. Система мониторинга является неотъемлемой частью общей системы управления любой социально-экономической структурой, в том числе регионом. Основная целевая функция мониторинга – информационное обслуживание системы управления регионом в различных областях деятельности.

В наиболее общем виде мониторинг трактуется как постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным предложениям, включающее наблюдение, оценку и прогноз состояния контролируемой системы, а также определяется как непрерывное слежение за состоянием системы с целью предупреждения нежелательных отклонений по важнейшим параметрам ее функционирования. Таким образом, мониторинг представляет собой сложный специфический вид управленческой и научно-исследовательской деятельности, включающий информационную, диагностическую, научную, прогностическую функции, реализация которых осуществляется в рамках общей управленческой деятельности, с помощью соответствующих подсистем и механизмов осуществления. Для каждой из сфер деятельности и направлений управления мониторинг имеет свои особенности организации. Особую сложность представляет создание и организация мониторинга инновационной сферы, что обусловлено самой спецификой инновационной деятельности.

К основным особенностям инновационной деятельности, оказывающим влияние на создание системы ее мониторинга относятся следующие.

Во-первых, инновационная деятельность весьма динамична, рискованна, а ее элементы находятся в постоянном развитии и изменении. Они подвержены влиянию многочисленных и разнообразных внешних и внутренних факторов, в том числе тех, которые могут вызвать нежелательные изменения в состоянии инновационного потенциала, в уровне и силе его инновационной конкурентоспособности, снизить и ухудшить положение экономического субъекта в сфере инновационной деятельности, замедлить его развитие в целом. Поэтому необходимо своевременное выявление этих изменений, оперативное реагирование на них, а также прогнозирование вероятности их возникновения.

Во-вторых, мониторинг инновационной деятельности и инновационной конкурентоспособности субъекта предполагает организацию постоянного слежения (оценку, изучение) за их текущим состоянием и перспективами развития. Важность этого требования в системе управления регионом определяется все более возрастающей в современных условиях значимостью инновационных факторов конкуренции и особенностями формирующегося в развитых странах мира нового технологического уклада, базирующегося на инновациях и инновационной деятельности, что позволяет создать особые конкурентные преимущества за счет опережения в научной и технологической сфере.

В-третьих, организация мониторинга инновационной конкурентоспособности предприятия предусматривает создание системы обоснованных показателей и индикаторов ее оценки. Контроль и оценка состояния инновационной конкурентоспособности осуществляется путем непосредствен-

ного измерения или описания параметров конкретных объектов мониторинга – факторов и условий инновационной конкурентоспособности.

В-четвертых, особая значимость инновационной деятельности для повышения общей конкурентоспособности региона предполагает создание двух блоков слежения:

- возможностей (ресурсов) инновационного развития, обеспечивающего прогноз развития (изменения состояния) объекта;
- оценки достигнутых результатов, обеспечивающей оперативное управление и внесение своевременных корректировок в управляемый объект.

В-пятых, комплексная система мониторинга инновационной конкурентоспособности экономического субъекта должна содержать несколько подсистем мониторинга, ориентированных на определенных потребителей.

Также при создании комплексной системы мониторинга инновационной конкурентоспособности необходимо учитывать потребности и интересы внешних контрагентов региона, в том числе: внешних инвесторов, различных социально-профессиональных групп, общества в целом, потребителей продукции, поставщиков и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что мониторинг инновационной конкурентоспособности региона относится к группе мониторинга сложных социально-экономических объектов и процессов и в свою очередь представляет собой сложно организованную и структурированную систему, включающую различные блоки и подсистемы, выполняющие различные функции и имеющие разную целевую направленность.

Основными элементами создания системы мониторинга в сфере инновационной деятельности является разработка целей мониторинга; принципов проведения мониторинга; выбор (создание) методики организации системы мониторинга инновационной конкурентоспособности; разработка системы показателей и индикаторов оценки уровня инновационной конкурентоспособности исходя из особенностей его деятельности.

Анализ механизма целеполагания в процессе мониторинга инновационной деятельности и инновационной конкурентоспособности показало, что основными в этой области являются следующие цели:

1. активизация инновационной деятельности и повышение уровня инновационной конкурентоспособности региона;
2. повышение эффективности управления инновационной деятельностью региона;
3. улучшение качества функционирования инновационной сферы региона.

Для достижения поставленных целей комплексная система мониторинга инновационной конкурентоспособности региона должна обладать такими обязательными характеристиками как: систематичность, динамичность, нацеленность на прогноз, эффективность функционирования.

В наиболее общем виде можно выделить три вида мониторинга инновационной конкурентоспособности региона в зависимости от его целей.

Информационный мониторинг означает процесс структуризации, накопления и распространения информации. Этот вид мониторинга не предусматривает специально организованного изучения, может производиться по мере возникновения проблемы, а при наличии комплексной системы мониторинга может выступать в качестве вспомогательного.

Базовый (фоновый) мониторинг нацелен на выявление новых проблем и опасностей до того, как они станут осознаваемы на уровне управления. В рамках этого вида мониторинга за объектом контроля организуется наблюдение и постоянное слежение с помощью периодичного измерения специально отобранных показателей (индикаторов), совокупность которых позволяет достаточно полно и четко контролировать состояние объекта мониторинга. Для реализации этого вида мониторинга могут быть использованы любые из возможных оснований для сравнения. Выбор того или иного варианта будет определяться целями мониторинга и ресурсными возможностями исполнителей.

Проблемный мониторинг нацелен, прежде всего, на выяснение существующих закономерностей, процессов, опасностей инновационной деятельности, а также на выявление тех проблем, которые уже известны и актуальны для региона с точки зрения управления его инновационной конкурентоспособностью.

Все эти моменты необходимо учитывать при разработке методики организации мониторинга инновационной конкурентоспособности региона.

2.3. Понятие и оценка инновационной конкурентоспособности региона

Изучение зарубежного опыта определения оценки и использования показателя инновационной конкурентоспособности, а также оценка возможностей ее адаптации к особенностям российской статистической базы показывает, что данная методика может быть с достаточно высокой степенью достоверности получения конечных результатов использована для определения инновационной конкурентоспособности Пермского края в целом и для проведения сравнительного анализа инновационной конкурентоспособности отдельных регионов России.

В конечном итоге сложится такая ситуация, при которой развитие какого-либо фактора инновационной конкурентоспособности повлечет за собой развитие составляющей национальной экономической безопасности. Более того, в любом случае, развитие инновационной деятельности поможет России освободиться от зависимости поставок сырья и переключиться на экспорт качественной готовой продукции с большой долей ин-

теллектуального труда, что на сегодняшнем этапе развития экономических отношений является одной из основных черт причисления экономики к разряду развитых.

Для развития инновационной сферы в регионе необходимо построение институциональной системы, позволяющей развиваться региону в данном направлении. Может быть предложена следующая классификация региональных институциональных систем инновационной деятельности исходя из степени интеграции сфер исследований и промышленности (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

Классификация региональных институциональных систем и характерные их признаки

Тип институциональной системы	Характерные признаки	Реализация инновационного процесса
Линейная	Четкое разделение функций институтов на исследовательскую, производственную, образовательную и т.д. Отсутствие налаженных связей в осуществлении инновационного процесса. Наличие единичных случаев взаимодействия в рамках выполнения инновационных проектов	Инновационная деятельность осуществляется благодаря усилиям отдельных предприятий без поддержки со стороны региональных властей
Интегрированная научно-образовательная	Интеграция промышленности и образовательной сферы с целью подготовки квалифицированных кадров	Благодаря взаимодействию промышленности и институтов сферы образования формируется кадровый потенциал, необходимый для эффективной инновационной деятельности
Интегрированная научно-инновационная	Интеграция промышленности и научных институтов с целью осуществления инновационной деятельности	Благодаря интеграции сфер исследования и промышленности осуществление первых стадий инновационного процесса происходит без затруднений
Конвергированная	Интеграция всех сфер жизнедеятельности региона, эффективное их взаимодействие в рамках инновационной деятельности	Все стадии инновационного процесса осуществляются в рамках единой региональной системы

Данные региональные институциональные системы развития инновационной деятельности выстроены в порядке усложнения и усиления поддержки со стороны властей. В *линейной* системе отсутствуют институты, способствующие развитию инновационной деятельности, инновационная деятельность развивается локально, без какого-либо поощрения. *Интегрированная научно-образовательная* система предусматривает наличие интернет-порталов, сайтов образовательных учреждений, договоров о взаимодействии между производственными предприятиями и предприятиями сферы образования, проведение совместных конференций, форумов и т.д. *Интегрированная научно-инновационная* система отличается

заинтересованностью властей в развитии инновационной сферы в регионе, что выражается в существовании нормативно-правовой базы, предусматривающей льготы для предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, наличие системы, в рамках которой возможно взаимодействие исследовательских институтов и промышленности, финансирование социально важных проектов и т.д. *Конвергированная* система является наиболее сложной, потому что подразумевает взаимодействие всех сфер жизнедеятельности региона: финансовой, производственной, образовательной, исследовательской, нормативно-правовой и т.д. Данная система на региональном уровне не может существовать без федеральной заинтересованности. В данном случае обязательно существование нормативно-правовой базы, регулирующей сферу интеллектуальной собственности, льготное налогообложение в случае осуществления инновационной деятельности, наличие соответствующих институтов, в функции которых входит продвижение и всяческое содействие развитию инновационной деятельности, которые занимаются вопросами финансовой поддержки инновационных проектов, налаживанием связей между различными структурами, входящими в структуру инновационного процесса и т.д. В данном случае можно говорить о неразрывной связи факторов: политических, экономических, культурных, национальных, демографических, профессиональных, социальных, взаимное действие которых приводит к устойчивому развитию региона.

Вопросы устойчивого развития регионов давно обсуждаются и имеют множество различных взглядов. А сегодняшний день принято считать, что под устойчивым развитием региона подразумевается система взглядов, представлений о новом выстраивании общественных отношений во всей системе общества и природы [153], при этом упор делается на два понятия: понятие потребностей человека и понятие ограничений человеческой деятельности. Более того, подразумевается переход на новые цивилизационные отношения, существенно ограничивающих человеческую деятельность по воздействию на окружающую среду. В последнее время концепция устойчивого развития приобретает новое направление, которое является «поощрительным» для биосферы и ограничительным для человека, при реализации которой общество получает безопасную для себя окружающую среду и оптимистическую перспективу для развития в будущем. Таким образом, обеспечение устойчивого развития региона в условиях изменяющихся условий внешней среды является одним из приоритетных направлений развития мировой экономики. Исходя из последнего условия, авторами предлагается более уточненное понятие устойчивого развития региона, которое представляется следующим образом: доведение текущего состояния объекта до его желаемого состояния в соответствии с его потребностями и возможностями, предоставляемыми внешней средой. Данное понятие в полной степени отвечает и подходу к развитию региона

через показатели интенсивности развития и формированию институциональной системы. В первом случае, мы говорим о таких внешних условиях, как: территориальных, географических, демографических, исторических, социальных и т.д., во втором случае: законодательных, институциональных, социальных, финансовых и т.д., в рамках которых осуществляется выбор либо спецификации региона, либо осуществлению инновационного процесса в рамках той или иной институциональной системы.

Также в своей работе авторы предлагают понятие системы управления устойчивым развитием региона, под которой понимается: совокупность упорядоченных и взаимосвязанных целей, задач, стратегических направлений развития региона и приоритетов его развития, подходов к управлению, принципов, методов, подходов, процессов и их владельцев, функций, персонала, средств и предметов труда, структуры и потенциала, обеспечивающих доведение текущего состояния региона до его желаемого состояния в соответствии с существующими потребностями населения и возможностями, предоставляемыми внешней средой при осуществлении миссии данного региона.

Система управления устойчивым развитием региона подразумевает следующие постулаты:

- данная система должна учитывать интересы всех участников экономического процесса, действующих на территории рассматриваемого региона: в первую очередь, это население региона (включая будущие поколения), потребителей продукции, особенно производимой на территории данного региона, управленцев, функционирующих в разнообразных сферах, инвесторов, в том числе иностранных, инноваторов, региональных и муниципальных органов управления, федеральные министерства и ведомства, общественные организации и политические партии;
- учитывая разнообразие и различную направленность интересов участников экономических отношений региона, данная система должна предполагать согласованность всех интересов, что является трудоемким в реальности практически недостижимым явлением, однако без подобного стремления невозможно создание и эффективное функционирование системы управления устойчивым развитием региона;
- современное развитие общества подразумевает, что эффективное развитие региона подразумевает не только материальные конечные цели: региональный внутренний продукт, например, но и нематериальные: социальные гарантии, моральные стимулы развития, гарантии для развития будущих поколений и т.д.

Важным моментом при построении институциональной системы инновационной деятельности является государственное регулирование ин-

новационной среды, формирование которой, с учетом мирового опыта, предлагается формировать в несколько этапов [9]:

- на первом этапе определяются региональные приоритеты научно-технической и инновационной политики, а также возможности и угрозы, которые могут повлиять на достижение обозначенных целей. Для уменьшения отрицательного воздействия выявленных ограничений необходимо осуществить взаимодействие инновационной политики с другими составляющими региональной стратегии развития, т.е. инновационная политика должна выступать составляющим элементом экономической политики региона. Данный постулат перекликается с концепцией о региональной экономической безопасности. В регионах с ограниченным административным ресурсом и неразвитыми подходами к стратегическому планированию, может использоваться упрощенный вариант, когда акцент делается на существующих секторах и отраслях экономики, поддержка которых способна оказать содействие в достижении региональных приоритетов развития инновационной сферы;
- на втором этапе разработки инновационной политики идентифицируются инструменты и меры, адресованные наиболее важным ограничениям, затрудняющих выполнение модернизационных задач, выявленных на предыдущем этапе планирования. Здесь анализируются и учитываются все ресурсные, административные и финансовые возможности, имеющиеся у региона, которые позволяют достичь поставленных целей за счет предлагаемых инициатив;
- на третьем этапе предложенные инструменты и механизмы инновационной политики реализуются на практике с учетом потенциала и возможностей государственного сектора.

В целом инновационная политика может быть принята к исполнению после того, как будет доказана объективная возможность ее эффективной реализации с учетом институциональных политических возможностей хозяйственной системы.

С учетом представленного трехэтапного алгоритма автором выделяется два направления разработки и реализации инновационной политики:

1. инновационная политика разрабатывается и реализуется с учетом существующих институциональных, организационных, финансовых и других условий, при этом лишь отдельные наиболее существенные ограничения хозяйственной системы могут быть изменены;
2. исполнению мер инновационной политики предшествует создание соответствующих институционально-экономических условий, гарантирующих эффективность реализуемых инструментов.

Данные два направления позволяют сформировать благоприятный инновационный климат в регионе, который является необходимым для дальнейшего развития инновационной сферы в регионе, для привлечения инвесторов.

Согласно европейским исследователям задачи инновационной политики заключаются в следующем [233]:

1. создании и структурировании исследовательского ландшафта страны;
2. создании рамочных условий для фундаментальных, практикоориентированных и промышленных исследований;
3. разведывании новых технологий путем содействия инициатив технической предварительной оценки, для развития видения и разработки будущих общественно-технологических процессов развития (траекторий);
4. содействии предложению новых технологий и техник (институциональное или проекто-ориентированное содействие, финансовая помощь);
5. содействии спросу на технику и регулирование применения техники путем финансовой и консультативной помощи, установки технических стандартов, норм и предписаний, демонстраций технического использования продуктов, ориентированных на целевые группы;
6. осознанном влиянии на развитие техники ввиду определенных целей (например, конкурентоспособность, условия жизни, инфраструктура);
7. содействии созданию и расширению инновационной инфраструктуры путем дальнейшего профессионального образования техников и инженеров, создания и расширения технических, информационных, рыночных, финансовых и консультационных институтов, а также соединению направлений на профессиональном и региональном уровнях;
8. введении и координации других действующих лиц технологического развития, включая соединение прочих политик (направлений), относящихся к технологической политике (задача в так называемом поперечном разрезе технологической политики).

Важным моментом при построении стратегии развития любого региона является создание многоуровневого мониторинга, в задачи которого входит обоснование условий, оценка имеющихся и требуемых ресурсов формирования экономического потенциала региона в целом, анализ сложившейся структуры угроз экономической безопасности. Таким образом, показатели, перечисленные в качестве обязательных при формировании устойчивого развития региона применяются при построении системы оперативного мониторинга экономического развития, которую А.В. Плякин предлагает построить на основе индикаторов, отражающих реализацию важнейших стратегических целей – обеспечение конкурентоспособности регионального хозяйства, устойчивости его экономического развития и экономической безопасности (КУБ-индикаторы) [124].

При этом автором под тремя категориями: конкурентоспособностью, устойчивым развитием и экономической безопасностью понимается следующее. Конкурентоспособность регионального хозяйства трактуется через способность производить и потреблять товары и услуг в условиях конкуренции с товарами и услугами, производимыми в других регионах. Стремление к высокому уровню конкурентоспособности обусловлено тем, что это обеспечивает рост уровня жизни населения. Исходя из этого оценка конкурентоспособности производится на основе сведений о величине экономического потенциала (PED) и качестве жизни населения (QLP) в каждом регионе. Анализ уровня жизни населения и экономического потенциала в каждом регионе позволяет достаточно объективно оценить пространственную неоднородность конкурентоспособности региональных хозяйств, определить направления стратегической модернизации с целью повышения конкурентных преимуществ хозяйств в регионах-аутсайдерах.

Под устойчивым развитием региональной хозяйственной системы понимается целенаправленный процесс наращивания потенциала экономического развития регионального хозяйства и экономической активности населения (EAP) на региональном уровне.

В свою очередь экономическая безопасность определяется таким состоянием регионального хозяйства, которое обеспечит удовлетворение жизненно важных потребностей регионов в будущем, вне зависимости от чрезвычайных обстоятельств экономического, социально-политического или экологического характера. Оценка экономической безопасности выполняется на основе анализа качества жизни населения, определяющего приращение жизни, т.е. «разницу между тем, сколько отпущено человеку природой, и тем, сколько он реально проживет, благодаря своим знаниям» [29, с. 214], а с другой стороны, – экономической активностью населения, поскольку высокий уровень вовлечения населения в процесс общественного воспроизводства значительно уменьшает риски будущих угроз жизнедеятельности.

Формирование индикаторов конкурентоспособности, устойчивости развития и экономической безопасности регионов (КУБ-индикаторов) производится на основе комбинирования статистических показателей в системе координат, сформированной тремя исходными осями: экономического потенциала, экономической активности и качества жизни населения. В результате комбинирования появляется новая система КУБ-координат, в соответствии с которой траектория экономического развития региона приобретает новое измерение, в большей степени соответствующее его цели и задачам (см. рис. 2.4).

Интегральный индикатор экономического развития региона представляется как взвешенная сумма индикаторов первого уровня:

1. конкурентоспособности: $CPT = F(PED; QLP)$;
2. устойчивости: $STB = F(PED; EAP)$;
3. безопасности: $SCR = F(QLP; EAP)$.

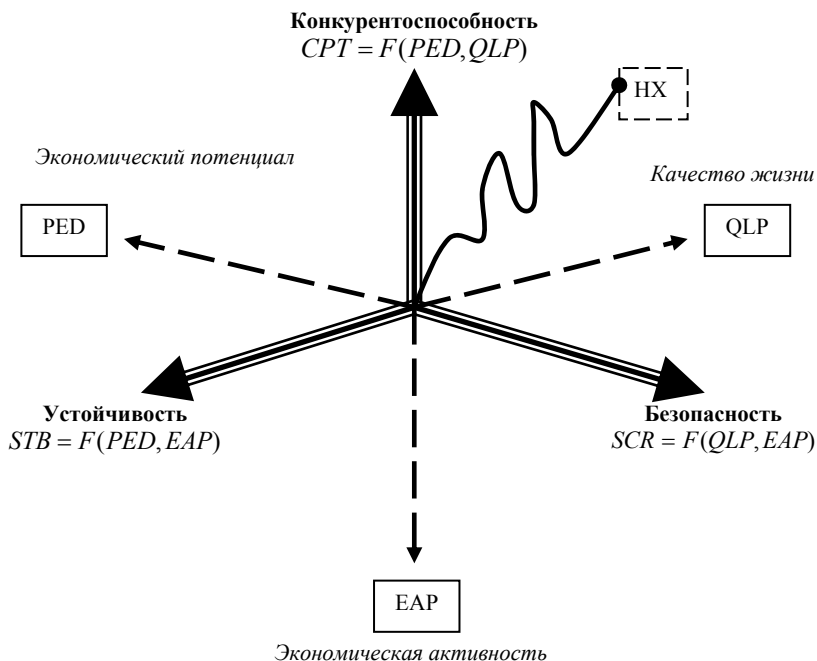

Рис.2.4. Система КУБ-координат экономического развития региона

Расчет интегрального индикатора развития регионального хозяйства, а также индикаторов первого уровня (CPT, STB, SCR) предлагается осуществлять на основе предварительной оценки их ключевых составляющих: экономического потенциала (PED), уровня экономической активности (EAP) и качества жизни населения (QLP).

Эффективное регулирование развития регионального хозяйства предполагает непрерывный процесс многокритериальной оценки возникающих отклонений в социальной и экономической сферах для настройки на оптимальную траекторию его развития. Основу формирования критериев экономического развития и выявления на их основе возникающих отклонений в системе КУБ-координат составляет факторный подход к оценке экономического потенциала, экономической активности и качества жизни населения регионов. Факторный подход связан с представлением о шести базовых факторах производства: человеческом (А), технико-технологическом (ТТ), природно-ресурсном (М), институциональном (Ins), организационном (О) и информационном (Inf) [69].

Таким образом, указанные автором факторы определяют шестимерное состояние экономического потенциала, экономической активности и качества жизни (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Факторная структура слагаемых индикаторов
КУБ-развития региона**

Факторы производства	PED	EAP	QLP
A	PED_A	EAP_A	QLP_A
T	PED_T	EAP_T	QLP_T
M	PED_M	EAP_M	QLP_M
Ins	PED_{Ins}	EAP_{Ins}	QLP_{Ins}
O	PED_O	EAP_O	QLP_O
Inf	PED_{Inf}	EAP_{Inf}	QLP_{Inf}

В соответствии с табл. 2.1 экономический потенциал можно подразделять на две части, которые являются взаимодополняющими и определяющими итоговое его состояние, и выразить с помощью следующей функции:

$$PED = F(PED_{TF}, PED_{TA})$$

где PED_{TF} – это трансформационный компонент экономического потенциала, который определяется через сумму трех составляющих: PED_A , PED_T , PED_M [70, с. 52];

PED_{TA} – транзакционная компонента, которая выражается через сумму оставшихся трех величин: PED_{Ins} , PED_O , PED_{Inf} .

Базовыми показателями в процессе оценки экономического потенциала регионального хозяйства является ВРП (Q); экономической активности – количество предприятий и организаций в каждом регионе (O); качества жизни – численность населения региона (P).

Таким образом, для оценки экономического потенциала регионально-го хозяйства и его составляющих предлагается использовать ряд исходных статистических показателей, соответствие их друг другу представлено в табл. 2.4 [70, с. 81].

Трудовая составляющая (PED_A) может быть выражена через эффективность использования трудовых ресурсов на основе оценки производительности труда через среднюю выработку продукции (Q / A) и трудоемкость процесса производства (A / Q), измеряемых соотношением величины годового ВРП (Q) и количеством занятых в экономике (A), таким образом, $PED_A = F(Q / A, A / Q)$. Технологическая составляющая (PED_T) характеризуется технологической отдачей средств производства (Q / T) и технологической емкостью (T / Q технологической отдачей) произведенного валового продукта, измеряемых соотношением величины годового ВРП и стоимости основных фондов по региону, т.е. $PED_T = F(Q / T, T / Q)$. Природно-ресурсную составляющую (PED_M) можно представить через ресурсоотдачу (Q / M) и ресурсоемкость сельскохозяйственного производства (M / Q), измеряемых количеством валового сбора зерна с каждого

гектара посевной площади (т / га) и площадными затратами земельных угодий на производство одной тонны зерна (га / т), т.е. $PED_M = F(Q / M, M / Q)$.

Таблица 2.4

Факторная структура исходных и относительных показателей экономического потенциала (PED) региона

PED	Исходные показатели	Относительные показатели PED
PED_A	Количество занятых в экономике регионов, чел. (A)	Средняя выработка продукции (Q / A); трудоемкость производства (A / Q)
PED_T	Стоимость основных фондов в регионах, млн.руб. (T)	Технологическая отдача средств производства (Q / T); технологическая емкость ВРП (T / Q)
PED_M	Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в регионах, тыс.га (M)	Ресурсоотдача (урожайность) (Q/M); ресурсоемкость сельскохозяйственного производства (M/Q)
PED_{Ins}	Количество преступлений в сфере экономики по регионам, ед. (Ins)	Уровень правовой дисциплины организации (Ins / O); организационная обеспеченность экономических преступлений (O / Ins)
PED_O	Количество организаций и предприятий в регионах, ед. (O)	Организационная отдача производства ВРП (Q / O); организационная емкость ВРП (O / Q)
PED_{Inf}	Затраты на информационно-коммуникационные технологии по регионам, млн.руб. / год (Inf)	Информационная емкость ВРП (Inf / O)

Экономический потенциал характеризуется также состоянием институциональной (PED_{Ins}), организационной (PED_O) и информационной (PED_{Inf}) среды в регионе, определяющих, как уже было сказано, трансакционную составляющую. В данном случае используются такие относительные показатели, как: уровень правовой дисциплины организации (Ins / O), т.е. количество совершенных экономических преступлений в расчете на каждую тысячу организаций; организационная обеспеченность экономических преступлений (O / Ins), т.е. частота совершения экономических преступлений каждой n-ой организацией. Организационная отдача производства ВРП (Q / O) измеряется долей произведенного ВРП в расчете на одну организацию, а организационная емкость ВРП (O / Q) – количеством организаций, производящих условную единицу ВРП. Последняя информационная емкость ВРП (Inf / O) определяется затратами на информационно-коммуникационные технологии в регионе при производстве ВРП.

Следующий фактор, определяющий шестимерное состояние экономического развития региона, – экономическая активность (ЕАР). Статистические показатели, которые могут быть использованы для анализа данного показателя, представлены в табл. 2.5.

На основе базового расчетного статистического показателя, в качестве которого берется – количество организаций и предприятий в регионе – возможен расчет и анализ ряда динамики двенадцати относительных показателей экономической активности:

- спроса на рабочую силу (EAP_A) (выполнена на основе расчета организационного обеспечения трудовой занятости населения (O / A) в

виде количества предприятий и организаций в регионе в расчете на единицу численности населения и трудовой емкости организаций (A / O), измеряемой количеством занятых в регионе в расчете на одну организацию);

Таблица 2.5

**Факторная структура исходных и относительных показателей
экономической активности (ЕАР) в регионе**

ЕАР	Исходные показатели	Относительные показатели ЕАР
EAP_A	Количество занятых в экономике региона, тыс.чел. (A)	Организационное обеспечение трудовой занятости населения (O / A); трудовая емкость организаций (A / O)
EAP_T	Инвестиции в основной капитал по регионам, млн. руб. (T_1)	Организационное обеспечение инвестиций в основной капитал (инвестиционный дефицит) (O / T_1); инвестиционная емкость организаций (T_1 / O)
EAP_M	Грузооборот транспорта организаций всех видов деятельности в регионах, млн.т-км (M)	Организационное обеспечение грузооборота (O / M); емкость грузооборота организаций (M / O)
EAP_{Ins}	Задолженность по кредитам юридических лиц в регионах, млн.руб. (Ins)	Организационное обеспечение кредитных задолженностей (O / Ins); объем кредитной задолженности организаций (Ins / O)
EAP_O	Количество убыточных организаций в регионе, ед. (O_u)	Организационная обеспеченность убыточности в экономике (O / O_u); удельный вес убыточных организаций (O_u / O)
EAP_{Inf}	Затраты организаций на услуги связи в регионе, млн.руб. (Inf)	Организационная обеспеченность информационной деятельности (O / Inf); информационная емкость деятельности организаций (Inf / O)

- инвестиционной активности в регионе (EAP_T) (определяется уровнем организационного обеспечения инвестиций в основной капитал (инвестиционный дефицит) (O / T_1) в виде количества организаций и предприятий в регионе на единицу стоимости основных фондов и инвестиционной емкостью организаций (T_1 / O), рассчитываемой через стоимость основных фондов, приходящихся на одну организацию);
- активности использования регионального природного пространства (EAP_M) (характеризуется интенсивностью грузоперевозок (O / M), т.е. количеством организаций в расчете на один млн.т-км и оценкой емкости грузооборота организаций (M / O), измеряемой величиной грузооборота на одну организацию);
- исполнения договорных обязательств (EAP_{Ins}) (тракуется через следующие показатели: организационное обеспечение кредитных задолженностей (O / Ins) и объем кредитной задолженности организаций (Ins / O), т.е. величина кредитной задолженности в расчете на одну организацию);
- экономической эффективности деятельности организаций (EAP_O) (оценивается величиной убыточности в экономике (O / O_u), т.е.

отношением количества всех организаций в регионе к количеству убыточных организаций и удельным весом убыточных организаций в общей численности всех предприятий региона (O_u / O);

- величины спроса организаций на информационные услуги (EAP_{Inf}) (данный показатель является важнейшим показателем анализа развития информационного пространства, определяемого, с одной стороны: уровнем организационной обеспеченности информационной деятельности (O / Inf), т.е. количеством организаций в расчете на единицу затрат на информационно-коммуникационные технологии в регионе, а с другой стороны, – информационной емкостью деятельности организаций (Inf / O), т.е. отношением затрат на информационно-коммуникационные технологии в регионе в расчете на одну организацию.

Оценка качества жизни населения (QLP) в регионе предлагается исследовать на основе статистических показателей, представленных в табл. 2.6.

Таблица 2.6

Факторная структура исходных и относительных показателей качества жизни населения (QLP) в регионе

QLP	Исходные показатели	Относительные показатели QLP
QLP_A	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (C)	Объем потребления на душу населения (C / P); социальная емкость конечного потребления домашних хозяйств (P / C)
QLP_T	Состояние жилищного фонда (T_2)	Обеспеченность жильем на душу населения (T_2 / P); социальная емкость жилья (количество человек, фактически проживающих на единице жилой площади) (P / T_2)
QLP_M	Естественное движение населения (M)	Коэффициент естественного прироста населения (M / P); социальная емкость естественного движения населения (P / M)
QLP_{Ins}	Число зарегистрированных преступлений (Ins)	Количество зарегистрированных преступлений в про- дцемилле (Ins / P); социальная емкость совершен- ных преступлений (P / Ins)
QLP_O	Общее количество организаций социальной сферы (здравоохранения, образования и культуры) (O)	Количество организаций социальной сферы в про- милле (O / P); социальная емкость организаций сфе- ры здравоохранения, образования и культуры (P / O)
QLP_{Inf}	Число абонентов сотовой связи (Inf)	Количество абонентов связи на 100 чел. населения (Inf / P); социальная емкость регионального инфор- мационного пространства (P / Inf)

Базовым расчетным показателем при анализе качества жизни является численность населения в регионе. На его основе получаем третью группу из двенадцати показателей, состав которой выглядит следующим образом:

- фактическое конечное потребление домашних хозяйств (QLP_A) (рассчитывается через объем потребления на душу населения (C / P) и социальную емкость конечного потребления домашних хо-

- зайств (P / C), которая измеряется количеством человек, потребляющих единицу определенных благ или услуг);
- состояние жилищных условий (QLP_T) (характеризуется обеспеченностью жильем на душу населения (T_2 / P) и социальной емкостью жилья (количеством человек, фактически проживающих на единице жилой площади) (P / T_2), измеряемой количеством жителей в регионе в расчете на единицу жилой площади);
- естественное движение населения (QLP_M) – разность между количеством родившихся и умерших за отчетный год (находится с помощью коэффициента естественного прироста населения (M / P) и социальной емкости естественного движения населения (P / M), измеряемой количеством жителей на единицу численности естественного движения в регионе);
- уровень личной безопасности граждан (QLP_{Ins}) (предлагается измерить с помощью количества зарегистрированных преступлений в расчете на 10000 чел. населения региона (Ins / P) и социальной емкости совершенных преступлений (P / Ins), определяемой количеством жителей в регионе в расчете на каждое совершенное преступление);
- состояние социальной сферы (QLP_O) (определяется количеством организаций социального профиля на тысячу жителей региона (O / P) и социальной емкостью организаций сферы здравоохранения, образования и культуры – количеством жителей в расчете на каждую организацию социальной сферы (P / O));
- включенность населения в коммуникационное пространство региона и страны (QLP_{Inf}) (трактуются через количество абонентов связи на 100 чел. населения региона (Inf / P) и социальную емкость регионального информационного пространства (P / Inf), т.е. количество жителей региона на каждого абонента сотовой связи).

Факторный анализ позволяет сформировать логично обоснованную систему показателей экономического развития региона (см. табл. 2.7), основанную на КУБ-индикаторах, в результате которой интегральный индикатор экономического развития региона являются функцией КУБ-составляющих:

$$R_0 = F(CPT; STB; SCR)$$

$$CPT = F(CPT_{TF}; CPT_{TA}) = F(CPT_A; CPT_T; CPT_M; CPT_{Ins}; CPT_O; CPT_{Inf});$$

$$STB = F(STB_{TF}; STB_{TA}) = F(STB_A; STB_T; STB_M; STB_{Ins}; STB_O; STB_{Inf});$$

$$SCR = F(SCR_{TF}; SCR_{TA}) = F(SCR_A; SCR_T; SCR_M; SCR_{Ins}; SCR_O; SCR_{Inf})$$

Таблица 2.7

**Объекты оценки развития и структура
индикаторов КУБ-развития региона**

Объект оценки развития	Составляющие КУБ-развития	КУБ-индикаторы
Конкурентоспособность (CPT)	Человеческий капитал	$CPT_A = F(PED_A; QLP_A)$
	Технологии и средства производства	$CPT_T = F(PED_T; QLP_T)$
	Природная среда и ресурсы	$CPT_M = F(PED_M; QLP_M)$
	Институциональное пространство	$CPT_{Ins} = F(PED_{Ins}; QLP_{Ins})$
	Организационное пространство	$CPT_O = F(PED_O; QLP_O)$
	Информационное пространство	$CPT_{Inf} = F(PED_{Inf}; QLP_{Inf})$
Устойчивость (STB)	Человеческий капитал	$STB_A = F(PED_A; QLP_A)$
	Технологии и средства производства	$STB_T = F(PED_T; QLP_T)$
	Природная среда	$STB_M = F(PED_M; QLP_M)$
	Институциональное пространство	$STB_{Ins} = F(PED_{Ins}; QLP_{Ins})$
	Организационное пространство	$STB_O = F(PED_O; QLP_O)$
	Информационное пространство	$STB_{Inf} = F(PED_{Inf}; QLP_{Inf})$
Безопасность (SCR)	Человек	$SCR_A = F(EAP_A; QLP_A)$
	Технологии и средства производства	$SCR_T = F(EAP_T; QLP_T)$
	Природная среда и ресурсы	$SCR_M = F(EAP_M; QLP_M)$
	Институциональное пространство	$SCR_{Ins} = F(EAP_{Ins}; QLP_{Ins})$
	Организационное пространство	$SCR_O = F(EAP_O; QLP_O)$
	Информационное пространство	$SCR_{Inf} = F(EAP_{Inf}; QLP_{Inf})$

Таким образом, данная методика позволяет проанализировать развитие региона, оценить однородность состояние всех сфер жизнедеятельности данного субъекта, сформировать стратегию устойчивого развития региона на перспективу.

Все предложенные методики не противоречат друг другу, поэтому могут использоваться в совокупности, что позволит максимально использовать имеющуюся информацию, оценить возможности и угрозы развитию региона и предложить оптимальную модель устойчивого инновационного развития региона, основанную на российских технологиях, способную обеспечить национальную безопасность, основываясь на высоком уровне конкурентоспособности, в том числе инновационной.

ГЛАВА 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ФАКТОРЫ, ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ

Проблема инновационного развития малого предпринимательства, являющегося важной составляющей любой экономической системы, в том числе, региональной, является актуальной и востребованной в российской экономической теории и практике уже давно, по сути, с самого начала рыночно направленных преобразований в нашей стране. Однако до сих пор тенденции этого развития и роль малого предпринимательства в реализации основных экономических задач российских регионов и страны в целом значительно уступают аналогичным показателям в развитых странах, что свидетельствует об отсутствии как целостного концептуального осмысления данной проблемы, так и действенных инструментов ее решения. В связи с чем в статье делается попытка исследования сложившейся в данной области ситуации и выработки некоторых возможных рекомендаций по ее улучшению.

3.1. Специфика деятельности, преимущества и роль малых предприятий в развитии региональной экономики

Мировой опыт показывает, что узкая специализация предприятий малых хозяйственных форм делает их высокоэффективными. Во многих случаях малые предприятия, органично включенные в процессы общественного разделения и кооперации труда, в максимальной степени ориентированы на удовлетворение реальных потребностей местного населения, проживающего в конкретном регионе, и могут составлять значительную долю валового регионального продукта.

В современных условиях ускоряющихся темпов научно-технических открытий и достижений резко усилилась потребность в продукции узко-специализированных производств, выпускаемой малыми сериями. Так, в

США 80 % объема промышленного производства составляет продукция, выпускаемая в количестве 50-300 изделий, подобная ситуация наблюдается в Италии, Франции, ФРГ, Японии. Эта потребность возрастает в связи с высокой технологической сложностью выпускаемых изделий, необходимостью постоянной смены ассортимента продукции в связи с меняющимися предпочтениями потребителей, что требует постоянной переналадки оборудования. Специализированное производство оказывается не только рентабельным, но зачастую приносит прибыль выше средней нормы прибыли на капитал по отрасли. Как отмечают американские исследователи М.Минц и Д.Коэн, «те, кто утверждает, что мелкому производителю нет места в современной сложной экономической структуре, мыслят категориями первого промышленного переворота...» [90, с. 42].

Новые технические достижения сделали мелкого производителя не только уместным, но и важным фактором любой рыночно-ориентированной экономической системы.

Основные преимущества малых предприятий, с которыми можно связать растущую роль малого предпринимательства на региональных и локальных рынках, представлены на рис. 3.1.

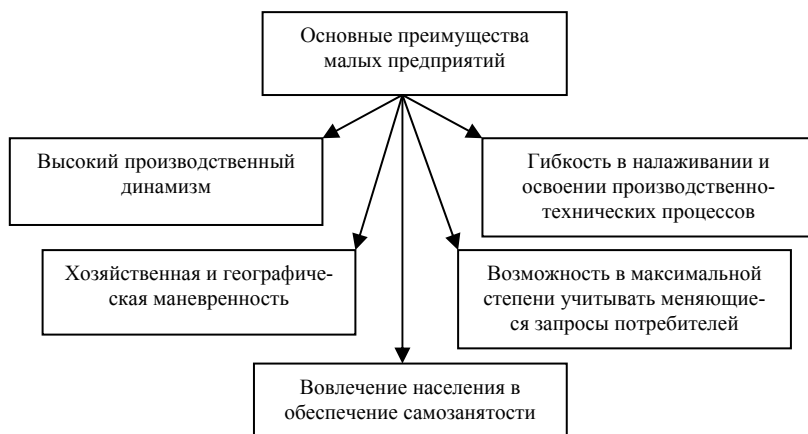

Рис. 3.1. Основные преимущества малых предприятий

Развитию данных преимуществ способствовал целый ряд предпосылок:

1. Во-первых, происшедшие перемены связаны с формированием качественно новой рыночной ситуации на глобальном и локальных рынках, состоящей в глубоких сдвигах в общественных потребностях: уходит в прошлое время господства стандартной массовой продукции, резко ускорились темпы смены моделей товаров. В результате произошел решительный поворот к производству продукции в малых сериях, рассчитанной на разных потребителей.

2. Во-вторых, насыщение потребительского рынка товарами, удовлетворяющими базовый спрос, в основном завершено. Резко повышается удельный вес и значение селективного спроса, усиливается сегментация рынка, выделяется множество групп потребителей со своими специфическим запросами – в зависимости от своего социального и профессионального статуса, уровня дохода, возраста, пола, хобби, вкусов, наклонностей, психологического склада.
3. В-третьих, увеличивается «ценовое сопротивление» покупателя, выражающееся в отказе приобретать товар или пользоваться услугой, если в его представлении полезный эффект не соответствует цене.

Поэтому малому предпринимательству принадлежит все большая роль, и в первую очередь, в развитии локальных и региональных рынков, поскольку в силу описанных выше предпосылок именно малое предпринимательство способно в максимальной степени и с высокой эффективностью удовлетворить спрос местного населения в товарах и услугах индивидуализированного характера.

Малое предпринимательство выступает как важная составляющая общей региональной хозяйственной структуры, без которой не возможно эффективное функционирование экономики региона и обеспечение ее конкурентоспособности на национальном и мировом рынках. В процессе дробления отраслей и сегментации рынка, в условиях изменчивости спроса небольшие фирмы обеспечивают необходимую подвижность производства, не дают постоянно появляющимся новым зонам спроса – часто самых узких групп потребителей – остаться незакрытыми. В частности, именно малым фирмам принадлежит ведущая роль в удовлетворении локального спроса, т.е. специфических потребностей тех или иных слоев покупателей в определенном рыночном сегменте.

3.2. Региональные аспекты анализа состояния и уровня развития малого предпринимательства

Региональный аспект развития предпринимательства важен по ряду причин.

Во-первых, малый бизнес находится в поле зрения, прежде всего, местных органов власти.

Во-вторых, благоприятные условия для развития бизнеса должны формироваться на региональном уровне.

В-третьих, условия России таковы, что при ее масштабах и огромном разнообразии регионов различные общие подходы к формированию предпринимательской среды неизбежно оказываются оторванными от реальной жизни.

Необходимо учитывать принцип дифференцирования регионов, давать возможность регионам учитывать местные особенности в формировании политики в сфере малого и среднего предпринимательства. Регионы должны использовать положение Закона РФ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», предусматривающего наделение органов местного самоуправления отдельными полномочиями субъекта Российской Федерации. Основы государственной поддержки малого предпринимательства определяются федеральным законодательством, однако субъектам РФ предоставляется возможность в рамках своей компетенции конкретизировать общие правовые установки, адаптировать их к региональным условиям функционирования малого предпринимательства.

В дополнение к приоритетам, устанавливаемым на федеральном уровне, регионы вправе определять собственные отраслевые приоритеты его развития, создавать соответствующие специальные фонды, изыскивать дополнительные источники финансирования, корректировать ставки некоторых федеральных налогов, устанавливать ставки льгот по субфедеральным и местным налогам.

Таким образом, при анализе состояния и уровня развития малого предпринимательства в России региональный аспект его развития имеет исключительно важное значение. Принципиальную роль здесь играет также использование возможностей местной инициативы, способной обеспечить разнообразие путей решения проблем преодоления современных экономических трудностей. Наиболее заметно малый бизнес может продемонстрировать свои возможности именно на местных рынках, реализуя более эффективное, полное использование и распределение материальных, кадровых, организационных и технических ресурсов, активизируя местное предпринимательство и развитие конкуренции, увеличивая интенсивность производственных и коммерческих связей, вытесняя неэффективные производства, диверсифицируя местную экономику, повышая ее конкурентоспособность.

Изначально региональная дифференциация становления предпринимательства была обусловлена тем, что к началу реформ регионы обладали различным предпринимательским потенциалом и ресурсами, производственными возможностями для реализации предпринимательства.

Сейчас усиление региональной дифференциации в становлении малого предпринимательства иллюстрируется целым рядом показателей (табл. 3.1).

Из данных, представленных в табл. 3.1, видна тенденция к значительной дифференциации округов по количеству малых предприятий на 1 тыс. жителей: разница между самым высоким и низким значением данного показателя составляет более, чем 2,5 раза в 2002 г., и 2,4 раза – в 2006 г. По сути, за период 2002-2006 гг. региональная дифференциация по данному показателю практически не снизилась. В значительной мере такая тенденция обусловлена нарастающим разрывом регионов по уровню их

социально-экономического развития, состоянию материально-технической базы, развития обеспечивающей рыночные процессы инфраструктуры – фондовых, товарных и других рынков, климатическими условиями и демографическим фактором, культурному и образовательному уровню населения, отношению властей и общества к малому предпринимательству, а также нормам и региональными законами, направленными на его поддержку. Хотя можно отметить некоторую положительную тенденцию в каждом из округов, состоящую в росте количества малых предприятий на 1 тыс. жителей за данный период. Наименьший уровень демонстрирует Южный ФО – 3,7 единиц на 1 тыс. населения в 2002 г. и 4,9 – в 2006 г. Этот показатель скорректировали данные Республик Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, где количество малых предприятий на 1 тыс. человек колеблется от 1,64 до 2,4 субъектов. Это подтверждает еще большую дифференциацию по развитию малого предпринимательства на региональном уровне по сравнению с округами, и обусловлено, по нашему мнению, несовершенством политики, проводимой региональными и местными властями, негативным отношением населения и местных органов власти к предпринимательству, неразвитостью инфраструктуры, значительно большей, чем в других регионах, криминализацией бизнеса.

Таблица 3.1

**Изменение основных показателей уровня развития
малого предпринимательства по округам РФ, 2002–2006 гг.¹**

	Количество малых предприятий, на 1 тыс. жителей, единиц		Удельный вес занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике, %		Инвестиции в основной капитал малых предприятий, на душу населения, руб.	
	2002	2006	2002	2006	2002	2006
РФ	6,1	7,3	11,0	12,8	351,8	1204,6
Центральный федеральный округ	8,7	9,5	15,6	16,8	402,2	1047,9
Северо-Западный федеральный округ	9,5	12,0	15,4	17,4	286,3	1142,3
Южный федеральный округ	3,7	4,9	8,2	9,7	350,9	1391,1
в том числе Ростовская область	5,7	7,3	8,6	10,3	420,7	2522,1
Приволжский федеральный округ	4,8	5,7	8,6	11,6	1242,1	1266,7
Уральский федеральный округ	4,6	6,2	7,8	9,6	308,2	1030,3
Сибирский федеральный округ	4,6	5,7	7,9	9,3	254,7	1391,1
Дальневосточный федеральный округ	5,3	6,9	8,9	9,8	229,3	1054,5

¹ Составлено и рассчитано по [84, 135].

Что касается инвестиций в основной капитал малых предприятий (на душу населения), то здесь отмечается некоторое выравнивание по округам: так, в 2002 г. разница между самым высоким и самым низким значением данного показателя составляла 1,8 раза, а в 2006 г. – уже 1,4 раза. Тем не менее, исходя из того, что в целом общая дифференциация по округам не снизилась, следует сделать вывод о недостаточной продуманности реализуемой и регионах данных округов политики в области стимулирования развития малого предпринимательства.

Российское предпринимательство формировалось на фоне существенной дифференциации регионов по уровню потребительского платежеспособного спроса, что способствовало концентрации предпринимателей и капиталов в крупных городах центральных регионов, в особенности, в Москве и Санкт-Петербурге. Так, количество малых предприятий в расчете на 1 тыс. жителей в г. Москве составляет 18,9 единиц, что в 2,3 раза меньше, чем по всему Центральному ФО, а в г. Санкт-Петербурге – 22,7 единиц, что в 3,5 раза больше, чем, в общем, по России.

Однако показатель количества зарегистрированных малых предприятий на 1 тыс. жителей явно не достаточен для оценки территориальных различий в уровнях развития малого предпринимательства. Во-первых, официальная статистика не дает истинных данных о функционировании малого предпринимательства, во-вторых, указанный показатель не отражает роль данного сектора в экономике федеральных округов. Так, округа сильно различаются по удельному весу занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике – максимальная разница почти в два раза.

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что сектор малых предприятий оказывает решающее влияние на занятость, а развитие этого сектора выступает одним из факторов социальной стабильности в обществе. Можно предполагать, что регионы с наибольшими значениями данного показателя потенциально являются наиболее благополучными в плане занятости населения. Высокая доля занятых в малом бизнесе свидетельствует о достаточно высокой предпринимательской активности населения, так и широких возможностях альтернативного применения рабочей силы.

Что касается роли малых предприятий в экономическом развитии муниципальных образований, то, по сути, для большинства муниципалитетов налоги с малого бизнеса должны быть основным источником бюджетных поступлений и местные власти должны способствовать развитию малого предпринимательства. Однако лишь в Москве и Санкт-Петербурге налоговые поступления от малого и среднего бизнеса в местных бюджетах остаются на отчасти приемлемом уровне 50 % и 34 % соответственно, а в целом по России – 8-12 %. При этом уровень аналогичных поступлений в странах Европейского Союза не опускается ниже 50 %.

Такая ситуация может быть объяснена отсутствием у региональных и муниципальных властей реальных финансовых стимулов в проведении эффективной работы по развитию и поддержке малого бизнеса, т.к. большинство налогов, уплачиваемых предпринимателями, идут в федеральный и региональный бюджеты. Если бы большая часть перечисляемых налогов была адресована в местные бюджеты, то заинтересованность чиновников в расширении налоговой базы и, как следствие, в развитии малого предпринимательства на местах существенно возросла [101].

В свете сказанного, положительной тенденцией представляется принятие Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 101-ФЗ, внесшего изменения в Налоговый кодекс в части единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, согласно которому данный налог стал с 1 января 2006 года местным.

Для создания цивилизованного предпринимательства, здоровой конкуренции и конструктивного диалога власти с субъектами малого предпринимательства, необходима их осведомленность о состоянии рынка, его насыщение товарами и услугами предпринимателей, что дает возможность определить эффективное для региона или района использование имеющихся ресурсов с учетом местных особенностей. В региональном аспекте российский опыт свидетельствует, что в столице и крупных городах стартовые малые предприятия более динамичны, тогда как в регионах приватизированные или реструктурированные бывшие государственные предприятия, все еще играют важную роль.

Таким образом, анализ дифференциации регионов по уровню развития малого предпринимательства и самозанятости позволяет выделить следующие ключевые факторы, влияющие на развитие данного сектора в региональном разрезе (рис. 3.2).

Оценка возможностей повышения темпов развития малого предпринимательства и влияния этого процесса на экономическую динамику страны, по мнению автора, должна основываться на важных нижеприведенных факторах:

1. Экономический фактор – определяется общим состоянием бизнеса, оценкой его перспектив в будущем, а также связан с ожидающимся уже в ближайшие годы дальнейшим замедлением темпов расширения добычи и наращивания экспорта нефти и газа. А экономическое благополучие современной России, как известно, в значительной мере определяют поступления доходов от экспорта минерально-сырьевых ресурсов, большая часть которых вывозится за пределы страны. Поэтому сокращение объемов экспорта отрицательно отразится на положении в экономике. По оценке Минэкономразвития РФ, такое сокращение вполне реально. Исправить положение могут не сырьевые отрасли и переход к преимущественно инновационному развитию.

Рис. 3.2. Ключевые факторы развития малого предпринимательства на региональном уровне

Вторая причина состоит в растущей необходимости снижения издержек производства и ликвидации дефицита рабочей силы, сырья и материалов. За примерами далеко ходить не надо: еще свежи в памяти зимние трудности с обеспечением электроэнергией, без которой не мыслимы никакое современное производство и высокий уровень жизни [92, с. 86].

Третьей причиной является расширение масштабов выхода российских компаний на мировые рынки, занятые сильными конкурентами, теснить которых следует с помощью высоких технологий, новых и высококачественных продуктов.

И, наконец, четвертая основная причина – жесткая система международных стандартов и экологических требований, которым все меньше удовлетворяет и частично уже не отвечает старая система технологий.

Названные причины определяют повышение конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, расширение рынков сбыта товаров, снижение издержек производства.

2. Институциональный фактор – определяется привлекательностью предпринимательской среды в стране: насколько свободна и прозрачна конкуренция, насколько велики риски и угрозы для бизнеса, насколько обременительны трансакционные издержки, насколько развита инфраструктура поддержки малого предпринимательства.

Наиболее легко малые предприятия могут проникнуть на рынки с совершенной или монополистической конкуренцией, которые в реальной практике существуют довольно редко. Однако на настоящем этапе развития нашей экономики, помимо большого числа конкурентов, проникновению малого бизнеса на отраслевые и региональные рынки объективно препятствуют искусственные барьеры, связанные с бизнес-интересами администраций всех уровней, правоохранительных органов, активностью криминальных группировок или же иными внеэкономическими обстоятельствами.

Наиболее значительным аспектом дальнейшего развития малого предпринимательства в ближайшей перспективе может стать вступление России в ВТО, в результате чего Россия будет вынуждена демонтировать свою систему тарифных и нетарифных барьеров, ограничений и квот в отношении ввозимых на ее таможенную территорию товаров. Данное обстоятельство самым непосредственным образом повлияет на всю систему российского малого бизнеса. При этом следует отметить, что малое предпринимательство в России в настоящее время не играет принципиальной роли в экспортной составляющей российской внешней торговли и почти полностью ориентировано на внутренний рынок, в особенности, в своих главных отраслях специализации – торговле и сфере услуг. Причем именно этим отраслям присоединение России к ВТО может принести дополнительные возможности, поскольку торговые ниши и сегменты сферы услуг, где действуют малые предприятия, в силу их локальности, относительно не привлекательны для конкурентов.

Переход на новые технические нормы ВТО и значительное снижение таможенных пошлин после переходного периода обострят конкуренцию на внутреннем рынке, а сильный износ основных фондов российских предприятий не позволит выпускать конкурентоспособную продукцию, соответствующую новым требованиям и нормам. Для малых предприятий, связанных с производством и сбытом продукции, производимой отечественными фирмами, такой сдвиг в экономическом положении не приведет к усилению их позиций на рынке. Между тем, вступление России в ВТО позволит наиболее перспективным малым предприятиям, специализирующимся в области экологического приборостроения и компьютерных технологий, фармацевтики, электроники, проводить агрессивную экспортную политику, что позволит развиваться данным предприятиям в русле общемировой тенденции развития и доведение НИОКР до стадии создания нового бизнеса за счет гибкого взаимодействия крупных компаний и малых инновационных фирм.

В целом, для субъектов малого предпринимательства, вхождение России в ВТО обусловит возникновение таких негативных факторов как:

- неспособность государства проводить последовательную политику, направленную на поддержку малого бизнеса;

- удешевление конкурирующей импортной продукции за счет понижения тарифов.

А потому, исходя из вышесказанного, уже на нынешнем этапе развития государству необходимо способствовать переходу предприятий на инновационный путь развития, оказывать активную селективную поддержку с помощью налоговых, кредитных механизмов тем малым предприятиям, которые смогут выстоять в конкурентной борьбе в процессе глобализации российской экономики.

3. Политические и правовые факторы. При установлении количественного ограничения для малых предприятий до 50 работников, из совокупности малых предприятий с установлением новых границ будет исключено всего лишь 10 % юридических лиц, ныне входящих в круг субъектов малого предпринимательства. Однако, учитывая, что круг объектов государственной поддержки расширится на число средних предприятий, на 1 января 2004 года составлявших 2489 тысяч единиц, то становится очевидным увеличение сектора поддержки на 262 %. Кроме того, являясь объектом поддержки, среднее предпринимательство сможет использовать льготы, предусмотренные законом для данного сектора, что, несомненно, станет стимулом его дальнейшего развития.

Одной из насущных задач, решение которой будет способствовать дальнейшему развитию малого предпринимательства в России, на наш взгляд, является эффективное использование собственности, находящейся в ведении государства и муниципальных органов власти, удельный вес которой является избыточным. Для этого необходимо создание широкого круга эффективных собственников, активное вовлечение представителей малого предпринимательства в приватизационные процессы.

Здесь, как нам представляется, возможны два варианта:

1. Продажа государственного нежилого имущества субъектам малого предпринимательства. Это, тем самым, позволит государству получить доход, а малым предприятиям обеспечить полноценный доступ к банковским кредитным ресурсам, позволит планирование долгосрочного развития производства, что будет способствовать дальнейшему развитию предприятий.
2. Организация на неиспользуемых производственных площадях бизнес-инкубаторов, создание которых поможет решить такие социально-экономические проблемы территории, как проблемы занятости, развитие инфраструктуры, развитие местной промышленности, диверсификация региона и т.д.
4. Социальные и демографические тренды. В настоящее время в социальной сфере развиваются два фундаментальных процесса, парадоксальным образом сочетающихся друг с другом и оказывающихся полярное влияние на сектор малого предпринимательства:

Первый – постепенный рост благосостояния населения, проявляющийся:

- в быстром увеличении реальных денежных доходов, за счет роста реальной заработной платы;
- в существенном расширении личного потребления населения, возросшим за последние пять лет более чем в 1,5 раза;
- в изменении потребительских стандартов, что проявляется в опережающем росте непродовольственных товаров и в расширении потребления некоторых качественных услуг;
- в наращивании объемов жилищного строительства. Ввод жилья увеличился за последние пять лет на 28 % и составил в 2004 41 млн. кв. м. [22, с. 36].

Все эти факторы способствуют увеличению конечного потребления продукции и услуг малых предприятий, что оказывает положительное влияние на динамику развития малого бизнеса.

Тем не менее, при формировании прогнозов развития сектора малого предпринимательства необходимо учитывать второй процесс, сопровождаемый:

- сокращением средней продолжительности жизни за последние пять лет на два года (в среднем 65 лет);
- увеличением смертности в трудоспособном возрасте, за последние пять лет – почти на четверть;
- ухудшением здоровья нации;
- резким усилением социальной дифференциации на фоне общего улучшения благосостояния населения.

С 2006 года, когда трудоспособный возраст начнут входить поколения, родившиеся в период низкой рождаемости 1990-х годов, произойдет не только количественное сокращение трудоспособного населения, но его качественного состава, связанное с началом строения его экономически активной части. Сокращение трудоспособного населения на фоне старения нации – один из главных тормозящих факторов развития предпринимательства в стране.

Очевидно, что источником пополнения трудовых ресурсов в стране и одним из способов борьбы с депопуляцией может стать иммиграция. Однако масштабная иммиграция инокультурного населения в столь короткий период может привести к дестабилизации социальной обстановки, конфликтам на национальной почве, и, как нам кажется, не окажется положительного эффекта на развитие малого предпринимательства в стране. Для изменения и недопущения ухудшения сложившейся демографической ситуации в стране, как нам представляется, необходимо активное проведение реформ, касающихся оздоровления нации, интенсивного развития систем профессиональной подготовки и переподготовки кадров в соответствии с требованиями рынка, создание системы подготовки предпринимателей.

3.3. Инновационная составляющая развития малого предпринимательства

В конце XX века одним из основных условий экономического развития ведущих государств мира стал рост конкурентоспособности и обеспечение лидирующих позиций национальной экономики на международных рынках наукоемкой (высокотехнологической) продукции. Причем выполнение данного условия, как показывает мировая практика, возможно лишь на основе перевода экономики на путь инновационного развития, поскольку компании, производящие базовую продукцию и использующие трудоемкие процессы, испытывают все более сильную конкуренцию со стороны государств, обладающих значительными ресурсами низкооплачиваемой рабочей силы, и теряют свои позиции. Только инновационно-ориентированные производства, которые опираются на последние технологические достижения и создают изделия с высокой добавленной стоимостью, пользующиеся спросом потребителей, способны извлечь преимущества из тех возможностей, которые дает интернационализация мировой экономики.

Во всем мире малые предприятия составляют значительный потенциал инновационного развития. Следует здесь определить, что говоря об инновационном развитии под ним в общем случае подразумевается развитие на основе широкого использования новой информации, нового знания, новых технологий и продуктов. Однако как сам термин «инновация», так и понятие «инновационное развитие» в различной научной литературе имеют не всегда однозначную трактовку, что требует некоторого обобщения.

Впервые понятие «инновация» как экономическая категория было введено в научный оборот австрийским экономистом И. Шумпетером. Под новшеством он понимал новый порядок, новый метод, новый обычай, изобретение, новое явление.

В толковом словаре термин «инновация» трактуется как новая или усовершенствованная продукция либо новая или усовершенствованная технология, используемые в практической деятельности [103, с. 273].

В российской научной литературе оно так же имеет множество значений:

1. *«Инновация»* как вложение средств в экономику, обеспечивающее смену поколений техники и технологии [7, с. 215].
2. *«Инновация»* как новшество в производственной и непроизводственной сферах, в области экономических, социальных, правовых отношений, науки, культуры, образования, здравоохранения, в сфере государственных финансов, в финансах бизнеса, в бюджетном рынке, в страховании [43, с. 367].
3. *Инновация (нововведение)* – конечный результат творческого труда, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, технологического процесса, реализуемых на рынке и используемых в практической деятельности [43, с. 367].

Таким образом, девиз инновации – «новое и иное» – характеризует многоликость этого понятия. Так, инновация в сфере услуг – это новшество в самой услуге, в ее производстве, предоставлении и потреблении, поведении работников. Нововведения далеко не всегда базируются на изобретениях и открытиях. Есть нововведения, которые основываются на идеях.

Инновационная деятельность – процесс использования результатов научной и научно-технической деятельности, направленный на их воплощение в новые или усовершенствованные продукты и технологические процессы, предназначенные для реализации на рынке и применения в практической деятельности. Инновационная деятельность включает в себя как деятельность непосредственно по освоению инноваций, так и содействие этой деятельности (информационные, консультационные, образовательные и иные услуги), а также создание и развитие инновационной инфраструктуры.

Инновационное развитие – это процесс закономерного изменения, получившего воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, технологического процесса.

Исходя из вышесказанного, инновационную составляющую в развитии малого предпринимательства можно рассматривать в контексте следующих основных направлений (рис. 3.3).

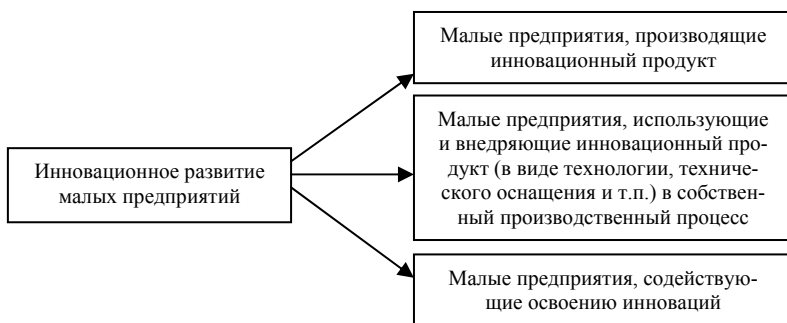

Рис. 3.3. Структура инновационной составляющей в развитии малого предпринимательства

Малые предприятия специализируются на выпуске товаров широкого потребления, компьютерной техники, производят продукцию для отраслей машиностроения, сельского хозяйства, текстильной, пищевой, радиотехнической, деревообрабатывающей и других отраслей промышленности. С небольшими динамичными компаниями во многих странах связываются немалые надежды на ускоренное развитие самых перспективных видов производства. В зарубежной прессе уже не раз отмечалось, что малые научно-технические фирмы по результатам исследовательских работ не уступают крупнейшим корпорациям. На долю небольших американских компаний приходится 50 % всех крупных изобретений, сделанных США в последние годы. В ФРГ, Японии этот показатель равен 20-30 %.

Малые предприятия, несмотря на ограниченные ресурсы, добились значительных успехов в разработке и реализации многих направлений НТП. Такие по истине революционные нововведения, как антибиотики, инсулин, пестициды, автоматические приводы, кондиционеры, кинескопы, ксероксы, шариковые ручки, кислородные конвекторы, крекинг нефти, целлофан, фотокамеры, микрокомпьютеры, разработали и впервые освоили мелкие фирмы. В промышленно развитых странах малые фирмы успешно участвуют в научных разработках и внедрении нововведений. Сейчас только в США действуют около 15 тысяч фирм, занятых интенсивными научными поисками. Вместе с тем, в отличие от крупных компаний, выполняющих большое количество различных проектов, малые фирмы концентрируют свои усилия на разработке одного-двух изобретений. Такая концентрация усилий и средств позволяет малому бизнесу повысить удельные расходы на НИОКР в совокупных объемах продаж нередко до 5-7 %. По этому показателю небольшие компании не только не уступают крупным промышленным гигантам, но зачастую превосходят их. Другой отличительной особенностью малых предпринимательских структур является короткий временный интервал, в течение которого осуществляются научные разработки, и значительная скорость внедрения полученных результатов исследования в производство. Ускоренное промышленное освоение изобретений дает малым предприятиям возможность получать ощутимый коммерческий эффект. В ходе обследования западными экономистами было установлено, что эффективность научных поисков малого бизнеса в целом по национальной промышленности развитых стран на 43 % выше, чем у крупнейших корпораций.

Постоянная готовность небольших динамических компаний в сфере НИОКР к риску является важным, но отнюдь не единственным направлением их научно-технической деятельности. Довольно часто малые фирмы выходят на рынок с более качественным товаром аналогом, с которым уже знаком потребитель. Кроме того, небольшие компании вносят в основные производственные процессы в качестве обязательных такие функции, как существенная доработка применяемой технологии, соответствующие изменения и коррективы. В целом же степень новаторства в научных разработках зависит от производственной ориентации компаний, решаемых ими задач и поставленных целей.

3.4. Современная ситуация на мировом рынке наукоемкой продукции

Современная ситуация на мировом рынке наукоемкой продукции определяется уровнем и динамикой развития высокотехнологичных секторов, которые отличаются в основных странах-экспортерах высокими тем-

пами роста и стимулируют развитие смежных отраслей промышленности и производств.

Первоначально термин «высокие технологии» (high technology) относился лишь к некоторым новейшим секторам промышленности с высокой долей удельных расходов на НИОКР, что соответствовало понятию «наукоемкие отрасли промышленности». Однако в настоящее время высокие технологии являются частью технологической базы практически всех отраслей экономики, поэтому данный термин стали трактовать довольно широко. Важнейшими критериями выделения конкретной отрасли, в том числе и непроизводственной, в категорию наукоемких (высокотехнологичных) входят: доля расходов на НИОКР в обороте или в стоимости условно чистой продукции; отношение численности занятых в сфере отраслевых НИОКР ко всему персоналу соответствующей отрасли.

Существует стандартная международная торговая классификация (SITC), согласно которой в группу ключевых технологий входят 16 наукоемких продуктов. Среди них – радиоактивные материалы, фармацевтическая продукция, оборудование для автоматизированной обработки информации, полупроводниковые устройства, телекоммуникационное оборудование, аэрокосмическая и медицинская техника и др. В группу технологий высокого уровня включен 41 вид продуктов (в том числе продукция автомобилестроения, машиностроения, электротехнической, химической промышленности и др.), которые рассчитаны на массового потребителя [163]. В тоже время при рассмотрении проблем рынка наукоемкой продукции ряд ведущих исследовательских зарубежных центров (например, Национальный научный фонд США) не используют научно обоснованные критерии для выделения высокотехнологичных отраслей, определяя их номенклатуру произвольно.

В 2001 г. доля США в мировой торговле наукоемкой продукцией составляла 19,4 %, Германия – 14,9 %, Япония – 12,4 %. Причем, отметим, что США и Япония специализируются в большей степени на экспорте ключевых технологий, тогда как Германия – на технологиях высокого уровня. В целом же следует отметить, если раньше группа ведущих экспортеров наукоемкой продукции оставалась более или менее постоянной, то 1990-х гг. ее состав начал постоянно размываться. Доля участия стран-лидеров стала сокращаться, между тем как происходит расширение присутствия на рынке таких стран, как Корея, Финляндия, Швеция, Нидерланды. Указанные страны также начали специализироваться на экспорте высокотехнологичной продукции и значительно увеличили расходы на НИОКР [227, с. 6].

В начале 2005 г. президент Франции Жак Ширак, выступая перед промышленниками и профсоюзами, обнародовал программу, в соответствии с которой новому Агентству промышленных инноваций будут до 2007 г. представлены 2 млрд. евро. Государству, по мнению президента, следует стимулировать инновации, прежде всего в крупных вертикально интегри-

рованных компаниях, а те, в свою очередь, при реализации проектов должны тесно сотрудничать с малым бизнесом [23].

Американские эксперты выступили с критикой инициатив президента Франции, а также руководства Еврокомиссии, предложившего ослабить антимонопольное законодательство и разрешить слияние компаний, в результате которых могли бы возникнуть «европейские чемпионы». По их мнению, указанные инициативы направлены на усиление государственного регулирования европейской экономики. Европа же больше нуждается в том, чтобы сравняться с США в предоставлении налоговых льгот для стимулирования НИОКР в частных компаниях, а также ослабление регулирования и налогового бремени, что облегчало бы деятельность молодых компаний, работающих в области высоких технологий.

Таким образом, развитие наукоемких комплексов промышленности в последние десятилетия влияло на ситуацию в мировой экономике и место конкретных стран в мировом хозяйстве и системе международного разделения труда. В целом в структуре мировой экономики наметились две основные тенденции: увеличение доли наукоемких секторов за счет сокращения доли отраслей, в меньшей степени использующих высококвалифицированный персонал; опережающий рост сектора наукоемких услуг.

В условиях формирования интегрированного мирового рынка наукоемких товаров и услуг за отдельными странами закрепляется определенная специализация, отражающая преимущественное развитие ключевых технологий или технологий высокого уровня в данной стране.

При этом страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), испытывают всевозрастающую конкуренцию со стороны стран с развивающейся экономикой и пытаются занять пока еще свободные ниши, выпуская более качественную и сложную продукцию или формируя новые наукоемкие отрасли на базе достижений пограничных направлений науки.

Данную ситуацию должны использовать и российские регионы, целенаправленно формируя свою специализацию на мировом и национальном рынках наукоемких товаров и услуг, и значительную роль в данном процессе необходимо отвести малому предпринимательству. В частности, в области нанотехнологий можно сказать, что освоение данной отрасли ведет к резкому улучшению потребительских свойств технической продукции, многократно превышающих существующий уровень, и к появлению принципиально новых потребительских свойств. Нанотехнологии экономически выгодны: инвесторам, осваивающим перспективное направление вложения финансовых ресурсов; конструкторам, реализующим многократно улучшенные потребительские свойства наноматериалов в передовых изделиях; предпринимателям, создающим предприятия по выпуску продукции с характеристиками выше достигнутого в настоящее время уровня.

3.5. Исследование основных причин, препятствующих инновационному развитию малого предпринимательства в российских регионах (на примере Ростовской области)

Потеря промышленных рынков стран бывшего социалистического лагеря и выход российских товаров на мировой рынок выявили низкую конкурентоспособность отечественных технологий и наукоемкой продукции. В период реформирования экономики технологическое отставание России продолжало нарастать. В стране так и не была создана целостная система государственного стимулирования высокотехнологичных производств. Не было принято ни одного документа, который позволял бы с учетом требований Всемирной торговой организации увеличивать отечественные поставки машин и оборудования на мировом рынке.

Россия, хотя и чрезвычайно слабо представлена на мировом рынке высокотехнологичной продукции, но нам кажется, что она в принципе обладает рядом наукоемких технологий, с которыми может на него выйти. Так, например, важной частью российской высокотехнологичной промышленности является атомное энергетическое машиностроение. Наша страна – один из крупнейших мировых экспортеров ядерных товаров и услуг. В настоящее время Россия строит за рубежом 5 атомных энергоблоков (больше, чем кто-либо в мире), контролирует 49 % мирового рынка услуг по обогащению урана и около 20 % – по поставкам такой высокотехнологичной продукции, как ядерное топливо. В 2004 г. экспорт атомной отрасли составил 3,16 млрд. долл. (ожидалось 3,5 млрд. долл.).

В России перечень наукоемких, высокотехнологичных отраслей и производств был разработан на основе опыта наиболее развитых стран. Он включает большую часть отраслей машиностроения, химическую, микробиологическую и медицинскую промышленность. Перечень наукоемких отраслей и производств не может быть стабильным длительное время и требует периодического пересмотра на основе новых достижений науки и техники.

Обобщая приведенные данные о внешних причинах, сдерживающих инновационную активность субъектов малого предпринимательства в Ростовской области (рис. 3.4), следует отметить, что на региональном уровне также преобладают факторы финансового характера, что актуализирует роль усиления финансовой поддержки, в том числе в части оптимизации региональных налоговых инструментов стимулирования инновационной деятельности.

Однако нельзя недооценивать важность других, нефинансовых форм поддержки, роль которых, по нашему мнению, должна быть существенно повышена.

Достаточно высокий балл получила такая причина ограничения инновационной активности, как высокие административные барьеры и кор-

рупция, что говорит о по-прежнему высокой актуальности работы региональной администрации в направлении их снижения.

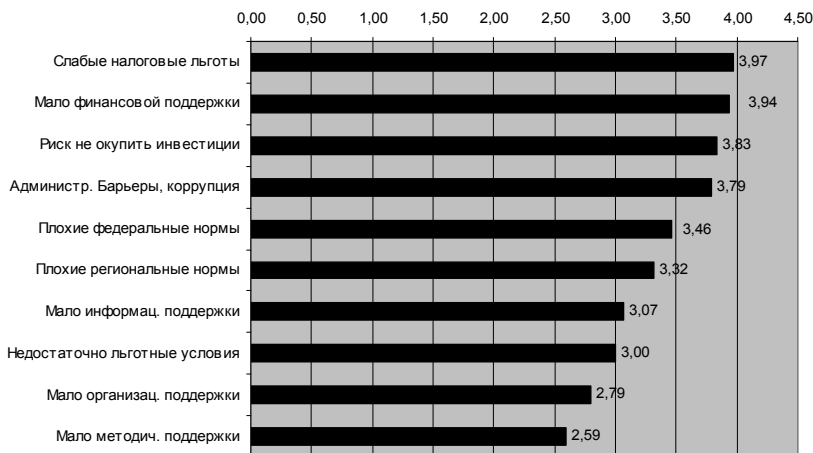

Рис. 3.4. Средневзвешенная балльная оценка внешних причин, препятствующих развитию инновационной деятельности субъектов малого предпринимательства Ростовской области [68]

Как было показано ранее, в условиях формирования интегрированного мирового рынка наукоемких товаров и услуг за отдельными странами закрепляется определенная специализация, отражающая преимущественное развитие ключевых технологий или технологий высокого уровня в данной стране. Данную стратегию должны использовать и российские регионы, целенаправленно формируя свою специализацию на мировом и национальном рынках наукоемких товаров и услуг, и значительную роль в данном процессе необходимо отвести малому предпринимательству.

В частности, для Ростовской области перспективной является развитие отрасли нанотехнологий. Можно сказать, что освоение данной отрасли ведет к резкому улучшению потребительских свойств технической продукции, многократно превышающих существующий уровень, и к появлению принципиально новых потребительских свойств. Нанотехнологии экономически выгодны: инвесторам, осваивающим перспективное направление вложения финансовых ресурсов; конструкторам, реализующим многократно улучшенные потребительские свойства наноматериалов в передовых изделиях; предпринимателям, создающим предприятия по выпуску продукции с характеристиками выше достигнутого в настоящее время уровня.

За последние годы в России сформирована система нормативно-правового и организационного обеспечения работ в области развития нанотехнологий, в том числе:

1. Концепция развития в РФ работ в области нанотехнологий на период до 2010 г.;
2. ФЗ № 139 от 19 июля 2007 г. «О Российской корпорации нанотехнологий»;
3. Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2012 гг.

Кроме того, научные исследования в указанной сфере выполняются в рамках федеральных и государственных программ. При этом объем финансирования НИОКР в сфере развития нанотехнологий постоянно растет. Только по федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» в 2005 г. объем финансирования составил 2,1 млрд. рублей, в 2007 г. – около 5 млрд. рублей, а с 2008 г. должен обеспечиваться ежегодный прирост в 25-35 %.

Все это, наряду с имеющимся в регионе научно-техническим потенциалом делает развитие нанотехнологий перспективным направлением формирования специализации Ростовской области на национальном и мировом рынках наукоемких товаров и услуг.

3.6. Роль малых предприятий в формировании инновационной системы региона

В последнее время в России предпринимаются определенные шаги по созданию национальной инновационной системы. Мероприятия по ее развитию, включенные в «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010г.», предполагается осуществить в течение ближайших пяти лет. Однако сформировать современную инновационную систему за этот отрезок времени, по-видимому, маловероятно. Поэтому основная задача должна сводиться к созданию реальной основы для перевода экономики на инновационный путь развития. Для этого необходимо определить некоторые негативные моменты и в первую очередь это то, что наряду с сокращением предприятий промышленности прослеживается сокращение малых предприятий научной сферы (как относительное, так и абсолютное). В Советском Союзе государство направляло значительные бюджетные средства на финансирование как фундаментальных, так и прикладных научных исследований. В результате Россия стала обладательницей огромного числа различных научных разработок, полностью использовать которые в силу известных причин она сейчас не в состоянии. По официальным источникам интеллектуальная собственность оценивается примерно в 400 миллиардов долларов и может приносить ежегодно порядка 60-70 миллиардов долларов. Вместо этого, будучи невостребованной, она обесценивается ежегодно

минимум на 20 %, омертвляются огромные интеллектуальные и материальные ресурсы [82].

Малые инновационные фирмы являются важным компонентом национальной инновационной системы страны, поскольку выступают в качестве связующего звена между наукой и ее практическими приложениями. Вследствие рискованного характера своей деятельности состав малых предприятий все время меняется, множество фирм гибнет, но вместо них возникают новые. Это создает некий баланс и обеспечивает наличие необходимого количества малых фирм в национальной инновационной системе. Специфика российской ситуации состоит в том, что число малых предприятий пока еще недостаточно, а имманентный малому предпринимательству инновационный потенциал невозможно реализовать без поддержки развитых институтов финансового рынка. Венчурные инвесторы и «бизнес-ангелы», которые появляются в России, предъявляют свой список претензий к малому бизнесу, что не стимулирует и препятствует развитию малых инновационных фирм.

Очевидно, что для того, чтобы Россия могла рассчитывать на достойное участие в международном разделении труда, необходима ориентация на инновационный путь развития, необходимым условием которого является наличие эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей переход результатов научных разработок на рынок продуктов и услуг. В данном контексте наиболее актуальным на наш взгляд, стала бы разработка региональными органами власти отдельных программ по формированию венчурных фондов для поддержки инновационного малого предпринимательства.

Одной из причин того, что в России сформировался такой рынок деформированного типа, можно считать не продуманное перенесение на отечественную практику успешного зарубежного опыта. Ошибка была в том, что концепция «шоковой терапии» была принята без учета условий, в которых она может быть эффективной. Опыт западных стран свидетельствует, что одной из целей введения «шоковой терапии» является потребность вскрыть узкие места, сдерживающие развитие экономики, куда незамедлительно должен устремиться частный предприниматель. Налаживая соответствующее производство (нередко при государственной поддержке), предпринимательская сфера «растворяет тромбы» в экономике и в короткие сроки выводит ее из кризиса. Однако в России это не произошло, так как при введении «шоковой терапии» еще не сформировалось главное условие ее положительной результативности – малое предпринимательство.

Что касается участия малых предприятий во внешнеэкономической деятельности России, то следует отметить, что многие российские малые фирмы, как правило, еще не подготовлены к успешной деятельности на внешних рынках, не имеют необходимых навыков, плохо разбираются в конъюнктуре мировых рынков и не знакомы с комплексом организацион-

ных и правовых вопросов, связанных с продвижением и реализацией товара за рубежом. Кроме того, выход на зарубежные рынки сбыта требует крупных первичных инвестиций, обеспечение которых является большой проблемой для большинства малых предприятий.

В последние годы исключительно высокими темпами набирает силу Интернет-торговля. Для малого предпринимательства эта форма бизнеса особенно привлекательна более низкими издержками обращения, т.к. она позволяет сократить их на четверть, тогда как бумажный документооборот часто достигает до 10 % стоимости товара. При этом существенно снижаются затраты, связанные с передачей информации, оперативностью ее получения, особенно на международном и региональном уровнях.

Исходя из вышеизложенного, следует еще раз подчеркнуть, что для того, чтобы минимизировать негативные факторы и обеспечить благоприятные перспективы развития малого предпринимательства, необходимо эффективное административно-правовое регулирование предпринимательских отношений, которое будет способствовать повышению эффективности экономических процессов, возрастанию уровня удовлетворения общественных потребностей, направлению капитала в реальный сектор экономики, обеспечению соответствия спроса и предложения, экономическому росту и национальной безопасности государства, повышению конкурентоспособности российской экономики как главного фактора роста благосостояния россиян.

3.7. Основные направления совершенствования системы государственной поддержки развития малого предпринимательства в регионах

Эффективное развитие малого предпринимательства возможно лишь при поддержке его государством, создающим оптимальные макроэкономические условия для его функционирования. Опыт подавляющего большинства зарубежных стран показывает, что государственная политика в отношении МП является важным самостоятельным системным направлением социально-экономической политики государства в целом в соответствии с основными национальными интересами. Она строится на принципе создания наибольшего благоприятствования развитию сектора МП, особенно в тех направлениях деятельности, которые дают максимальный социально-экономический эффект в стране или в регионе, либо в совокупности стран.

Международные и российские эксперты объясняют явное отличие в развитии малого предпринимательства в России и в странах с переходной экономикой, прежде всего недостатками в создании здоровой экономической инфраструктуры, а также недостатками в рамочных условиях осуществления

предпринимательской деятельности. Так, называются, прежде всего, следующие проблемы малого предпринимательства в России [25, с. 19]:

- недостаточная ясность, содержательность и практическое применение законов и других нормативных актов (высокие косвенные расходы для МСП);
- неблагоприятная по отношению к малым и средним предприятиям система административного управления (бюрократические барьеры, коррупция) и недостатки институционального характера, например, неразвитая банковская и в целом финансовая система, слабая система поддержки малых и средних предприятий;
- недостаточная подготовленность руководителей частного бизнеса (дефицит качественного менеджмента).

В последние годы экспансия крупных российских торговых сетей начала беспрепятственно осуществляться в регионы, тем самым, вытесняя местные малые торговые предприятия. Кроме того, данные сети имеют уже налаженные связи с предприятиями-поставщиками, а потому локальные малые фирмы остаются без рынков сбыта, или же им предъявляются чрезмерно жесткие и непосильные требования: плата за возможность реализации товара в данном супермаркете, предоставление персонала малого предприятия для нужд супермаркета.

Подробные явления возникают в связи с проявлением провалов рынка [83, с. 34-35]:

1. Несовершенство конкуренции (высокая степень конкуренции и высокие барьеры входа на рынок).

Органами местного самоуправления проще регулировать сетевые структуры, чем большое число мелких предпринимателей, поэтому сетевые структуры поддерживаются во всех городах. Основными сферами вытеснения сетевыми структурами малого бизнеса является торговля, общественное питание, игровой бизнес и казино, в частности службы бытового обслуживания населения, аптечный бизнес и некоторые другие. Сетевые структуры, близкие к органам власти муниципального или регионального уровней, обычно получают существенно более выгодные условия по платежам за используемые нежилые помещения, затраты на оплату которых являются для любого бизнеса в городских условиях важнейшей статьей расходов, имеют возможность получать кредиты и гарантии по кредитам, к ним применяется льготный режим проверок различными структурами.

В сложившейся ситуации органы власти и управления регионов могут утверждать, что на их территориях успешно развивается бизнес, не добиваясь формирования условий более или менее свободной и честной конкуренции за потребителей товаров и услуг.

2. Существование внешних эффектов. Широко понимаемые внешние эффекты тесно сопряжены с понятием альтернативной стоимости исполь-

зования ресурсов (экономических благ). Если какой-либо хозяйствующий субъект эксплуатирует ограниченные ресурсы, не возмещая их полной стоимости, издержки ложатся на остальных участников хозяйственной деятельности. В этом случае экономика имеет дело с негативным внешним эффектом. Позитивный внешний эффект связан с принятием на себя хозяйствующим субъектом дополнительных расходов (издержки использования ресурса превышают его альтернативную стоимость). Негативные последствия отрицательных экстерналий (внешних эффектов) связаны с проявлением тенденции к относительному перепроизводству при расточительном расходовании ресурсов. Для положительных экстерналий ситуация обратная: имеет место недопроизводство, сопровождаемое повышением цен на производимую продукцию (работы, услуги).

3. Неполнота (асимметрия) информации. Неполнота информации ограничивает возможности эффективного использования ресурсов, обуславливая неоптимальное поведение продавцов и покупателей. В частности, это приводит к ограничению конкуренции и созданию препятствий для заключения долгосрочных контрактов. Под информационной асимметрией понимается неравномерность распределения информации, необходимой для принятия экономическими агентами рациональных решений. Так, по данным общероссийского исследования ОПОРА России и ВЦИОМ, распространенным источником информации о ситуации в отрасли в среде малых предпринимателей являются личные контакты с людьми, компетентными в данных вопросах (65,2 %). Менее популярна среди опрошенных деловая пресса (43,8 %), а также Интернет (34,7 %). Согласно полученным данным, абсолютное большинство предпринимателей в целом по России никогда не принимали участия в тендерах (80,6 %). Этот показатель практически одинаков во всех федеральных округах. Информацию о тендерах предприниматели практически в равной мере получают из личных контактов с представителями администрации (8,4 %), личных контактов с другими предпринимателями (5,4 %), официальных изданий (4,3 %) [154, с. 76-77].

Государственное регулирование малого предпринимательства, как и государственное регулирование экономики в целом, должно осуществляться в соответствии с принципами обязательной, предельно полной и эффективной реализации истинно необходимых функций государственного регулирования с одновременным сокращением вмешательства в сферы, где провалы рыночного механизма минимальны либо не проявляются вообще, что в конечном результате будет служить основной цели – сокращению административных, экономических и организационных барьеров для развития предпринимательства.

Реализация государственной политики, обеспечивающей благоприятные условия для развития МП, требует создание правовой, финансовой и институциональной системы, эффективное функционирование которой предполагает постоянное взаимодействие и координацию деятельности

всех ее элементов при минимальном дублировании функций, ориентацию как на общие цели социально-экономической политики государства, так и на интересы субъектов малого предпринимательства.

Так, основными целями государственной поддержки малого предпринимательства являются:

- создание правовых и организационных условий для роста деловой активности малых предприятий;
- реализацию экономической политики, включая научно-техническую, инновационную, инвестиционную и ценовую;
- реализацию налоговой и финансово-кредитной политики для обеспечения эффективности развития малого бизнеса;
- оказание малым фирмам содействия в осуществлении внешне-экономической деятельности;
- применение по отношению к малым предприятиям специальных мер поддержки с учетом особенностей каждой отрасли и региона, отдельных групп предпринимателей и видов деятельности: поощрение ремесел отдельных работ, артельных и семейных форм организации деятельности;
- упрощение порядка регистрации и форм отчетности, сокращение перечня лицензируемых видов деятельности.

То есть государство в своей политике развития малого предпринимательства, с помощью законодательства, должно создавать и обеспечивать организационно-правовые основы предпринимательской деятельности; создавать благоприятные условия функционирования всех рыночных механизмов; обеспечивать организационные основы хозяйственной деятельности; организовывать деятельность по борьбе с коррупцией, взяточничеством, уголовной преступностью, незаконным бизнесом и другими негативными явлениями, отрицательно влияющими на предпринимательскую деятельность.

Государство должно обеспечивать финансирование исполнительных органов власти – государственного аппарата, осуществляющего функции регулирования предпринимательской деятельности и экономики в целом, соблюдение правовых норм и законодательства о предпринимательской деятельности; контроль развития процессов на макроэкономическом уровне, внешнеэкономических связей, контроль исполнительных органов власти. Деятельность государства должна быть направлена на обеспечение макроэкономической стабильности, оптимизацию структуры экономики, стимулирование экономического роста, обеспечение основ социально-экономического развития, управление объектами государственной собственности, оказание финансового и организационного содействия частным предпринимателям в их хозяйственной деятельности.

Таким образом, государство должно создавать благоприятные общие условия для экономической деятельности малых предприятий. К примеру,

в Японии поддержка малых предприятий в соответствии с «Законом о поддержке бизнес-инноваций малых и средних предприятий» помимо диверсификации нужд потребителей, интенсификации ценовой конкуренции, информатизации и интернационализации, направлена на активное развитие всей японской экономики путем поддержки бизнес-инноваций с целью развития производства новых товаров и оказания новых услуг.

Несомненно, что способствование государства развитию конкурентного рынка может привести к увеличению «смертности» как среди уже давно действующих на рынке фирм, так и особенно среди вновь созданных малых предприятий. Тем не менее, исторический опыт развитых стран свидетельствует о том, что при благоприятных макроэкономических условиях, которые в немалой степени являются результатом активной политики по поддержанию и развитию конкурентных начал в экономике, динамика рождения новых фирм стабильно превышает динамику смертности уже существующих предприятий.

Формы государственного регулирования субъектов малого предпринимательства можно классифицировать следующим образом.

Одно из традиционных оснований классификации – степень непосредственного воздействия государства на процесс принятия решений субъектами малого предпринимательства, в зависимости от которого выделяют два метода этого воздействия: прямые и косвенные.

Прямые методы оказывают непосредственное воздействие на деятельность хозяйствующих субъектов, вынуждают их принимать решения, основанные не на самостоятельном экономическом выборе, а на предписаниях государства, силе государственной власти. Так, к прямым методам регулирования деятельности малых предприятий можно отнести: нормативные требования к качеству и сертификации технологий и продукции; правовые и административные ограничения и запреты по выпуску определенных видов продукции и т.п.; лицензирование отдельных видов деятельности и т.п.

По оценкам аналитиков на конец 1990-х годов регистрация занимала у российских компаний в среднем в четыре раза больше времени, чем, например, у польских. Продолжительность данной процедуры составляла от двух-четырех недель до полугода. При этом суммарная стоимость регистрации варьировалась от 50-100 до 50-1000 долларов США в зависимости от срочности регистрации и региона, где она осуществлялась [169, с. 8]. Теперь на уровне субъектов Российской Федерации невозможно установление или изменение норм, правил или требований в области регистрации юридических лиц. Вместе с тем, закон так и не решил одну из важнейших задач, которая ставилась при его создании, – переход к принципу «одного окна», поскольку не были изменены порядок постановки на налоговый учет и процедура регистрации в органах государственной статистики, Пенсионном фонде и Фонде социального страхования. Реализация регистрации бизнеса по системе «одного окна» оказалась далекой от соответ-

ствующих деклараций должностных лиц органов государственного и муниципального управления: вместо одного подхода к «окну» необходимо осуществлять четыре, перед этим и между подходами к этому «окну» необходимо собирать дополнительные справки и документы, необходимые для регистрации и т.п. В итоге пока система регистрации через «одно окно» уровень коррупции ни в одном регионе не снизился. Неурегулированной на федеральном уровне остается процедура государственной регистрации индивидуальных предпринимателей.

Закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», сокращающий список видов лицензируемых видов деятельности с более чем 500 до 100, упрощающий процедуру получения лицензии на срок не менее 5 лет, вводящий гражданско-правовую ответственность лицензирующего органа за незаконный отказ в лицензии, на практике не принес ожидаемых результатов. Ключевым моментом бюрократии по сохранению своих позиций и доходов в этом институте стали завышение сроков выдаваемых лицензий, отказ в выдаче лицензий, завышение нормативной стоимости выдаваемых лицензий, за счет проведения предлицензионной проверки соискателей лицензии на предмет их соответствия лицензионным требованиям и условиям. Так, обязательным условием для принятия решения о выдаче лицензии на ряд видов деятельности является представление заключения органов государственного контроля (надзора). Например, при выдаче лицензий на фармацевтическую деятельность, производство дезинфекционных, дезинсекционных и дератизационных средств, требуется заключение органов санитарно-эпидемиологического надзора, а так же органов пожарной безопасности и милиции.

Так, например, если в соответствии с федеральным законодательством сама лицензия стоит 1000 рублей, экспертиза торговой точки, по мнению администрации, уже 3000 рублей, а рассмотрение заявления административной комиссией всего 300 рублей. В итоге весь процесс получения лицензии оценивается уже в 4300 рублей.

Исходя из анализа недостатков действующей системы регистрации и лицензирования малых предприятий, автор считает целесообразным рекомендовать завершение на практике реализации политики «одного окна» при регистрации субъекта малого предпринимательства и создание оптимальных условий для функционирования этого механизма на территории страны. Для этого необходимо создание механизма взаимодействия налоговых структур с фондами пенсионного и социального страхования, а также с органами статистики для регистрации предприятия без взаимодействия с ними предпринимателя.

Косвенное же регулирование малого предпринимательства осуществляется государством опосредованно, и оно нацелено на формирование среды с определенными «правилами игры», действующими в отношении всех участников рынка, т.е. через стимулирование связей между крупными и малы-

ми предприятиями на основе механизма франчайзинга, субподряда и лизинга; развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, обеспечивающей его развитие (учебных центров, бизнес-инкубаторов, технопарков, лизинговых, консалтинговых и аудиторских фирм и т.п.); влияние на деятельность предприятий через социальные налоговые режимы или льготы; предоставление в бесплатное пользование или льготную аренду малым предприятиям государственного имущества; выделение субвенций и дотаций регионам и муниципальным образованиям в качестве поощрения за высокий уровень развития малого предпринимательства.

Важным принципом государственной поддержки малого бизнеса является сочетание косвенной поддержки сектора малого бизнеса в целом с избирательной (селективной) поддержкой отдельных групп предприятий. Очевидно, устойчивые, жизнеспособные малые предприятия, которых в нормально функционирующей рыночной экономике большинство, нуждаются лишь в защите от дискриминации в общих правовых рамках, и лишь некоторые группы малых предприятий не могут нормально развиваться без дополнительной поддержки. В большей степени, на наш взгляд, в такой поддержке нуждаются стартовые инновационные малые предприятия, женский, молодежный малый бизнес и т.д., выполняющие важную социальную роль в экономике, способствующие преодолению несовершенства рынка и создающие условия для развития сектора малого бизнеса в целом и повышения эффективности экономики страны.

По организационно-институциональной структуре различают административные и экономические методы.

Специфика административных методов состоит в том, что они представляют собой обязательные для исполнения требования и распоряжения государства по отношению к экономической деятельности предприятий. Должны обеспечивать стабильность юридической обстановки для деловой жизни; защиту конкурентной среды; гарантирование права собственности свободы принятия правовых решений через создание и использование нормативно-правовой базы.

Для того, чтобы развивать российскую экономику и привести ее с учетом национальной специфики к рыночным отношениям, необходимо эффективное административно-правовое регулирование предпринимательских отношений, которое будет способствовать повышению эффективности экономических процессов, возрастанию уровня удовлетворения общественных потребностей, направлению капитала в реальный сектор экономики, смягчению и устранению кризисов перепроизводства, обеспечению соответствия спроса и предложения, экономическому росту и национальной безопасности государства, повышению конкурентоспособности российской экономики как главного фактора роста благосостояния россиян.

3.8. Механизм управления устойчивым развитием малых предпринимательских структур

Процесс управления устойчивым развитием малого промышленного предприятия основывается на механизме, который применим на следующих уровнях исследования (рис. 3.5):

1. на методологическом – раскрывает взаимосвязь индикаторов обеспечения устойчивости развития малой предпринимательской структуры; определяет интеграцию показателей и процедур решения, формирование оценочной матричной модели, определение пороговых значений индикаторов развития и коэффициентов ограничений;
2. на методическом – позволяет использовать минимальное количество показателей; единство принципов и сопоставимость в оценках ввиду применения относительных величин; повышение информативности в системе управления;
3. на прикладном – позволяет связать изменения в предпринимательской среде с внутренней учетной информацией малых предприятий, что способствует наглядности, доступности в представленных результатах управления.

Структура механизма управления устойчивым развитием малого предприятия состоит из: рыночных методов регулирования развития малого предприятия, формирование и наличие которых определяет предпринимательская среда; государственных методов регулирования предпринимательской деятельности, находящие отражение в государственной поддержке малых предприятий, применении льгот при их налогообложении; финансовых методов регулирования, определяющие кредитно-денежную политику в отношении малого предпринимательства. Механизм позволяет обеспечить оперативное управление тремя подсистемами малого предприятия – производственной, финансовой и маркетинговой на основе анализа изменений индикаторов их состояния. При этом направленность управления развитием малого предприятия в условиях нестабильной предпринимательской среды состоит в упреждении возникновения кризисных явлений в его экономике.

Механизм управления содержит различные сценарии развития предприятия в зависимости от состояния внутренней среды и наличия внешних угроз: интеграция малых предпринимательских структур для ускорения их экономического развития; преодоление кризисного явления с последующим устойчивым функционированием и развитием хозяйствующего субъекта (положительный прогноз); диверсификация основной деятельности и обеспечение развития и функционирования хозяйствующего субъекта в новых производственных условиях, прекращение деятельности хозяйствующего субъекта и ликвидация последствий кризиса (при неудовлетворительном прогнозе).

Рис.3.5. Механизм управления устойчивым развитием малых предпринимательских структур

В России необходимо обеспечить целенаправленное государственное и прежде всего административно-правовое регулирование, а также стимулирование предпринимательства в сфере материального производства, которое составляет основу жизни людей, создает условия для развития непроизводственной сферы: здравоохранения, просвещения, фундаментальной науки и т.д.

Следует отметить, что «правовое поле» регулирования малого предпринимательства в последние годы значительно изменилось и, к сожалению, не в лучшую сторону для его субъектов. Основной закон регулирования деятельности малых предприятий от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», на наш взгляд не справился с отведенной ему задачей развития малого предпринимательства на территории страны по следующим причи-

нам: несоответствие законодательства и практики, отсылочный характер нескольких статей, нестыковка различных законодательных и нормативных актов. Так, в данном законе указывается, что государственная поддержка малого предпринимательства должна быть направлена, в том числе и на установление упрощенного порядка регистрации субъектов малого предпринимательства, лицензирования их деятельности, сертификации их продукции, поддержку их внешнеэкономической деятельности. Однако ни ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», ни ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», ни ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» не предусматривают соответствующих льгот. Так, в законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» оговаривается, что «по заявлению соискателя лицензии или лицензиата в отношении отдельных видов деятельности, лицензирование которых осуществляется в целях защиты имущественных прав и законных интересов граждан, может применяться упрощенный порядок лицензирования при условии заключения соискателем лицензии или лицензиатом договора страхования гражданской ответственности либо при наличии у лицензиата сертификата соответствия осуществляемого им лицензируемого вида деятельности международным стандартам», однако, здесь никакой оговорки в пользу малых предприятий не делается.

Тем же Федеральным законом устанавливается, что государственная поддержка малого предпринимательства должна быть направлена на «создание льготных условий использования субъектами малого предпринимательства государственных финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, а также научно-технических разработок и технологий», а в ст. 7 п. 2 государственные и муниципальные программы поддержки малого предпринимательства должны включать меры, в частности:

- по обеспечению передачи субъектам малого предпринимательства не завершенных строительством и пустующих объектов, а равно нерентабельных и убыточных предприятий на льготных условиях;
- меры по обеспечению субъектам малого предпринимательства возможности первоочередного выкупа арендуемых ими объектов недвижимости с учетом вложенных в указанные объекты средств.

Однако в Федеральном Законе от 21.12.2001 №178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» не оговаривается возможность предоставления отдельным категориям предпринимателей преимущественных прав при выкупе нежилых помещений, что и обуславливает отсутствие практики реализации указанных мер по поддержке малого предпринимательства.

В соответствии с вступившим в силу с 1 января 2006 года законом «Об общих принципах организации местного самоуправления», до 1 января 2009 года муниципальные власти должны приватизировать принадлежащее

им имущество, не предназначенное для реализации ими публичных функций и полномочий. По подсчетам президента «ОПОРА России» Сергея Борисова, если малый бизнес не получит никаких льгот при выкупе помещений, то около 40 % малых предприятий могут потерять свой бизнес.

При данных обстоятельствах немаловажное значение приобрело бы:

- внесение дополнений в Закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» в части предоставления исключительных прав субъектам малого предпринимательства при приватизации, арендуемой ими недвижимости с целью совершенствования законодательства в области поддержки малого предпринимательства и в области приватизации, что предоставило бы субъектам малого предпринимательства дополнительный стимул развития;
- внесение поправок в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» в части установления упрощенного порядка лицензирования деятельности субъектов малого предпринимательства.

С помощью экономических методов государственного воздействия на поведение предпринимателей путем изменения существующей системы стимулов или экономического риска, создавая такие условия, которые направляют их деятельность в нужное для государства русло. Так, например, государство, предоставляя гарантии по кредитам, стимулирует реализацию выгодных для общества проектов или, снижая уровень налогов, повышает прибыльность предпринимательской деятельности, что в первую очередь стимулирует включение в бизнес новых субъектов.

Помимо этого законами Российской Федерации устанавливаются льготы по налогообложению для организаций, осуществляющих поддержку субъектов малого предпринимательства, а именно для фондов поддержки малого предпринимательства, инвестиционных и лизинговых компаний, кредитных и страховых организаций, а также предприятий, учреждений и организаций, создаваемых в целях выполнения работ для субъектов малого предпринимательства и оказания им услуг.

3.9. Координация федерального, регионального и местного уровней реализации политики в сфере развития малого предпринимательства

Координация федерального, регионального и местного уровней реализации политики требует учета того, какие цели и какими средствами могут быть достигнуты с наибольшим эффектом на соответствующем уровне. Так, федеральный уровень должен в первую очередь обеспечивать создание и развитие правовых рамок, общих «правил игры». Совершенно очевидно, что кредитно-финансовая и инфраструктурная поддержка мало-

го бизнеса должна в основном оказываться на региональном и местном уровнях власти. Только учет сложившихся в каждом регионе условий производства, потребностей населения, наличных ресурсов позволяет разработать и реализовать адекватные подходы к решению этих задач. Именно на уровне регионов и местного самоуправления должны определяться приоритетные направления поддержки малого бизнеса, здесь же нужно вести работу с конкретными проектами, отбор финансовых и иных институтов, участвующих в реализации отдельных мероприятий.

Однако большинство региональных государственных программ поддержки малого предпринимательства разрабатываются на основе федеральной программы, и фактически и тексты программ, и мероприятия просто копируются без учета спроса, возможностей и особенностей развития малого бизнеса на местах, что приводит к невыполнению или неэффективному выполнению региональных программ. Попытка уйти от такого копирования первоначально была предпринята в проекте программы на 2002-2004 гг., в которой предлагалось проводить конкурсы региональных и специальных программ и проектов, построенных исключительно на региональных приоритетах и возможностях, и частично финансировать их за счет федеральной программы, но пока желаемого результата не дало.

Невозможно оставить без внимания тот факт, что как бы хорошо не были прописаны нормы и законы, как бы не были совершенны программы и мероприятия, направленные на развитие малого предпринимательства в России, их действительный результат и практическая значимость будут достигнуты лишь при 2-х взаимосвязанных условиях:

- изменения отношения органов власти к субъектам малого предпринимательства;
- снятие административных барьеров, которые не только мешают развитию предпринимательства, но и приводят к подавлению деловой и инвестиционной активности, а также к увеличению непроизводительных издержек субъектов предпринимательства, вынуждая малые предприятия уходить в теневую экономику с целью сокращения транзакционных издержек.

Специалисты, анализирующие оборот теневой экономики, оценивают его не менее чем в 40 % от валового внутреннего продукта, что наносит существенный урон экономическому развитию страны.

Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства» реализацию большинства мер поддержки предоставляет фондам поддержки предпринимательства, а также специально создаваемым организациям инфраструктуры поддержки.

Так, на основании данного закона и Постановления Правительства Российской Федерации от 4 декабря 1995 г. № 1184 был учрежден Федеральный фонд поддержки малого предпринимательства. Однако за десятилетнее существование данный институт в области поддержки и развития малого

предпринимательства не доказал своей эффективности и был ликвидирован Постановлением Правительства РФ № 106 от 2 марта 2005 г. «О ликвидации Федерального фонда поддержки малого предпринимательства».

Тем не менее, субъекты Российской Федерации и муниципалитеты для реализации своих полномочий в области поддержки малого предпринимательства имеют право учреждать фонды поддержки малого предпринимательства.

Основными направлениями деятельности фондов поддержки малого предпринимательства в соответствии с законом являются:

- содействие в формировании рыночных отношений на основе государственной поддержки малого предпринимательства и развития конкуренции путем привлечения и эффективного использования финансовых ресурсов для реализации целевых программ, проектов и мероприятий в области малого предпринимательства;
- участие в разработке, проведении экспертизы и конкурсном отборе, а также в реализации федеральных, региональных (межрегиональных), отраслевых (межотраслевых) и муниципальных программ развития и поддержки малого предпринимательства, проектов в области малого предпринимательства, демонополизации экономики, развития конкуренции, насыщение товарного рынка, создание новых рабочих мест;
- участие в формировании инфраструктуры рынка, обеспечивающей равные условия и возможности для осуществления деятельности в области малого предпринимательства;
- поддержка инновационной деятельности предпринимательских структур;
- содействие в привлечении отечественных и иностранных инвестиций для реализации приоритетных направлений деятельности по созданию конкурентной среды и развитию малого предпринимательства;
- организация консультаций по вопросам налогообложения и применения норм законодательства;
- компенсация кредитным организациям полностью или частично недополученных ими доходов при кредитовании субъектов малого предпринимательства на льготных условиях;
- компенсация субъектам малого предпринимательства полностью или частично расходов, связанных с информационным обслуживанием их деятельности;
- долевое участие в создании и деятельности хозяйствующих субъектов, обеспечивающих развитие инфраструктуры рынка;
- финансирование мероприятий по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров для малых предприятий, поддержке новых коммерческих структур, защите прав потребителей;

- финансирование научных исследований, научно-практических конференций, симпозиумов, совещаний.

Кроме того, с участием государственных и муниципальных органов власти создаются прочие организации инфраструктуры поддержки малого предпринимательства: бизнес-инкубаторы, технопарки, консалтинговые, деловые и правовые центры и другие, осуществляющие информационную, кредитную, консалтинговую, технологическую поддержку.

Взаимодействие малого бизнеса с государством как один из наиболее значительных участков хозяйственного оборота предполагает расширение возможностей участия субъектов малого предпринимательства в поставках продукции, выполнении работ и оказании услуг для государственных нужд. Это обеспечивает малым предприятиям гарантированный рынок сбыта, способствует стабилизации финансового положения, стимулирует повышение технического уровня производства и качества продукции. Важность данного направления поддержки малого предпринимательства подтверждается зарубежным опытом.

Однако в России практическая реализация этих правовых норм весьма далека от совершенства: поставки для государственных нужд остаются прерогативой, прежде всего крупных компаний, в первую очередь тех, которые имеют давние сложившиеся связи с государственными заказчиками. При недостаточной проработанности и четкости правовых и организационных вопросов существует широкий набор возможностей для устранения субъектов малого предпринимательства с этого рынка.

Сами по себе государственные заказы со стороны федеральных, региональных органов власти, являясь инструментом поддержки отдельных малых предприятий, могут отрицательно влиять на состояние локальных рынков, поскольку неограниченность механизмов размещения заказов фактически приводит к усилению монополизма, дискриминации отдельных хозяйствующих субъектов, нарушению конкурентной среды и, кроме того, к различным злоупотреблениям.

Для осуществления целенаправленной поддержки в области доступа малых хозяйствующих субъектов к государственным и муниципальным заказам, на наш взгляд, необходимо:

- установление прозрачных и формализованных процедур проведения конкурсов, которые бы давали равные возможности доступа всем субъектам малого предпринимательства вне зависимости от их размера.

Формирование информационной инфраструктуры – должно включать:

- разработку программы информационного обеспечения субъектов малого предпринимательства, определение основных направлений развития в этой сфере;
- осуществление эффективного взаимодействия органов власти со СМИ: распространение информации о проводимых мероприятиях, конкурсах;

- создание информационных и консультационных центров в целях обеспечения субъектов малого предпринимательства необходимой правовой и экономической информацией, информацией, касающейся приватизируемого имущества, оказания консультационных услуг в части ведения бухгалтерского учета и т.д.

В целом ожидаемое широкомасштабное развитие малого бизнеса и samozанятости в России не состоялось. Однако Правительством РФ была оговорена цифра, это 6 миллионов малых и средних предприятий, по планам минэкономразвития, должны появиться в России к 2020 году. Сейчас их всего, 1,1 миллиона и 2,7 миллиона индивидуальных предпринимателей.

В связи с этим мы считаем, что необходимо предпринять конкретные шаги навстречу малому бизнесу и существующий сейчас разрешительный порядок открытия бизнеса заменят на уведомительный:

1. Все плановые проверки, кроме налоговых, контролеры должны проводить не чаще одного раза в три года, а вне плана проверки проводить только для выявления нарушений, которые представляют угрозу жизни и здоровью людей и по согласованию с прокурором. Количество оснований, по которым милиции можно контролировать работу малых предприятий на потребительском рынке, должны сократиться на несколько пунктов.
2. По нашему мнению, на смену лицензированию должны прийти страхование, финансовые гарантии, предоставить возможность для развития саморегулируемым организациям бизнеса. В общей сложности число обязательных норм и сертификатов необходимо сократить на треть.
3. Предпринимателей работающих по единому налогу на вмененный доход (ЕНВД), избавить от обязательного применения контрольно-кассовых аппаратов. Это позволит бизнесу сэкономить за год не менее 30 миллиардов рублей.
4. Предпринимателям, работающим по упрощенной системе налогообложения, отчеты можно будет предоставлять не ежеквартально, как сейчас, а раз в год. А тем, кто работает по патенту, необходимо разрешить нанимать на работу до пяти человек. Одновременно можно расширить перечень видов деятельности, подпадающих под патентную систему, и включить в нее тех, кто занимается сразу несколькими видами бизнеса.
5. Еще один «большой» вопрос – доступ к энергетической, газовой и коммунальной инфраструктуре. Сейчас на подключение к этим услугам уходит много сил, времени и денег. Необходимо сделать эти процедуры максимально прозрачными, наладить работу системы «одного окна», а для предпринимателей, потребляющих до 100 киловатт в час, – существенно снизить плату за подсоединение.

6. Все арендуемые ими офисы включить в специальные региональные и муниципальные фонды и предоставлять в аренду на долгосрочной льготной основе. Что же касается выкупа помещений, то добросовестным арендаторам дать право на его приватизацию в первую очередь.
7. И, наконец, малый бизнес должен получить доступ к «дешевым» деньгам. Малым инновационным предприятиям необходимо помогать на начальной стадии из средств Российской венчурной компании. На региональном и муниципальном уровне создать государственно-частные фонды прямых инвестиций.
8. Поскольку малый бизнес создается за счет «отчищенных» от налогов средств и каждое второе предприятие разоряется (был взят за внимание зарубежный и российский опыт), то мы считаем, что в течение своего становления малые предприятия (3 года) не должны платить налоги.

Таким образом, при выполнении всех вышеперечисленных шагов, будет иметь место ощутимый положительный эффект для малого бизнеса и самозанятости, а также для системы учета и контроля за ними. Кроме того, повысится качество анализа информации о малом предпринимательстве.

ГЛАВА 4

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

4.1. Имидж России в XXI веке: энергетическая политика как фактор формирования имиджа современной России

Имидж страны представляет собой набор убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других ее особенностей. Субъективное представление о стране может формироваться вследствие непосредственного личного опыта (например, в результате проживания на ее территории) или опосредованно (например, со слов очевидцев, из материалов СМИ и т.д.).

Ольшанский Д.В. определяет политический имидж государства [104, с. 166], как воображаемый образ данного государства у граждан страны и зарубежья, который формируется в ходе коммуникативного взаимодействия субъектов экономической деятельности как внутри страны, так и за ее рубежами. Имидж государства – это не просто психический образ сознания как отображение действительности. Это специально моделируемое целенаправленное отражение, т.е. отражение уже созданного профессионалами образа на основе некоторой реальности. Перелыгина Е.Б. [111] предлагает рассматривать имидж страны как системно-корпоративный имидж, исходя из системной организации государственных структур и их взаимосвязей, а также сущностных оснований политической деятельности.

Галумов Э.А. дает определение образу России – это «комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития российской государственности, как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране» [36]. Он также отмечает, что политический имидж страны, как целенаправленно формируемый ее образ, имеет два основных адресата: общественность внутри страны и мировую общественность [37, с. 109].

Совокупная характеристика политического имиджа государства включает следующие критерии [127]: 1) социальное назначение политического имиджа; 2) его содержательная и иная структура; 3) специфические возможности, права и полномочия, возникающие при изменении политического имиджа в сравнении с другими институтами; 4) характер вновь формирующихся отношений с обществами, нациями, классами. Имидж государства как системно-корпоративного субъекта политического имиджа зависит от организационной структуры государства, распределения функций между различными органами, внутренней структуры и динамики государственных институтов, путей формирования санкционируемой властью официальной системы ценностей и идеологии, социальной эффективности права, состава аппарата управления, роли малых групп в политике, политического поведения масс и ряда других аспектов. Политический имидж помогает найти более эффективные средства для сохранения основ порядка, существующего в данном обществе. Большинство государств сегодня имеет собственный политический имидж.

Таким образом, имидж государства – сложное, многоплановое явление, требующее внимательного и комплексного исследования, включающего как анализ восприятия образа страны её гражданами (оно в значительной степени определяет внутривнутриполитическую ситуацию), так и анализ ее восприятия извне – другими государствами и цивилизациями. От международного имиджа страны зависит ее место, вес и значимость в системе международных отношений, в глобальной модели мирового порядка, в ряду мировых цивилизаций.

Для России решение проблем формирования собственного международного имиджа имеет немаловажное значение. В современной России существует ряд проблем, связанных с формированием собственного имиджа в мире. Многие из этих проблем связаны с переходным периодом в нашей стране, объективными экономическими трудностями перехода к рыночной экономике, а также с отсутствием гибкого правового поля, позволявшего проводить более взвешенную и адекватную политику в этом направлении. В отличие от СССР у России пока что нет четко продуманной идеологии внешней информационной политики, несмотря на то, что работа в этом направлении уже заявлена на государственном уровне.

Несомненно, проблемы России (снижение инвестиционной привлекательности, рост внешнего и внутреннего государственного долга, выезд за рубеж высококвалифицированных российских специалистов, утрата передовых позиций в мире, деградация наукоемких производств, усиление внешней зависимости) во многом обусловлены объективными причинами: дисбалансом внутригосударственной системы и несовершенством национальной модели развития. Эти проблемы наносят серьезный урон имиджу России.

Между тем, образ страны имеет огромное значение, как для внутреннего ее развития, так и для внешнего. Задача формирования имиджа Рос-

сии как демократической, свободной страны чрезвычайно важна, должны быть сделаны правильные шаги, обеспечивающие формирование позитивного отношения к Российскому государству. Это позволит скорректировать поведение субъектов реального сектора экономики зарубежных стран – потенциальных кредиторов и инвесторов России, сформировать благоприятную эмоциональную среду для решения политических и экономических вопросов, совершенствования направлений и форм организации ее взаимодействия со странами мира.

Сложность объективной оценки имиджа России на постсоветском пространстве, очевидно, заключается в том, что речь идет одновременно об экономическом, социальном, гуманитарном, политическом образе страны. Чрезвычайно трудно обеспечить необходимый баланс положительного восприятия по каждому из этих направлений. При этом имидж государства меняется при смене приоритетов, как во внешней, так и во внутренней политике, т.е. являясь «подвижной системой». Иными словами, нет абсолютно точных инструментов как настройки позитивного имиджа страны на международной арене, так и мониторинга изменений этого процесса.

Важнейшим этапом в процессе целенаправленного создания и корректировки политического имиджа государства является определение факторов, оказывающих воздействие его формирование.

Перечень факторов, воздействующих на имидж страны, весьма обширен и не поддается строгой градации. Однако можно выделить ряд признаков, по которым допустимо произвести предварительную классификацию. Галумов Э. [37] разделяет факторы, влияющие на имидж государства, по времени. Факторы, сформировавшиеся в прошлом либо никогда не изменяющиеся («условно-статичные»):

- природный ресурсный потенциал;
- национальное и культурное наследие российского общества;
- нерегулируемые (постоянные) геополитические факторы, такие как географическое положение, площадь занимаемой территории, протяженность границ государства, выход к морям и т.д.;
- исторически свершившиеся события, повлиявшие на развитие российской государственности (завоевания, великие научные и географические открытия и др.);
- вклад выдающихся россиян, имена которых вошли в историю страны.

Факторы, влияющие в настоящее время («условно-динамичные»), которые, в свою очередь, делятся на:

1. «Корректируемые условно-динамичные» социологические факторы формирования образа России:

- социально-психологические настроения в российском обществе;
- формы общественно-политической интеграции россиян;

- структура, характер и принципы деятельности общественно-политических объединений России;
 - морально-нравственные аспекты развития российского общества;
 - базовая форма государственного устройства и структура управления.
2. «Корректируемые условно-динамичные» институциональные факторы формирования образа России:
- устойчивость российской экономики, оцениваемая комплексом показателей ВВП, уровня доходов на душу населения, объема привлекаемых инвестиций;
 - финансовой обеспеченности бюджетов всех уровней, гарантий прав и свобод хозяйствующих на российском рынке субъектов реального сектора экономики и др.;
 - правовое пространство России и соответствие российских правовых норм международным требованиям;
 - функции, полномочия и механизмы государственного регулирования различных областей и сфер деятельности в Российском государстве (эффективность властной конструкции).

В каждой из этих групп факторов, оказывающих воздействие на формирование образа страны, имеет место и позитив, и негатив.

Шалев О.А. [127] разделяет основные факторы формирования политического имиджа России по принципу объективности-субъективности.

Объективные факторы: демократизация общественного развития экономики; реализация социальной политики в стране; характер и направление развития внутренней экономической политики; внешнеэкономическая политика государства; международный статус Российской Федерации; национальная и межрегиональная политика; особенности разрешения межнациональных, межэтнических и социальных противоречий; статус вооруженных сил страны и уровень их развития; геополитические факторы; место и роль государства в международном сообществе; характер внешней политики страны; развитие международных экономических связей; характер политической системы; уровень развития демократических институтов; законодательная и правоохранительная деятельность государства; активное участие в работе экономических, политических, гуманитарных и других международных организаций.

Субъективные факторы: характер системы политического лидерства; политический строй; национально-историческая ситуация; культурно-национальный аспект.

Политику государства в сфере энергетики, в соответствии с вышеприведенными классификациями можно определить как объективный, «корректируемый условно-динамичный» институциональный фактор формирования имиджа России.

Энергоресурсы на сегодняшний день являются для России наиболее действенным инструментом внешней политики, поэтому энергетическая

политика России стала оказывать сильное влияние на восприятие России за рубежом. Москва осознала, что может сбросить с себя прежнюю экономическую зависимость от Запада и даже повернуть ее вспять ввиду растущего геополитического и экономического значения нефти и природного газа. Социально-экономическое, геополитическое положение, а также роль нашей страны в мировом сообществе и в настоящее время, и в перспективе в существенной мере определяются ее минерально-сырьевым потенциалом и государственной стратегией ее использования. Более того, минерально-сырьевая база является основой нашей национальной безопасности.

Сама тема глобальной энергетики последнее десятилетие стала ключевой в мировом информационном пространстве, а в последнее время – по мере роста цен на нефть – ее острота усиливается в геометрической прогрессии. Страхи развитых стран по поводу агрессивной энергетической политики России подстегиваются регулярными сообщениями о новых исследованиях и данных по сокращению мировых запасов углеводородов, неблагоприятными прогнозами роста энергопотребления и т.д.

Тому есть множество причин, как объективных, так и субъективных. Среди главных – действительное сокращение сырьевых мировых запасов, перспектива энергетического голода, а также появление мощнейших конкурентов – энергопотребителей, таких как Китай и Индия.

В этой ситуации неожиданно для многих Россия стала центральной фигурой мировой энергетической политики, заявив о себе как об «энергетической державе», а затем, после известных «газовых» скандалов с Белоруссией и Украиной, приобрела устойчивый имидж энергетического агрессора – со всеми негативными смыслами, которые содержит в себе образ агрессора. Россия потерпела сокрушительное поражение в развернувшейся информационной войне, в результате чего пострадала не только ее деловая репутация как поставщика энергоресурсов, но и имидж государства в целом. Россию обвинили в «энергетическом империализме», непомерных амбициях, агрессивности и использовании энергоресурсов как орудия политического давления.

Почему так получилось, что изначально крайне выгодная для России мировая конъюнктура на энергетическом рынке превратилась в одну из главных имиджевых проблем страны, подорвала к ней доверие (по крайней мере, в общественном мнении) и больно ударила по репутации, в том числе и как делового партнера.

Энергетическая тема для сегодняшней России стала основой ее мировой коммуникационной стратегии и формулой самосознания. Руководство РФ объявило «энергетическую безопасность» своей программой и формулирует ее как «суверенная демократия плюс максимальное насыщение российскими энергоресурсами мировых рынков» [4]. Казалось бы, такая постановка вопроса должна приветствоваться мировым сообществом, по крайней мере, в части максимального насыщения мировых рынков. Однако именно

заявленная энергетическая стратегия вызвала наибольшее отторжение российских партнеров – потребителей энергоресурсов, и сколь бы убедительно ни говорила официальная Россия об энергетической безопасности, она рисуется мировыми СМИ как главная энергетическая угроза миру.

Почему Россия, не переставая напоминать, что ни разу не сорвала свои обязательства по поставкам, все равно выступает в качестве врага? Очевидно, здесь две причины. Первая – это реальное изменение энергетической ситуации в мире, крайне неожиданное для западных стран, вторая – грубые ошибки самой России, прежде всего имиджевые и информационные. Конечно, даже при самых изысканных манерах и удачных пиар-ходах «Газпрома» заглушить растущее раздражение Европы и Америки вряд ли удалось бы. А вот заставить разговаривать с Россией более уважительно не только высоких европейских чиновников, но и политиков, а также СМИ представляется вполне возможным.

Выстраивание репутации и соответствующего имиджа отнюдь не предполагает отказа от собственной стратегии и политику уступок. Жесткость отстаивания собственных интересов в мировой политике только приветствуется. Главное, чего боится западное сообщество, – это непредсказуемость. И соответственно главная имиджевая ошибка России – ее шаги почему-то всегда для западных партнеров непредсказуемы и неожиданны, что приводит к прямо противоположным трактовкам ее действий и как нельзя лучше укладывается в стереотипы ожидаемых страхов.

Чтобы Россию перестали воспринимать как агрессора – ее энергетическая политика должна стать предсказуемой, понятной и последовательной. Это не значит – не повышать газовые цены для Украины или не строить новых нефтепроводов. Речь здесь вообще не идет о вопросах развития бизнеса. Это значит представить заинтересованному международному сообществу (да и российскому тоже) понятную и последовательную внешнюю стратегию энергетических отраслей. Необходимо предъявить четкие принципы государственной политики и последовательно их соблюдать. Но это также означает и внятную информационную политику, которая заставит слушать себя, обеспечивать упреждающую медиаподдержку действиям «Газпрома» или нефтяных компаний, затрагивающим другие страны. Иначе говоря, любая заинтересованная страна, как и Евросоюз в целом, должна понимать, что произойдет, если она предпринимает те или иные шаги. Россия перестанет быть главной угрозой и агрессором, если она станет предсказуема для Запада.

Анализ западных исследований показывает, что источником рисков в России воспринимается непрозрачность и часто непоследовательность политических решений принимаемых на всех уровнях, что, может привести к обострению ситуации в частности для внешних по отношению к России политических игроков. Это будет происходить из-за того, что в российских условиях политическая стабильность обеспечивается не взаимо-

действием независимых политических институтов, а решениями, принимаемыми конкретными представителями государственной власти.

Серьезный удар по имиджу России наносят инвестиционные риски, частично объясняемые возрастающей ролью государства в энергетике и других секторах экономики. Однако особенностью России как среды, в которой реализуются те или иные экономические интересы остается отсутствие эффективных действующих механизмов для согласования политических и экономических интересов. Существует целый комплекс причин, замедляющих формирование таких механизмов: прежде всего, высокая конфликтность интересов. У экономических конфликтов в России почти всегда сразу же появляется политический контекст, что препятствует разрешению конфликта правовым путем.

Иначе говоря, «правила игры» в политике и экономике России определяет действующая власть и «саморегулируемая стабильность» действующей власти пока не выгодна. А при пониженной восприимчивости населения России к политическим решениям внутренние политические риски для самой власти минимальны, поэтому государственная власть и ее политические решения в свою очередь способны стать источником серьезных рисков для тех, кто захочет иметь с дело Россией. И во всем мире это очень хорошо понимают и реагируют на происходящее в России иногда острее, чем сама российская общественность. И это уже чревато имиджевыми потерями для России.

Тут нужно оговориться, что когда мы говорим о рисках, мы не говорим о том, что происходит, мы говорим о том, что может случиться. И получается, что с одной стороны мы не анализируем политическую реальность, а всего лишь конструируем образ будущего, однако для темы формирования имиджа страны это имеет решающее значение. Представление о рисках и возможных политических изменениях помимо прочего формируют отношение к России ее потенциальных партнеров.

Имиджевые характеристики – отнюдь не всегда характеристики реальности. Российские чиновники не однократно заявляли, что создание и поддержание позитивного имиджа страны является одним из приоритетов политики. Но то, как себя ведет власть и элита России в отстаивании своих ключевых интересов начинает восприниматься извне как способ выработки любых политических решений в России или даже как психология власти. И когда потенциальный инвестор читает, например, о деле ЮКОСа, а мировая политическая общественность наблюдает за развитием «газового конфликта» с Белоруссией и за этим следует снижение рейтингов политической стабильности и рост рейтингов политического риска, публикуемые ведущими мировыми экономическими и бизнес – изданиями, это негативно сказывается на имидже России.

Процесс, в ходе которого происходят имиджевые потери для России очень сложно контролировать изнутри. Искусственно сформировать

имидж фактически не возможно. Эффективным инструментом улучшения образа России видится предоставление гарантий партнерам, посредством чего для них будет снижен уровень неопределенности и рисков. Тогда и внутренние проблемы России будут восприниматься гораздо спокойнее.

Хотим мы этого или нет, имидж страны – это один параметр, который учитывается внешней по отношению к России стороной, когда принимается решение о сотрудничестве с Россией. Следовательно, Россия заинтересована в формировании и поддержании позитивного имиджа в той мере, в какой она заинтересована в политическом сотрудничестве с другими странами и в интеграции в мировые торговые и финансовые системы. Сейчас расширение влияния происходит в большей (и возрастающей) степени благодаря расширению сотрудничества, а не давления. Давление как инструмент достижения влияния постепенно ослабевает именно потому, что такой способ разрешения проблем несет в себе большие риски политических и экономических потерь. Если Россия заинтересована в сохранении и увеличении политического влияния, рано или поздно все равно придется делать ставку на создание условий для сотрудничества, что в том числе включает в себя снижение политических рисков для внешней стороны.

Невозможно улучшить внешнее восприятие страны, не меняя ничего в своей реальной политике. Нельзя отрицать то, что энергетическая политика России в последние годы была достаточно агрессивной. «Энергетические войны бесперспективны, – высказался министр промышленности и энергетической безопасности Виктор Христенко на II-м Международном энергетическом форуме 21 апреля 2008 года. – Пора сделать решающий шаг в сторону «энергетического мира» и начать превращать достигнутое понимание в реальные устойчивые конструкции будущей мировой энергетики».

Как любой из факторов, оказывающих влияние на государственный имидж России, политика в сфере энергетики может сыграть как положительную роль в формировании образа нашего государства за рубежом, так и негативный. К настоящему времени этот фактор крайне негативно повлиял на имидж России, не только как делового партнера, но и как государства, активно стремящегося встать в один ряд с ведущими странами мира. Кроме того, энергетическая взаимозависимость неуклонно отталкивает на второй план другие аспекты сотрудничества России и Евросоюза, такие как космос, НИОКР, транспорт, охрана окружающей среды, гармонизация стандартов и норм, многомерное обсуждение общих ценностей. Не умаляя значения энергодиалога, необходимо признать: на данный момент он укрепляет представление о России как о стране с ограниченными способностями, а именно способной давать только сырье и ничего больше. Таким образом, позиционируя себя как «энергетическую державу», Россия не только агрессивно воспринимается мировым сообществом, но и загоняет себя в рамки сложившегося образа.

Энергетическая политика России должна стать предсказуемой, понятной и последовательной, необходима переориентация принципов энергобезопасности России на мудрость, понимание и терпимость, чтобы язык энергоресурсов перестал быть инструментом противостояния цивилизаций. Должна быть разработана четкая информационная политика, освещающая и разъясняющая каждое решение России в сфере энергетики.

Это снизит уровень неопределенности и позволит мировому сообществу спокойнее воспринимать позицию России в отношении энергетики, и, по крайней мере, не расценивать Россию как энергетическую угрозу номер один. Возможно, в дальнейшем, для России более целесообразным было бы позиционирование себя не столько как «энергетическую державу», но как государство, несущее новую экологическую миссию в общем мировом пространстве и осознающее гуманитарную роль энергоресурсов в развитии цивилизации.

4.2. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области и повышение ее конкурентоспособности

В настоящее время экономика остается механизмом развития региона, а достижение максимально высоких темпов экономического развития – основной целевой задачей. При этом конкурентоспособность региональной экономики проявляется, как способность реализовать основную целевую задачу – устойчивое социально-экономическое развитие региона с обеспечением высокого уровня жизни населения, отвечающих требованиям Европейских и мировых стандартов.

Решение задачи повышения жизненного уровня населения региона, и увеличение валового регионального продукта (ВРП) требует качественного изменения управления регионом, которое можно назвать переходом к стратегии управления устойчивого развития.

Устойчивое социально-экономическое развитие региона характеризуется его возможностью обеспечивать положительную динамику повышения уровня жизни населения, используя в этих целях новые факторы и условия, в том числе сбалансированное воспроизводство социального, природно-ресурсного и экономического потенциала, локализованного на его территории. При этом, в рамках региональной политики, важнейшим направлением следует считать достижение высокого уровня конкурентоспособности региона, определяемого с точки зрения концепции устойчивого развития, как его способность производить конкурентоспособные товары и услуги, пользующиеся спросом на отечественном и международном рынках.

Устойчивое социально-экономическое развитие и повышение уровня его конкурентоспособности во многом определяются формированием

комплексной стратегии. Методика формирования комплексной стратегии развития экономики региона предусматривает выбор базовой и частных стратегий. Под комплексной стратегией понимается единая совокупность базисной и частных стратегий развития региона, позволяющих ему восполнить резервы развития и усилить конкурентную позицию на отечественном и мировом рынках посредством совершенствования работы в обозначенных направлениях. Базисная стратегия – ориентир всей деятельности, выбирается и используется в рамках миссии региона. Частные стратегии выбираются в рамках базисной и представляют проблемные направления развития региона.

Особое место в системе стратегического управления территорией с учетом ее конкурентных ресурсов занимает формирование общей (базовой) стратегии. Она определяет направление развития территории в целом, но в свою очередь должна корректироваться в процессе выработки и реализации конкурентной и функциональной стратегий. В современных условиях общая стратегия региона находит свое выражение в различных стратегических документах территории, включая концепции, комплексные стратегии и программы социально-экономического развития.

Структура стратегии устойчивого социально-экономического развития региона должна отвечать требованиям системного подхода, для чего, например, Р.А. Фатхутдинов рекомендует сначала формировать «дерево целей», а затем на его основе создавать сами стратегии и организационные структуры для их реализации [156]. Целевая составляющая любой стратегии существенно влияет как на основное ее содержание, так и на успешность реализации. Во-первых, именно цели задают общий вектор последующего развития регионов. Во-вторых, конкретные формулировки целей очерчивают рамки поиска средств их достижений, особенно когда эти формулировки имеют предметный характер, что, в свою очередь, повышает эффективность реализации стратегии. Кроме того, стратегия, как отмечает академик РАН Л. Абалкин [6], должна носить целостный характер. Целостность стратегии и ответственность власти за ее реализацию предполагает системное решение всей совокупности решаемых проблем.

Таким образом, российские регионы имеют потребность в разработке стратегии социально-экономического развития, направленной на повышение региональной конкурентоспособности. Принимая во внимание необходимость комплексного социально-экономического развития региона, а также необходимость постоянного наращивания конкурентоспособности регионального бизнеса на внутреннем и внешнем рынках, то в настоящее время практически все регионы имеют такие стратегии.

Согласно исследованиям, проведенным аналитической группой АНН [180] в первом полугодии 2007 года практически во всех областях Центрально-Черноземного экономического района не только сохранились, но и получили развитие положительные тенденции экономического роста в

ведущих отраслях экономики и социальной сферы. Каждая область выбрала свои приоритеты в экономическом и социальном развитии, показывая как успешно реализуемые проекты, так и не особенно афишируемые проблемы [180].

Липецкая область: регион особых экономических зон [180].

Тренд Липецкого региона стал более осязаем – за счет особых экономических зон федерального и регионального уровней произвести модернизацию экономики и территорий, подтянуть остальные сектора областной экономики под стандарты и динамику экономической новации.

Курская область: «инновационно-прорывной путь» [180].

«Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» получила высокую оценку Межведомственной комиссии Министерства регионального развития РФ. Как было подчеркнуто на Межведомственной комиссии, данный документ был подготовлен с опорой на науку. По оценкам курского губернатора, в ближайшее время область должна стать «опорным» регионом, где гармонично сочетаются региональные, межрегиональные и общероссийские интересы. В Стратегии предлагаются два сценария развития: сценарий «инерционного» развития и сценарий «инновационно-прорывного пути». Руководством области выбран «инновационно-прорывной путь» развития. Это сценарий структурных сдвигов в пользу обрабатывающих отраслей промышленности и сектора услуг. Сценарий включает три стратегических направления развития области, которые будут развиваться одновременно: «ресурсный регион» – ведущими отраслями экономической деятельности остаются электроэнергетика и черная металлургия; индустриально-инновационный центр» – это инновационный путь развития региона, поддержка инновационных проектов в реальном секторе; «возвращение региону агропромышленного статуса» – агропромышленный комплекс способен стать «продовольственным центром» России на основе выпуска конкурентоспособной продукции с учетом внедрения инновационных технологий [180].

Белгородская область: агропромышленный тренд [180].

Несмотря на то, что экономика Белгородской области имеет многовидовую структуру: большой промышленный потенциал, развитую транспортную инфраструктуру, комплекс по оказанию социальных услуг, – все же руководство области формирует ее имидж как динамично развивающегося агропромышленного региона [180].

Орловская область: ставка на машиностроение [180].

Экономический блок администрации Орловской области считает, что основной целью в модернизации областной экономики должна стать ее диверсификация. Для этого сделаны акценты на внедрение новых технологий в отрасль машиностроения, приборостроения и металлургии, точками развития будут три крупных города – Ливны, Орел и Мценск. В последние 3-5 лет под эту задачу интегрированы научные разработки веду-

щих вузов области. Сделан определенный шаг к сближению и взаимодействию науки и производства. С учетом развития АПК и других отраслей областной экономики, команда губернатора Егора Строева считает именно машиностроение, приборостроение и металлургию ключевыми звеньями, которые могут в случае их динамичного развития дать толчок к модернизации других экономических сегментов, существенно пополнить областной бюджет и бюджеты муниципальных образований. Основные надежды руководства области связаны с геологическими изысканиями: некоторые природные ископаемые, которые находятся на ее территории, могут ускорить экономическое и социальное развитие региона [180].

Воронежская область: главный интерес к логистике и коммуникациям [180].

Воронежская область все более обретает тренд в экономическом развитии как транспортный и логистический узел. Положительным является и тот факт, что область становится более притягательной для крупных инорегиональных и иностранных инвесторов в формирующуюся инфраструктуру логистики, потребления и досуга, что также является серьезным успехом. В связи с тем, что, по мнению авторов, работы [180] нет больше смысла пытаться вернуть себе имидж промышленно-аграрного региона, рассчитывать на масштабные вливания в производство, Воронежская область должна использовать свое уникальное положение и закреплять за собой новый образ с позитивными конкурентными преимуществами.

Есть и ключевое звено в региональной экономической политике Воронежской области – частно-государственное партнерство, инструменты государственной поддержки в виде субсидий, дотаций, налоговых преференций и других инструментов дополняются механизмами, ориентированными, прежде всего, на развитие инновационной инфраструктуры. Принцип частно-государственного партнерства универсален, он положен в основу долгосрочной стратегии и программы социально-экономического развития Воронежской области. Для этих целей в области созданы венчурный фонд, три бизнес-инкубатора, пять технопарков, центр нанотехнологий, центр трансферта технологий, гарантийный фонд поддержки малого бизнеса, реализуются областные целевые программы поддержки инновационной деятельности, развития малой авиации и т.д. Стратегией установлены четкие целевые индикаторы развития области (темпы роста ВРП, продолжительность жизни населения, снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции), которые увязаны с системой мероприятий, направленных на достижение целевых значений. На реализацию стратегии будет направлен весь консолидированный бюджет области. Частные инвестиции, направляемые в экономику региона, также являются основой для достижения целевых индикаторов стратегии [180].

Анализ существующих стратегий регионов Центрального Федерального округа (ЦФО), проведенный авторами [181] показывает: в программах

для всех регионов выделена главная (схожая для всех регионов) цель – создание условий для устойчивого экономического развития области и создание условий для повышения уровня и качества жизни населения в регионе.

В каждом регионе руководствуются следующими основными требованиями к разработке стратегии социально-экономического развития региона [181]:

1. Социальная ориентированность, предусматривающая повышение уровня и качества жизни населения, полного и эффективного использования возможностей и потребностей человека.
2. Принцип устойчивого развития, основанный на сбалансированности экономических, социальных и экологических приоритетов.
3. Преимущество действующих (разрабатываемых) программных документов: федеральных и региональных целевых программ, локальных отраслевых программ.

Аспекты, связанные с приоритетными направлениями развития (специфическими особенностями региона) имеют существенные различия. Так, например, в Калужской области делается упор на достижение поставленной цели за счет реализации потенциалов трех «И» – Инноваций, Инвестиций, Индустрии туризма, в Тамбовской области основной акцент делается на достижение согласия в обществе, баланса интересов трех сил: государства (власть), экономики (бизнес) и сообщества (граждане, общественные, политические и некоммерческие организации) для достижения социальных, экономических, экологических и институциональных целей, в Ивановской области определены свои стратегические ориентиры (повышение конкурентоспособности, выведение региона из группы высокодотационных в группу самодостаточных регионов, обеспечение уровня жизни населения Ивановской области), на основании которых достигаются поставленные цели и т.д. Единой «политики целей» и межрегионального взаимодействия с соседними территориями в представленных стратегиях не прослеживается, что, несомненно, связано не только с дифференцированным «портфелем ресурсов» регионов, но и подчеркивает разность подходов региональных администраций [181].

Авторы работы [181] отмечают, что в основном программы и стратегии регионов Центрального федерального округа (ЦФО) по целям соотносятся с Посланием Президента Российской Федерации и ежегодными докладами глав регионов, а также со среднесрочной программой социально-экономического развития страны. Однако при этом в настоящее время часто не осуществляется должная координация региональных программ и стратегий с осуществляемыми программами по реализации приоритетных национальных проектов (ПНП).

Авторы работы [181] обращают внимание на то, что в региональных программах и стратегиях определяются только «ожидания» регионов в области АПК, ЖКХ, здравоохранения и образования, в то же время эти «ожидания» не увязаны с конкретными действиями по реализации проектов.

В целях стратегий развития регионов определен, как правило, желаемый результат процесса экономического развития. Однако не полностью обоснован реальным положением экономики региона, конкретными планами и результатами реализации конкретных проектов [181].

В каждой стратегии развития региона предполагаются системные меры по достижению поставленных целей. Как правило, мероприятия предлагаются с учетом особенностей области. Также авторы работы [181] отмечают, что упущено рассмотрение вопроса создания (реформирования) системы управления процессами развития и управления на уровне региональной власти, по достижению результатов соответствующих задач развития.

По мнению авторов работы [181] главной проблемой большинства стратегий является также то, что стратегия развития региона опирается не на действительный анализ и проектирование развития ресурсов территории, а исходит из всевозможных, «спущенных сверху», «предложений» региональных министерств, и носит формальный характер, чаще всего стратегии ориентированы на получение средств федерального бюджета на различные проекты, во все возможные направления и отрасли (что является характеристикой «размытости» целей и отсутствия, на самом деле, четкой стратегии).

Подводя итог анализа Стратегий регионов ЦФО, авторы работы [181] констатируют, что большинство из них требуют существенной доработки и выделяют основные недостатки представленных стратегий:

- должным образом не проработан раздел, посвященный аналитическому обзору развития региона и анализу проблем социально-экономического развития региона, что связано, в том числе с отсутствием региональной статистики и мониторинга ключевых отраслей в регионах, отсутствием необходимых документов (например, схемы территориального развития);
- установлены не всегда цели и задачи социально-экономического развития региона (при существующих тенденциях и в отсутствии четких «проектных» планов заявленные цели на основании построения простого линейного прогноза не достижимы);
- отсутствует четкая политика кооперации усилий / ресурсов с соседними территориями, большинство регионов ориентировано на работу внутри региона и на уровне страны в целом (слабая проработка вопросов, связанных с маркетингом территорий);
- чрезмерная заинтересованность в получении средств из федерального бюджета: регионы выбирают политику получения средств из федерального бюджета, упуская основную реальную возможность для достижения целей: работу по активному привлечению инвестиций, созданию необходимых условий функционирования производства и опору на собственные ресурсы. Вместе с тем, те ре-

гионы, которые ставят политику привлечения инвестиций в центр своих интересов (Калужская, Липецкая области) достигают практических результатов.

Далее более подробно рассмотрим комплексную стратегию социально-экономического развития региона на примере Тамбовской области. В настоящее время такая стратегия разработана Администрацией области с учетом требований стандартных технологий Европейского Союза по формированию подобного рода документов [188]. Следует отметить, что принятые на уровне Российской Федерации единой стандартизированной методологии при подготовке региональных стратегий способствует повышению эффективности и действенности разрабатываемых стратегий социально-экономического развития федеральных и региональных проектов и программ. В частности, повышение эффективности достигается благодаря использованию единообразных методов и процедур, что способствует значительной координации усилий между центром и регионом.

Основные положения стратегии развития области находят отражение в ежегодном послании главы администрации «О положении в области и основных направлениях ее социально-экономического развития». Развивая эти сообщения, стратегия определяет генеральную цель социально-экономического развития Тамбовской области – превращение области в динамично развивающийся, инновационно-активный, конкурентоспособный, экономически сбалансированный регион, нацеленный на обеспечение достойного уровня жизни населения.

Достижение главной цели предполагает достижение частных целей, определяемых ресурсным потенциалом области, способным обеспечить развитие региона в будущем. Из сформулированной главной цели вытекают частные цели, которые в виде фрагмента дерева целей первого рода представлены на рис. 4.1.

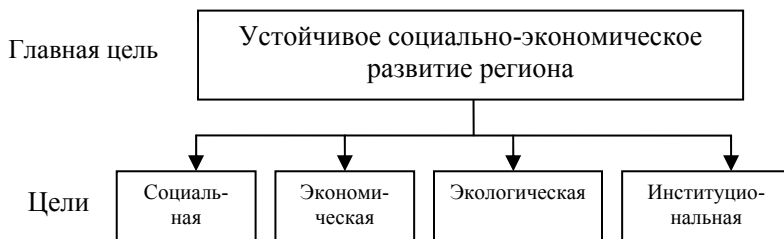

Рис. 4.1. Фрагмент дерева целей

Элементы фрагмента дерева целей имеют следующее содержание:

- социальная цель: создавать условия для устойчивого роста благосостояния жизни населения и развития культурно-нравственного потенциала;

- экономическая цель: сформулировать воспроизводственный потенциал регионального хозяйства, обеспечивающий устойчивое развитие экономики региона на основе ее высокой конкурентоспособности;
- экологическая цель: сформировать условия для повышения качества жизни населения посредством обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;
- институциональная цель: создание институциональных условий устойчивого развития области, формирование государственных и рыночных организационных структур.

Механизмами реализации стратегических целей являются:

- проведение административных реформ;
- разработка системы показателей эффективности стратегических целей;
- создание условий для конструктивного диалога бизнеса и власти;
- развитие местного самоуправления.

Приоритетные стратегические цели, способные обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона, определены на основе SWOT-анализа, основанного на выявлении потенциальных возможностей и анализе ограничений препятствий в регионе, имеющихся угрозах и возможностей внешней среды.

На основе дерева целей были сформулированы следующие стратегии [188].

Стратегия 1. «Развитие человеческих ресурсов».

Человеческие ресурсы являются ключевыми активами области, и ставится задача – максимально эффективно их задействовать. Установка – на формирование и воспроизводство качественных характеристик человека с точки зрения его конкурентоспособности и возможности выступать в качестве субъекта общественного развития.

Стратегия 2. «Обеспечение социального благополучия населения».

Главное конкурентное преимущество современного высокоразвитого региона связано с человеческой личностью и теми факторами, которые непосредственно определяют его благополучие: состояние социальной и культурной сфер, общественной инфраструктуры, жилья и здравоохранения.

Одним из факторов, способных влиять на улучшение социального благополучия населения, является политика по развитию общественной инфраструктуры (ЖКХ, газификация, дорожное хозяйство, жилье и т.д.).

Создание комфортных условий проживания населения и доступности коммунальных услуг стало для области приоритетным направлением.

Стратегия 3. «Экономическое развитие и повышение конкурентоспособности региона».

Создание конкурентоспособной экономики решает задачу минимизации издержек производства и обращения, а значит, способствует повыше-

нию конкурентоспособности продукции. Кроме того, создаются предпосылки для развития малого бизнеса, действующего в интеграционных процессах и «вписанного» в устойчивые экономические связи.

В настоящее время в целях повышения конкурентоспособности региона необходимо завершить процесс формирования благоприятного инвестиционного климата путем реализации согласованной системы мер в законодательной, финансовой, налоговой сферах, для полномасштабного притока инвестиций. Инвестиционная программа Тамбовской области представлена на рис. 4.2.

Создаваемый в области организационно-экономический механизм инвестиционной сферы в завершенном виде будет включать следующие элементы: гарантии области для инвесторов и защиту инвестиций; меры государственной поддержки высокоэффективных проектов за счет средств внебюджетных фондов области, капитальных расходов и бюджета развития; информационную базу данных рынка инвестиций и инвестиционных товаров.

В разработанной Минрегионразвития РФ концепции стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации отмечено, что требуется срочный переход от политики выравнивания социально-экономического развития территорий к политике поляризованного развития, к определению «локомотивов роста». Такие «локомотивы» обозначены и внутри Тамбовской области.

Приоритетными направлениями для вложения крупномасштабных инвестиций будут [67]:

- высокотехнологичные производства, обеспечивающие глубокую переработку сырья и снижение энергоемкости производства, сочетающие высокую добавленную стоимость и инновации;
- производства и виды деятельности, базирующиеся на использовании уникальных местных сырьевых ресурсов, а также те, которые обеспечивают экологическую безопасность области;
- кластеры, имеющие целью достижение качественно нового уровня конкурентоспособности отраслей на уровне конкретных регионов области;
- высокотехнологичные производства, организованные на основе конверсии оборонных предприятий, обеспечивающие потребности реального сектора экономики в высокопроизводительной технике и технологиях, а потребности населения – в сложной бытовой технике.

В качестве важнейшего направления повышения конкурентоспособности рассматривается активизация инновационной и научно-технической политики, формирование инновационной инфраструктуры для обеспечения последующего перехода к инновационной модели развития, определение приоритетов в инновационной деятельности, оказывающей влияние на эффективность производства и конкурентоспособность выпускаемой продукции [67].

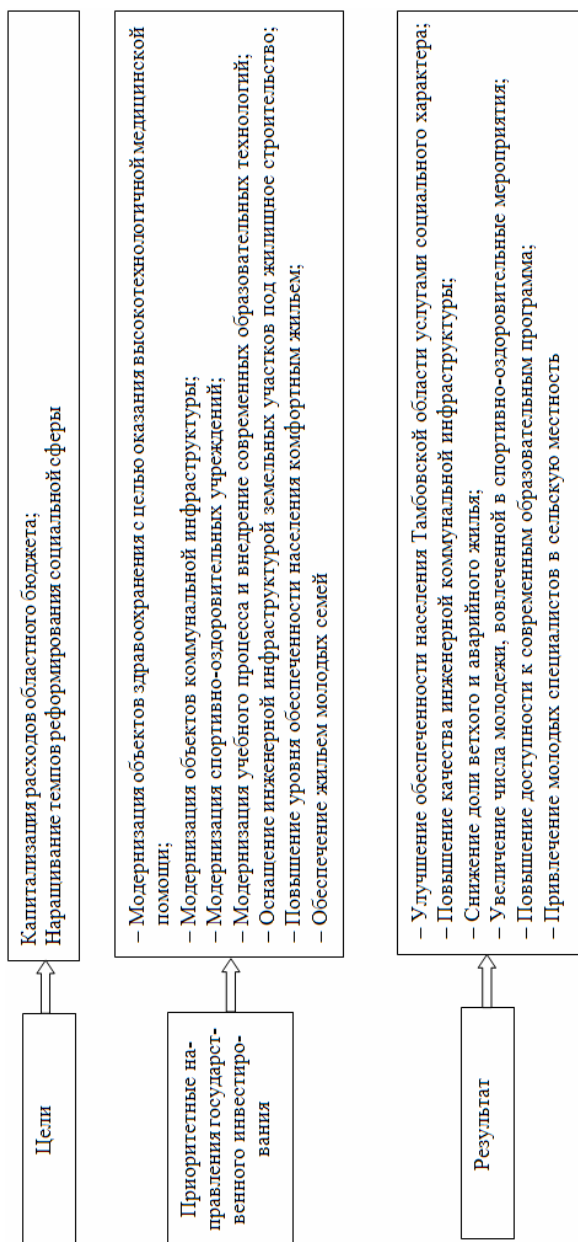

Рис. 4.2. Инвестиционная программа Тамбовской области

Инвестиционная программа Тамбовской области

Капитальные расходы областного бюджета, направления и принципы государственного инвестирования, обеспечивающие рациональное и эффективное использование средств областного бюджета

С учетом этих подходов в Тамбовской области идет разработка целевых инновационных программ – в этом смысл нынешнего этапа инновационной стратегии, который в настоящее время проходит наш регион. Разработанная программа развития научной, научно-технической и инновационной деятельности в Тамбовской области на 2006-2008 годы выступает основным механизмом реализации инновационной стратегии.

Следующим этапом в реализации инновационной стратегии Тамбовской области является размещение регионального заказа среди исполнителей, которые отбираются на конкурсной основе. Осуществление мониторинга за ходом реализации Программы – важный элемент ее реализации.

Результаты законченных инновационных разработок должны пройти приемку и внедрение с возможной продажей этих результатов потенциальным покупателям.

Стратегия 4. «Развитие конкурентоспособного сельскохозяйственного сектора».

Основным элементом стратегической цели развития сельских территорий области является формирование эффективного устойчивого агропромышленного производства.

Исходя из насущных проблем развития конкурентоспособного сельскохозяйственного сектора, требующих своего разрешения на региональном уровне, выделены приоритетные цели, достижение которых позволит реализовать стратегическую цель развития сельских территорий области.

Одним из главных приоритетов региона в отработке стратегии инновационного развития является развитие г. Мичуринска-наукограда Российской Федерации агропродовольственного типа.

Основным приоритетом развития сельского хозяйства области в настоящее время является повышение эффективности использования сельскохозяйственных земель, повышение урожайности.

Стратегия 5. «Эффективное использование ресурсного потенциала области».

Ресурсный потенциал – одна из главных составляющих экономического потенциала области.

Поддержание экологической безопасности сегодня становится важной характеристикой конкурентоспособности региона и предполагает необходимость обеспечения снижения загрязнения природной среды, вызванного хозяйственной деятельностью, связанной с эксплуатацией природных ресурсов.

Требуется также поддержание в надлежащем состоянии качества факторов среды обитания человека (атмосферный воздух, подземные воды, водоемы и т.д.).

Стратегия 6. «Развитие государственной и общественно-политической системы в регионе».

В рамках данной стратегии намечена реализация комплекса мер, по повышению эффективности системы государственного управления на региональном уровне (рис. 4.3, 4.4).

Рис. 4.3. Концепция построения системы управления эффективной деятельности Администрации Тамбовской области

Работа эта определена концепцией проведения административной реформы в Российской Федерации на 2006-2008 годы, предусматривающей в числе основных мероприятий внедрение механизмов управления по результатам в органах исполнительной власти субъектов Федерации.

В Тамбовской области проведен ряд мероприятий по реализации административной реформы, касающиеся уточнения состава и содержания функций, их декомпозиции на уровне органов исполнительной власти субъекта федерации, подразделений администрации области. Поставлена задача формирования регламентов и стандартов их деятельности. Тем самым закладывается необходимая организационная база для разработки и внедрения механизмов управления деятельностью органов исполнительной власти, ориентированных на результат.

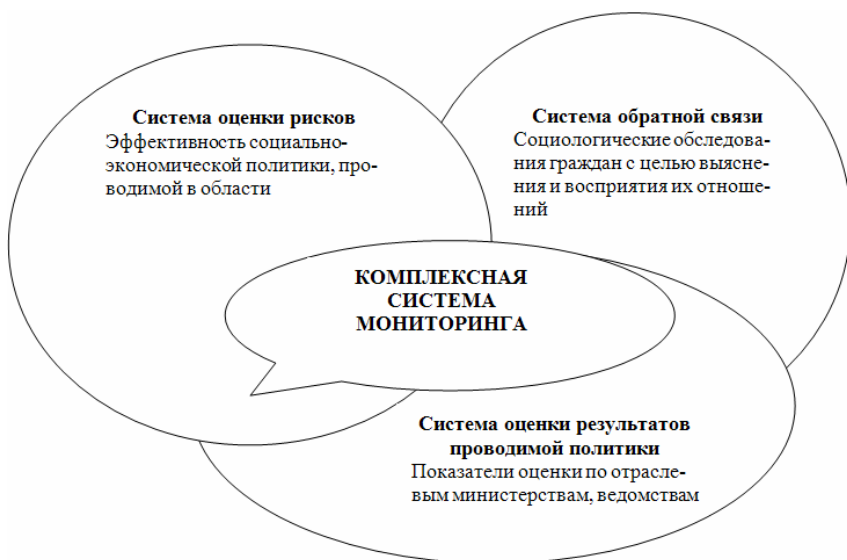

Рис. 4.4. Система мониторинга эффективности деятельности Администрации Тамбовской области

Способы решения поставленных задач [67]:

1. Совершенствование инвестиционного и инновационного законодательства.
2. Совершенствование системы управления инвестиционным процессом:
 - Создание Агентства инвестиционного развития;
 - Создание специализированных структур (агентства развития, др.)
 - Совершенствование планирования и координации инвестиционной деятельности на уровне исполнительной власти.
3. Развитие инновационной деятельности:
 - Комплексное реформирование научно-технической сферы;
 - Совершенствование инновационной инфраструктуры.
4. Оказание государственной поддержки в реализации приоритетных направлений инвестиционных проектов:
 - Налоговые льготы;
 - Инвестиционный налоговый кредит;
 - Субсидии на возмещение части процента по инвестиционным кредитам.
5. Реализация коммуникационной стратегии:
 - Продвижение области в российском и международном инвестиционном сообществе;
 - Формирование имиджа Тамбовской области в среде потенциальных инвесторов.

Перспективы развития Тамбовской области на период до 2010 года представлены на рис. 4.5 [67].

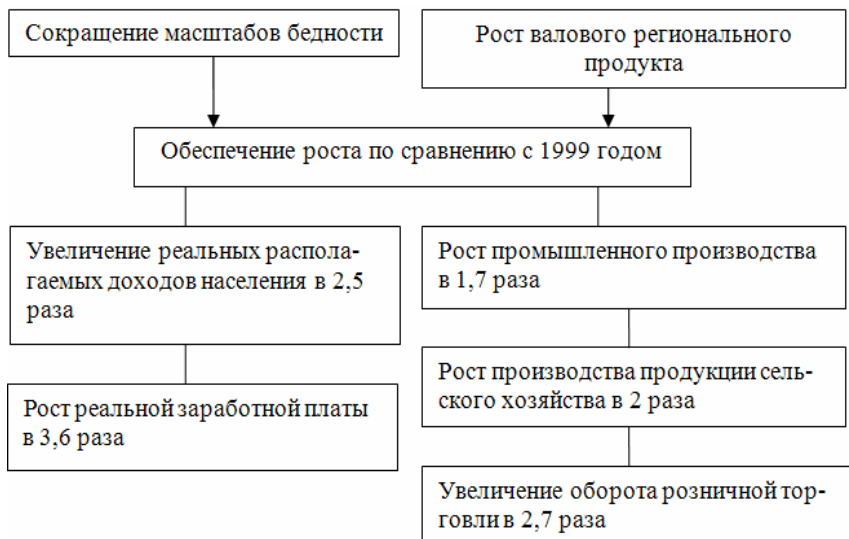

Рис. 4.5. Перспективы развития Тамбовской области до 2010 года

На основе перспектив развития Тамбовской области в табл. 4.1 представлены темпы роста валового внутреннего продукта России и валового регионального продукта Тамбовской области [67].

Таблица 4.1

Темпы роста ВВП и ВРП к 1999 году, %

Темпы роста	2005 г.	2008 г.	2010 г.
Темпы роста ВРП по Тамбовской области	151,9	186,8	214,7
Среднегодовые темпы роста ВРП по Тамбовской области	107,2	107,2	107,2
Темпы роста ВВП в целом по РФ	148,0	175,3	X
Среднегодовые темпы роста ВВП по РФ	106,8	106,4	X

На рис. 4.6 представлена структура валового регионального продукта Тамбовской области к 2010 году.

Таким образом, реализация стратегии развития Тамбовской области задает масштаб и вектор формирования стратегий развития отдельных секторов экономики, обеспечивающих повышение ее конкурентоспособности в целом.

Рис. 4.6. Структура ВРП к 2010 г. (прирост ВРП (2010 г. к 1999 г.) 214,7 %)

4.3. Предложения по повышению инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан

Одна из задач, стоящих перед современным обществом, заключается в создании необходимых и благоприятных условий для интенсификации экономического роста, повышения качества жизни населения. Достижение поставленной задачи возможно путем привлечения инвестиций в реальный сектор экономики. Объем и темп роста инвестиций в основной капитал являются индикаторами инвестиционной привлекательности региона.

В современных условиях, исходя из специфики регионального развития, в том числе и Республики Башкортостан, реализация инвестиционной политики предполагает не только выбор эффективных инструментов и механизмов, но и рост инвестиционной активности, основанный на повышении инвестиционной привлекательности территориальных образований.

Инвестор, выбирая регион для вложения своих средств, руководствуется определенными характеристиками: инвестиционным потенциалом и уровнем инвестиционного риска, взаимосвязь которых и определяет инвестиционную привлекательность региона.

Инвестиционная привлекательность региона представляет собой систему или сочетание различных объективных признаков, средств, возмож-

ностей, обуславливающих в совокупности потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции в данный регион. В зависимости от временного горизонта могут быть выделены текущая и перспективная инвестиционная привлекательность.

Для оценки инвестиционной привлекательности региона целесообразно использовать следующие критерии:

- уровень экономического развития региона;
- уровень развития инвестиционной инфраструктуры в регионе;
- демографическая характеристика региона;
- уровень развития рыночных отношений;
- степень безопасности инвестиционной деятельности в регионе.

Основными задачами оценки инвестиционной привлекательности региона является:

- определение уровня социально-экономического и инвестиционного развития региона;
- установление взаимосвязи инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности в регионе;
- разработка мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона.

В Российской Федерации законодательством не определена конкретная методика оценки инвестиционной привлекательности регионов, поэтому в последнее время стали все чаще появляться различные методики расчета показателей инвестиционной привлекательности. Некоторые экономисты считают, что инвестиционная привлекательность определяется через уровень прибыли от вложения капиталов. Использование такого подхода отличается узкой сферой применения, так как для получения адекватных результатов необходимо, чтобы инвестиции осуществлялись с одинаковой степенью риска, что практически не возможно.

Наибольшее распространение получил подход, определяющий инвестиционную привлекательность как совокупность общественно-политических, природно-хозяйственных и психологических характеристик [147].

В исследованиях экономических журналов (например, в «Эксперте») часто применяется свод по сумме мест, занимаемых регионом по определенным показателям. В результате такого свода определяется рейтинговое место региона в ряду других.

На наш взгляд, более приемлемой методикой оценки инвестиционной привлекательности может быть модель, включающая экономическую и рисковую составляющие:

$$K = k_1 \times (1 - k_2) \quad (4.1)$$

где K – показатель инвестиционной привлекательности региона, в долях единицы;

k_1 – экономическая составляющая, в долях единицы;

k_2 – рисковая составляющая, в долях единицы.

Экономическая составляющая представляет отношение прибыли от инвестиций к вложенным средствам:

$$k_1 = (BPP \times (1 - D) \times (1 - T) - I) / I, \quad (4.2)$$

где ВРП – валовой региональный продукт,

D – дефицит бюджета, в долях единицы (отношение дефицита госбюджета к ВРП);

T – средняя ставка налогообложения;

I – объем инвестиций.

Рисковая составляющая необходима для оценки уровня совокупного риска, рассчитывается по следующей формуле:

$$k_2 = \frac{\sum_{i=1}^n P_i \times j_i}{\sum_{i=1}^n j_i} \quad (4.3)$$

где n – число показателей;

P_i – характеристика показателя;

j_i – вес показателя.

При этом на инвестиционную привлекательность оказывает влияние огромное количество факторов: политический, производственный, ресурсно-сырьевой, инновационный, социальный, кадровый, финансовый, инфраструктурный, инвестиционный, потребительский, экологический. Каждый фактор содержит набор показателей, определяющих воздействие на инвестиционную привлекательность.

Данная методика включает в себя как качественные, так и количественные показатели. Совокупность количественных показателей ранжируется по степени влияния на показатель объема инвестиций в основной капитал, характеризующий инвестиционную активность в регионе, выявляются наиболее значимые показатели для расчета рисков составляющей. Взаимосвязь между объемом инвестиций и показателями инвестиционной привлекательности определяется с помощью корреляционного анализа.

Для сравнения количественных и качественных показателей и использования их в дальнейших расчетах применяется балльная шкала, в соответствии с которой каждому показателю на основе метода приоритетов присваивается свой весовой коэффициент.

Регионы в зависимости от значения показателя инвестиционной привлекательности классифицируются следующим образом:

- $K > 0,4$ – высокая инвестиционная привлекательность;
- $0,2 < K < 0,4$ – инвестиционная привлекательность выше среднего;
- $0,1 < K < 0,2$ – средняя инвестиционная привлекательность;
- $0,05 < K < 0,1$ – инвестиционная привлекательность ниже среднего;
- $K < 0,05$ – низкая инвестиционная привлекательность.

Преимуществом данной методики является возможность сравнения инвестиционной привлекательности разных регионов страны. Ее применение позволяет по усмотрению аналитика изменять количество рассматриваемых параметров. Как представляется, выбор той или иной методики определяется разным набором показателей, оказывающих влияние на инвестиционную привлекательность.

Наиболее значимыми для оценки инвестиционной привлекательности региона являются следующие параметры:

– ресурсно-сырьевой;	– интеллектуальный;
– производственный;	– институциональный;
– потребительский;	– инновационный.
– инфраструктурный;	

Есть еще одна исключительно важная составляющая инвестиционной привлекательности региона, которая выходит за рамки формальной экономической теории, но оказывает огромное влияние на инвестиционный процесс, точнее на принятие решения о рассмотрении региона в качестве объекта для инвестиционной деятельности – имидж региона, как внутренний и внешний.

Многочисленные исследования показывают, что к основным препятствиям в формировании инвестиционно-привлекательного имиджа региона относятся:

- нестабильность экономического развития;
- низкий уровень жизни населения;
- отсутствие гарантий и стабильности для инвесторов;
- высокий уровень инвестиционных рисков.

Многие специалисты отмечают, что не способствует формированию положительного инвестиционного имиджа территории отсутствие региональных программ инвестирования. Кроме того, региональные власти недостаточно активно формируют каналы связи между инвесторами и местным бизнесом. У многих местных компаний отсутствует возможность самостоятельного выхода на инвесторов.

Некоторые программы повышения инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан отличаются неконкретностью, нечеткостью. В республике фактически отсутствуют стратегические инвестиционные программы, что значительно затрудняет инвестиционный процесс.

Серьезной проблемой в повышении инвестиционной привлекательности Башкирии является отсутствие полноценной информации об интересных и конкурентоспособных инвестиционных проектах. Это связано с низкой степенью информационной поддержки инвестиционного процесса.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях рыночной экономики активная роль в региональном стратегическом развитии принадлежит инвестиционной политике, направленной на повышение инвестиционной привлекательности региона (рис. 4.7).

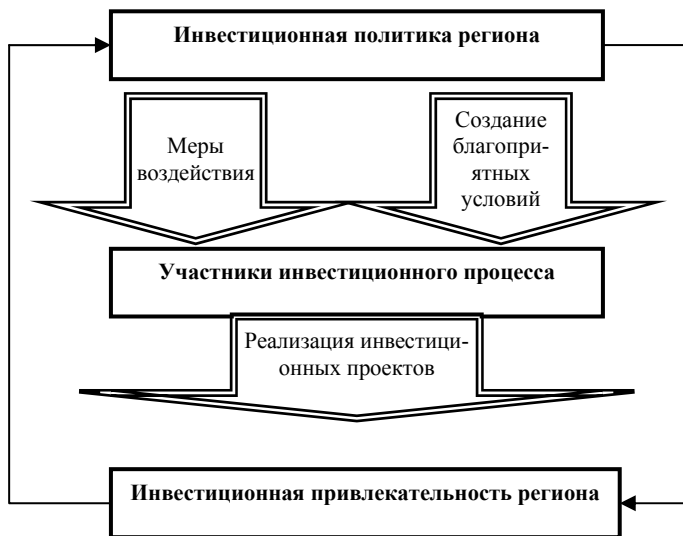

Рис. 4.7. Взаимосвязь инвестиционной политики и инвестиционной привлекательности региона

Проведем оценку инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан. Остановимся лишь на оценке ее ресурсной и общеэкономической составляющей, как наиболее значимых его компонентах.

Республика Башкортостан занимает 3-е место в РФ по добыче нефти (после Тюменской обл. и Татарстана) и 1-е место по её переработке. Доля республики в общероссийской добыче меди (в концентратах) составляет 10-12 %, а по Уральскому региону – 30 % (по цинку – 50 %). С учётом добычи попутного золота из комплексных медноколчеданных месторождений республика находится на 2-ом месте в Уральском регионе, а по добыче каменной соли – на первом месте в России (37 %) [182].

Территория Республики Башкортостан характеризуется большим набором различных видов полезных ископаемых. Здесь открыто более 3 тыс. месторождений и проявлений шестидесяти видов минерального сырья. В их числе: горючие полезные ископаемые – нефть, природный газ,

каменный и бурый уголь, торф; металлические полезные ископаемые – медь, цинк, железо, марганец, алюминий, золото, попутные редкие элементы; неметаллические полезные ископаемые, в том числе: сырье для химической промышленности (каменная соль, плакиковый шпат, известняк, барит, сера), аггруды (фосфорсодержащие породы, карбонатное сырье, цеолиты, глаукониты, торф, сапропель), строительные материалы (гипс, высокопрочный щебень и др.), облицовочные и поделочные камни, оптическое сырье. В настоящее время насчитывается 1170 месторождений, на разведанных запасах которых создан мощный минерально-сырьевой комплекс, включающий нефтедобычу и нефтепереработку, черную и цветную металлургию, химическое производство и производство строительных материалов.

В республике выявлены более 50 источников минеральных вод, лечебных грязей и термального пара (газа), на базе которых функционируют знаменитые санатории и дома отдыха: Янгантау, Красноусольск, Ассы, Юматово, Яктыкуль и др. Федеральное значение имеют: нефть, медь, цинк, золото, серебро (в т.ч. в комплексных медноколчеданных рудах), железные руды, каменная соль. К региональному уровню значимости можно отнести: плакиковый шпат, тальк, кварц для плавки, марганцевые руды, хромовые руды, кобальт, никель, барит, фосфориты, магнезит.

Нефть является главной составляющей минерально-сырьевой базы Башкортостана и нефтедобыча будет оставаться приоритетной отраслью добывающей промышленности еще длительный период. В настоящее время из 177 находящихся на балансе месторождений нефти разрабатывается 156, законсервировано 12 и 3 разведываются. Степень освоения начальных суммарных ресурсов нефти составляет 78,8 %, газа 27,7 % [177]. Именуемый на сегодня потенциал углеводородного сырья республики еще достаточно велик.

Ведущим нефтедобывающим предприятием республики является АНК «Башнефть» – крупный производственно-хозяйственный и научный комплекс, осуществляющий более 20 видов деятельности. Особенность АНК в том, что она работает по завершённому циклу, собственными силами ведет поисково-разведочные работы. АНК «Башнефть» ежегодно поставяет на рынки около 12 млн.тонн нефти, на взаимовыгодной основе сотрудничает с ведущими фирмами более 20 стран мира.

Основу сырьевой базы цветной металлургии Башкирии составляют медноколчеданные (колчеданно-полиметаллические) месторождения. На территории республики разведано 16 месторождений, из них четыре (Юбилейное, Подольское, Учалинское и Сибайское) относятся к числу крупнейших на Урале. Запасы меди и цинка составляют 30 % и 48 % соответственно от запасов этих металлов по Уралу. В эксплуатации находятся 8 месторождений. Руды перерабатываются на трех обогагательных фабриках общей проектной мощностью 6,2 млн. т руды в год.

Крупнейшие горнодобывающие предприятия цветной металлургии Урала ОАО «Башкирский МСК» и ОАО «Учалинский ГОК», а также ОАО «Бурибаевский ГОК» построены и функционируют на разведанных запасах комплексных месторождений. Каменная соль и известняк Стерлитамакского горнопромышленного района послужили базой для создания мощной промышленности по производству каустической соды, хлора и производных на их основе (более 100 наименований). Месторождения железных руд Белорецкого горнопромышленного района (Зигазино-Комаровская группа) послужили базой для становления и развития Белорецкого металлургического комбината с полным металлургическим циклом.

Многочисленные месторождения строительных материалов являются надежной сырьевой базой хорошо развитой строительной индустрии Башкортостана.

Минерально-сырьевая база золотодобычи представлена мелкими россыпями с запасами до 1,0 т, небольшими (до 3-4 т) месторождениями золотоносных «железных шляп», коренными месторождениями золото-сульфидного, золото-кварцево-сульфидного и др. типов, наиболее крупным из которых является месторождение Муртыкты (30 т). Ежегодный объем добычи золота из собственно золотых месторождений составляет 500 кг. Значительные запасы золота (сотни тонн) содержатся в медноколчеданных рудах. Ежегодно из них добывается до 1,5 т золота.

Значительный перечень видов минерального сырья, удобное географическое положение, развитая инфраструктура несомненно делают Башкортостан весьма привлекательным для вложения как отечественных, так и иностранных инвестиций в добывающую промышленность республики.

Характеризуя финансово-экономические факторы инвестиционного климата Башкирии, следует отметить рост обеспеченности экономики банковскими кредитами характеризовался увеличением показателя ссудной задолженности на 43 %. По состоянию на 1 января 2005 года величина ссудной задолженности составила 43,4 млрд. рублей.

В 2005-2006 гг. республиканская банковская система продолжала осуществлять кредитование предприятий-участников федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан до 2006 года». Имело место увеличение участия банковской системы в кредитовании инвестиционных проектов. Так, объем финансирования за счет собственных кредитов банков вырос в 1,7 раза, составив 29,9% от общего объема проектного финансирования против 17,9% в 2003 году. По сравнению с началом 2004 года кредитная задолженность физических лиц выросла в 2,1 раза, а её доля в общем объеме задолженности по кредитам экономике – с 19,1 % до 28,3 % [179].

В республике проводится политика активного стимулирования инвестиционного процесса со стороны государства. При непосредственной государственной поддержке продолжается строительство таких крупных объ-

ектов, как полиэфирный комплекс в г. Благовещенске и Юмагузинское водохранилище. На финансирование строительства полиэфирного комплекса в 2004 году из бюджета республики в форме бюджетного кредита направлено 543 млн. рублей, на формирование государственной доли в уставном капитале ООО «Юмагузинское водохранилище» – 250 млн. рублей (объем господдержки из федерального бюджета составил 100 млн. рублей) [64].

В 2005-2008 гг. инвестиционная политика в сфере привлечения иностранных инвестиций в Республику Башкортостан была направлена на дальнейшее формирование благоприятного инвестиционного климата, повышение инвестиционной привлекательности республики. Кроме того, важное значение придается развитию отношений с зарубежными странами, и в случае появления перспектив взаимовыгодного сотрудничества организуются правительственные визиты делегаций республики, бизнес-встречи представителей деловых кругов.

В целях повышения информированности иностранных партнеров о развитии экономического потенциала и изменениях инвестиционного климата в регионе постоянно проводится работа по повышению информационной обеспеченности потенциальных партнеров через Представительства Республики Башкортостан и Торговые представительства Российской Федерации за рубежом.

В республике создана база для успешной работы инвесторов, а проводимая в настоящее время экономическая политика способствует улучшению внутреннего инвестиционного климата в республике и предвещает экономические процессы, которые возникнут при вступлении России во Всемирную торговую организацию.

На данный момент республика Башкортостан обладает высоким инвестиционным рейтингом, относится к субъектам с наименьшим инвестиционным риском. Сегодня многие зарубежные фирмы проявляют большой интерес к инвестиционным проектам предприятий горнодобывающих отраслей, химии, нефтехимии, нефтепереработки. Положительным фактором является наличие в республике зон экономического благоприятствования, а так же осуществление инвестиционных проектов, направленных на предоставление иностранным инвесторам дополнительных льгот. Мощный налоговый потенциал республики, активное стимулирование инвестиционного процесса со стороны государства так же позволяют сказать, что Башкортостан является весьма привлекательным регионом для инвесторов.

В то же время достаточно велико общее влияние инвестиционного климата в России, который остается сложным. Правовая, экономическая, политическая нестабильность, не всегда эффективная налоговая система, которая объясняется ее непредсказуемостью и жесткостью, недостаточная разработанность механизмов страхования иностранных инвесторов – все это вынуждает иностранных партнеров зачастую ограничиваться простыми поставками товаров вместо развития их производства в нашей стране [71, с. 12].

Основными причинами, которые не дают возможности успешно реализовывать мероприятия в рамках экономической и инвестиционной политики Республики Башкортостан, являются:

- неблагоприятный деловой климат. Это проявляется, прежде всего, в излишнем вмешательстве государства в хозяйственную деятельность и одновременно его недостаточной роли в обеспечении базовых рыночных условий – защиты прав собственности и создании равных условий конкуренции. Чрезвычайно высокими остаются транзакционные издержки и административные барьеры входа на рынок и последующего ведения предпринимательской деятельности;
- уровень развития банковского сектора и фондового рынка не соответствует решению задачи мобилизации сбережений и трансформации их в инвестиции, необходимые для ускоренного экономического роста. Все это препятствует повышению деловой и инвестиционной активности, притоку внешних инвестиций;
- обременительная государственная финансовая система. Уровень фискального давления и объем декларируемых обязательств государства чрезвычайно велик, а реальные финансовые поступления и обслуживаемые обязательства существенно ограничены;
- неэффективная структура экономики, в которой преобладает производство товаров с низкой долей добавленной стоимости (главным образом, сырьевых) и нерыночных услуг. В большинстве отраслей экономики производительность труда находится на низком уровне. Производственная инфраструктура – дороги, электросети, трубопроводы и т.п. – достигла критического возраста, что создает серьезные препятствия для экономического роста.

Таким образом, представленный анализ позволяет обосновать комплекс мер по повышению инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан. В экономической области необходимо:

- увеличить в бюджете долю затрат на финансирование НИОКР;
- освободить от налога часть прибыли организаций и предприятий, направляемой на инвестиции в производство, проведение НИОКР, реализацию федеральных целевых программ;
- обеспечить планомерное бюджетное финансирование федеральной целевой программы «Национальная технологическая база», в рамках которой создаются новые базовые критические технологии, необходимые для развития конкурентоспособной продукции двойного назначения и экспортных товаров.

Реализация государственных целевых инвестиционных проектов должна способствовать развитию базовых технологий и удерживать на достаточном уровне разработку отечественных лидирующих производств.

Важным моментом может явиться реформирование системы реализации продукции на внешнем рынке, включающее снижение роли посреднических организаций.

Целесообразно обеспечить государственную защиту отечественных разработчиков и производителей продукции и услуг, определить меры по рациональной корпоратизации организаций и предприятий отраслей промышленности с целью обеспечения конкурентоспособности их продукции, скорректировать существующий механизм приватизации предприятий с целью недопущения нанесения ущерба национальным интересам России.

Для повышения инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан необходимо:

- сформировать стратегию по привлечению зарубежных инвестиций, основанную на долгосрочных программах стимулирования инвестиционного процесса, защиты международного и национального инвестора от рисков;
- разработать меры по формированию конкурентоспособной деловой и технологической инфраструктуры;
- установить режим наибольшего благоприятствования коммерческим банкам, осуществляющим инвестиции в развитие производства, предусмотрев систему государственных гарантий, страхование инвестиций и урегулирование инвестиционных споров;
- создать особые экономические зоны (промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные), способствующие привлечению инвестиций в РБ, увеличению темпов роста валового регионального продукта, созданию дополнительных рабочих мест и увеличению поступлений средств в региональный бюджет;
- сформировать систему подготовки кадров для обеспечения инвестиционной деятельности на региональном уровне;
- создать Агентство регионального развития, основными функциями которого должны стать: осуществление мониторинга и анализа экономического развития; проведение прогнозных исследований; разработка и реализация стратегической программы развития региона; консультационная поддержка бизнеса; содействие реструктуризации предприятий-банкротов; содействие инновациям и трансферу технологий; привлечение иностранных инвесторов; вывод предприятий на международные рынки; содействие развития туризма и т.д.;
- содействовать межрегиональной координации решений в области экономической и инвестиционной политики, в том числе: выработать механизмы совместного участия в разработке программ комплексного социально-экономического развития регионов; обеспе-

чить координацию разработки региональных энергетических программ и программ энергосбережения; разработать нормативно-правовую основу создания в регионах и муниципалитетах благоприятного предпринимательского климата;

- реализовать мероприятия по обеспечению прозрачности при разработке и исполнении бюджета Республики Башкортостан;
- создать и активно использовать разделы «Инвестиционный потенциал» и «Инвестиционная деятельность» на официальном Интернет-портале Республики Башкортостан в целях предоставления актуальной информации для потенциальных инвесторов о состоянии инвестиционного климата, перспективных инвестиционных проектах в регионе;
- ежегодно выпускать презентационные материалы «Инвестиционные проекты Башкирии», «Инвестиционный путеводитель по Башкирии» для целевых групп российских и зарубежных деловых кругов.

Все перечисленные меры эффективны лишь при создании благоприятного общероссийского инвестиционного климата. Его взаимосвязь с процессами развития регионов достаточно очевидна. Благоприятный инвестиционный климат способен уменьшить неопределенность и риск, стимулировать инвестиции в экономику территориальных образований.

Таким образом, для обеспечения устойчивого экономического роста необходимо проведение активной инвестиционной, промышленной, структурной, научно-технической политики на региональном уровне, которые в общей системе способны создать реальные предпосылки для возрождения экономической мощи страны.

Лишь после того, как в России будет кардинально изменена внутренняя инвестиционная привлекательность, когда инвестиции в регионы и реальный сектор экономики станут выгодными и на этой основе в России произойдет рост объемов инвестирования, только после этого можно ожидать существенных результатов в экономике и социальной сфере. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности российских предприятий, модернизации реального сектора экономики.

ГЛАВА 5

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ТЕМПЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

5.1. Понятие региональной инфраструктуры и значение государственных инвестиций в инфраструктуру

Одним из важных факторов, влияющим на темпы и направления регионального развития выступают государственные инвестиции в различные объекты региональной экономики, в частности, в объекты инфраструктуры. Причем, как показал анализ взаимосвязей между государственными инвестициями в инфраструктуру, занятостью и производительностью труда, а также многочисленные оценки влияния государственных инвестиций в региональную инфраструктуру на экономический рост региона, во многих странах мира наблюдается прямая корреляция между этими показателями [196, 197, 214, 215, 237, 244, 252, 253, 258]. Более того, в результате исследований установлено, что во всех развитых странах вмешательство государства в экономику осуществляется преимущественно в сфере инфраструктуры, как производственной, так и социальной [265]. В экономически развитых странах мира государственные расходы на отрасли инфраструктуры возрастают быстрее, чем на другие отрасли национального производства. По масштабам государственные инвестиционные затраты в инфраструктуру намного превышают инвестиции в отрасли социальной сферы. Страны со средним уровнем развития в 80-90-е гг. XX века направляли на инвестиции в инфраструктуру в среднем 4 % ВВП (что составляло около 20 % валовых внутренних инвестиций в этих странах). Около половины средств на эти нужды поступало прямо из государственного бюджета, еще 40 % – так или иначе, гарантировалось государством. Инвестиции в отрасли социальной сферы составляли в среднем 1,5 % ВВП.

Значимость инфраструктуры как объекта инвестирования обусловлена тем, что она составляет основу жизнедеятельности любого общества. Выделение инфраструктуры как крупной сферы народного хозяйства и эко-

номики региона базируется на различии между особыми и общими условиями производства. Общие условия производства создаются в результате производственной деятельности таких отраслей экономики, как информатика, транспорт, связь, электроэнергетика, коммунальное хозяйство, и некоторых других. Все эти отрасли в совокупности образуют производственную инфраструктуру. Они обладают единым свойством – обеспечивать взаимосвязь всех фаз воспроизводственного процесса: производства, обмена, распределения и потребления. К особым условиям относятся конкретные формы технологического процесса, присущие каждому виду производства, будь оно промышленным или сельскохозяйственным. Общие условия охватывают те, без которых не может функционировать никакое производство, точнее, эффективно функционировать. Иначе говоря, общие условия не связаны с технологией конкретного вида производства, они существуют независимо от нее.

Региональная инфраструктура представляет собой системы сооружений, материально-вещественных элементов, обеспечивающих непрерывную и эффективную связь предприятий основного производства в пределах данной территории и нормальную жизнедеятельность населения данного региона. Региональная инфраструктура призвана способствовать формированию и развитию крупных территориально-производственных комплексов. Региональная инфраструктура обычно подразделяется на производственную и социально-бытовую. К производственной инфраструктуре относятся те отрасли, которые непосредственно связаны с производством материально-вещественного продукта и функционально создают ему общие условия. Это транспорт, связь, электроэнергетика, наука и научно-техническая информационная служба, другие виды подобных производств. При этом развитие производственной инфраструктуры региона должно ориентироваться не на любую отраслевую структуру, а только на прогрессивную, обеспечивающую благоприятные условия интенсификации воспроизводства. На первом месте в системе производственной инфраструктуры стоит научная и информационная инфраструктура.

Совокупность же отраслей, которые непосредственно связаны с созданием общих условий для воспроизводства рабочей силы и обеспечением нормальной жизнедеятельности населения, представляет собой социально-бытовую инфраструктуру. К ней относятся, прежде всего, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство и некоторые другие отрасли.

Подобное разграничение инфраструктуры на производственную и социально-бытовую важно для практики развития, как отдельных регионов страны, так и для всего народного хозяйства. Чтобы экономическое развитие региона осуществлялось согласованно во всех звеньях, нельзя допускать отставания ни одного из них. Если это происходит, то образуется диспропорция в развитии региональной экономики, что приводит к потерям в

народном хозяйстве. Например, построены промышленные предприятия, но мало жилья, школ, детских садов. Следовательно, возникают трудности с привлечением рабочей силы как важнейшего условия процесса производства. Таким образом, формирование производственной и социально-бытовой инфраструктуры имеет важное значение в повышении эффективности общественного производства, его интенсификации, в создании предпосылок для обеспечения высокого жизненного уровня населения страны.

В целом развитие региональной инфраструктуры связано с инвестициями в строительство электростанций, автодорог, аэропортов, канализационных систем, мостов, городских коммуникаций и тому подобных сооружений, необходимых для производства и распределения товаров и услуг.

В зависимости от времени формирования инфраструктуры и отраслей промышленного производства выделяют три ее типа:

- опережающий (инфраструктурные сооружения создаются до введения объектов промышленного или сельскохозяйственного производства, и часть инфраструктурных мощностей остается в резерве на случай роста спроса на них в будущем);
- одновременный, или синхронный (степень развития инфраструктуры соответствует уровню индустриального развития);
- запаздывающий, когда степень насыщенности инфраструктурными отраслями и объектами отстает от потребностей экономики.

Таким образом, инфраструктура, как особый элемент экономики имеет большое значение для всего общества и представляет собой важнейший фактор успешного развития.

Что касается выявления и оценки общерегионального эффекта от государственных инвестиций в инфраструктуру, то результаты различных зарубежных исследований подтверждают значительное влияние государственных инвестиций в региональную инфраструктуру на экономический рост региона. Инвестировать в инфраструктуру – значит расширить способности региона генерировать экономические возможности и мобильность. Так, американский экономист Д. Ашауэр утверждает, что замедление роста производительности труда в 70-80-е годы XX века объяснялось главным образом недостаточностью государственных капиталовложений в инфраструктуру экономики США [194, 195].

Ашауэр Д. особое внимание уделяет ряду существенных взаимосвязей между инфраструктурой, с одной стороны, и динамикой частных капиталовложений, а также производительности труда, с другой стороны.

Во-первых, он считает, что государственные инвестиции в инфраструктуру и частные капиталовложения функционально взаимосвязаны. Другими словами, строительство новых дорог и мостов ускоряет транспортировку товаров от производителей к потребителям, а современные электростанции снижают энергозатраты, а значит, и общие издержки про-

изводства на частных предприятиях. Чтобы проверить и обосновать такую взаимодополняемость, Д. Ашауэр проанализировал связь высоких уровней государственных капиталовложений в инфраструктуру с высокой нормой прибыли в частном секторе. Например, согласно приведенным им данным в 1965-69 гг. в США ежегодные инвестиции в инфраструктуру составляли 2,3 % ВВП, а норма прибыли в частном секторе достигала 13,3 %. В 1980-84 гг. при снижении доли инвестиций до 0,4 % ВВП норма прибыли упала до 7,9 % [195].

Во-вторых, Д. Ашауэр приводит данные, показывающие тесную взаимосвязь между капиталовложениями в инфраструктуру и динамикой производительности труда. Например, в 1950-1970 гг. валовая стоимость инфраструктуры возрастала в среднем на 4,1 % в год, а среднегодовые темпы роста производительности труда составляли 2 %. За период 1971-1985 гг. первый показатель сократился до 1,6 %, что сопровождалось снижением второго показателя до 0,8 %. Сравнение двух периодов демонстрирует, что темпы роста производительности труда уменьшились на 1,2 процентных пункта. Как полагает Д. Ашауэр, основную часть этого снижения (1 %) можно объяснить недостаточным вниманием к развитию инфраструктуры.

Наконец, для подтверждения своих выводов Д. Ашауэр приводит международные сравнения. Такие страны, как Япония, направляющая значительную часть ВВП на развитие инфраструктуры, отличаются высокими темпами роста производительности труда. В тех же странах, где, как в США, в инфраструктуру вкладывается сравнительно мало средств, производительность труда растет относительно медленно.

Практические выводы из этих данных достаточно очевидны. В то время, как другие экономисты объясняют замедление роста производительности труда в США такими факторами, как высокие цены на энергоносители, недостаточные расходы на НИОКР, негативное воздействие на стимулы к работе и инвестированию высоких предельных налоговых ставок, Д. Ашауэр утверждает, что рост производительности труда может быть достигнут всего лишь благодаря улучшению состояния инфраструктуры.

Подобные выводы можно найти и в ряде других исследований, которые также подчеркивают влияние государственных инвестиций.

По данным исследования Р. Шапиро и Д. Хассета государственные инвестиции в автомагистрали, дороги и общественный транспорт несут значительные выгоды для каждого жителя США [267]. В результате исследования они пришли к выводу, что американская система наземного транспорта приносит более 4 долларов прямой прибыли с каждого затраченного на нее доллара и выяснили, что американские коммерческие организации и граждане экономят около 790 миллиардов долларов в год за счет прямых экономических прибылей от использования национальных автомагистралей и общественного транспорта. На основе проведенного анализа Р. Шапиро и Д. Хассетом сделан вывод о том, что автомагистрали

и общественный транспорт приносят 314.7 миллиардов ежегодной прямой экономической прибыли для коммерческих организаций, в основном за счет сокращения расходов и повышения продуктивности. Инвестиции в систему наземного транспорта также приносят 473.7 миллиардов прямой экономической прибыли в год гражданам США за счет экономии времени, затраченного на дорогу до работы и обратно, а также за счет большего дохода, который они могут получить, работая далеко от дома.

Принимая во внимания как прямые прибыли, так и прямые затраты, связанные с использованием американской системой наземного транспорта, Р. Шапиро и Д. Хассет пришли к выводу, что государственные инвестиции в автомагистраль и общественный транспорт приносят 603,3 миллиардов долларов в год чистой выгоды для американцев и американского бизнеса.

Также исследование подтверждает наличие связи между расходами страны на инфраструктуру и ее конкурентоспособностью на мировой арене. Например, когда улучшения системы транспорта и других технологий позволяют компаниям доставлять свою продукцию в отдаленные места, внутри страны может создаться перспективное место для экономической активности благодаря улучшенной системе общественного транспорта. Существует также сильная взаимосвязь между конкурентоспособностью страны и ее инновационным потенциалом, особенно в таких географических «скоплениях» как Силиконовая долина, где сконцентрированы знания, возможности и ресурсы. Эти скопления зависят от развитой системы транспорта, как в плане своего собственного развития, так и в плане экспорта инноваций.

Выводы о позитивном влиянии государственных инвестиций на занятость, инвестирование и производительность труда подтвердим на основе анализа статистических данных о развитии различных регионов США: штатов Калифорния [207], Нью-Йорк [268], Кливлэнд, Питсбург, Балтимор [274], Филадельфия [198], а также Португалии [258].

5.2. Зарубежный опыт развития региональной инфраструктуры и повышения темпов экономического роста

В настоящее время большинство городских жителей Калифорнии можно условно разделить на две большие группы: 1) сторонник политики активных инвестиций в традиционную инфраструктуру (строительство дорог, мостов, и других общественных учреждений), 2) тех, кто отдает предпочтение строительству театров, торговых центров и иных заведений, которые должны привлекать посетителей [201].

Парадоксально, но оказалось, что в настоящее время в северной части Калифорнии, в которой преобладают высокие технологии, присутствует высокая занятость населения и значительное развитие производственной инфраструктуры, тем не менее, данная инфраструктура является наихуд-

шей во всем государстве¹. И напротив, страна апельсинов, регионы Южной Калифорнии, Сан-Диего и Сан-Бернардо, характеризуется активным вниманием жителей к проблемам среднего и рабочего классов, инвестированием в инфраструктуру с учетом нужд всех жителей [222, 224, 270]. При этом особое внимание уделяется дорогам, водоснабжению, школам и другим общественным нуждам [273].

Такой подход к инвестированию привел к увеличению роста рабочих мест и расширению возможностей работы [263]. В результате в период с 1994 г. по 2005 г., общая занятость на территории Северной Калифорнии возросла всего на 93 тыс. вакансий (это составляет 6,3 %, что меньше среднего общенационального показателя на треть). В противовес этому, в районах Южной Калифорнии, которые инвестировали в инфраструктуру, появилось 1,1 миллион новых вакансий, что привысило национальные нормы в два раза (см. табл. 5.1) [278].

Таблица 5.1

Инфраструктура Калифорнии, рост рабочих мест в период с 1994 по 2005 гг.

Регион	Число рабочих мест			
	1994 г.	2005 г.	Рост рабочих мест	Изменения в %, 1994-2005 года
Регионы с большими вложениями в инфраструктуру				
Сан Диего – Карлсбад – Сан Марко	955	1,277	322	33,7 %
Сан Бернардо – Онтарио	749	1,169	420	56,1 %
Санта Анна – Анахайм	1,127	1,487	360	31,9 %
<i>Всего</i>	2,831	3,933	1,102	38,9 %
Регионы с малыми затратами на инфраструктуру				
Сан Франциско	903	947	44	4,9 %
Сан Джоз	811	860	49	6 %
<i>Всего</i>	1,714	1,807	93	5,4 %

Анализ подходов к инвестированию объектов инфраструктуры в других регионах США, таких штатах, как Нью-Йорк, Кливлэнд, Питсбург, Балтимор и Филадельфия и в таких городах, как Даллас, Хьюстон [275], Чарлестон [209] и Феникс, также показывает, что, несмотря на низкое развитие инфраструктуры и малый рост инвестиций в ее развития, тем не менее, основные инвестиции были сосредоточены на улучшении шоссе-ных дорог и развитии основных элементов инфраструктуры (мостов, набережных, портов и т.д.). Более того, Хьюстон недавно объявил о своих планах инвестировать в новую транспортную инфраструктуру 77,3 миллиарда долларов к 2025 г., а Даллас, Форт Уэрт, Эль-Пасо и другие города штата Техас также готовят крупномасштабные проекты для инвестирования. Анализ взаимосвязи между инвестированием в инфраструктуру и

¹ Данный вывод содержится в докладе группы калифорнийских инженеров. См. [200].

ростом рабочих мест, также показал прямую зависимость между этими показателями (см. табл. 5.2) [268].

Все эти промышленные зоны развиваются гораздо быстрее, нежели те, деятельность которых основана на творческих процессах. Начиная с 1994 г. Чарльстон, Южная Каролина инвестировали значительные средства в развитие порта и промышленности, тем самым количество рабочих мест возросло и превысило количество мест в Нью-Йорке, где 1/16 часть населения трудоустроена. Уровень занятости населения в таких городах как Хьюстон, Феникс и Даллас выше уровня занятости в Нью-Йорке, Бостоне, Сан-Франциско и Силиконовой Долине – вместе взятых.

Таблица 5.2

**Примеры инфраструктуры в США
и региональный рост вакансий, 1994-2005 гг.**

Регион	1994 год	2005 год	Рост работы	Процентное изменение 1994-2005 года
Регионы с большими вложениями в инфраструктуру				
Чарльстон – Северный Чарльстон	209	282	73	34,7 %
Даллас	1,533	1,929	396	25,8 %
Хьюстон	1,879	2,320	441	23,5 %
Феникс	1,138	1,737	599	52,6 %
<i>Общее</i>	4,759	6,268	1,509	32 %
Регионы с малыми затратами на инфраструктуру				
Нью-Йорк	3,314	3,573	259	7,8 %
Сан-Франциско	903	947	44	4,9 %
Сан-Джозеф	811	860	49	6 %
Бостон	1,555	1,651	97	6,2 %
<i>Общее</i>	6,582	7,031	448	6,8 %

Не удивительно, что на территориях, где не наблюдается рост рабочих мест и условия жизни лишь ухудшаются, ярко выражено классовое разделение. Недавние исследования Брукинского института показали, что с 1970 г. средний доход упал в городах с низким уровнем расходов на инфраструктуру, таких как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско. Ученые Филиала Калифорнийского университета государственной политики в Сан-Франциско обнаружили, что когда изучается уровень жизни, то в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Монтерее и Лос-Анджелесе – городах с высоким уровнем благосостояния – уровень бедности превышает 20 процентов, тем самым перемещая эти города в список 10 беднейших в стране [207].

В обширном исследовании проведенном Дж.Коткином, представлены результаты комплексного анализа состояния транспортной инфраструктуры США и выявлены отрицательные последствия, возникающие при недостаточном финансировании инвестиций в инфраструктуру [234]. Начи-

ная с 20-х годов XX века американское государство активно инвестировало в объекты инфраструктуры. Была проведена модернизация значительной части страны. Улучшение состояния дорог, мостов, электрических генераторов и водоканалов, обеспечило большое количество людей работой.

В послевоенные годы, под руководством президента Эйзенхауэра страна была обеспечена важными дорожными развязками, что стало революционно новым для американского ландшафта. Согласно некоторым данным, прибыль с каждого инвестированного доллара США приравнивалась к 6 долларам США. Согласно некоторым федеральным данным, данная программа сократила затраты Соединенным Штатам на более чем 1 триллион долларов.

Однако, начиная с 60-х годов XX века наблюдалось снижение государственных инвестиций в инфраструктуру. Самый крупный спад во вложении денег в инфраструктуру, который начался в 1980-е годы, привел к дефициту, который повлиял на качество дорог, систему общественного транспорта, общественное образование и продуктивно-вложенные инвестиции. Недофинансирование вызвало катастрофические последствия. Наиболее крупным является разрушение большей части Нового Орлеана в 2005 г., вследствие отказа от вложений в систему безопасности от ураганов [240]. Инвестирование 14 миллиардов долларов на строительство дамбы в Южной Луизиане при помощи осушения заболоченных территорий, было остановлено Конгрессом в 1998 г. вследствие высказанных некоторыми конгрессменами сомнений относительно целесообразности проекта [205, 217]. В результате ущерб от урагана «Катрина» будет стоить правительству 300 миллиардов долларов [250]. Эта сумма включает в себя моральную компенсацию родственникам 1800 погибших, восстановление урона окружающей среде вследствие наводнения и расходы на осушение огромных заболоченных территорий [247]. За последние годы власти уже выделили 14 миллиардов долларов на восстановление ущерба, нанесенного ураганом.

Аналогично, в Миннеаполисе власти могли бы избежать огромного количества человеческих жертв вследствие обрушения моста, если бы правительство направило необходимое количество средств на его реконструкцию или на строительство нового (крупный мост в самом центре Мениаполиса рухнул летом 2007 г.) [271].

Проведенная ревизия состояния основных объектов выявила, что общественная инфраструктура в крупнейших городах США сильно запущена [261]. Было установлено, что совокупные затраты на инфраструктуру в период с конца 1990-х и начала 2000-го года составляли лишь половину той суммы, которая необходима для содержания городских улиц, главных улиц и железнодорожные пути в «хорошем отремонтированном состоянии». Подземные переходы и железнодорожные ветки в самых богатых американских городах часто закрыты после сильного дождя, что связано с потопами из-за отсутствия хорошего дренажа. Затемнения, вызванные

нехваткой инвестирования энергетической инфраструктуры, стали обычными делом [246].

В частности, анализ состояния инфраструктуры в крупнейших городах США показал ее достаточно критическое состояние. Так, исследование инфраструктуры Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Чикаго (крупнейших городов США) показало, что состояние дорог и других объектов городского хозяйства ухудшается. Несмотря на внешнее финансовое благополучие, порожденное рынком ценных бумаг и реальным положением в Нью-Йорке, общественная инфраструктура в городе сильно запущена. В Лос-Анджелесе в серьезной запущенности находятся система водоснабжения, дороги, аэропорты и образовательные учреждения. Если в 1960-ые годы государственные затраты на инфраструктуру региона составляли около 20 % всего бюджета штата, то впоследствии, затраты на инфраструктуру сократились до 3 % от общего числа расходов, несмотря на быстрый рост населения в штате.

В то же время, так как расходы на традиционную инфраструктуру сокращались, города и штаты начали инвестировать в строительство новых центров, спортивных стадионов, культурных и развлекательных учреждений, отелей [206, 242], с целью привлечения «креативных классов» в свои урбанистические центры и стимулирования экономического роста [216, 251].

Проведенные исследования установили, что траты общественного капитала на подобные центры увеличились в период с 1995 по 2005 год на 2,4 миллиарда в год. Однако немногие из этих проектов оказались прибыльными. Лос-Анджелес, Феникс, Вашингтон и Сент-Луи финансировали невыгодные комплексы.

Новые арены и спортивные стадионы дали такие же разочаровывающие результаты [272]. В некоторых городах были построены спортивные сооружения. Балтимор, Кливленд, Сан-Франциско находятся в числе тех городов, которые проголосовали за новые спортивные стадионы, пообещав, что данные сооружения приведут к городскому обновлению. Однако нет уверенности, что такие сооружения удовлетворят общественные ожидания.

Городские руководители также уверены в том, что построение элитных культурных, развлекательных, обеденных заведений привлечет внимание высоко продуктивных слоев общества. Многие верят в то, что обращение к этому «креативному классу» образованных профессионалов является наиболее быстрым путем поднятия региональной экономики, нежели восстановление дорог, строительство школ или же обращение к другим потребностям.

Однако многие руководители бизнеса считают, что данный подход не подходит для улучшения городских территорий. Бывший мэр, Мартин О'Маллер, уверен, что два новых стадиона и аквариум сделали Балтимор «самым великим городом Америки». Однако, несмотря на любые экономические меры, Балтимор находится в упадке. Он занимает 389 из 393 мест среди всех регионов США по числу занятых. В 1990-ые он потерял 11 %

своего населения, и еще 2,3 % за это десятилетие. В городе до сих пор есть тысячи заброшенных домов, а число совершенных убийств постоянно растет. В конце концов, окраины города, которые процветали после Второй Мировой Войны, сейчас находятся в полном упадке [210].

В то же время акцент на кратковременные траты может быть опасным, когда важные требования инфраструктуры запущены. Новый Орлеан, который раньше был одним из самых крупных промышленных и рекламных центров во всей нации, долгое время не обращал внимание на потребности своего традиционного производства, относящиеся к энергетическому сектору. Во время урагана Катерина, лишь половина населения была задействована на производстве.

Тогда, когда экономический упадок усилился, Новый Орлеан решил сосредоточить свое внимание на искусстве, культуре и туризме. Данный подход еще сильнее снизил зарплаты рабочего и среднего классов. Несмотря на то, что город стал туристическим центром, около 40 % его населения зарабатывало в 2000 г. менее 20 тысяч долларов США в год. Город не стал обращать внимание на свои нужды. Новый Орлеан не жалел денег на развлечения людей до урагана. Большие суммы тратились на центры, спортивные стадионы и другие блестящие, но кратковременные проекты. Будучи уверенным в том, что искусство и культура смогут поддерживать экономику, город не стал вкладывать инвестирования в традиционные инфраструктуры.

Таким образом, на основании исследования зависимости между объемом и системностью государственных инвестиций в инфраструктуру регионов и крупнейших городов США и темпами экономического роста в соответствующих регионах, можно сделать вывод о прямой зависимости между этими процессами.

Теперь остановимся на анализе влияния государственных инвестиций в транспортную инфраструктуру Португалии. Здесь, за основу анализа, возьмем результаты исследования Альфредо М.Перейро и Хорхе М. Андресом [258]. Ими проведен анализ португальской экономики с точки зрения выявления совокупных эффектов государственного инвестирования в транспортную инфраструктуру, занятость населения, инвестиции, производительность и декомпозицию этих эффектов на отраслевом уровне.

Отсталость Португалии в своем развитии по сравнению с другими странами Европейского Союза привела в 1989 г. к появлению программ ЕС по структурному преобразованию Португалии. Краеугольным камнем этих программ стало развитие современной транспортной инфраструктурной сети, направленной на укрепление транспортных связей внутри страны и облегчение последующего выхода Португалии на международные рынки. Следовательно, последние пятнадцать лет стратегия долговременного развития страны основывалась на транспортной инфраструктуре.

Эмпирические результаты показывают, что государственные инвестиции позитивно влияют на занятость, инвестирование и производительность. Позитивные совокупные эффекты государственного инвестирования скрывают неодинаковость результатов на отраслевом уровне, как, к примеру, влияние государственных инвестиций на занятость населения, когда позитивное влияние наблюдается в 13 из 18 случаях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что государственное инвестирование имеет тенденцию смещать устоявшийся отраслевой баланс занятости в сторону добывающей промышленности (S2), химической промышленности (S6), неметаллических продуктов (S7), строительства (S11), металлообрабатывающей индустрии (S8), перевозок (S14) и финансов (S16). Фактически, эти семь отраслей представляют 21,2 % совокупной занятости населения, дают лишь 26,3 % ВВП и используют 77,6 % выгоды от инвестиций. В свою очередь, позитивный совокупный эффект инвестирования присутствует во всех отраслях. Фактически, государственные инвестиции позитивно влияют на частное инвестирование в 16 случаях из 18. Тем не менее, эти эффекты распределены неравномерно, среди отраслей наблюдается тенденция к смещению частного инвестирования в сторону сельского хозяйства (S1), текстильной промышленности (S4), бумажной промышленности (S5), неметаллических продуктов (S7), других производств (S9), строительства (S11), торговли (S12), ресторанного бизнеса (S13) и перевозок (S14). Эти девять отраслей потребляют 31,2 % частных инвестиций и пользуются 53,1 % всей выгоды.

Сегодня существует множество свидетельств тому, что государственное инвестирование в транспортную инфраструктуру послужило мощным инструментом для обеспечения долговременного развития страны и «подтягивания» ее до уровня европейских стандартов [252]. Несмотря на эти свидетельства, вопрос о влиянии инвестиций на общий промышленный уровень страны и на отношения между совокупными и особыми для каждой отрасли страны результатами, стоит по-прежнему остро. Это является важным вопросом, т.к. значимость совокупного уровня развития промышленности не дает никакой полезной информации кроме собственно сферы действия этих влияний. Фактически, значительный позитивный совокупный эффект должен ассоциироваться с позитивным эффектом на всю промышленность, или скрывать неравномерное распределение прибыли между отраслями. Также возможным является, что скромные успехи на общем уровне развития промышленности могли оставить незамеченными значительные результаты в некоторых отдельно взятых отраслях. В конечном счете, существует вопрос, как развитие транспортной инфраструктуры повлияло на межотраслевой баланс в стране.

В своем исследовании А. Перейра и М. Андраз придерживаются методологии анализа влияний государственных инвестиций, разработанную А. Перейра [255] и использованную им в работе, написанной совместно с

М. Андраз [257]. В этой методологии используется векторный авторегрессивный подход для проведения анализа влияний государственных инвестиций на производительность, занятость и инвестиции. Также были использованы индивидуальные модели для португальской экономики в целом и для каждой из восемнадцати отраслей. Этот подход подчеркивает роль динамической связи среди прочих параметров, и возможную эндогенность принятия решения о государственном инвестировании. Это позволяет определить эффективность государственных инвестиций способом, методологически совместимым с оценкой влияния государственных инвестиций на совокупный уровень.

В качестве источников информации А. Перейра и М. Андраз были использованы ежегодные отчеты о промышленном производстве за период с 1976 по 1998 гг. Информация по частному сектору была получена от Банка Португалии (1997), отчеты по исполнению государственного бюджета опубликованы Национальным Институтом Статистики и доступны в режиме онлайн на сайте www.ine.pt. Производительность и частные инвестиции даны в ценах 1995 года, занятость рассчитывалась исходя из эквивалентов полной занятости. Краткий обзор статистических материалов представлен в таблице 1: сельское хозяйство (S1), строительство (S11), торговля (S12), недвижимость (S17) и сфера услуг (S18). Выбор обусловлен тем, что эти пять отраслей являются важнейшими при формировании ВВП. В среднем, на их долю приходится 55,2 % ВВП. Что касается занятости населения, пять наиболее важных в этом отношении отраслей включают текстильную промышленность (S5) вместо недвижимости (S17), и составляют 70,7 % от уровня совокупной занятости населения. И в завершение, пять наиболее важных отраслей промышленности с точки зрения частного инвестирования, которые входят также в первую пятерку компаний, дающих самую большую производительность. К ним добавляются перевозки (S14), которые потеснили сельское хозяйство (S1), уровень совокупных инвестиций составляет 61,7 %.

Материалы по государственным инвестициям в транспортную инфраструктуру получены из работы Перейры и Андраза [256]. Эта база данных является результатом долгой и кропотливой исследовательской работы, которая спонсировалась португальским Министерством планирования. База включает в себя информацию по государственным инвестициям в строительство национальных и муниципальных дорог, автострад, портов, аэропортов и железных дорог. Она охватывает период с 1976 года по 1998.

Нельзя говорить об особенностях государственного инвестирования в Португалии за означенный период, не вспомнив о спонсируемых Евро-союзом программах, реализуемых под эгидой программ поддержки членов Содружества (ППЧС) для Португалии. Отставание в развитии португальской экономики по отношению к партнерам из ЕС повлекло за собой создание европейской Программы структурных фондов в 1989 г. Первый

период, когда начала свое действие первая программа поддержки, начался в 1989 г. и длился до 1993 г., второй период начался в 1994 г. и закончился в 1999 г. Таким образом, выборка включает 13 лет до и 10 лет после появления программ поддержки членов содружества. Этот факт инкорпорируется в анализ и в процессе исследования постоянно идет ссылка на две программы поддержки членов содружества.

По результатам исследования А. Перейры и Х. Андраза выявлено, что существует две базовые характеристики этих программ. Первая, характеризующая программы с точки зрения размеров, дает нам чрезвычайно масштабные программы. Если учитывать отчисления ЕС и национальное финансирование, вклад программы поддержки членов содружества за период 1989-1993 гг. составил около 9,0 % от ВВП Португалии [219], за период 1994-1999 гг. процент был иным – 6,7 % [252]. Вторая характеристика дается с точки зрения их структуры. Краеугольным камнем обеих программ было развитие современной инфраструктуры с целью повысить доступность регионов внутри страны и обеспечить доступ на внешние рынки. Инфраструктурные программы, транспортные и другие, составили 46,6 % от планируемых объемов инвестиций для первого периода, и 40 % для второго [254].

В целом, объем государственных инвестиций составил 1,55 % от ВВП за представленный период. Такой процент ВВП свидетельствует о восходящем тренде за анализируемый период, который становится более явным, начиная с 1990-ых годов. Фактически, доля ВВП выросла с 1,2 % в 1976-88 до 2,0 % в 1989-98. Следовательно, полученная информация подтверждает существующее мнение о том, что программы поддержки Членов Содружества ускорили динамику государственных инвестиций в инфраструктуру страны. Более того, можно отметить значительные изменения от первой программы поддержки членов содружества ко второй программе, т.к. доля государственного инвестирования увеличилась со среднего показателя в 1,8 % до 2,2 %.

Исследования А. Перейры и Х. Андраза интересны еще и тем, что они позволяют рассмотреть влияние государственных инвестиций в инфраструктуру региона на различные социально-экономические показатели. В частности: на частную занятость на отраслевом уровне, на частное инвестирование на отраслевом уровне, на производительность частного сектора на отраслевом уровне, а также на капиталоемкость и производительность труда.

Рассмотрим их более подробно.

1. Влияние государственного инвестирования на частную занятость на отраслевом уровне.

Результаты исследования А. Перейры и Х. Андраза свидетельствуют о несоответствии эффектов позитивной эластичности занятости с учетом государственных инвестиций на совокупном и отраслевом уровнях. Рас-

четы показали наличие позитивной эластичности в 13 из 18 отраслей, и негативной эластичности для оставшихся 5. Эластичность варьируется в незначительных пределах от -0,198 для отрасли «Другие производства» (S9) до 0,479 для добывающей промышленности (S2). Наибольшая позитивная эластичность достигнута в добывающей промышленности (S2), химической промышленности (S6), металлообрабатывающей промышленности (S8), строительстве (S11), и перевозках (S14), тогда как негативную эластичность демонстрируют сельское хозяйство (S1), пищевая промышленность (S3), текстильная промышленность (S4), другие производства (S9), и недвижимость (S17).

Более точное представление о влиянии государственных инвестиций на занятость можно получить обратившись к показателю предельного продукта. Согласно анализу отраслевого уровня, каждый миллион евро государственных инвестиций, в долгосрочном периоде, привел к образованию 303 рабочих мест. Из них новых рабочих мест – 249, тогда как остаток 54 относится к рабочим местам, перераспределенным между отраслями. Наибольшую выгоду от государственных инвестиций в инфраструктуру получили металлообрабатывающая промышленность (S8), строительство (S11), торговля (S12), транспорт (S14), и сфера услуг (S18) с 59, 101, 32, 33, и 20 новых рабочих мест соответственно. Именно эти пять отраслей дали 80,9 % общего увеличения занятости. В свою очередь, текстильная промышленность (S4) и другие производства (S9) потеряли больше работ, чем приобрели (11 и 21, соответственно).

Для того, чтобы оценить влияние государственного инвестирования на занятость населения, можно также сравнить количество новых рабочих мест в отрасли и долю занятости населения на работе в отрасли. Из пяти отраслей, наибольший эффект, с точки зрения создания новых рабочих мест, испытали металлообрабатывающая промышленность (S8), строительство (S11) и перевозки (S14); их выгода, в таком случае, крайне непропорциональна их доле в общей занятости населения в частном секторе. Другие отрасли, такие как добывающая промышленность (S2), химическая промышленность (S6) неметаллические продукты (S7), финансы (S16), хоть и показали меньшие результаты в абсолютном отношении, остались в выигрыше. Кроме того, именно в этих отраслях удалось соблюсти баланс между вновь созданными рабочими местами и долей отраслей на рынке труда до инвестиций. В целом, семь отраслей оказались в значительном выигрыше, что соответствует 21,2 % от общей занятости; этим семи достались 77,6 % преимуществ. Следовательно, государственные инвестиции явно повлияли на смещение занятости населения в эти отрасли.

И, наконец, наибольшие потери понесли коммунальные службы (S10), ресторанный бизнес (S13), и сфера обслуживания (S18), выгода которых от государственных инвестиций оказалась непропорционально низкой по сравнению с их долей на рынке частной занятости. Помимо перечислен-

ных к таким проигравшим отраслям, относятся (в том числе уже и перечисленные) сельское хозяйство (S1), продукты питания (S3), текстильная промышленность (S4), другие производства (S9), и недвижимость (S17).

2. Влияние государственных инвестиций на частное инвестирование на отраслевом уровне.

С точки зрения эффектов государственного инвестирования в инфраструктуру на частное инвестирование, совокупный позитивный эффект также наблюдался для большинства отраслей. Действительно, эластичность частного инвестирования с учетом государственных инвестиций, позитивна для 16 из 18 отраслей, за исключением добывающей промышленности (S2) и коммунальных служб (S10). Эластичность частного инвестирования в абсолютном отношении крайне высока, и варьируется от – 3,56 для добывающей промышленности (S2) до 2,30 для ресторанного бизнеса (S13). Наибольшая позитивная эластичность достигнута в сельском хозяйстве (S10), неметаллических товарах (S7), строительстве (S11), и ресторанном бизнесе (S13). С точки зрения влияния государственных инвестиций на частное инвестирование, в абсолютном отношении каждый миллион евро государственных инвестиций привел, за долгосрочный период, к повышению частных инвестиций до 9,78 миллионов евро. Эта цифра соответствует чистому увеличению в 9,18 миллионов и незначительному перераспределению средств между отраслями в сумме 0.60 миллионов евро. Наибольшую выгоду получили строительство (S11), торговля (S12), транспорт (S14), недвижимость (S17) и сфера обслуживания (S18) с предельным продуктов 1,16, 0,88, 0,82, 1,50, и 1,63 миллионов евро соответственно. Эти пять отраслей получили 61,4 % от общей выгоды государственного инвестирования.

С точки зрения прибыли в отношении своей доли участия на рынке частного инвестирования, среди наиболее успешных отраслей, в абсолютном отношении, числятся строительство (S11), торговля (S12), и транспорт (S14). Другие отрасли: сельское хозяйство (S1), текстильная промышленность (S4), бумажная промышленность (S5), неметаллические продукты (S7), другие производства (S9) и ресторанный бизнес (S13) – также получили непропорционально большую, по сравнению с их долей на рынке частных инвестиций, выгоду от государственных инвестиций. В целом, на эти девять отраслей приходится 31,2 % от общего частного инвестирования в стране, и они являются обладателями 53,1 % общей выгоды с точки зрения частного инвестирования. Следовательно, государственное инвестирование заметно сместило концентрацию частных инвестиций в сторону этих отраслей.

В свою очередь, больше всего – в относительных категориях – потеряли добывающая промышленность (S2) и коммунальные службы (S10), которые вообще не получили частного инвестирования, и индустрия услуг связи (S15), финансы (S16), недвижимость (S17) и сфера услуг (S18), ко-

торые получили выгоду, непропорционально меньшую своей доле на рынке частных инвестиций.

3. Влияние государственного инвестирования на производительность частного сектора на отраслевом уровне.

Позитивные совокупные эффекты государственного инвестирования на производительность частного сектора не дают исчерпывающей информации об эффективности инвестирования для каждой конкретной отрасли. Исследования А. Перейры и Х. Андраза подтвердили, что государственное инвестирование имеет позитивный эффект на производительность частного сектора для 13 из 18 отраслей, и негативный эффект на оставшиеся 5. В целом, эластичность варьируется от -0,312 для коммунальных служб (S10) до 1,444 для добывающей промышленности (S2). Тем не менее, большинство показателей эластичности выражены примерно одним числом, на фоне которого добывающая промышленность демонстрирует явно отклоняющееся значение. Самая большая эластичность продемонстрирована добывающей промышленностью (S2), строительством (S11), ресторанным бизнесом (S13), и финансами (S16), тогда как отрасли с отрицательной эластичностью представлены текстильной промышленностью (S4), бумажной промышленностью (S5), химической промышленностью (S6), другими производствами (S9), и индустрией услуг связи (S15). С точки зрения предельного продукта государственного инвестирования, конечная прибыль составила 9,23 миллиона евро производительности на долгосрочный период, на один миллион евро инвестиций. Это число входит в общую сумму 10,48 миллионов евро, 1,25 миллиона из которых были перераспределены между отраслями. Наиболее высокий предельный продукт продемонстрировали строительство (S11), ресторанный бизнес (S13), финансы (S16), недвижимость (S17), и сфера услуг (S18) с предельным продуктом в 2,37, 0,93, 1,58, 1,07, и 1,29 соответственно. В целом, эти пять отраслей получают 69,1 % от суммарной выгоды.

С точки зрения влияния государственных инвестиций на формирование отраслевой производительности частного сектора, следует сравнить размер полученной отраслью выгоды по отношению к размеру отрасли. Фактически, из 13 отраслей, которые выиграли от государственных инвестиций лишь семь превысили пропорцию полученная выгода / размер отрасли. Этими отраслями являются добывающая промышленность (S2), неметаллические продукты (S7), металлообрабатывающая промышленность (S8), коммунальные службы (S10), строительство (S11), ресторанный бизнес (S13), и финансы (S16). В целом, этим семи отраслям соответствует 26,3 % общей производительной мощи страны, общая сумма полученной выгоды для отраслей составила 69,3 %. Следовательно, государственное инвестирование сместило баланс производительности частного сектора в сторону этих отраслей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственные инвестиции в инфраструктуру формируют тенденцию смещать устоявшийся баланс производительности от оставшихся 11 отраслей в сторону вышеназванных 7. Условно негативное влияние от инвестирования испытали пять отраслей – химическая промышленность (S6), которая не испытала влияния инвестирования, и торговля (S12) и перевозки (S14), которые получили значительно меньше по сравнению со своей долей на рынке производительности.

Важно отметить, что природа влияния государственных инвестиций на производительность отраслей такова, что следует обязательно учитывать и не прямые эффекты государственного инвестирования в инфраструктуру на производительность предприятий, например, эффекты, возникающие вследствие изменений в частных издержках. Это следует учитывать наряду с прямыми эффектами государственного инвестирования на производительность частного сектора, например, внешними эффектами, связанными с производством. Фактически, восемь из тринадцати отраслей с позитивной эластичностью частной производительности имели также позитивную эластичность и в отношении частных затрат. Прямые и не прямые эффекты работают в одном направлении.

Для других трех отраслей, сельского хозяйства (S1), продуктов питания (S3) и недвижимости (S17), эластичность занятости негативна, но эластичность частного инвестирования позитивна. Т.о. для этих отраслей прямые и не прямые эффекты частных инвестиций оказались доминирующими по сравнению с занятостью. В свою очередь, добывающая промышленность (S2) и коммунальные службы (S10) демонстрируют отрицательную эластичность частного инвестирования, но позитивную эластичность для занятости населения. Соответственно, для этих отраслей прямые и не прямые эффекты занятости превалируют над негативными эффектами частного инвестирования.

Также необходимо отметить, что среди пяти отраслей с негативной эластичностью производительности, текстильная промышленность (S4) и другие производства (S9), демонстрируют положительную эластичность в отношении частного инвестирования и положительную эластичность в отношении занятости. Соответственно, для этих отраслей позитивные эффекты частного инвестирования доминируют над негативными эффектами занятости. Тем не менее, бумажная промышленность (S5), химическая промышленность (S6) индустрия услуг связи (S15) демонстрирует негативную эластичность в отношении производительности, тогда как в то же время наблюдается позитивная эластичность отраслей для обеих затрат. Для этих отраслей негативный прямой эффект доминирует над позитивными непрямыми эффектами.

4. Влияние государственного инвестирования на капиталоемкость и производительность труда.

Результаты исследования позволяют проследить также влияние государственного инвестирования на капиталоемкость (к примеру, капиталое-

вооруженность) на совокупном и отраслевом уровнях. Релевантной будет информация, которая получается путем вычисления разницы между эластичностями инвестиций и занятости, и разницей между эластичностями производительности и занятости, соответственно. Анализ совокупного уровня говорит о том, что эффекты государственных инвестиций влияют на занятость с эластичностью в 0,079 и частные инвестиции с эластичностью в 0,829. Это означает, что государственное инвестирование в инфраструктуру влияет на частное инвестирование в другие отрасли и сферы экономики больше, чем занятость, и, следовательно, позитивно влияет на капиталооборуженность. Анализ отраслевых результатов подтверждает, что выводы верны для всех отраслей, за исключением двух – добывающей промышленности (S2) и коммунальных служб (S10).

В свою очередь, результаты анализа совокупного уровня говорят о том, что государственные инвестиции влияют на занятость с эластичностью в 0,079, и на производительность с эластичностью в 0,154. Это означает, что государственные инвестиции влияют на производительность в большей степени, чем занятость, и, следовательно, положительно влияют на производительность труда. Анализ на отраслевом уровне подтвердил выводы для десяти из 18 отраслей, среди них: сельское хозяйство (S1), добывающая промышленность (S2), продукты питания (S3), неметаллическая продукция (S7), коммунальные службы (S10), строительство (S11), ресторанный бизнес (S13), финансы (S16), недвижимость (S17), и сфера услуг (S18).

В завершении исследования хотелось бы кратко остановиться на анализе совокупных эффектов от государственного инвестирования в инфраструктуру на ключевые показатели экономического развития, в частности: занятости, инвестирования и производительности.

Эластичность частной занятости с учетом государственных инвестиций в Португалии равна 0,079. С точки зрения создания рабочих мест, это означает что каждый миллион евро инвестиций, за долгосрочный период, привел к созданию 231 рабочего места в частном секторе. В свою очередь, эластичность частных инвестиций с учетом государственного инвестирования составила 0,829. Это означает, что каждый миллион евро государственных инвестиций, за долгосрочный период, привел к аккумуляции 9,4 миллионов евро инвестиций в частный сектор. Следовательно, на совокупном уровне, государственные инвестиции являются эффективными как для частной занятости, так и для частного инвестирования. Также было подсчитано, что государственные инвестиции оказывают положительное влияние на производительность частного сектора. Эластичность частной производительности с учетом госинвестиций в размене 0,154, что означает аккумуляцию дополнительных 8,01 миллиона евро дохода на каждый потраченный миллион. При временном отрезке в двадцать лет и норме амортизации в 5 %, это означает прибыль в размере 15 %; показатель гораздо выше среднего для окупаемости капиталовложений в частный

сектор. С этой точки зрения, выбор транспортных инфраструктур в качестве объекта государственных инвестиций при реализации стратегии развития Португалии можно считать оправданным.

В то же время, повышение производительности каждой отдельно взятой отрасли может не сильно повлиять на совокупную отпускную цену, это как если бы у каждой отрасли была бы горизонтальная схема производственных поставок. На совокупном уровне, тем не менее, ожидается одновременный рост производительности большинства отраслей, который бы привел к снижению равновесной отпускной цены и, следовательно, в меньшим совокупным производственным эффектам. Согласно полученным результатам, сумма эффектов различных государственных инвестиций составляет 107,8 %, 97,1 % и 115,2 % от значений, полученных при анализе совокупных моделей занятости, частного инвестирования и производительности соответственно. Это означает, что результаты от восемнадцати отраслевых моделей достаточно точно попадают в результаты совокупной модели. Более того, общее равновесие эффектов кажется оправданным в случае занятости и производительности, но вызывает сомнения в случае с частным инвестированием.

Теперь перейдем к анализу принципов инвестирования, которых должно придерживаться государство для достижения положительных результатов от инвестирования в инфраструктуру и общего успеха.

5.3. Принципы государственного инвестирования инфраструктуры

Признание важности направления значительных государственных средств в развитие инфраструктуры регионов в тоже время предполагает необходимость учета ряда критериев при выборе объектов инвестирования.

В качестве первого принципа следует назвать требование сфокусировать усилия на потребностях, а не идеологии. Необходимо отметить, что все затраты на инвестирование в инфраструктуру отвечают потребностям современности. Однако до сих пор во многих случаях, причиной государственных расходов являются идеологические убеждения и ложное мышление. Например, в США некоторые политики настаивают на том, что затраты на строительство пригородных дорог должно быть урезано в пользу муниципальных дорог [191, 241]. Тем не менее, рост пригородных районов во многих мегаполисах США, начавшийся еще с 1950-х гг. и не прекращающийся до сих пор составил уже 90 %, и сокращение в пригородных районах строительства дорог приводит к негативным результатам и последствиям [280].

Другим негативным примером выбора инвестиционного проекта является перераспределение финансовых средств в части городов США на

строительство дополнительных железнодорожных веток, вместо расширения сети пригородных дорог [232, 264]. Тем самым предполагалось решить проблемы с перегруженностью дорог, несмотря на тот факт, что на строительство железной дороги необходимы значительно большие суммы. В результате стоимость строительства веток превысила в несколько раз сумму, изначально планируемую.

Однако нельзя утверждать, что государственные инвестиции в развитие железнодорожных перевозок не окупаются. Высокая загруженность железнодорожной линии – Houston Main street line, соединяющая Техасский медицинский центр и деловую часть города, обусловлена высоким уровнем занятости людей в энергетике, медицине и других областях производства в этом районе. А недавнее исследование компании Метролинк показало, что государственные субсидии на приобретения малотоксичного двигателя в поезда позволили её системе успешно функционировать и применять более гибкую систему оплаты проезда [230].

В целом же, общий вывод исследователей заключается таков: для того чтобы инвестиции в развитие железнодорожных перевозок окупались и приносили выгоду, требуется создать центр по их обслуживанию. В Нью-Йорке, всего 20 процентов служащих работают в деловой части города, в Чикаго – 14. В целом каждый год правительство США выделяет 49 миллионов долларов на транспортные перевозки, с целью понижения проезда на всех видах транспорта, в том числе на такси и автобусах [191, 202, 238, 241].

Инвестиции в инфраструктуру должны удовлетворять потребностям населения, а не убеждениям политиков.

Второй критерий инвестирования инфраструктуры – это определение благосостояния общества и угрозы безопасности, учитывая которые можно не только предотвратить провалы инвестиций, но и сэкономить финансы.

Большинство американских городов не страдает от недостаточного инвестирования в основную инфраструктуру, как это в случае с Новым Орлеаном. Однако оросительная система Калифорнии, построенная полвека назад, берет воду из дельты реки Сакраменто и от этой системы зависят более 23 миллионов человек, 7 миллионов пахотной земли и рынки Силиконовой долины [200]. Ученые предупреждают о том, что при малейшем землетрясении или наводнении оросительная система и система водоснабжения будут разрушены, если не провести их срочную модернизацию и реконструирование, хотя правительство и страховщики придерживаются полностью противоположного мнения. А то финансирование которое все же выделяется, направляется на замену и ремонт уже отслуживших систем, что не решает проблемы [211].

И это не только проблема Калифорнии. В 2003 г. Национальный Совет Защиты Ресурсов изучил качество питьевой воды и обнаружил, что распространена проблема разрушения общественного водоснабжения, так как большинство городов до сих пор используют системы, созданные еще до начала первой мировой войны.

Третьим принципом государственного инвестирования в инфраструктуру должно стать первоочередное выделение инвестиций в транспортные перевозки, их материально-техническое обеспечение и повышение результативности инвестиций.

Строительство дорог, повышение стандартов качества перевозок и коммуникационных систем, и техническое обучение позволяют расширить производительные способности на внутреннем рынке. Это приведет к росту спроса на высококвалифицированные кадры по всей стране, снижению интереса к иностранным производителям, способствует развитию новой продукции и технологий, и в целом усилит экономику страны.

В качестве иллюстрации можно остановиться подробнее на вопросе о развитии транспортной инфраструктуры США [193, 203, 222, 224, 270]. Грузовые автомобили занимаются перевозкой 86 % всех товаров для продажи в США. Пробки на дорогах обходятся национальной экономике в 70-78 миллиардов долларов потраченного бензина и в 3,5 миллиарда долларов вследствие низкой продуктивности перевозчиков ежегодно [192]. Вследствие задержки движения грузоперевозчиков на дорогах грузоотправители теряют до 1 миллиарда долларов в год [280]. Недавние исследования показали, что в Калифорнии 1 миллиард долларов, потраченный на улучшение системы грузоперевозок, способствует появлению 18000 рабочих мест [201].

В инвестировании нуждается не только система грузоперевозок, но и морские и речные порты [273], и аэропорты. Новый аэропорт в Денвере стал центром международных перевозок, который обслуживают около 30000 рабочих, а это 7 миллиардов долларов в год. По некоторым подсчетам к 2025 г. аэропорт будет вкладывать 85 миллиардов долларов в региональную экономику и это по сравнению с 15,3 миллиардами сегодня. Онтарио и Калифорния стимулируют рост региональной экономики увеличением количества пассажиров и погрузочно-разгрузочных работ.

Инвестирование в портовые комплексы – ключевой фактор в появлении новых рабочих мест. Торговый комплекс «Los Angeles Long Beach», третий в мире по своим размерам, обеспечивает работой 20 процентов всех служащих страны (среди которых одни из самых высокооплачиваемых в стране). Недостаток инвестирования в порт может привести к волне увольнений, вследствие того, что конкуренты располагают более современной техникой и оборудованием [203].

Нью-Йорк и его окрестности заинтересованы в инвестировании торговой инфраструктуры, это касается строительства нового туннеля для грузоперевозчиков под проливом Ист-Ривер [228, 231, 248, 276]. Нью-Йорк должен последовать примеру Чарльстона, Ю. Каролины, Саванны [204], которые инвестировали в порты и получили тысячи новых рабочих мест. Судоходный канал Теннесси-Гомбигби, строительство которого обошлось в 2 миллиарда долларов и закончилось в 1985 г., соединяет города, расположенные внутри страны с Мексиканском заливом. Этот водный путь стимулировал развитие торговли и экономического роста в регионе.

Четвертым принципом выбора проектов для государственного инвестирования в инфраструктуру является задача восстановления промышленного сектора. Связь между инвестированием инфраструктуры и ростом рабочих мест в промышленном секторе сложилась исторически. В последние годы стало модно относиться к промышленному сектору, как нечто устаревшему, низкооплачиваемому, ассоциирующемуся со странами с низким уровнем доходов. Тем не менее, инвестирование в строительство новых автомобильных и железных дорог, портов привело к значительному росту производства во всех странах.

Роль промышленного производства в экономике США последнее время недооценена. Более 80 % процентов производственных фирм, сосредоточенных на Западе и Юге страны, были исследованы Национальной Ассоциацией Промышленников, Промышленным институтом и Делойт Консалтин. В результате данного исследования ученые заявили о нехватке квалифицированных кадрах на данных предприятиях [245]. 9 из 10 фирм столкнулись с проблемой нехватки профессиональных механиков, операторов, техников и опытных работников. Власти Дубьюка (город в США, штат Айова) возобновили работу промышленного сектора, убеждая население в необходимости обеспечить производство высоко-квалифицированными кадрами. Сейчас Дубьюк занимает первое место на Среднем Западе по низкому уровню безработицы и растущему доходу рабочих [208, 279].

Такие места, как Дубьюк, Бисмарк (город в США, штат Северная Дакота), Северная Дакота и другие быстро развивающиеся индустриальные территории уделяют огромное внимание улучшению автомобильных и железных дорог, портов, путешествий по воздуху. Рик Диксон, руководитель Дубьюкской Ассоциации Развития, говорит о том, что они прежде всего заинтересованы в развитии производства и сельского хозяйства, что и должно быть первостепенной целью для всех городов Средней Америки [208, 279].

Наконец, пятым принципом выбора проектов для государственного инвестирования в инфраструктуру является задача улучшения энергетической инфраструктуры.

Спад потребления импортированной нефти вследствие развития внутренней альтернативной энергетики оказал положительный эффект на платежный баланс США, создал новые рабочие места, уменьшил выделение газа в атмосферу и снизил зависимость Америки от импорта других стран. Вследствие нехватки железных дорог США не в состоянии доставлять достаточно угля на электростанции [259]. Заводы в Северной Дакоте производят избыточную мощность, но не имеют возможности для её передачи другим штатам, которые нуждаются в ней.

Калифорния, Нью-Йорк, Чикаго вынуждены уменьшать освещение городских улиц с целью экономии электроэнергии [246].

С 1975 по 1999 гг., США в среднем тратило 83 миллиарда долларов в год на строительство новых линий электропередачи. С 1999 г. в 3 раза возросла потребность в электроэнергии, в результате чего многие регионы страны испытывают острую нехватку в энергии. В августе 2003 г. энергетическая система в большей части Северного Востока США перестала быть конкурентоспособной вследствие чрезмерных налогов и устаревших линий передачи электроэнергии [249, 277]. Уязвимость регионов связана в первую очередь с недостатком государственного инвестирования в энергетику. Города и регионы, инвестировавшие в источники энергетики переживают экономический кризис. Города Северо-западного региона реки Колумбии с их дешевыми, огромными и чистыми источниками гидроэлектрической энергии, стали привлекать внимание высокотехнологичных компаний.

Постоянные проблемы, связанные с энергетической инфраструктурой, возникли из-за недостаточного изучения этой сферы. Существует ряд задержек, препятствующих строительству новых электростанций, вследствие экологических и эстетических факторов, юридических конфликтов. Более того, энергетические системы и линии строятся в тех регионах, которые либо обладают достаточным количеством источников энергии, либо находятся в неудобном с географической точки зрения месте, например, вдоль побережья Мексиканского залива. К тому же американские энергетические системы легко уязвимы с точки зрения различных природных катастрофических событий, как это видно после урагана Катрина, когда доставка бензина была прекращена [229, 250].

В завершении анализа нужно отметить, что правительства многих зарубежных стран рассматривают государственные инвестиции в инфраструктуру как один из способов преодоления последствий мирового финансового и экономического кризиса. Наблюдается тенденция увеличения государственных инвестиций в инфраструктуру и создание новых государственных органов по управлению финансовыми средствами для ее развития [30].

Падение фондовых рынков, трудности на рынках кредитных ресурсов, снижение спроса и ухудшающиеся общеэкономические условия вынудили правительства и инвесторов переоценить весь массив инфраструктурных проектов. Некоторые из запланированных проектов были отложены до лучших времен, а начавшиеся приостановлены, реструктурированы или прекращены. Но, во-первых, число прекращенных проектов остается чрезвычайно низким, а во-вторых, государство замещает снижающиеся частные инвестиции своими и принимает многочисленные меры по активизации и стимулированию инвестиционного процесса бизнеса в инфраструктуру.

Проекты, начатые до финансового кризиса, испытывают трудности, порой серьезные, но не прекращаются. По данным Мирового банка, из 522 новых инфраструктурных проектов, начавшихся в развивающихся странах в 2008-2009 гг. (по март 2009 г. включительно), из-за кризиса был остановлен только один проект, получивший финансирование, и прекращены на этапе тендера подписания контракта или поиска инвесторов еще 4 проекта (в сумме менее 1 % общего числа проектов).

Роль государства в преодолении кризиса в отраслях инфраструктуры является ключевой. Даже в условиях кризиса государства развитых стран делают многое для стабилизации ситуации в инфраструктурном комплексе. Конкретные действия правительств простираются в широком спектре мер от изменения уже подписанных контрактов в направлении повышения гарантий бизнесу до принятия специальных решений по стимулированию инфраструктурных проектов.

Можно указать два направления деятельности государства по активизации инвестиционных процессов в инфраструктуре: меры бюджетно-кредитной политики и формирование новых институтов по финансированию инфраструктуры. Примеры деятельности зарубежных правительств представлены в табл. 5.3.

Таблица 5.3

Примеры деятельности зарубежных правительств

Страна	Комплекс мер
США	Из \$ 787 млрд., выделенных правительством США на вывод своей экономики из кризиса, \$ 43 млрд. будет направлено в энергетику, \$ 111 млрд – в инфраструктуру и науку, из которых \$ 27 млрд. – на строительство дорог. Кроме того, администрация президента Б. Обамы планирует создать Национальный банк по рефинансированию инфраструктуры, в числе задач которого будет привлечение частных инвестиций в инфраструктурные проекты ГЧП.
Великобритания	Казначейство Великобритании, очень озабоченное развитием государственно-частного партнерства в стране, учредило в апреле 2009 г. особый фонд по кредитованию проектов ГЧП, которые испытывают сложности в привлечении частных средств.
Корея	Правительство Республики Кореи в целях борьбы с финансовым кризисом приняло пакет мер по финансовому стимулированию экономики, более 15 % инвестиций которого пойдут на проекты ГЧП.
Китай	Правительство Китая в ноябре 2008 г. приняло план по стимулированию внутреннего спроса из 10 пунктов, два из которых – по ускоренному развитию инфраструктуры: сельской и транспортной. Общая сумма предполагаемых инвестиций составляет \$ 585 млрд. Весь план реализуется на условиях ГЧП: бюджет правительства страны выделит \$ 145 млрд, а остальные средства будут предоставлены крупнейшими госкомпаниями, государственными инвестиционными фондами, а также местными властями.
Бразилия	Бразильский государственный Национальный банк развития по решению правительства и под его гарантии в январе 2009 г. выделил дополнительные финансовые средства для инвестиций в инфраструктуру и добывающие отрасли (в первую очередь в геологоразведку) в размере \$ 42,6 млрд.
Индия	Правительство Индии приняло ряд решений по активизации ГЧП через государственную компанию по финансированию инфраструктуры.

Со времени Великой депрессии 1930 г. правительства развитых стран научились исправлять провалы рынка. За счет использования разнообразных инструментов денежной, бюджетной, финансово-кредитной политики, государственного регулирования они в состоянии управлять процессами инфраструктурного развития как на стадии подъема, так и в условиях падения производства [221, 223, 243, 266].

ГЛАВА 6

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бюджетная система Российской Федерации постоянно видоизменяется под воздействием политических, экономических и международных факторов. Нарастает опыт функционирования России в условиях рыночной экономики. Это приводит к тому, что принципы построения и функционирования бюджетной системы так же изменяются, с изменением приоритетов развития страны в целом.

При этом актуальным остается вопрос о распределении средств и их источников между уровнями бюджетной системы. Следовательно, целесообразным будет являться изучение и анализ финансовых аспектов межбюджетных отношений через раскрытия с одной стороны, особенностей бюджетной системы РФ, а с другой, через анализ трансформации финансового механизма межбюджетных отношений.

6.1. Особенности бюджетной системы Российской Федерации

Переход к рыночным отношениям, который произошел в нашей стране в 90-х годах прошлого столетия, обусловил необходимость реформирования бюджетной системы и бюджетного устройства, в том числе системы межбюджетных отношений.

Бюджетное устройство включает в себя, по крайней мере, три важные характеристики:

1. структуру бюджетной системы;
2. организационные принципы построения бюджетной системы;
3. взаимосвязи бюджетов, объединенных в бюджетной системе.

Первая характеристика определяется преимущественно типом государственного устройства. Выделяют два основных типа государственного устройства: федеративное и унитарное. Прежде чем давать характеристику бюджетного устройства государств каждого типа, необходимо выявить принципиальные отличия унитарных государств от федеративных.

Наиболее распространенной характеристикой типов государственного устройства является количество уровней государственного управления

либо степень централизации бюджетных средств и самостоятельности территориальных бюджетов.

Так, по мнению И.Н. Мысляевой, в унитарных государствах бюджетная система представлена двумя уровнями: государственным бюджетом и местными бюджетами, при этом местные бюджеты не входят своими доходами и расходами в государственный бюджет. В федеративных государствах бюджетная система включает три звена: федеральный бюджет (бюджет центрального правительства), бюджеты членов федерации, местные бюджеты. В условиях федерации местные бюджеты не включаются в бюджеты членов федерации, а расходы и доходы членов федерации не включаются в федеральный бюджет [95, с. 32].

С позиций М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти унитарным бюджетным системам соответствует высокий уровень централизации бюджетных средств, отсутствие или незначительный объем бюджетных прав нижестоящих органов власти. Федеративным бюджетным системам присуща высокая степень самостоятельности территориальных бюджетов при соблюдении единства общегосударственных институтов [161, с. 127].

Однако данные подходы не дают исчерпывающих отличий этих двух типов бюджетного устройства, так как унитарное государство не всегда является жестко централизованным, а в федерациях не всегда территории обладают абсолютной самостоятельностью. Централизация и децентрализация власти присутствуют в любом обществе... [157, с. 4].

Степень централизации или децентрализации унитарного государства зависит от распределения полномочий между центральным и местным уровнем. Проблемы функционирования территорий более близки и понятны на местах, поэтому пути их решения, защищающих интересы населения, местные органы власти могут найти быстрее. Следовательно, со стороны центрального правительства разумным является передача некоторых своих полномочий территориям. Также они ограничены в финансовых ресурсах, так как в унитарных государствах парламент определяет через бюджет, какие средства будут представлены в распоряжении территорий.

Таким образом, в унитарных государствах центральное правительство может предоставлять территориям широкую автономию, однако они сохраняют свой административный характер и не наделяются какой-либо законодательной властью. Именно в этом заключается принципиальное отличие в типах государственного устройства федеративных и унитарных государствах.

При федеративном государственном устройстве, территории изначально обладают самостоятельностью, которая закрепляется законодательно. Это означает, что субъекты федерации обладают собственной законодательной и исполнительной властью. Самостоятельность членов федерации предполагает круг обязанностей (полномочий), находящихся в исключительной компетенции соответствующих территорий, а также наличие средств, необходимых для их выполнения.

Таблица 6.1

**Сравнительная характеристика унитарных
и федеративных государств**

Признак сравнения	Унитарное государство	Федеративное государство
Статус составных частей государства	Административные территории	Самостоятельные члены
Полномочия	Делегированные (переданные центральным правительством территориям)	Первичные (закрепленные за каждым уровнем законодательно)
Законодательная власть	Осуществляется только центральными органами власти	Осуществляется на каждом уровне, то есть в наличии два источника права: народ субъекта и народ государства в целом
Исполнительная власть	Осуществляется центральным правительством	Формирование и смена исполнительной власти происходит на уровне члена федерации
Бюджетная (финансовая) независимость	Отсутствует, центральное правительство: определяет через бюджет, какие средства будут предоставлены в распоряжение территорий; устанавливает налоги, в том числе те, которые могут взиматься местными властями; способы распределения финансовых средств	Все субъекты обладают финансовой независимостью. За каждым уровнем закреплены свои источники, которые расходуются территориями по собственному усмотрению, в рамках закрепленных направлений их использования
Бюджетный процесс	Осуществляется только на уровне центрального правительства	Присутствует на каждом уровне (федеральном, региональном и местном)
Участие территорий в принятии общегосударственных законов	Территории не принимают участие в рассмотрении и утверждении общегосударственных законов	Как правило, через верхнюю палату парламента (в Российской Федерации – Совет Федерации) регионы рассматривают и принимают общегосударственные законы, а также выступают с собственными законодательными инициативами
Количество уровней	Как правило, два: центральное правительство и местное самоуправление	Как минимум три: федеральный, региональный и местный
Пример стран с данным типом государственного устройства	Великобритания, Франция [281]	В настоящее время насчитывается более 20 стран с различным типом федеративного устройства (США, ФРГ, Австралия, Канада, Австрия, Мексика, Россия, Эфиопия, Бразилия, Индия, Малайзия и другие)

Для более четкого представления различий в государственном устройстве федерации и унитарных государств, в рамках представленной статьи проведена их сравнительная характеристика по таким критериям как: наличие на каждом уровне самостоятельных ветвей власти, наличие определен-

ных полномочий на каждом уровне, обеспеченность собственными финансовыми ресурсами, характером взаимодействия между уровнями.

Сравнительная характеристика, которая была проведена на основании материалов Т. Фляйнера и Л.Р. Баста Фляйнер [157, с. 19], позволила выделить следующие принципиальные отличия (см. табл. 6.1)

Таким образом, из таблицы видно, что основными отличиями унитарных государств от федеративных является наличие у последних: во-первых, самостоятельных ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) на каждом уровне; во-вторых, законодательно закрепленных полномочий; в-третьих, наличие собственных финансовых ресурсов; в четвертых, участие территорий в формировании и принятии общегосударственных законов.

Основой самостоятельности каждого уровня власти в федеративных государствах выступает бюджет, который является ключевым фактором интеграции страны и сглаживания межрегиональной диспропорций. Его территориальная «прозрачность» – необходимое условие формирования бюджетного федерализма и проведения эффективной региональной политики [159, с. 1].

Россия является демократическим федеративным государством, что закреплено в положениях конституции

В соответствии с бюджетным законодательством РФ под бюджетной системой понимается основанная на экономических отношениях и государственном устройстве РФ, регулируемая нормами права совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Таким образом, речь идет о выделении следующих уровней бюджетной системы.

Первый уровень бюджетной системы представлен федеральным бюджетом и бюджетами государственных внебюджетных фондов; второй уровень включает в себя бюджеты субъектов РФ и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов.

По состоянию на 1 января 2009 года в состав РФ входило 84 субъекта РФ, в том числе 21 республика, 8 краев, 47 областей, 5 автономных округов, 2 города федерального значения, 1 автономная область [1, ст. 65].

Наличие в составе РФ большого числа различных видов субъектов РФ, к тому же обладающих различными географическими, геополитическими, политическими, экономическими и национально-культурными особенностями приводят к тому, что фактически они обладают разным статусом, при том, что изначально конституционно установлено, что «РФ состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов РФ», а также, что «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты РФ между собой равноправны», то есть провозглашается равноправие всех типов субъектов. Однако конституци-

онно также устанавливается преимущественный статус республик, так как указывается, что они могут иметь свою Конституцию, тогда как все прочие субъекты имеют уставы.

Следующий уровень в соответствии с бюджетным законодательством называется местным и включает, в том числе бюджеты муниципальных районов, бюджеты городских округов, бюджеты внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга; а также бюджеты городских и сельских поселений.

С момента принятия в 2003 году закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в нашей стране стала внедряться двухуровневая модель организации местного самоуправления. Согласно данному закону, первым уровнем модели местного самоуправления являются – городские и сельские поселения. Вторым, более высоким уровнем – муниципальные районы и городские округа. Таким образом, бюджетная система РФ является четырехуровневой.

Принятие закона об основных принципах организации местного самоуправления привело к увеличению количества муниципальных образований примерно в два раза. Так, по состоянию на октябрь 2003 года (момент принятия закона) их количество составляло 11733 муниципальных образований, тогда как в июле 2008 года их насчитывалось уже 24154 муниципальных образований. Причем основная их часть относится к сельским поселениям, около 82 % [102].

Итак, бюджетная система Российской Федерации – это основанная на экономических отношениях и федеративном устройстве РФ, совокупность бюджетов четырех уровней.

Вторая характеристика бюджетного устройства, связана с рассмотрением принципов построения бюджетной системы.

Основные принципы построения и функционирования бюджетной системы Российской Федерации рассмотрены в Бюджетном Кодексе РФ, а также в многочисленных работах посвященных вопросам функционирования государственных финансов [95, 161].

Основными принципами бюджетной системы являются:

- единства бюджетной системы;
- разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджета между бюджетами бюджетной системы;
- самостоятельности бюджетов;
- равенства бюджетных прав субъектов РФ, муниципальных образований;
- полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов;
- сбалансированности бюджетов;
- результативности и эффективности использования бюджетных средств;

- общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов;
- прозрачности (открытости);
- достоверности бюджета;
- адресности и целевого характера бюджетных средств;
- подведомственности расходов бюджета;
- единства кассы.

На наш взгляд, перечисленные принципы бюджетной системы могут быть разделены на три группы: организационные, экономические и политические (правовые).

Организационные принципы оказывают влияние на организацию и функционирование бюджетной системы и регулирующих взаимоотношения между уровнями бюджетной системы. Данная группа принципов включает в себя:

1. Принцип единства – определяющий требования к единству бюджетного законодательства, форм бюджетной отчетности, бюджетной классификации и т.п.
2. Принцип разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов – означающий закрепление за каждым уровнем бюджетной системы доходных источников и расходных полномочий.
3. Принцип самостоятельности – помогает определить бюджетную систему как федеративную, при которой каждый уровень имеет свой статус и самостоятельно исполняет закрепленные за ним расходные полномочия, за счет собственных источников.
4. Принцип единства кассы – регламентирует порядок зачисления всех поступлений и осуществления всех выплат с единого счета бюджета, открытого в казначействе для всех бюджетов.
5. Принцип полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов.

Экономические принципы включают в себя принципы, определяющие процесс формирования и использования бюджетных средств. К данной группе, автор относит:

1. Принцип сбалансированности бюджетов, предусматривает соответствие расходных обязательств субъекта его доходов, и сведение к минимуму размера дефицита.
2. Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, означает необходимость использования бюджетных средств либо для достижения заданного результата с использованием минимума средств, либо для достижения наилучшего результата с использованием лимитированного объема средств.
3. Принцип общего покрытия расходов бюджетных средств, определяет, что расходы бюджета не должны быть увязаны с определен-

ными доходами, кроме тех случаев, которые определены в бюджетном законодательстве.

4. Принцип достоверности бюджета, предполагает надежность и реалистичность показателей, которые ложатся в основу расчета доходов и расходов соответствующих бюджетов.

Политические (правовые) принципы, учитывают и отражают влияние государственного устройства на построение *бюджетной системы страны*. К данной группе относятся:

1. Принцип прозрачности, характеризует освящение в средствах массовой информации процесса принятия бюджета, параметров бюджета и отчетов об исполнении бюджетов.
2. Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, позволяет отразить конечных получателей бюджетных средств и проконтролировать направление их использования.
3. Принцип подведомственности расходов, позволяет реализовать принцип адресности и целевого характера использования бюджетных средств.
4. Принцип равенства бюджетных прав, является отражением положений, заложенных в Конституции РФ.

Третья характеристика бюджетного устройства связана системой взаимоотношений между бюджетами разных уровней, которые в федеративных государствах проявляются через систему бюджетного федерализма [95, с. 37].

С одной стороны, федерализм подразумевает различного рода объединения для обеспечения совместного достижения общих целей при сохранении целостности, но ограничении самостоятельности каждой из сторон [162, с. 68]. С другой стороны, федерализм отождествляется с непрерывным переговорным процессом между органами и уровнями власти о принципах общей политики, а также в решении конкретных проблем [75, с. 9].

В работе В.В. Иванова, выделяются два принципа федерализма: политический и экономический.

Сущность политического принципа заключается в конституционном распределении между сторонами федеративного образования принадлежащих им по праву властных полномочий в реализации единой политики при обеспечении целостности составных единиц федерации.

Экономический принцип состоит в разделении полномочий в отношениях собственности, в разработке и реализации денежно-кредитной, бюджетно-налоговой, структурной, инвестиционной политик между федерацией и ее субъектами [162, с. 68].

Отметим плюсы и минусы, вытекающие из сущности федерализма, выделяемого отечественными исследователями, в частности О.И. Орачевой [105, с. 39].

К плюсам федерализма обычно относят:

1. конституционно гарантированное представительство региональных интересов;
2. конституционное рассредоточение власти;
3. создание системы сдержек и противовесов для защиты свободы индивида;
4. сохранение политического единства;
5. институционализацию особых отношений между составляющими федерацию частями.

К негативным чертам федерализма было отнесено следующее:

1. отсутствие гарантированной защиты от возможной экспансии власти Центра;
2. ослабление процесса реализации решений в связи с существующими ограничениями центральной власти;
3. возможность усиления центробежных тенденций в связи с вертикальным разделением властей.

Проведем оценку соответствия признакам федерализма бюджетного устройства Российской Федерации.

В соответствии со статьей 1 Конституции Россия является демократическим правовым государством.

Наличие правительств двух уровней закрепляется статьей 5 Конституции.

Статьей 10 закрепляется разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Однако в конституции отсутствует распределение доходных источников по уровням, они нашли свое отражение в Бюджетном кодексе РФ в статьях с 39 по 64.

В статье 71, 72, 73 приводятся предметы ведения федерального правительства и регионального, а также предметы их совместного ведения, но не предусмотрены механизмы для межправительственного сотрудничества по предметам совместного ведения.

Представительство регионов на федеральном уровне осуществляется через верхнюю палату Федерального Собрания РФ (Парламента) – Совет федерации, в который входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти. (статья 95)

То есть можно говорить о том, что по формальным признакам Россия может быть отнесена к государству с федеративным устройством, где реализуются принципы федерализма.

Федеративное устройство остается одной из дискуссионных проблем, в том числе и по причине уникальности федерации в каждой стране. Несмотря на это самой сложной и запутанной проблемой остается проблема суверенитета. Несмотря на то, что проблема суверенитета на первый взгляд кажется политической или правовой, она оказывает влияние и на

организацию системы межбюджетных отношений в федеративных государствах.

Главными проблемами межбюджетных отношений, по мнению большинства экономистов, являются: распределение расходных обязательств между уровнями бюджетной системы и закрепление доходных источников за конкретным бюджетом, для финансирования возложенных на него обязательств.

При этом для решения обозначенной проблемы необходимо определить степень самостоятельности, независимости от центра каждого уровня бюджетной системы.

Межбюджетные отношения в федеративных государствах имеют особенности, которые диктуются бюджетным устройством и степенью развития бюджетного федерализма [140, с. 9].

Понятие бюджетный федерализм впервые было введено американскими специалистами, которые понимали под ним автономное функционирование бюджетов отдельных уровней власти и бюджетные взаимоотношения, основанные на таких принципах как: разграничение бюджетной ответственности и полномочий по расходам между уровнями власти; наделение каждого уровня источниками доходов, достаточных для реализации установленных расходных полномочий; применение на основе объективных критериев механизма трансфертов, обеспечивающих горизонтальное и вертикальное выравнивание с целью достижения определенных стандартов в государственных услугах на всей территории страны. То есть в данной трактовке бюджетного федерализма одним из ключевых моментов является независимое (автономное) функционирование каждого уровня власти.

В отечественной литературе данная трактовка также получила свое развитие. В энциклопедии «Федерализм» приводятся следующие определение понятия «бюджетный федерализм»: «... характеризует устройство бюджетной системы государства, при которой бюджетная система является многоуровневой и каждый из уровней государственной власти располагает собственным бюджетом, действуя в пределах закрепленных за ним бюджетных полномочий. Обычно под бюджетным федерализмом понимают форму автономного функционирования бюджетов различных уровней государственной власти, основанную на четких закрепленных законодательством нормах» [158, с. 554].

Приведенные трактовки предполагают существование некой идеальной модели бюджетного федерализма, при которой отсутствуют перераспределительные процессы между бюджетами, то есть каждый бюджет обладает достаточными доходными источниками для осуществления своих расходных полномочий. Как показывает практика ни одному государству не удалось достичь данного состояния. Одной из причин этого является разный уровень социально-экономического развития территорий, входящих в со-

став федерации, что обуславливает их дифференциацию по доходам и возможностям покрытия расходов. Причем данная ситуация характерна не только для нашей страны. Так в ФРГ, традиционно более богатыми регионами были западные земли (Бавария, Баден-Вюртемберг), менее богатыми восточные (например Саксонии и земли бывшей Восточной Германии) [139, с. 112]. Та же ситуация наблюдается в Канаде, где за счет средств регионов – доноров, то есть наиболее богатых провинций (Онтарио, Британская Колумбия, Альберте) обеспечивается выравнивание уровня предоставляемых публичных услуг оставшимся семи провинциям [139, с. 240].

В работе В.Б. Шуба «Формирование и развитие межбюджетных отношений» высказывается иная точка зрения: «Бюджетный федерализм – это основополагающая концепция формирования системы взаимоотношений между бюджетами всех уровней в рамках государства. Он свидетельствует о том, что в данной стране сосуществуют различные уровни государственной бюджетной системы» [172, с. 22].

При этом существует мнение, согласно которому совокупность базовых принципов бюджетного федерализма (равноправие всех субъектов федерации в их финансовых взаимоотношениях с центром; разграничение сфер и деятельности и ответственности между федеративным центром и субъектами федерации; самостоятельность бюджетов разных уровней) оказывает непосредственное влияние на критерии формирования системы межбюджетных отношений. При этом особое место отводится цели межбюджетных отношений [141, с. 7]:

- повышение бюджетной обеспеченности всех уровней власти при определенной структуре расходных полномочий между ними;
- снижение дисбаланса между уровнями бюджетной системы в части распределения расходных полномочий и доходных источников бюджета.

Отметим, что отношения федерализма могут возникать только между государственными образованиями, то есть между федеральным центром и субъектами федерации. В то время как муниципальные образования являются общественными институтами и не входят в состав органов государственной власти, следовательно, отношения между субъектами федерации и муниципальными образованиями не входят в систему бюджетного федерализма, а рассматривается как система межбюджетных отношений.

Подводя итог вышеизложенному, автор под бюджетным федерализмом предлагает понимать концепцию организации и функционирования бюджетной системы федеративных государств, определяющую принципы ее построения и организацию эффективного взаимодействия, позволяющей оптимизировать взаимоотношения между уровнями государственной власти, на основе самостоятельного управления финансовыми ресурсами субъектов федерации и сбалансированного учета интересов федерации и ее субъектов.

6.2. Трансформация финансового механизма межбюджетных отношений

Одним из ключевых в функционировании бюджетной системы является вопрос о взаимоотношениях между ее уровнями, то есть речь идет о межбюджетных отношениях.

На наш взгляд, в экономической и правовой литературе на сегодняшний день нет оптимального и точного определения понятия «межбюджетные отношения». Рассмотрим, какие подходы к трактовке данного понятия существуют.

В соответствии с бюджетным законодательством, в Бюджетном Кодексе, до 1 января 2005 года под межбюджетными отношениями понимались отношения между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [2, ст. 129]. По мнению ряда исследователей, основным недостатком определения был его общий характер, так как под межбюджетными понимаются любые отношения по любым вопросам между разными уровнями бюджетов [21, с. 16; 77, с. 259]. Данное определение являлось весьма расплывчатым.

В действующем бюджетном законодательстве сущность межбюджетных отношений была конкретизирована в следующей трактовке: «... взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса» [2, ст. 6].

Это определение более четко очерчивает круг возникновения межбюджетных отношений, однако ограничивает их бюджетным процессом.

Разные подходы к определению межбюджетных отношений прослеживаются в отечественной экономической литературе. Так, например А.М. Бабич и Л.Н. Павлова предлагают следующие определение: «... совокупность отношений между органами государственной власти РФ, органами власти субъектов РФ и местного самоуправления по поводу разграничения и закрепления бюджетных полномочий, соблюдения прав, обязанностей и ответственности органов власти в области составления и исполнения бюджетов и бюджетного процесса» [19, с. 147]. Данное определение также ограничивает сферу межбюджетных отношений только бюджетным процессом.

Бежаев О.Г. расширил приведенное выше определение межбюджетных отношений за счет включения в него полного перечня вопросов, по которым происходит взаимодействие бюджетов разных уровней. С его точки зрения, «... это экономико-правовые отношения, возникающие между органами государственной и муниципальной власти в ходе бюджетного процесса по поводу разграничения на постоянной или долговремен-

ной основе расходных полномочий, доходов, поступающих в бюджетную систему страны, определения нормативов закрепления на постоянной и долговременной основе федеральных и региональных налогов, перераспределения средств из бюджетов вышестоящих уровней в нижестоящие в порядке бюджетного регулирования, возмещения расходов, связанных с передачей расходных полномочий или принятием решений, вызвавших дополнительные расходы или потери доходов других бюджетов, передачи средств в форме дотаций, субвенций, субсидий, временной финансовой помощи на возвратной платной и бесплатной основе, а также объединения средств для финансирования расходов в интересах разных уровней власти и разных территорий одного уровня власти» [21, с. 18]. Достоинством данного определения, на наш взгляд, является то, что сфера возникновения межбюджетных отношений разделилась на правовую и экономическую. Недостаток – перегруженность перечнем случаев, относительно которых возникают межбюджетные отношения, так как, на наш взгляд, перечень этих вопросов изменяется со сменой приоритетов проводимой федеральным правительством политики.

Расширенная трактовка межбюджетных отношений предлагается А.Г. Игудиным: «... это отношения между органами власти по поводу разграничения на постоянной основе видов доходов и расходов (полностью или частично), поступающих в бюджетную систему страны, а также нормативного распределения регулирующих налогов на временной основе и перераспределения средств между бюджетами в целях территориального выравнивания до уровня государственной номинальных социальных стандартов и с учетом налогового потенциала территории» [85, с. 6]. Исходя из данного определения, система межбюджетных отношений состоит из следующих элементов:

- разграничения видов расходов и доходов между уровнями бюджетной системы;
- межбюджетного регулирования.

Романовский М.В., Врублевская О.В., Сабанти Б.М. при описании схемы межбюджетных отношений также выделяют аналогичные блоки [161, с. 128]:

- распределение источников доходов между уровнями бюджетной системы;
- распределение расходных обязательств между уровнями бюджетной системы;
- системы межбюджетных трансфертов.

Достоинствами описанных выше двух подходов является то, что система межбюджетного регулирования (межбюджетных трансфертов) выделена в отдельную сферу межбюджетных отношений.

В рамках представленной работы, автором предлагается трактовка межбюджетных отношений, по крайней мере, с трех позиций:

- с политической. Трактовка межбюджетных отношений связана с самостоятельностью каждого уровня бюджетной системы, которая кроме всего прочего определяется наличием на каждом уровне доходов и закрепленных расходных обязательств, состав которых может меняться с изменением целей и приоритетов политики государства, в том числе и бюджетной, отсюда вопросы, касающиеся перераспределения доходов и расходных обязательств, составляют сферу межбюджетных отношений;
- с правовой. Межбюджетные отношения связаны с осуществлением и реализацией на каждом уровне бюджетной системы бюджетного процесса, сопровождаемого составлением, рассмотрением, утверждением и исполнением бюджета;
- с финансовой (экономической). Отношения по поводу формирования и использования фондов денежных средств с целью обеспечения высокого социально-экономического развития каждого уровня бюджетной системы.

В раннее действующей редакции Бюджетного Кодекса выделялись следующие принципы межбюджетных отношений:

- распределения и закрепления расходов бюджетов по определенным уровням бюджетной системы РФ;
- разграничения (закрепления) на постоянной основе и распределения по временным нормативам регулирующих доходов по уровням бюджетной системы РФ;
- равенства бюджетных прав субъектов РФ, равенства бюджетных прав муниципальных образований;
- выравнивания уровней минимальной бюджетной обеспеченности субъектов РФ, муниципальных образований;
- равенства всех бюджетов РФ во взаимоотношениях с федеральным бюджетом, равенства местных бюджетов во взаимоотношениях с субъектами федерации.

Однако ряд данных принципов относится не только к сфере межбюджетных отношений, но и бюджетной системе в целом, поэтому в новой редакции Кодекса данные принципы уже отнесены к принципам бюджетной системы: равенства бюджетных прав субъектов РФ, муниципальных образований; разграничения доходов и расходов по уровням бюджетной системы; равенства бюджетных прав.

Несмотря на то, что в действующей редакции не определены принципы межбюджетных отношений, М.В. Романовский, О.В. Врублевская, Б.М. Сабанти, сформулировали принципы прогрессивной системы межбюджетных отношений [161, с. 132-133]:

- четкое разделение расходных полномочий и обязательств органов власти всех уровней;
- автономия региональных и местных органов власти при формировании расходов по вопросам их ведения;
- запрет на введение «необеспеченных мандатов»;
- закрепление за каждым уровнем бюджетной системы на долгосрочной основе собственных доходных источников;
- законодательное закрепление критериев и форм предоставления финансовой помощи бюджетам других уровней;
- введение механизмов ответственности за результаты проводимой финансовой политики.

Данные принципы отражают основные направления совершенствования системы межбюджетных отношений, реализуемые на сегодняшний момент в стране, что подтверждают результаты семинара-совещания руководителей финансовых органов субъектов федерации, по итогам проведения которого, в числе прочих были даны следующие рекомендации [86, с. 7-8]:

- формирование стимулов к увеличению доходной базы бюджетов субъектов РФ;
- совершенствование механизмов предоставления межбюджетных трансфертов.

Рассмотрение трансформацию финансового механизма межбюджетных отношений необходимо начать с определения понятия финансовый механизм межбюджетных трансфертов.

Наиболее распространенным является подход к определению финансового механизма как к системе управления финансами предприятия или государства, предназначенной для организации взаимодействия финансовых отношений и фондов денежных средств с целью эффективного их воздействия на результаты производства или управленческих решений.

Также существует подход к определению финансового механизма как к системе управления финансовыми отношениями через финансовые методы с помощью финансовых инструментов.

Рассмотрим механизм межбюджетных отношений через основные элементы финансового механизма: финансовые отношения, финансовые методы, финансовые инструменты, правовое обеспечение финансового управления.

1. Финансовые отношения, выступающие объектом финансового управления – межбюджетные отношения, под которыми понимаем отношения по поводу формирования и использования фондов денежных средств с целью обеспечения высокого социально-экономического развития каждого уровня бюджетной системы.

2. Финансовые методы – методы горизонтального и вертикального бюджетного выравнивания. Под вертикальным выравниванием понимается процесс устранения несоответствий между расходными функциями региональных бюджетов и поступлениями, которые закреплены за данным бюджетным уровнем. Под горизонтальным выравниванием следует понимать пропорциональное распределение налогов между субъектами федерации для устранения (снижения) неравенства в налоговых возможностях различных территорий [174].

3. Финансовые инструменты – межбюджетные трансферты.

4. Правовое обеспечение – бюджетное законодательство.

Таким образом, автор предлагает, под финансовым механизмом межбюджетных отношений понимать регулируемую нормами бюджетного права систему управления межбюджетными отношениями через межбюджетные трансферты с помощью методов горизонтального и вертикального выравнивания.

Финансовый механизм межбюджетных отношений постоянно претерпевает изменения, это касается как инструментов межбюджетного регулирования, так и критериев предоставления помощи из вышестоящих бюджетов.

Межбюджетные трансферты, выделяемые регионам из федерального бюджета, предоставляются сегодня в следующих формах [2, ст. 129]:

- дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ;
- субсидий бюджетам субъектов федерации;
- субвенций бюджетам субъектов РФ;
- иные межбюджетные трансферты бюджетам субъектам РФ;
- межбюджетные трансферты бюджетам государственных внебюджетных фондов.

Состав инструментов межбюджетного регулирования существенно изменился, так в 2000 году субсидии не относились к возможным инструментам межбюджетного регулирования, так же как отдельно не выделялись трансферты, предоставляемые внебюджетным фондам. В современной редакции бюджетного законодательства отсутствует бюджетная ссуда и кредит как инструмент финансовой помощи.

Кроме того, недостаточно внимания уделялось вопросам предоставления межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов Российской Федерации и из местных бюджетов. В целом можно говорить о том, что произошла унификация форм межбюджетных трансфертов предоставляемых из бюджетов всех уровней и критериев их предоставления.

Рассмотрим, как изменилось содержание инструментов межбюджетного регулирования за период с 2000 по 2009 год (см. табл. 6.2).

Таблица 6.2

Трансформация инструментов межбюджетного регулирования

Инструмент	2000 год	2009 год	Характер изменений
Дотация	бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации на безвозмездной и безвозвратной основах для покрытия текущих расходов	межбюджетные трансферты, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений и (или) условий их использования	В современной интерпретации понятия дотация отсутствует указание направления использования средств
Субвенции	бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации или юридическому лицу на безвозмездной и безвозвратной основах на осуществление определенных целевых расходов	трансферты, предоставляемые бюджетам субъектов федерации в целях обеспечения расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий РФ, переданных для осуществления нижестоящим бюджетам	В настоящее время уточнен перечень основных целевых расходов, то есть субвенции продолжают носить целевой характер, но они связаны с реализацией конкретных полномочий, передаваемых нижестоящим бюджетам
Субсидия	бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы РФ, физическому или юридическому лицу на условиях долевого финансирования целевых расходов	межбюджетные трансферты, предоставляемые в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий государственных органов власти и органов местного самоуправления	отсутствует указание конкретных получателей субсидий – физические лица, юридические лица или другой уровень бюджетной системы, преобладающим признаком становится их выделение для софинансирования расходных обязательств
Бюджетная ссуда	бюджетные средства, предоставляемые другому бюджету на возвратной, безвозмездной или возмездной основах на срок не более шести месяцев в пределах финансового года	-	основной целью предоставления бюджетных ссуд было финансирование кассовых разрывов. В современном бюджетном законодательстве отсутствует понятие кассовых разрывов

Для получения межбюджетных трансфертов субъекты должны соблюдать требования бюджетного законодательства. Основным критерием, определяющим условия получения межбюджетных трансфертов, является расчетная доля межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в объеме собственных доходов консолидированного бюджета субъекта (за исключением субвенций) за последние два из трех финансовых лет (см. табл. 6.3).

Таблица 6.3

Условий предоставления трансфертов из федерального бюджета

Доля межбюджетных трансфертов	Условия получения межбюджетных трансфертов
Более 5 %	Субъекты не имеют право заключать соглашения о передачи полномочий по кассовому обслуживанию исполнения бюджета субъекта исполнительным органам власти региона
Более 20 %	Субъекты федерации не должны: — устанавливать и исполнять расходные обязательства¹ не связанных с решением вопросов конституционно отнесенных к предметам ведения субъектов; — превышать нормативы формирования расходов² на оплату труда государственных гражданских служащих и содержание органов государственной власти субъектов, установленных Правительством РФ.
Более 60 %	Помимо условий, указанных для доли 20 %, должны соблюдаться следующие условия: — подписание с Минфином РФ соглашения о мерах по повышению эффективности использования бюджетных средств и увеличению налоговых и неналоговых доходов субъектов; — организация исполнения бюджета субъектов с открытием и ведением лицевых счетов в органах Федерального Казначейств; — предоставление документов и материалов, необходимых для подготовки заключения о соответствии требованиям бюджетного законодательства, проекта бюджета субъекта на очередной финансовый год; — проведение ежегодной внешней проверки годового отчета об исполнении бюджета субъекта.

Рассмотрим систему межбюджетных трансфертов через существующие инструменты.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности образуют Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ.

Совокупность субсидий образует Федеральный фонд софинансирования расходов, который предназначен для стимулирования регионов к финансированию основных общественных благ на определенном уровне. Данный фонд был введен в 2002 году. Финансовая помощь из фонда предоставляется в виде субсидии на определенную функциональную статью расходов. Основное назначение средств фонда заключается в их содействии проведению в регионах структурных реформ и поддержке определенного объема, качества и доступности бюджетных услуг в соответствии с минимальными государственными стандартами.

¹ Под расходными обязательствами понимаются обусловленные законом обязанности публично-правового образования предоставить физическому, юридическому или другому публично-правовому образованию средства из соответствующего бюджета.

² Под расходами понимаются выплачиваемые из бюджета денежные средства.

Субвенции образуют Федеральный фонд компенсации, который образуется в составе федерального бюджета в целях предоставления субвенций на исполнение расходных обязательств субъектов РФ на реализацию законов, как правило, связанных с выплатами или предоставлением льгот отдельным категориям граждан. Данный фонд действует с 2001 года. Базой для распределения средств данного фонда является число лиц, проживающих в регионе и имеющих право на получение льгот. Формирование данного фонда в составе расходов федерального бюджета было призвано решить в первую очередь проблему нефинансируемых мандатов.

В федеральном бюджете на 2009, плановый период 2010-2011 гг., доля межбюджетных трансфертов в расходах бюджета будет составлять соответственно 33 %, 35 %, 37,2 %.

При этом межбюджетные трансферты состоят из двух неравнозначных частей: трансферты бюджетам субъектов и бюджетам государственных внебюджетных фондов, так как темпы роста трансфертов внебюджетных фондов превышает темп роста трансфертов бюджетам субъектов.

На основании данных о проекте федерального бюджета на 2009-2011 гг. трансферты субъектам федерации увеличатся в среднем на 17,5 %, внебюджетным фондам на 87 %. В рамках представленного исследования рассматриваются только трансферты бюджетам субъектов РФ.

Доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджетов субъектов на ближайшие три года планируется в следующих объемах: в 2009 году – 18,2 %, в 2010 году – 16,4 %, в 2011 году – 14,7 % [72, с. 35].

Перейдем к рассмотрению порядка расчета и предоставления межбюджетных трансфертов в разрезе их отдельных видов.

Дотации – это межбюджетные трансферты, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений и условий их использования [2].

Отличительными признаками дотаций являются:

- предоставляется из вышестоящего бюджета нижестоящим;
- отсутствует целевой характер использования средств, полученных в форме дотаций;
- использование дотаций для исполнения собственных расходных полномочий нижестоящего бюджета.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности распределяются между субъектами в соответствии с единой методикой, которая значительно изменялась.

ФФПР действует с 1994 года, при этом методика его расчета и порядок распределения средств постоянно претерпевал какие-либо изменения. Источником формирования Фонда является 14 % налоговых платежей за исключением контролируемых Государственным таможенным комитетом. Рассмотрим, какие произошли трансформации в методике расчета средств данного фонда за период с 2001 по 2007 года.

До 2005 года распределение средств фонда между субъектами РФ осуществлялось в следующей последовательности. Фонд делился на две части:

- 80 % направлялось для распределения между субъектами РФ, уровень реальной бюджетной обеспеченности которых был ниже 1. При этом последний определялся как отношение индекса налогового потенциала региона (ИНП) к индексу его бюджетных расходов (ИБР);
- 20 % использовалось для распределения между субъектами РФ, у которых величина бюджетной обеспеченности на одного человека после выделения первой части оставалась ниже максимального уровня, установленного для проведения дальнейшего выравнивания (равного в 2004 году 7649,6 руб./чел.) [168, с. 30-31].

То есть, в результате, в зависимости от уровня социально-экономического развития региона трансферт для него состоял из двух частей: дотации и специальной дотации.

В качестве недостатков описанной выше методики распределения средств ФФПР выделяли то, что все расчеты базировались на данных Госкомстата России 3-5 летней давности. При этом индекс налогового потенциала рассчитывался как величина добавленной стоимости отраслей экономики в расчете на душу населения по данному региону, ориентируясь на аналогичный показатель по РФ в среднем за 1999-2001 гг. А индекс бюджетных расходов базировался на временных данных 2003-2004 годов. То есть при определении уровня бюджетной обеспеченности для числителя и знаменателя использовались не только устаревшие данные, но и данные за разный временной период, что говорит об их временной несовместимости.

Помимо названного недостатка многие ученые указывают на сложность методики расчета индексов, обусловленную наличием большого количества поправочных коэффициентов, что в том числе приводит и к непрозрачности произведенных расчетов и лишает их экономической обоснованности.

Кроме того, хотелось бы отметить, что методика расчета во многом стала причиной иждивенческих настроений в регионах, отсутствию у них заинтересованности в увеличение собственной доходной базы, так как в этом случае увеличивался шанс получения специальной дотации.

Отличительными особенностями методики распределения средств ФФПР, вступивших в силу с 2005 года были следующие [168, с. 32]:

- выделение критериев выравнивания бюджетной обеспеченности регионов;
- изменение величины частей ФФПР, предназначенных для выделения дотаций (90 %) и специальных дотаций (10 %);

- использование при расчете индекса налогового потенциала данных за 2001-2003 гг., что привело к сокращению временного разрыва между базовым и плановым значениями ИНП;
- уменьшение числа поправочных коэффициентов при расчете индекса бюджетных расходов.

Кроме того, изменился принцип предоставления специальной дотации регионам. Если до 2005 года выравнивание происходило до некоего среднего уровня бюджетной обеспеченности, то в 2005 году ориентиром стало обеспечение минимально гарантированного уровня доходов наиболее неблагоприятных регионов.

Вступившая в 2008 году силу методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов кардинально отличается от предыдущей. В ее основу был заложен экономический подход, который позволял объективно учитывать потребности регионов в средствах федерального бюджета. В качестве критерия, до которого должны были дотягиваться финансово низкообеспеченные регионы, был выбран средний уровень бюджетной обеспеченности, рассчитанный без учета десяти самых богатых и десяти самых бедных регионов, это позволило снизить воздействие фактора сильной дифференциации уровней развития разных регионов федерации.

Кроме того, в новой методике была изменена и база расчета межбюджетных трансфертов. Вместо прогнозного значения валового регионального продукта, для определения налогового потенциала территорий стали брать налогооблагающие показатели, например прибыль, фонд оплаты труда, имущество. Данное нововведение позволило сделать прогноз более точным, так как стали учитываться особенности развития субъектов РФ, что сделало прогноз более объективным и достоверным.

Для предотвращения перекосов, которые могли бы возникнуть при изменении методики расчета трансфертов, были установлены границы возможного снижения финансовой помощи с учетом стимулирующих механизмов.

Так, в первый год действия методики, то есть в 2008 году, всем субъектам при выполнении хотя бы двух из трех следующих условий – снижение удельного веса кредиторской задолженности, высокий темп снижения кредиторской задолженности, высокий темп роста собственных доходов бюджетов – регионы могли полностью сохранить уровень трансферта 2007 года. Регионы, выполнившие хотя бы одно условие, получали 90 % от уровня предыдущего года, а те, которые не показали положительных изменений ни по одному из параметров, получили лишь 85 % от разницы между расчетной суммой дотаций и уровнем 2007 года.

В результате применения описанной методики число регионов-доноров сократилось до 10 с 16 в 2007 году [144, с. 4].

Рассмотрим, как изменилось распределение субъектов по уровню дотационности с учетом происшедших изменений, на основе сравнения данных о распределении межбюджетных трансфертов в 2007 и 2008 гг. (см. табл. 6.4).

Таблица 6.4

Уровень дотационности субъектов РФ, %

	2007		2008	
Наименьшая доля дотаций	Липецкая область	0	Липецкая область	0
	Ярославская область	0	г. Москва	0
	г. Москва	0	Вологодская область	0
	Республика Коми	0	Ленинградская область	0
	Вологодская область	0	г. Санкт-Петербург	0
	Ленинградская область	0	Республика Татарстан	0
	г. Санкт-Петербург	0	Тюменская область	0
	Республика Татарстан	0	Ханты–Мансийский АО	0
	Оренбургская область	0	Ямало-Ненецкая АО	0
	Самарская область	0		
	Свердловская область	0		
	Тюменская область	0		
	Челябинская область	0		
	Томская область	0		
	Агинский-Бурятский АО	0		
Ханты–Мансийский АО	0			
Ямало-Ненецкая АО	0			
Наибольшая доля дотаций	Республика Дагестан	6,7	Республика Дагестан	6,35
	Ставропольский край	2,9	Ставропольский край	2,57
	Ростовская область	3,5	Ростовская область	3,81
	Республика Бурятия	2,9	Алтайский край	4,16
	Алтайский край	4,5	Республика Саха	9,01
	Омская область	2,6	Приморский край	2,34
	Республика Саха	5,2	Камчатский край	2,33
	Камчатская область	2,3	Чеченская Республика	4,9
	Чеченская область	6,9		

Однако в августе 2008 года в методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности снова были внесены изменения, которые уточняют подход, вступивший в действие в 2008 году. Суть этих изменений в том, что изменилась «ступенчатость» процента разницы между расчетной суммой дотаций и дотацией прошлого года.

Регионы, выполнившие два или три, из вышеназванных показателей получают в 2009 году 90 %, в 2010 г. – 80 %, в 2011 г. – 50 %. Регионы с одним показателем – соответственно, 75 %, 60 %, и 40 %, регионы без повышающих коэффициентов – 70 %, 55 % и 30 %. Как считает заместитель министра финансов А.Г. Силуанов, благодаря этим изменениям субъекты будут иметь более объективный объем финансовой помощи на выравнивание бюджетной обеспеченности [144, с. 4].

На наш взгляд, новая методика распределения дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности позволяет сочетать объективное распределение средств со стимулирующими механизмами, позволяющими регионам улучшать свой социально-экономический потенциал.

Подводя итоги изменениям, происшедшим с системой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности необходимо отметить, что:

- во-первых, постепенно изменялся подход к определению уровня бюджетной обеспеченности, становясь более объективным, учитывающими реальное положение дел на территории субъекта;
- во-вторых, было исключено влияние сильной дифференциации уровня развития регионов, путем исключения десяти самых богатых и десяти самых бедных территорий;
- заложен механизм стимулирования регионов к эффективному использованию полученных дотаций.

Под субсидиями бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета понимаются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам субъектов в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам ведения субъектов РФ [2, ст. 132].

Отличительными признаками субсидий являются:

- предоставление как из вышестоящего бюджета нижестоящему, так и наоборот;
- целевой характер представления;
- носят характер софинансирования расходов.

Субсидии являются целевой формой межбюджетных трансфертов, так как цели и условия предоставления и расходования субсидий, критерии отбора субъектов и их распределение между субъектами устанавливается федеральными законами. Доля субсидий в общем объеме межбюджетных трансфертов в среднем за последние пять лет составляет 19 %.

В 2008 году основными целями и направлениями субсидий являлись: субсидии на частичное возмещение расходов из Федерального фонда софинансирования социальных расходов; субсидии на осуществление капитального ремонта гидротехнических сооружений; субсидии на мероприятия по проведению оздоровительных компаний детей; субсидии на вознаграждение за классное руководство; субсидии на внедрение инновационных образовательных программ; субсидии на реализацию мероприятий целевой программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ»; субсидии на денежные выплаты медицинскому персоналу; субвенции на строительство и реконструкцию автодорог общего пользования; субсидии из Федерального фонда регионального развития.

Фонд регионального развития предусмотрен для инвестиционной поддержки регионов. В нем объединяются средства «рассредоточенные» между программами развития регионов. Одной из целей создания данного фонда является поддержка и развитие социальной инфраструктуры региона, минимально необходимой для обеспечения конституционно установленных гарантий.

Средства фонда выделяются на основе конкурсного отбора инвестиционных проектов, которые предусматривают доленое финансирование (субсидии). Причем субъект, получающий средства из данного фонда должен профинансировать обозначенный проект не менее чем на 50 %.

При этом многообразие и незначительный объем субсидий вызывают сомнение в целесообразности их выделения. На наш взгляд, все субсидии должны быть разбиты на несколько укрупненных групп. Есть два варианта группировку субсидий. Первая группировка подразумевает в качестве критерия классификации цель предоставления субсидии: социальные (направлены на улучшение социального и демографического развития субъектов), экономические (направлены на улучшение экономического потенциала региона), инфраструктурные (связан с улучшением инфраструктуры региона).

Последней формой межбюджетных трансфертов, рассмотренных в рамках данной работы, будут субвенции.

Субвенции – это межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам регионов в целях финансового обеспечения расходных обязательств субъектов, возникающих при выполнении полномочий, переданных для осуществления органами государственной власти субъектов [2, ст. 133].

Классификационными признаками субвенций могут выступать:

- предоставление как из вышестоящего бюджета нижестоящему, так и наоборот;
- целевой характер использования;
- выделяются на реализацию делегированных с вышестоящего бюджета полномочий нижестоящим бюджетам.

Субвенции распределяются между всеми субъектами по единой для соответствующего вида субвенций методике, пропорционально численности населения (отдельных групп населения). Средняя доля субвенций в объеме межбюджетных трансфертов составила в среднем около 11 %.

Итак, нами были рассмотрены основные формы межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета региональным: дотации, субсидии, субвенции. Сравнивая данные формы можно говорить о том, что как дотация, так и субсидия имеют ряд общих квалификационных признаков, а именно – предоставление на осуществление собственных расходных полномочий получателей. Принципиальное отличие состоит в целевом характере предоставления субсидии, что по мнению ряда

экономистов делает ее более привлекательным инструментом финансовой помощи. Это возможно в силу обеспечения адресного, целевого характера использования бюджетных средств, что отвечает концепции внедряемой системы бюджетирования, ориентированного на результат.

Несмотря на привлекательность субсидии с обозначенной выше позиции, в литературе отмечают ряд факторов, позволяющих довольно сдержанно относиться к субсидированию, как к превалирующей форме межбюджетных трансфертов.

В частности, по мнению Д.Ю. Завьялова [52, с. 33] предоставление субсидий может привести к сокращению собственных расходов получателя субсидий на финансирование субсидированных расходов. Кроме того, увеличение субсидирования на основе принципа софинансирования может потребовать как от вышестоящих, так и от нижестоящих бюджетов дополнительного вовлечения средств, что может произойти за счет неисполнения или не надлежащего исполнения собственных расходных полномочий.

Предоставление субвенций в отличие от дотаций и субсидий, ориентировано на достижение одной цели – обеспечение субъектов средствами для реализации полномочий, переданных из федерального бюджета, то есть на наш взгляд они направлены на недопущение образования в бюджетной системе РФ так называемых «нефинансируемых мандатов»

Система межбюджетных трансфертов, предоставляемых на субфедеральном уровне фактически является двухуровневой и включает в себя: межбюджетные трансферты, предоставляемые из бюджетов субъектов и бюджетов муниципальных районов (городских округов).

В соответствии с бюджетным законодательством выделяют следующие формы межбюджетных трансфертов из регионального бюджета [2, ст. 135]:

- дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и муниципальных районов (городских округов);
- субсидии местным бюджетам;
- субвенции местным бюджетам;
- иные межбюджетные трансферты.

Условия предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном уровне, помимо требований соблюдения получателями межбюджетных трансфертов бюджетного и налогового законодательства предусматривает зависимость получения трансфертов от доли межбюджетных трансфертов из других бюджетов в доходах бюджетов, в течение двух из трех последних лет (см. табл. 6.5).

Перечисленные в табл. 6.5 условия получения трансфертов местными органами власти из вышестоящих бюджетов, практически аналогичны по своему содержанию с условиями, сформулированными для получения субъектами средств из федерального бюджета. С одной стороны, подоб-

ная унификация позволяет наглядно демонстрировать принцип единства построения бюджетной системы, с другой стороны, она не учитывает специфику взаимоотношений, складывающихся на субфедеральном уровне.

Таблица 6.5

Условий предоставления трансфертов из региональных бюджетов

Доля межбюджетных трансфертов	Условия получения межбюджетных трансфертов
Более 10 %	Расходы на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих и содержание органов местного самоуправления не должна превышать норматива, установленного высшим исполнительным органом государственной власти субъекта
Более 30 %	Местные органы власти не имеют права устанавливать и исполнять расходные обязательства не связанные с решением вопросов, отнесенных нормативно-правовыми актами к полномочиям местного самоуправления
Более 70 %	– исполнение только расходных обязательств, закрепленных за местными бюджетами нормативно-правовыми актами; – предоставление местной администрацией в высший исполнительный орган государственной власти субъекта документов и материалов, для заключения о соответствии требованиям бюджетного законодательства проекта местного бюджета на очередной финансовый год; – проведение как минимум одного раза в два года внешней проверки годового отчета об исполнении местного бюджета контролирующими органами субъекта РФ.

Дотации, предоставляемые из бюджетов субъектов федерации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности:

- поселений, образуют Региональный фонд финансовой поддержки поселений;
- муниципальных районов (городских округов), образуют Региональный фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов).

Средства этих фондов аналогично ФФПР предназначены для поддержки муниципалитетов с низким уровнем бюджетной обеспеченности.

Совокупность субсидий местным бюджетам из бюджетов субъектов образуют Региональный фонд софинансирования расходов, который предназначен для содействия и поддержки мероприятий социальной политики, относящихся к полномочиям местных органов власти с учетом рекомендованных стандартов предоставления бюджетных услуг. Функционирование данного фонда должно способствовать повышению заинтересованности местных органов власти в расширении проводимых ими социальной политики.

Совокупность субвенций местным бюджетам из бюджетов субъектов образует региональный фонд компенсации, предназначенный для финансового обеспечения исполнения муниципальными органами власти отдельных государственных полномочий РФ и субъекта РФ. Функциониру-

вание данного фонда должно препятствовать созданию нефинансируемых мандатов из регионального бюджета местным, то есть, таким образом, осуществляется передача отдельных расходных полномочий, подкрепляя его финансовым обеспечением.

Проведем более детальный анализ межбюджетных трансфертов в разрезе их отдельных видов.

Практика показывает, что в большинстве регионов основная цель предоставления межбюджетных трансфертов муниципальных образований – выравнивание их бюджетной обеспеченности [81, с. 24]. Это подтверждают и данные по Республике Хакасия, где по итогам исполнения бюджета доля дотаций составляла от 28,5 % до 52 %. Несмотря на то, что в 2008-2010 гг., доля дотаций планировалась на уровне 21,2 % с последующим сокращением до 16,5 %, по итогам исполнения бюджета, а также при принятии закона о республиканском бюджете на 2009 год и плановый период 2010-2011 года, доля дотаций фактически будет выше ранее установленных размеров. Это связано с тем, что в условиях происходящего финансового кризиса увеличится недостаток собственных средств муниципалитетов, а также замедлятся темпы экономического развития территорий.

В основе предоставления дотаций поселениям лежит численность населения поселений; муниципальным районам (городских округов) – уровень расчетной бюджетной обеспеченности, который определяется отношением налоговых доходов на одного жителя, которые могут быть получены бюджетом муниципального района, исходя из уровня развития и структуры экономики и налоговой базы к аналогичному среднему показателю по муниципальным районам субъекта федерации.

Субсидии местным бюджетам из бюджетов субъектов федерации это межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам муниципальных образований в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения.

Субвенции местным бюджетам предоставляются для финансового обеспечения расходных обязательств, возникающих у муниципальных образований при выполнении государственных полномочий, переданных местным властям из вышестоящих бюджетов.

Итак, в работе были выявлены особенности бюджетной системы РФ, предложен авторский подход к: классификации принципов бюджетной системы, определению понятий «бюджетный федерализм», «межбюджетные отношения», «финансовый механизм межбюджетных отношений». Проведен анализ изменений, которые произошли в финансовом механизме межбюджетных отношений.

ГЛАВА 7

РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

7.1. Характеристика рынка образовательных услуг

В рамках теорий общественного развития термин «устойчивое развитие» трактуется как рост, развитие общества, которое удовлетворяет все его потребности как в настоящем, так и будущем не подвергая опасности возможности грядущих поколений решать вопросы развития. Во многих работах, например в работах А.В. Андреева, Л.М. Борисовой, Э.В. Плучевской устойчивое развитие рассматривается как единое пространство, характеризующее состояние экономики, общества и природы. Как правило, оценивая окружающую среду люди разделяют эти понятия, рассматривая их независимо, в то время как целями устойчивого развития, является в конечном счете высокий уровень жизни, процветание и сохранение природы [14, с. 309].

Идеология устойчивого развития предполагает оптимальное сочетание интересов населения и благополучия окружающей среды. Однако сложившаяся в настоящее время в России система образования не всегда отвечает тем требованиям, которые предъявляет современное общество к человеку, особенно в области фундаментальных проблем развития. Современный уровень общественного и экономического развития требует от образовательных учреждений готовить не только квалифицированных специалистов, которые могут успешно заниматься своей профессиональной деятельностью, но и формировать ответственных граждан своей страны, ответственных и сознательных за жизнь на планете в целом.

Глобализация экономики привела к тому, что сегодня в сфере образования основным фактором, стимулирующим изменения, является стремительно возрастающий поток информации, знаний. Технические нововведения влекут за собой изменения технологических процессов, изменения в управлении этими процессами и изменения в подготовке специалистов. Изменения в экономической среде приводят к необходимости профессиональной переориентации специалистов на разных этапах их карьеры, освоения новых областей деятельности, постоянного обновления всего ком-

плекса знаний, изменения карьеры и т.д. Резко возрастает потребность в кадрах, подготовленных к работе не на массовом конвейерном производстве (как в индустриальной системе), а на гибких высоко адаптивных фирмах в постоянно изменяющихся условиях деятельности. Более того, при современных темпах изменений в объеме и содержании знаний часто происходит так, что к моменту окончания обучения в вузе знания, полученные студентами, успевают устареть.

Эти изменения происходят такими темпами, что прежние методы образования и обучения (в широком смысле – как процесса социализации индивида) и сама система образования перестает им соответствовать. Экстенсивное увеличение объема передаваемых в процессе обучения знаний уже не дает необходимых результатов. Поэтому возникла настоятельная необходимость создания механизма постоянного обновления профессиональных знаний – так называемого механизма непрерывного, «пожизненного» обучения. От образовательных учреждений уже требуется не простая передача студентам определенного объема знаний, а обучение в первую очередь умению поиска и анализа необходимой информации, обучение самому процессу получения знаний.

Однако при этом специфические особенности рынка образовательных услуг сохраняются в полной мере, а в некоторой степени даже усиливаются. Во-первых, это ключевая особенность функционирования рынка образовательных услуг, заключающаяся в том, что в силу общественной, социальной значимости образовательных услуг он не может быть ориентирован только лишь на рыночные ценности и рыночные критерии эффективности. Более того, экономическая эффективность в сфере образования играет подчиненную роль и проявляется, в основном, при определении степени рациональности использования ресурсов, экономии затрат и т.п.

Во-вторых, особая специфика механизма функционирования рынка образовательных услуг обусловленная теснотой и гибкостью его прямых и обратных связей с рынком труда и другими факторами производства. Это проявляется в оперативном реагировании рынка образовательных услуг на изменение спроса на рабочую силу определенного качества на рынке труда под влиянием технологических и научно-технических факторов.

В связи с этим возникает необходимость в создании новой гибкой информационно-коммуникативной образовательной среды, которая была бы максимально ориентирована на удовлетворение основных запросов регионального сообщества в социализации населения, в подготовке кадров для всех секторов и отраслей региональной экономики, в создании задела на будущее. Кроме того, образование, и в первую очередь, бизнес-образование, должно быть более гибким, в большей степени ориентироваться на потребителя (место рынка образовательных услуг в структуре социально-экономических потребностей региона представлена на рис. 7.1).

Рис. 7.1. Место рынка образовательных услуг в системе социально-экономических потребностей региона

Таким образом, система образования в целом и рынок образовательных услуг в частности, выполняют важнейшие функции обеспечения региональной экономики кадрами, социализации подрастающего поколения, формирования научной базы и т.д. – т.е. создают основу для устойчивого развития региона. Основными функциями образовательных учреждений в настоящее время являются:

- оказание образовательных услуг, передача желаемых и необходимых знаний, умений и навыков (как по содержанию и объему, так и по ассортименту и качеству);
- производство и оказание сопутствующих образовательных услуг, а также оказание воздействий, формирующих личность обучающегося [184].

Анализируя роль и место системы образования в современной экономике следует отметить, что современному образованию все в большей степени становится присуща характеристика услуги. Это позволяет перейти от трактовки образования только как социального института к его характеристике с позиции услуги. Сегодня образовательной услугой можно считать знания, предоставленные в процессе обучения, направленные на удовлетворение конкретных потребностей человека [178].

Однако, как показывает практика, обеспечение необходимого развития и функционирования рынка образовательных услуг сталкивается с рядом трудностей, поскольку при удовлетворении запросов клиентов на рынке образовательных услуг часто бывает сложно сделать адекватное запросам потребителей предложение (часто покупатель образовательной услуги может четко сформулировать, что ему нужно либо в силу незнания особенностей образовательной программы, либо в силу недостаточно четкого понимания конечной цели обучения). Это приводит к возникновению ограничений и препятствий в производстве и продвижении образовательных услуг на данном сегменте рынка и в обществе в целом.

Отсюда ясно, что многие проблемы производства и продвижения образовательных услуг лучше решать совместными усилиями всех субъектов рынка образовательных услуг. Речь идет о создании системы партнерства в отношениях между заказчиками, исполнителями услуг и их посредниками как способа нахождения удовлетворяющего все стороны варианта отношений, основанных на принципах равноправия и справедливости [128].

Поэтому функционирование рынка образовательных услуг требует построения особого механизма его развития и управления.

Не рассматривая подробно различные подходы к управлению рыночными структурами, остановимся на организации специфического механизма развития регионального рынка образовательных услуг. В качестве основного используем подход, предложенный А.Л. Гапоненко [38]. Цикл стратегического планирования развития регионального рынка можно представить в виде следующих этапов:

1. определение целей развития данного сегмента рынка;
2. анализ внешней среды развития регионального рынка образовательных услуг;
3. определение сильных и слабых сторон развития;
4. использование имеющихся и создание новых местных преимуществ для развития регионального рынка образовательных услуг;
5. разработка концепции развития рынка образовательных услуг;
6. разработка плана конкретных действий и осуществление стратегии развития регионального рынка образовательных услуг;
7. анализ эффективности и результатов, корректировка целей и методов их достижения.

В схематическом виде алгоритм развития регионального рынка образовательных услуг представлен на рис. 7.2.

Теперь остановимся более подробно на анализе разработки концепции и стратегии развития регионального рынка образовательных услуг.

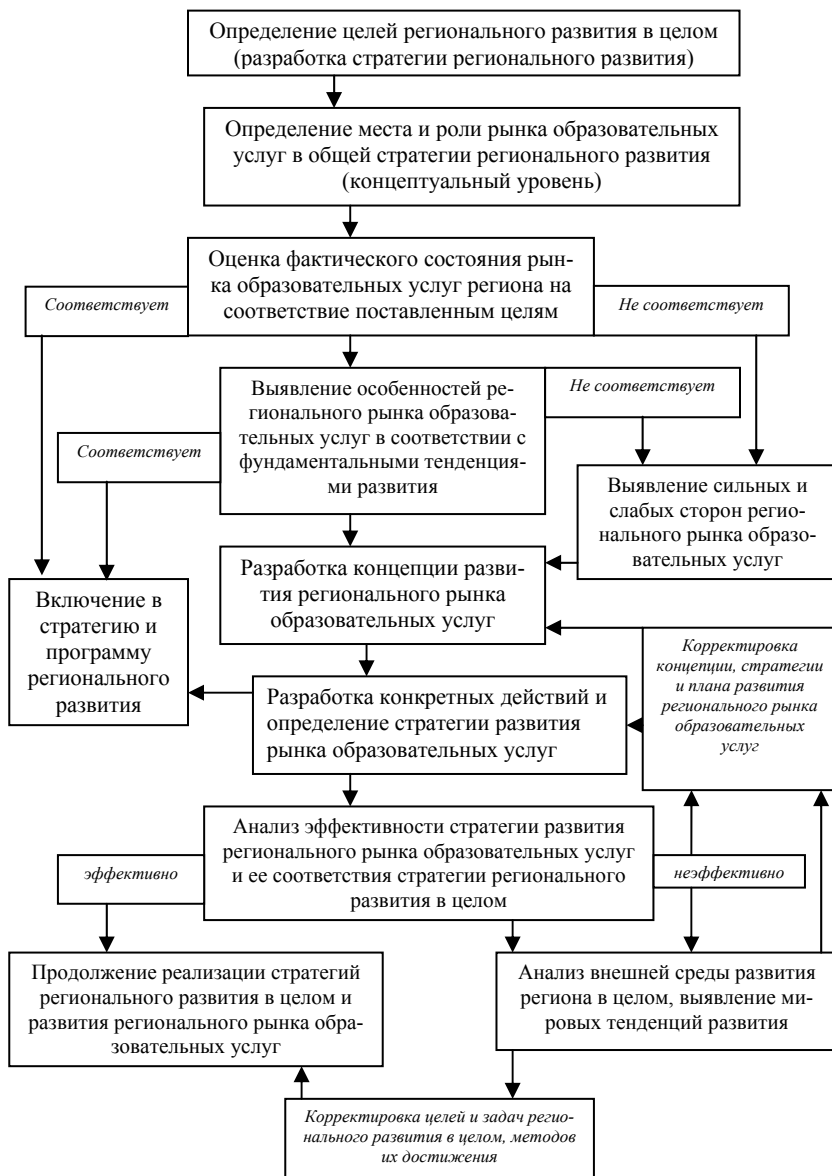

Рис. 7.2. Алгоритм управления стратегическим развитием рынка образовательных услуг региона

7.2. Концепция развития региональной системы образования

Основой формирования концепции развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг являются стратегический анализ развития региональной экономики и прогнозирование тенденций развития сектора образования.

Концепцию развития региональной системы образования следует рассматривать в качестве одного из важнейших документов стратегического характера, способного при успешной реализации сформировать позитивные изменения на региональном рынке образовательных услуг и привести его к максимальному соответствию перспективам развития региональной экономики. Она призвана выразить общий замысел, включающий определение стратегических целей развития регионального рынка образовательных услуг и средств их реализации исходя из учета и обеспечения сочетания государственных, региональных и местных интересов [89, с. 122-130].

Главная цель формирования концепции – определение стратегических ориентиров и целей развития регионального рынка образовательных услуг и системы образования в целом, основных направлений и механизмов их реализации с учетом требований развития региональной экономики.

Разработка концепции базируется на следующих важнейших принципах:

- целенаправленность;
- комплексность;
- вариантность;
- эффективность;
- демократичность.

Структура концепции развития регионального рынка образовательных услуг определяется ее сущностью и назначением, общими требованиями, предъявляемыми к документам прогнозно-аналитического характера. В качестве основных разделов концепции развития регионального рынка образовательных услуг можно назвать:

1. Стартовые условия и оценка исходной социально-экономической ситуации на региональном рынке образовательных услуг.
2. Стратегические цели и приоритеты развития регионального рынка образовательных услуг.
3. Основные направления реализации стратегических целей развития регионального рынка образовательных услуг.
4. Механизм реализации концепции развития регионального рынка образовательных услуг.

Особую роль в процессе разработки концепции играет научная экспертиза, которая проводится с целью обеспечения научной обоснованности и высокого качества разработки программ развития. В процессе проведения экспертизы решаются следующие основные задачи:

- проверка обоснованности выбранных приоритетов и целей развития регионального рынка образовательных услуг, их сочетание и соотношение с целями социально-экономического развития региона в целом;
- оценка принятых направлений развития регионального рынка образовательных услуг, их сочетание и соотношение с направлениями социально-экономического развития региона;
- уточнение объема ресурсов, необходимых для реализации намеченных целей и источников их покрытия.

Решение названных задач предполагает сочетание профессиональной и общественной экспертизы концепции.

Главной задачей анализа и оценки исходной, или стартовой, ситуации на региональном рынке образовательных услуг является определение уровня социально-экономического развития (в том числе в разрезе основных субъектов и участников рынка образовательных услуг), выявление важнейших тенденций и факторов, обусловивших определенный характер протекания социально-экономических процессов в регионе в целом и в секторе образования.

Последовательность проведения анализа и оценки социально-экономической ситуации на региональном рынке образовательных услуг представлена на рис. 7.3.

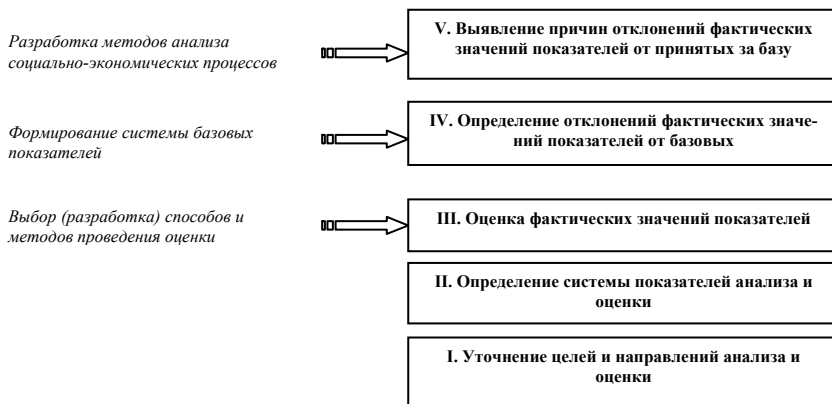

Рис. 7.3. Последовательность анализа и оценки стартовых условий на региональном рынке образовательных услуг

В качестве важнейших принципов анализа и оценки стартовых условий на региональном рынке образовательных услуг для разработки концепции и программы развития рынка образовательных услуг следует назвать: целенаправленность, системность, комплексность.

Выбор стратегии развития рынка образовательных услуг региона в значительной степени определяется состоянием его научного, образовательного, интеллектуального и социально-экономического потенциалов, а также состоянием научного, образовательного, интеллектуального и социально-экономического потенциалов региона в целом. Поэтому анализ потенциалов отдельного сегмента регионального рынка нужно проводить с учетом состояния всех потенциалов региона. Стартовый социально-экономический потенциал региона может охарактеризовать следующими основными составляющими (рис. 7.4).

Рис. 7.4. Структура стартового социально-экономического потенциала региона

Следует отметить, что при анализе стартового потенциала региона важное место занимает оценка эффективности его использования. Однако понятие экономической эффективности применительно к сфере образования имеет более ограниченный характер, чем в других областях деятельности. Более того, экономическая эффективность в сфере образования играет подчиненную роль и проявляется, в основном, при определении степени рациональности использования ресурсов, экономии затрат и т.п.

Поэтому, не рассматривая подробно вопросы оценки экономической эффективности того или иного явления, отметим лишь, что в общем случае критерий эффективности использования стартового потенциала региона можно определить как отношение результата (эффекта) от реализации данного потенциала к затратам, которые потребовались для его достижения.

Во втором разделе концепции развития региональной системы образования формируются стратегические цели развития регионального рынка образовательных услуг.

Целеполагание является важным и достаточно сложным этапом формирования концепции. Оно предполагает описание желаемого состояния регионального рынка образовательных услуг, региональной экономики и общества в целом к определенному сроку с учетом существующих и требуемых взаимосвязей. Главная задача ее разработки состоит в обеспечении комплексности развития регионального рынка образовательных услуг и сбалансированности его основных элементов, учета важнейших аспектов их функционирования, формирования оптимальной системы взаимосвязей. На региональном рынке образовательных услуг, как и в региональной экономике в целом, должна соблюдаться сбалансированность макропотоков по конечным целям развития и ресурсам. В противном случае возникают диспропорции в функционировании и развитии, что приводит к снижению эффективности деятельности элементов системы и повышению вероятности возникновения социальных конфликтов как на локальных рынках, так и в региональном сообществе в целом.

Многофункциональность системы образования предполагает многоуровневую систему целей, которую целесообразно оформить в виде «дерева целей». Каждая из целей должна быть увязана с количественными показателями деятельности соответствующих субъектов и объектов регионального рынка образовательных услуг, которые позволяют ее количественно измерить.

Цели развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг могут выражаться с помощью совокупности качественных и количественных характеристик – целевых установок (ориентиров), целевых показателей и нормативов. Количественная определенность цели может обеспечиваться разработкой целевых показателей (количественных характеристик объекта целеполагания на определенный момент времени) и целевых нормативов (значений целевых показателей, которые соответствуют требуемому научно обоснованному уровню конечного (желаемого) состояния объекта).

В качестве главных целевых установок в развитии региональной системы образования могут быть приняты:

1. повышение качества жизни населения региона (общегосударственные социальные стандарты);
2. обеспечение необходимых темпов экономического роста и конкурентоспособности региональной экономики.

Необходимо отметить, что в процессе обоснования и разработки системы целевых установок особое значение приобретает типология, обобщение, ранжирование и уточнение проблем (проблемных ситуаций) развития региональной системы образования и рынка образовательных услуг.

Далее на основе концепции разрабатывается собственно стратегия развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг. Концепция представляет собой документ, в котором отражается представление о будущем состоянии и тенденциях развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг и дается характеристика системы мер для реализации выбранной стратегии.

Следующим этапом является разработка стратегического плана развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг. Однако в сфере образования в отличие от других секторов экономики с развитыми формами рыночных отношений стратегическое планирование должно сочетаться с административными методами регулирования. Это связано, прежде всего, с особыми характеристиками сферы образования, в частности, с уже названными ранее высокой степенью общественной, социальной значимости образовательных услуг, с наличием особых тесных прямых и обратных связей с рынком труда и другими факторами производства, с особой связью с проблемами формирования человеческого капитала. Поэтому основные планово-прогнозные разработки должны готовиться совместно государственными органами управления, представителями частного сектора и населения региона. Кроме того, требуется возможность постоянной корректировки стратегического плана по мере необходимости. В этих условиях бюджетно-налоговая, денежно-кредитная, научно-техническая и другие виды региональной политики в отношении сферы образования будут вытекать из логики стратегического плана.

Содержание механизма реализации стратегического плана развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг заключается в целенаправленном воздействии организационных структур представительной и исполнительной власти на субъекты региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг в интересах достижения намеченных целей стратегического плана.

Стратегический план развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг должен предусматривать разработку специального инструментария его реализации в виде государственных программ, контрактной системы и экономических стимулов. Конкретная система может включать государственные задания и заказы, объем которых ограничивается возможностями государственного бюджета.

В процессе разработки стратегического плана развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг не-

обходимо решить ряд достаточно сложных проблем методологического и методического характера. К числу важнейших из них можно отнести:

- выявление и установление рационального соотношения объемов финансирования развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг из различных источников, включая государственные централизованные и целевые капитальные вложения (в том числе средства из региональных бюджетов), средства предприятий и организаций, собственные средства населения и т.д.;
- выявление и достижение рационального соотношения необходимости развития региональной экономики в целом, региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг и решения социальных, экологических и научно-технических задач в условиях ограниченности ресурсов;
- обеспечение сопряжения между стратегическим планированием развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг и стратегическим планированием на региональном уровне.

Одним из важных инструментов реализации стратегического плана развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг выступают государственные программы. Их целесообразно формировать исходя из прогнозов по ограниченному кругу особо важных региональных задач, а их финансирование должно осуществляться из регионального бюджета и внебюджетных фондов. По договоренности к их реализации могут привлекаться предприятия, население и иностранные инвесторы. Материально-техническое обеспечение таких программ должно осуществляться за счет поставок по типу госзаказа через государственную контрактную систему.

Как уже отмечалось ранее, основой формирования концепции развития региональной системы образования и регионального рынка образовательных услуг и важнейшим элементом системы управления региональным рынком образовательных услуг является разработка системы планов и прогнозов развития.

В качестве важнейших функций регионального планирования в области развития регионального рынка образовательных услуг можно назвать:

- обоснование целей, задач и принципов региональной экономической политики в отношении регионального рынка образовательных услуг;
- координация решений всех экономических агентов (локальных решений) с позиций региональной экономики как единого целого;
- поддержание циклического равновесия в региональной экономике с учетом динамики регионального рынка образовательных услуг;

- обеспечение и поддержание конкурентоспособности регионального рынка образовательных услуг – макроэкономической конкурентоспособности;
- обеспечение устойчивого развития региональной экономики в целом и регионального рынка образовательных услуг.

Вполне естественно, что равновесный рост регионального рынка образовательных услуг, который достигается в ущерб его конкурентоспособности, не может являться целью современной экономической стратегии регионов.

В этих условиях основной целевой функцией развития регионального рынка образовательных услуг становится обеспечение долговременной конкурентоспособности региональной экономики, которая обуславливает прочность и устойчивость позиций региона в общенациональной и мировой системе разделения и кооперации труда.

Стратегической целью регионального макроэкономического планирования в таком случае является обеспечение динамического экономического роста региона и регионального рынка образовательных услуг, согласованного с требованиями сбалансированности и устойчивости развития региональной экономики, его макроэкономической конкурентоспособности, включая социальный и экономический аспекты.

В современных условиях основное содержание макроэкономического планирования должно быть направлено на стратегический выбор основных направлений социально-экономического развития региона. Это вызывает необходимость обоснования целей развития региональной экономики и системы приоритетов в отношении отдельных сегментов регионального рынка.

Очевидно, что в качестве главной стратегической перспективы развития экономики и общества следует рассматривать неуклонный рост уровня благосостояния населения региона, что можно считать важнейшей объективной тенденцией общественного развития. Следует заметить, что ориентация на преодоление текущих проблем не должна исключать нацеленность на решение долгосрочных задач, без чего невозможно найти правильный выход из тупиковых ситуаций современной жизни. Важно поддерживать ориентацию общества на творческое преобразование жизни, а не на простое выживание. Так, извлекая уроки из просчетов и ошибок последних лет, следует откорректировать концепцию реформирования экономики, изменить устоявшиеся стереотипы мышления. Измененная концепция должна нацеливать не на приумножение финансового капитала, а на обеспечение реального роста региональной экономики и благосостояния народа, всестороннее развитие личности.

В соответствии с этим система планирования развития регионального рынка образовательных услуг должна ориентироваться на ускоренное достижение указанной выше стратегической цели. Для этого, как свиде-

тельствует мировой опыт, планирование должно осуществляться на всех иерархических уровнях. Кроме того, стратегическое планирование должно предусматривать разработку специального механизма реализации плана, сориентированного на достижение целей развития общества, включая специальные регуляторы, призванные обеспечить реализацию принимаемых решений в тех сферах, где рыночные механизмы не срабатывают.

Стратегический анализ развития регионального рынка образовательных услуг – это особый этап работ по обоснованию и разработке концепции развития регионального рынка образовательных услуг.

Главная задача стратегического анализа развития регионального рынка образовательных услуг состоит в определении допустимого набора вариантов (альтернатив) его развития на основе анализа хода исследуемых процессов в прошлом и прогнозировании их возможного протекания в будущем. На этом этапе реализуется на практике принцип вариантности планирования, формируются требования к развитию различных социально-экономических систем, в частности, регионального рынка образовательных услуг, которые позволят реализовать возможные социально-экономические цели.

Важнейшим требованием, которое должно выполняться на данной стадии разработки стратегического плана, является поиск возможных вариантов развития регионального рынка образовательных услуг.

Основные этапы проведения стратегического анализа развития регионального рынка образовательных услуг представлены на рис. 7.5.

На первом этапе проведения стратегического анализа используется соответствующая информация статистических органов, материалы отраслевых, общественных и других учреждений и организаций. Основная цель этого этапа анализа – оценить эффективность предыдущей стратегии развития региона в целом и регионального рынка образовательных услуг, всесторонне рассмотреть функционирование и развитие элементов региональной экономики.

В качестве основных аспектов проведения такого анализа можно назвать:

- комплексный анализ и оценка места и роли региона в национальной и мировой экономике и системе международного разделения труда, конкурентоспособности региональной экономики;
- анализ и оценка степени фактического использования основных условий и факторов, которые можно отнести к числу стратегических преимуществ, которыми располагает регион в целом и региональный рынок образовательных услуг в частности;
- выявление и оценка позитивных и негативных тенденций в развитии как региональной экономики в целом, так и регионального рынка образовательных услуг;

- анализ и оценка структурных изменений в региональной экономике и соблюдения принципа пропорциональности ее развития;
- анализ и оценка влияния институциональных и организационных изменений в региональной экономике и на региональном рынке образовательных услуг как на эффективность их функционирования и развития, так и на важнейшие параметры социального развития;
- анализ и выявление условий и факторов, ограничивающих развитие региональной экономики в целом и регионального рынка образовательных услуг.

Рис. 7.5. Стадии разработки и выбора стратегических альтернатив развития регионального рынка образовательных услуг

Вторым этапом разработки и выбора стратегических альтернатив развития регионального рынка образовательных услуг является прогнозирование. Сущность прогнозирования заключается в определении допустимого спектра возможных вариантов развития регионального рынка образовательных услуг для принятия оптимального решения.

Прогноз развития регионального рынка образовательных услуг представляет собой комплекс аргументированных предположений, выраженных в качественной и количественной формах и дающих представление о будущих параметрах развития регионального рынка образовательных услуг.

В основе прогнозирования лежит предположение о том, что будущее состояние регионального рынка образовательных услуг в значительной мере определяется ее прошлым и настоящим состоянием. В силу того что прошлое, настоящее и будущее состояния связаны объективными законами, которые, по сути, выступают как момент устойчивости, повторяемо-

сти и воспроизводимости процессов и явлений, значение качественных и количественных характеристик этих законов при полноте и надежности информации может служить основой детерминированности представлений о будущем состоянии объекта оценки (регионального рынка образовательных услуг).

Вместе с тем следует иметь в виду, что будущее всегда несет в себе и элементы неопределенности. Это обусловливается тем, что всегда имеется определенное множество вариантов возможного развития. Вследствие этого единство детерминированности и неопределенности как двух взаимосвязанных и взаимодополняющих свойств будущего состояния является неперенным условием прогнозирования. Если бы будущее состояние экономики было полностью детерминированным, то отсутствовала бы необходимость выбора одного из вариантов возможного развития при завершении этапа целеполагания и перехода к этапу реализации целей (целесоуществление).

Сочетание детерминированности и неопределенности обуславливает использование вероятностного подхода в прогнозировании. Сущность этого подхода заключается в ограничении неопределенности будущего и описании интервала, в пределах которого возможен поиск регулирующих решений с точки зрения развития регионального рынка образовательных услуг.

Другой неотъемлемой чертой прогнозирования является опережающее отражение действительности, т.е. приспособление социально-экономической системы к представляемому будущему. Такое отражение дает возможность разрешить противоречия между начальными условиями и заданной траекторией развития. Причем область допустимых траекторий развития и возможность опережающего отражения действительности в зависимости от временного горизонта прогноза изменяется. С увеличением горизонта прогнозирования происходит расширение области допустимых траекторий.

В свою очередь, временной горизонт прогноза зависит от скорости изменения прогнозируемого объекта, от присущих ему циклов развития, от продолжительности действия главных тенденций, определяющих его состояние или функционирование. В прогнозировании принято выделять различные периоды упреждения (горизонты будущего):

- краткосрочное прогнозирование (2-3 года);
- среднесрочное прогнозирование (5-7 лет);
- долгосрочное прогнозирование (до 15-20 лет).

Каждый из этих видов прогнозов базируется на тех устойчивых циклах и процессах в развитии национальной, региональной экономики или их отдельных сегментов, продолжительность которых укладывается в соответствующий временной горизонт.

Классификация прогнозов может проводиться не только по временному горизонту, но и по подходам, которые применяются при их разработке. Такие подходы могут различаться:

- по способу описания тенденций изменения объекта или процесса;
- по способу формирования параметров, которые характеризуют объект или процесс.

В рамках первого из названных выше подходов принято выделять трендовый и факторный подходы.

Содержание трендового подхода в прогнозировании заключается в экстраполяции выровненных значений динамического временного ряда прогнозируемого показателя. Такой подход используется, как правило, для прогноза показателей, которые характеризуются либо монотонным возрастанием, либо монотонным убыванием. Опыт прогнозирования свидетельствует о том, что трендовые функции показателей, характеризующие темпы и пропорции экономического роста, следует описывать в рамках определенного класса математических зависимостей.

Факторный подход в прогнозировании предполагает определение круга воздействующих на прогнозируемый объект (процесс, показатель) факторов и формы их взаимосвязи. Сущность факторного прогнозирования состоит в том, что перспективные оценки прогнозируемого показателя получаются на основе замены его динамики динамикой значимых и относительно устойчивых тенденций факторов и параметров, позволяющих установить между ними связь.

В настоящее время в прогнозировании трендовый подход не имеет самостоятельного значения, а применяется преимущественно либо как подготавливающее условие, либо как один из элементов факторного прогнозирования. На практике в факторные зависимости вводятся тренды, которые отражают изменения во времени параметров, характеризующих взаимосвязи между прогнозируемым показателем и обуславливающими его факторами.

Согласно второму критерию – способу определения параметров, которые характеризуют прогнозируемый объект или процесс – принято выделять генетический (ресурсный) и нормативный (целевой) подходы.

Генетический подход в прогнозировании, который отражает инерционный характер развития экономики или ее отдельных элементов, основывается на прогнозировании устойчивых тенденций в развитии региональной экономики и сводится к перенесению зависимостей, характерных для прошлого и настоящего, на будущее.

Нормативный подход, опирающийся на регулируемость экономики, ориентирован на цели развития, которых желательно достичь в прогнозируемом периоде. Содержание нормативного подхода состоит в определении параметров воспроизводства, необходимых для достижения заданных целей экономического роста. Вместе с тем при нормативном подходе учи-

тывается взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Это находит отражение в том, что применяемые нормативные показатели формируются с использованием понятий прошлого и настоящего. В их основу кладутся выявленные к началу прогнозного периода общественные потребности и реализованные направления технологического прогресса.

Генетический и нормативный подходы в прогнозировании выступают альтернативными способами выявления параметров, характеризующих прогнозируемый объект или процесс. При генетическом подходе взаимосвязь процессов, формирующих темпы и пропорции экономического роста, направлена от настоящего к будущему, а при нормативном подходе – от будущего к настоящему.

Следует отметить, что соотношение генетического и нормативного подходов в прогнозировании в значительной мере зависит от продолжительности прогнозного периода, скорости протекания исследуемых процессов и специфических свойств прогнозируемого объекта.

Главной задачей прогнозирования становится согласование результатов прогнозных расчетов, получаемых на основе генетического и нормативного подходов. Генетический подход призван обеспечить соответствие прогнозируемых процессов реальным возможностям экономического развития, а нормативный подход – переход сложившихся тенденций к оптимальным.

Современная система прогнозирования развития экономики региона и ее отдельных составляющих представлена на рис. 7.6.

В процессе прогнозирования выявляются существующие проблемы развития региональной экономики в целом и ее отдельных слагаемых (регионального рынка образовательных услуг) и обосновываются возможные способы их решения. Перечень таких проблем и их значимость могут быть раскрыты в процессе анализа расхождений результатов перспективных расчетов на основе генетического и нормативного подходов. Величина таких расхождений характеризует меру сложности назревших вопросов экономического развития.

В процессе проведения прогнозных расчетов на основе современного использования генетического и нормативного подходов могут разрабатываться следующие варианты развития регионального рынка образовательных услуг:

- Пессимистический вариант развития региональной экономики и развития регионального рынка образовательных услуг, который получается на основе экстраполяции сложившихся тенденций на перспективу (генетический подход).
- Совокупность вероятных альтернативных прогнозов, получаемых на основе сочетания генетического и нормативного подходов (рабочие гипотезы).
- Оптимистический вариант, получаемый на основе нормативного подхода и формирующий цели развития региональной экономики и регионального рынка образовательных услуг в прогнозном периоде.

Рис. 7.6. Система прогнозирования развития экономики региона

Прогнозирование в целом носит комплексный характер и охватывает все уровни и аспекты расширенного воспроизводства. Частные прогнозы (прогноз развития регионального рынка образовательных услуг), характеризующие различные уровни и аспекты функционирования и развития региональной экономики, тесно взаимосвязаны и образуют целостную систему. Поэтому формирование системы управления развитием регионального рынка образовательных услуг должно происходить во взаимосвязке со всеми остальными слагаемыми региональной экономики.

ГЛАВА 8

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

8.1. Человеческий потенциал: новое измерение в условиях региональной дифференциации

В отечественной и мировой литературе предложено немало понятий и концепций, целью которых является разработка интегрального представления о человеке, особое внимание уделяется понятию «человеческого потенциала», которое является интегральным по отношению к современной концепции человеческого развития. Современная концепция развития человеческого потенциала оказывает существенное влияние на экономическую политику и стратегию во многих развитых странах мира.

Основным показателем, характеризующим уровень человеческого развития, является индекс развития человеческого потенциала (human development index – HDI), предложенный Мегнадом Десаи (лорд Десаи) и Амартья Сеном [166, с. 26-27]. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) разработан для сравнения стран и публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН с 1990 года.

В настоящее время индекс развития человеческого потенциала рассчитывается следующим образом:

$$I_i = \sum_{j=1}^n a_j \frac{x_j - x_{j_{\min}}}{x_{j_{\max}} - x_{j_{\min}}} \quad (8.1)$$

где x_j – фактическое значение показателя, описывающего j -й элемент развития человеческого потенциала.

$x_{\min}$ и $x_{\max}$ – соответственно минимальное и максимальное значения показателя, описывающего j -й элемент развития человеческого потенциала.

a_j – вес соответствующего индекса элемента ИРЧП (вес ожидаемой продолжительности жизни составляет 1/3, специального

индикатора материального благосостояния – 1/3, уровня грамотности взрослого населения 2/9, показателя полноты охвата населения обучением – 1/9; таким образом, вес каждого элемента ИРЧП равен 1/3).

n – количество компонент.

Согласно концепции развития человеческого потенциала одной из важных проблем общества на определенном этапе, наряду с возможностью прожить долгую, достойную, здоровую жизнь и получить образование, является доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Достойный уровень жизни в обществе достигается посредством справедливого распределения благ и доходов. Для подавляющего большинства населения источником дохода является труд, причем концепцией человеческого развития в качестве одного из основных признаков определяется его продуктивность. Таким образом, у людей должна быть возможность повышения продуктивности своей деятельности и полноценного участия в процессе формирования дохода. Поэтому экономический рост, динамика занятости и заработной платы являются составляющими модели человеческого развития.

Основными причинами, определяющими роль занятости в развитии индивида, являются обеспечение необходимых доходов для инвестирования их в здоровье и образование, а так же обеспечение условий для социализации и самовыражения. Эффективная занятость создает экономические основы человеческого развития тем, что позволяет государству акцентировать внимание на поддержку и защиту социально уязвимых и нетрудоспособных граждан и формировать условия для равенства возможностей всех членов общества.

В связи с этим, представляется целесообразным модифицировать методику расчета индекса развития человеческого потенциала путем введения дополнительного компонента – индекса уровня занятости. При этом основная идея остается идентичной той, которая применяется при расчете индекса развития человеческого потенциала по методологии ООН. Нами предлагается использовать следующую формулу:

$$I = \frac{1}{4} \sum_{i=1}^4 Ix_i \quad (8.2)$$

где I – модифицированный индекс развития человеческого потенциала.

Ix_1 – индекс денежных доходов (скорректированный на стоимость фиксированного набора товаров и услуг).

Ix_2 – индекс уровня занятости.

Ix_3 – индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Ix_4 – индекс уровня образования населения.

Индекс денежных доходов. Учитывая опыт отечественных исследователей, при расчете индекса дохода, как составляющего модифицированного индекса развития человеческого потенциала на уровне регионов, авторами предлагается, наряду с ВРП, использовать показатель денежных доходов на душу населения, с учетом региональных различий в уровне цен. Соответствующая работа ведется в настоящее время статистическими органами некоторых стран СНГ, в частности расчеты индекса развития человеческого потенциала с использованием среднедушевых доходов проводятся в Агентстве Республики Казахстан по статистике при содействии Программы развития ООН.

Анализируя показатели денежных доходов на душу населения следует иметь в виду, что по отдельным регионам наблюдается заметная дифференциация в уровне потребительских цен, соответственно этой дифференциации меняется покупательная способность доходов населения, что влияет на объективность оценки доступа к ресурсам. В качестве аналога для изучения региональных различий в ценах предлагается использование показателя стоимости фиксированного набора товаров и услуг в соответствии с рекомендациями Росстата «Методологическими рекомендациями по разработке фиксированного набора потребительских товаров и услуг для проведения межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения» [88], а не величину прожиточного минимума, применяемого некоторыми исследователями. Региональные значения показателя стоимости фиксированного набора товаров и услуг исчисляются на основе единого набора товаров и услуг и средних цен по регионам. Таким образом, по своему составу «фиксированный набор» является более репрезентативным, нежели величина прожиточного минимума, тем более что в некоторых регионах величина прожиточного минимума не достигает значения «фиксированного набора». Следовательно, в качестве межрегионального паритета может быть использовано отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг региона к среднероссийскому уровню, приводящего региональные среднедушевые денежные доходы в сопоставимый вид:

$$ДД_{\text{корр.}} = \frac{ДД_{\text{региона}}}{МРП_{\text{региона}}} \quad (8.3)$$

где $ДД_{\text{корр.}}$, $ДД_{\text{региона}}$ – соответственно скорректированный и нескорректированный среднедушевые денежные доходы населения региона.

$МРП_{\text{региона}}$ – межрегиональный паритет для региона, представляющий собой отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг к среднероссийскому уровню.

Для переоценки валовой добавленной стоимости (ВДС), учитывая региональные особенности социально-экономического развития Российской Федерации, размер среднедушевых денежных доходов населения, переведенный с помощью паритета покупательной способности (ППС) в доллары США, умножается на коэффициент, который представляет собой отношение объема ВВП на душу населения и денежных доходов на душу населения (в целом по России). В результате, сохраняются пропорции денежных доходов населения регионального к среднероссийскому уровню.

Необходимо также отметить, что прямое использование расчетного показателя ВДС на душу населения по регионам является недопустимым, поскольку в России наблюдается заметная дифференциация по уровню цен, следовательно, как было отмечено выше, воспользуемся межрегиональным паритетом, приводящего результаты исчисления в сопоставимый вид:

$$ВДС_{\text{скорр.}} = \frac{ВДС_{\text{региона}}}{МРП_{\text{региона}}} \quad (8.4)$$

где $ВДС_{\text{скорр.}}$, $ВДС_{\text{региона}}$ – соответственно скорректированный и нескорректированный объемы ВДС на душу населения в долларах США по ППС в регионе.

$МРП_{\text{региона}}$ – межрегиональный паритет для региона, представляющий собой отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг к среднероссийскому уровню.

Индекс уровня занятости. Как было отмечено выше, для успешного развития каждому индивиду необходимо здоровье, образование, доступ к ресурсам, который обеспечивается материальным состоянием, труд, обеспечивающий становление личности. В соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) [88, с. 131], в качестве результирующего показателя при расчете четвертой дополнительной компоненты ИРЧП, характеризующей трудовой потенциал населения, нами был выбран показатель уровня занятости населения.

Индекс уровня занятости предлагается рассчитать по классической схеме:

$$I_2 = \frac{x_i - x_{i_{\min}}}{x_{i_{\max}} - x_{i_{\min}}} \quad (8.5)$$

где x_i – уровень занятости населения, который рассчитывается как отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, выраженное в процентах.

$x_{\min}$ и $x_{\max}$ – минимальное и максимальное значение показателя, равное 0 и 100 % соответственно.

Индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Основным показателем долголетия, согласно концепции человеческого развития, служит ожидаемая продолжительность жизни при рождении, рассчитанная в целом для мужчин и женщин. Необходимо отметить, что существует сильная взаимосвязь между возможностью ведения здоровой жизни и ростом ожидаемой продолжительности жизни. Продление здоровой жизни содействует увеличению долголетия. Продолжительность жизни является универсальным показателем, потому как он позволяет дифференцировать развивающиеся, индустриальные страны и не подвержен влиянию изменений возрастной структуры.

Расчет индекса ожидаемой продолжительности жизни в МИРЧП остается без изменений:

$$I_3 = \frac{x_i - x_{i_{\min}}}{x_{i_{\max}} - x_{i_{\min}}} \quad (8.6)$$

где x_i – фактический уровень ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

$x_{\min}$ и $x_{\max}$ – минимальное и максимальное значение показателя, равное 25 и 85 годам соответственно.

Индекс уровня образования населения. Одной из важнейших составляющих человеческого развития является образование, которое расширяет возможности индивида в области приобретения профессиональных навыков, формирует человеческий капитал и служит источником экономического развития. Но опять же, не стоит забывать о том, что согласно концепции человеческого развития сам человек является главным звеном в экономическом развитии.

Расчет индекса уровня образования в МИРЧП также остается без изменений. Он состоит из двух субиндексов:

$$I_{41} = \frac{2}{3} \times \frac{x_i - x_{i_{\min}}}{x_{i_{\max}} - x_{i_{\min}}} \quad (8.7)$$

где x_i – фактический уровень грамотности старшего поколения (от 25 лет и старше – это примерно 2/3 всего при продолжительности жизни 85 лет).

$x_{\min}$ и $x_{\max}$ – минимальное и максимальное значение показателя, равное 0 % и 100 %, соответственно.

$$I_{42} = \frac{1}{3} \times \frac{x_i - x_{i_{\min}}}{x_{i_{\max}} - x_{i_{\min}}} \quad (8.8)$$

где x_i – индекс совокупной доли учащихся начальных, средних и высших учебных заведений в возрасте 7-24 лет.

x_{min} и x_{max} — минимальное и максимальное значение показателя, равное 0% и 100% соответственно.

На основании представленной авторами методики, в настоящем исследовании был рассчитан модифицированный индекс развития человеческого потенциала в Российской Федерации (рис. 8.1).

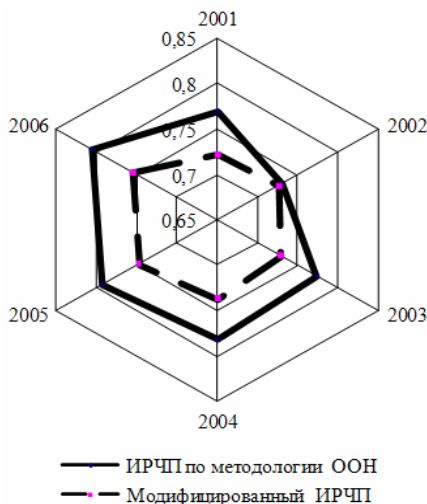

Рис. 8.1. ИРЧП по методологии ООН и модифицированный ИРЧП в Российской Федерации за 2001-2006 гг.

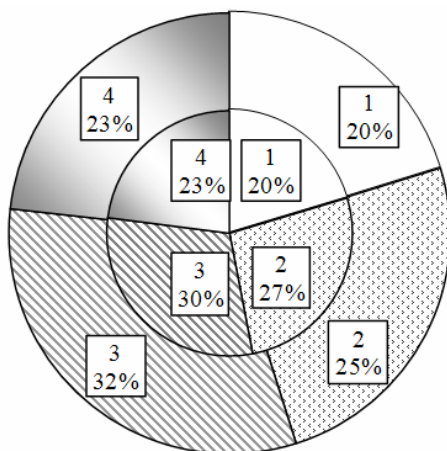
Как видно из рис. 8.1, после ряда преобразований ИРЧП наблюдается меньшая дифференциация величины и динамики индекса, чем в случае применения ИРЧП по методологии ООН. Модифицированный ИРЧП значительно ниже и график более сглаженный.

В структуре МИРЧП сильных изменений в 2006 г. по сравнению с 2001 г. не наблюдалось (рис. 8.2).

Наибольший удельный вес в структуре МИРЧП в 2006 г. приходился на индекс образования – 32 %, за шесть лет произошло смещение в меньшую сторону на 2 пп. На долю индекса доходов в 2001 г. приходилось 25 %, но за счет снижения веса индекса образования за рассматриваемый период, в структуре произошли изменения в положительную сторону. В 2006 г. удельный вес индекса доходов составлял 27 %. Общий вклад индексов уровня занятости и долголетия за период 2001-2006 гг. остались без изменений.

Наибольший интерес, с целью изучения региональной дифференциации, представляет расчет МИРЧП по регионам Российской Федерации.

Рейтинги субъектов Российской Федерации по МИРЧП за 2001 г. и 2006 г. претерпевают существенные изменения (табл. 8.1).

- 1 – Индекс уровня занятости
 2 – Индекс уровня доходов
 3 – Индекс уровня образования
 4 – Индекс долголетия

- Внешняя диаграмма - Структура МНРЧП по компонентам за 2001 год
 □ Внутренняя диаграмма - Структура МНРЧП по компонентам за 2006 год

Рис. 8.2. Структура МНРЧП по составляющим компонентам за 2001 и 2006 гг.

Таблица 8.1

Рейтинги регионов Российской Федерации по величине МНРЧП

Регионы	Ранги за 2001 г.					Регионы	Ранги за 2006 г.				
	МИРЧП	Индекс дохода	Индекс занятости	Индекс долголетия	Индекс образования		МИРЧП	Индекс дохода	Индекс занятости	Индекс долголетия	Индекс образования
Первая пятерка лидеров											
Тюменская область	1	1	9	13	34	г. Москва	1	1	3	3	1
г. Москва	2	25	2	9	1	г. Санкт-Петербург	2	3	2	9	2
г. Санкт-Петербург	3	14	6	23	2	Республика Татарстан	3	6	35	8	9
Мурманская область	4	6	12	29	66	Самарская область	4	10	8	26	12
Томская область	5	7	50	31	3	Тюменская область	5	2	60	13	25
Регионы с уровнем МИРЧП выше среднероссийского (МИРЧП РФ: 2001 г. – 0,723; 2006 г. – 0,754)											
Республика Саха (Якутия)	6	4	10	48	38	Свердловская область	6	5	15	28	25
Белгородская область	7	32	17	10	7						
Магаданская область	8	8	4	38	76	Чукотский авт. округ	7	7	1	78	74
Республика Коми	9	2	38	42	71						
Московская область	10	15	5	43	64	Магаданская область	8	16	6	64	3
Самарская область	11	30	8	44	9						
Вологодская область	12	10	17	48	49						
Камчатский край	13	9	7	55	67	Ярославская область	9	24	7	37	18
Липецкая область	14	22	30	17	36						

Продолжение табл. 8.1

Регионы	Ранги за 2001 г.					Регионы	Ранги за 2006 г.				
	МИРЧП	Индекс дохода	Индекс занятости	Индекс долголетия	Индекс образования		МИРЧП	Индекс дохода	Индекс занятости	Индекс долголетия	Индекс образования
Красноярский край	15	3	28	59	38	Московская область	10	13	8	29	75
Удмуртская Республика	16	26	17	34	21						
Архангельская обл.	17	11	16	53	59	Республика Саха (Якутия)	11	15	28	43	14
Республика Татарстан	18	59	22	8	9						
Чукотский авт. округ	19	5	1	68	79	Мурманская область	12	18	5	49	63
Ярославская область	20	24	11	52	30						
Республика Башкортостан	21	20	53	14	15	Республика Башкортостан	13	11	54	18	28
Свердловская область	22	21	24	45	24						
Кировская область	23	56	3	27	45						
Пермский край	24	16	20	54	44	Аутсайдеры (МИРЧП<0,700)					
Республика Адыгея	58	69	71	5	19	Республика Адыгея	73	77	75	11	60
Рязанская область	59	52	62	46	24						
Алтайский край	60	64	59	20	53	Читинская область	74	48	70	75	72
Тверская область	61	44	35	75	67						
Еврейская авт. область	62	45	47	73	38	Республика Алтай	75	74	67	72	63
Ивановская область	63	71	35	60	17						
Амурская область	64	28	58	70	59						
Брянская область	65	65	55	39	45	Республика Бурятия	76	67	73	73	53
Калининградская область	66	51	62	62	49						
Республика Мордовия	67	78	49	10	14						
Республика Алтай	68	67	43	71	27	Еврейская авт. область	77	63	72	76	69
Карачаево-Черкесская Республика	69	72	76	4	56						
Курганская область	70	61	69	40	71						
Тамбовская область	71	62	71	26	64	Республика Тыва	78	76	78	79	48
Республика Калмыкия	72	75	70	19	53						
Псковская область	73	53	59	77	59	Республика Ингушетия	79	79	79	1	79
Кабардино-Балкарская Республика	74	76	75	6	27						
Республика Бурятия	75	33	73	69	56						
Читинская область	76	36	74	78	75						
Республика Дагестан	77	79	78	2	24						
Республика Ингушетия	78	77	79	1	78						
Республика Тыва	79	55	77	79	59						

В рейтинге по уровню человеческого развития в 2006 г., в первую пятерку лидеров входят г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Самарская область и Тюменская область. По сравнению с 2001 г. сохранили свое положение в пятерке лидеров регионы: г. Москва (+ 1

пункт), г. Санкт-Петербург (+ 1 пункт), Тюменская область (-4 пункта). Мурманская область, которая в 2001 г. находилась на 4 месте по уровню МИРЧП переместилась на 12 место в 2006 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Томской области, которая с 5 места в 2001 г. оказалась на 19 месте в рейтинге по итогам 2006 г.

В первую группу с наилучшими показателями МИРЧП в 2006 г. вошли регионы, которые обеспечивают высокие индексы доходов и образования, что позволило им поднять а некоторым и удержать рейтинги.

В г. Москва рейтинг по индексу дохода за 5 лет поднялся с 25 места на 1 место в 2006 г., а в г. Санкт-Петербург – с 14 места до 3 места. Наибольшее улучшение по МИРЧП в первой группе отмечалось в Республике Татарстан, где за 5 лет рейтинг поднялся с 18 места до 3 места. Так же отмечался резкий скачек Самарской области – с 11 места до 4 места.

Помимо лидеров, в некоторых регионах значение модифицированного индекса человеческого потенциала было выше среднероссийского. В эту группу по итогам 2006 г. вошли следующие регионы: Свердловская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Ярославская область, Московская область, Республика Саха (Якутия), Мурманская область и Республика Башкортостан. По сравнению с 2001 г. количество регионов с уровнем МИРЧП выше среднероссийского сократилось с 19 до 8. За 5 лет сохранили свои позиции 7 регионов РФ: Свердловская область, Чукотский авт. округ, Магаданская область, Ярославская область, Московская область, Республика Саха (Якутия) и Республика Башкортостан.

В данной группе наибольшее улучшение регионов в рейтинге за 5 лет отмечалось в Свердловской области (+ 16 пунктов), Чукотском автономном округе (+ 12 пунктов), Ярославской области (+ 11 пунктов) и Республике Башкортостан (+ 8 пунктов). Резко свои позиции в рейтинге сократили Мурманская область (с 4 места в 2001 г. спустилась на 12 место в 2006 г.) и Республика Саха (Якутия) (-5 пунктов). Не изменили своего положения с 2001 г. до 2006 г. Магаданская область (8 место) и Московская область (10 место).

В последней группе регионов РФ, уровень МИРЧП которых не превышал значения 0,700, в 2006 г. оказались 7 субъектов: Республика Адыгея, Читинская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Еврейская авт. область, Республика Тыва и Республика Ингушетия.

В период 2001-2006 гг. наблюдалась благоприятная тенденция по уровню МИРЧП, которая заключалась в сокращении числа аутсайдеров. Необходимо отметить то факт, что в последнюю группу вошли регионы, которые уже имели достаточно низкое положение по уровню человеческого развития.

Оценка рейтингов субъектов Российской Федерации по МИРЧП показывает наличие некоторой закономерности. Во-первых, устойчивое сохранение лидирующих позиций трех регионов – г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Тю-

менской области, что достаточно объяснимо: в г. Москве и северной столице сосредоточены основные финансовые ресурсы РФ, Тюменская область является крупнейшим поставщиком топливно-энергетических ресурсов в стране. Во-вторых, сохраняют позиции регионы с низкими показателями развития человеческого потенциала к числу которых относятся Читинская область, Республика Бурятия, Республика Тыва и Республика Ингушетия. На протяжении 5 лет в данной группе регионов не отмечалось резких скачков. В-третьих, основными причинами колебаний рейтингов регионов РФ по МИРЧП вызваны изменениями отдельных его составляющих.

Анализ индексов-компонент в сравнении со среднероссийскими значениями позволяет сделать следующие выводы. В 2001 г. 19 субъектов РФ, что составляет 24 % от общего числа регионов, имели значения индексов дохода выше среднероссийского уровня, а в 2006 г. данное соотношение снизилось до 17 %. Индекс занятости выше среднероссийского в 2006 г. имели 49 % регионов, что на 2 процентных пункта выше уровня 2001 г. В 2006 г. 27% регионов имели положительные отклонения индексов образования от среднероссийского, что также выше уровня 2001 г. (22 %). По индексу долголетия наблюдается снижение показателя соотношения со среднероссийским уровнем с 39 % регионов в 2001 г. до 31 % – в 2006 г.

Необходимо отметить, что в 2006 г. 4 субъекта имели положительные значения отношений всех индексов составляющих компонентов МИРЧП по сравнению со среднероссийскими: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Самарская область. В 2001 г. положительные соотношения всех составляющих компонент со среднероссийским уровнем имел только г. Санкт-Петербург.

Таким образом, результаты расчетов МИРЧП по регионам России показывают сохраняющуюся дифференциацию по уровню человеческого развития. В первую очередь это связано с различиями регионов по объемам ВДС на душу населения, по ожидаемой продолжительности жизни и по уровню занятости населения. Дифференциация же по уровню образования в регионах Российской Федерации менее значительна. Следовательно, для более детального анализа необходимо провести статистический анализ с разбивкой регионов на кластеры с целью выявления однотипных социально-экономических групп. Исходя из этого, авторами предлагается система мониторинга уровня человеческого развития, состоящая из 23 показателей (табл. 8.2). В процессе кластерного анализа, каждый регион России был представлен вектором в 23-мерном пространстве факторов (табл. 8.2).

Исходя из модифицированной методологии оценки уровня человеческого потенциала, которая базируется на исчислении четырех индексов: индекса доходов, индекса долголетия, индекса уровня занятости и индекса образования, авторами были выделены основные показатели, характеризующие данные направления. В связи с этим, для сопоставимости данных, множество X представлено безразмерными характеристиками (табл. 8.2).

Таблица 8.2

**Априорный набор показателей, характеризующих
уровень человеческого развития**

Обозначение	Наименование показателя	Обозначение	Наименование показателя
X1	коэффициент городского населения в общей численности населения;	X13	соотношение среднемесячной заработной платы в регионах к среднемесячной заработной плате РФ ;
X2	коэффициент сельского населения в общей численности населения;	X14	соотношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг региона к стоимости фиксированного набора товаров и услуг РФ;
X3	соотношение населения в трудоспособном возрасте к общей численности населения;	X15	коэффициент бедности населения;
X4	соотношение населения старше трудоспособного возраста к общей численности населения;	X16	коэффициент охвата обучением населения в возрасте 7-24 лет;
X5	коэффициент рождаемости;	X17	коэффициент заболеваемости;
X6	коэффициент смертности;	X18	соотношение валовой добавленной стоимости (ВРП в основных ценах) региона к валовой добавленной стоимости РФ;
X7	коэффициент младенческой смертности;	X19	коэффициент Джини;
X8	коэффициент миграционного прироста (убыли);	X20	коэффициент фондов, раз;
X9	коэффициент экономической активности населения;	X21	соотношение расходов консолидированного бюджета на образование к общим расходам региона;
X10	коэффициент безработицы;	X22	соотношение расходов консолидированного бюджета на здравоохранение к общим расходам региона;
X11	коэффициент занятости;		
X12	соотношение среднедушевых денежных доходов региона и среднедушевых денежных доходов в РФ;	X23	соотношение расходов консолидированного бюджета на социальную политику к общим расходам региона.

Региональная задача кластерного анализа заключается в том, чтобы на основании данных множества, разбить регионы России на кластеры (однородные экономические зоны) таким образом, чтобы объекты, находящиеся в одном кластере, были сходными [97, с. 305].

Многомерная группировка регионов Российской Федерации проводилась с использованием пакета SPSS 14.0 по иерархической схеме методом «Average Linkage (Between Groups)».

В результате кластеризации регионов Российской Федерации по предложенным показателям авторами были выделены однородные группы территорий в 2006 г. (табл. 8.3).

Таблица 8.3

**Группировки регионов Российской Федерации
по результатам кластеризации в 2006 году¹**

Номер группы	Регион РФ
1	Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Коми, Свердловская область, Кемеровская область, Челябинская область, Омская область, Самарская область, Томская область, Липецкая область, Пермский край, г. Санкт-Петербург
2	Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Мурманская область
3	Калужская область, Тверская область, Тульская область, Калининградская область, Республика Хакасия, Удмуртская Республика, Волгоградская область, Новосибирская область, Белгородская область, Новгородская область, Ярославская область, Нижегородская область, Курская область, Рязанская область, Брянская область, Республика Северная Осетия-Алания, Костромская область, Псковская область, Саратовская область, Смоленская область, Пензенская область, Кировская область
4	Астраханская область, Ростовская область, Курганская область, Тамбовская область, Орловская область, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Воронежская область, Ставропольский край, Республика Бурятия, Читинская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика
5	Приморский край, Еврейская автономная область, Амурская область
6	Республика Адыгея, Республика Тыва, Республика Калмыкия

В группу с «относительно высокими» показателями человеческого развития в 2006 г., по данным табл. 8.2, входили 12 регионов России, что составляло 15 % от общего числа регионов, это Республики Татарстан, Башкортостан, Коми; области Свердловская, Кемеровская, Челябинская, Омская, Самарская, Томская, Липецкая; Пермский край и город Санкт-Петербург. Практически во всех регионах группы наблюдались миграционные приросты населения, за исключением Республики Коми и Пермского края. Коэффициенты экономической активности находились на достаточно высоком уровне, здесь отмечались низкие показатели уровня безработицы. Данный кластер отмечен также высокими показателями денежных доходов и заработной платы по отношению к среднероссийскому уровню, в результате чего наблюдалась самая высокая дифференциация населения по доходам среди всех регионов. Уровень бедности населения в кластере, по сравнению с другими группами регионов, был наименьшим. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума не превышала 15 %. Уровень образования данных территорий также находился на лидирующих позициях.

¹ Ряд регионов Российской Федерации не вошли ни в один из имеющихся кластеров за счет высоких и низких значений показателей развития человеческого потенциала. Например, Тюменская область, г. Москва, Чукотский автономный округ и Сахалинская область имеют наивысшие значения показателей и объединяются в кластеры при выделении более обобщенных интегрированных зон на более высоких метриках расстояний. Республика Ингушетия и Республика Алтай также не входят ни в одну группу в силу наименьших значений показателей человеческого развития.

Во вторую группу вошли 3 региона, что составляет 4 % от общего числа регионов России: Мурманская область, Магаданская область и Республика Саха (Якутия). Особенностью группы явились высокие экономические показатели. Объемы душевого ВРП регионов выше среднероссийских значений. Денежные доходы и заработная плата также находились на достаточно высоком уровне по сравнению со среднероссийским уровнем, но наряду с этим в регионах этой группы высока и стоимость жизни. Стоимость фиксированного набора товаров и услуг выше чем в среднем по России на 38 %. Дифференциация населения по денежным доходам оставалась по-прежнему достаточно высокой. Данный кластер отмечен наиболее высоким уровнем занятости населения. В виду удаленности территорий от центральной части России, в особенности Республики Саха (Якутия) и Магаданской области, наблюдалась миграционная убыль населения. Уровень бедности в данной группе не превышал 19 %.

Большинство регионов России в 2006 г. относились к третьей группе. В данном кластере находились регионы, имеющие «средние» показатели уровня человеческого развития. Объемы душевого ВРП не превышали среднероссийских. Денежные доходы и заработная плата населения не превышали среднего уровня по России. Показатели доли учащихся в возрасте 7-24 лет находились на достаточно высоком уровне. По демографическим характеристикам, данный кластер отметился высоким уровнем смертности населения.

Четвертую группу образуют 13 регионов России, что составляет примерно 16 % от общего числа. Для данной группы характерны относительно высокие показатели смертности населения, в 8 регионах наблюдалась отрицательная миграция населения. Показатели трудовых ресурсов отмечались на достаточно низком уровне. Жизненный уровень регионов в 2006 г. можно было охарактеризовать как «относительно низкий», который сопровождался высоким уровнем безработицы. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в среднем составляла 22 %. Так же в данном кластере отмечалось заметное отставание в экономическом развитии по сравнению с регионами 1, 2 и 3 кластера.

Пятая группа включает в себя 3 региона Дальнего Востока: Приморский край, Еврейская автономная область и Амурская область. Основными характеристиками данной группы можно назвать высокую стоимость жизни и, как следствие, имела место миграционная убыль населения. Коэффициент бедного населения сложился в среднем 26,5 %. В кластере наблюдалась высокая дифференциация населения по доходам.

Наиболее отстающими регионами по уровню человеческого развития в 2006 г. являлись Республики Адыгея, Тыва и Калмыкия. В данной группе отмечались наиболее низкие показатели трудовых ресурсов, высокий уровень безработицы. Денежные доходы населения были в два раза ниже чем в среднем по стране. Зарплата населения регионов в кластере

не превышала 65 % среднероссийского уровня. Следует так же отметить, что в данных регионах наблюдались и позитивные моменты. В 2006 г. в группе наблюдались самые высокие коэффициенты рождаемости.

Также по уровню человеческого развития наиболее схожи Республика Мордовия и Чувашская Республика; Владимирская и Ивановская области; Красноярский край и Иркутская область; Архангельская область, Вологодская область и Республика Карелия; Московская и Ленинградская области.

Абсолютные лидирующие позиции практически по всем показателям уровня человеческого развития в 2006 г. занимали г. Москва, Тюменская область, Чукотский автономный округ и Сахалинская область. Наихудшие показатели отмечены в Республике Ингушетия.

Таким образом, в результате кластерного анализа были выявлены однородные группы регионов со схожим уровнем развития человеческого потенциала, что позволяет оценить степень дифференциации и определить основные факторы, влияющие на социально-экономическое положение территорий.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости разработки методов всестороннего исследования уровня развития человеческого потенциала. Таким образом, авторами предложена методика оценки человеческого потенциала на основании четырех взаимосвязанных характеристик: долголетия, образования, денежных доходов и уровня занятости. Так же разработана система мониторинга с целью отслеживания динамики изменения факторов развития человеческого потенциала. В результате проведения исследования была показана возможность использования кластерного анализа для решения задач по экономическому зонированию регионов.

8.2. Социальная и экономическая адаптация студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности (на примере вузов Красноярского края)

Общеизвестно, что в большинстве стран мира мощным двигателем экономического и социального развития является предпринимательство. Позитивные тенденции в этом направлении появились в нашей стране после принятия ряда законов о предпринимательской деятельности. Эти законодательные акты опираются на осознание обществом роли бизнеса в экономике страны. Процесс предпринимательства оказал заметное влияние на систему непрерывного образования молодежи. В Законе «Об образовании» получили отражение положения, разрешающие ведение хозяйственно-предпринимательской деятельности учебных заведений, что дает возможность реализовать предпринимательские способности будущих

специалистов. Образовательные стандарты предусматривают обязательные базовые курсы по экономике и предпринимательству, что позволяет студентам не только экономических специальностей получить знания, ориентированные на рыночную экономику, но и других специальностей, что обеспечивает подготовку будущих специалистов разных областей в жизни и деятельности в изменившихся социально-экономических условиях.

Для многих людей в нашей стране стало аксиомой, что без экономических знаний нельзя чувствовать себя полноправным членом общества, а экономическая подготовка является необходимым атрибутом любой целесообразной деятельности. На сегодняшний день явственно ощутима потребность общества в экономически грамотном человеке, способном сочетать личные интересы с интересами общества, деловые качества – с нравственными.

Предпринимательство – это активная деятельность людей с целью получить доход на вложенный труд и капитал. Предпринимательство – неотъемлемая часть хозяйственной деятельности руководителей и специалистов и условие эффективной деятельности производственных, коммерческих и финансовых организаций, важнейший фактор развития экономики.

В каждой стране существуют свои подходы к определению малого и среднего предпринимательства. По этой причине сущность малого бизнеса может быть выражена не столько количественными критериями, сколько качественными [78, с. 425].

Бизнес и предпринимательство – прежде всего, интеллектуальная деятельность энергичного, инициативного человека, который, владея полностью или частично какими-либо материальными ценностями, использует их для организации и развития бизнеса, которым управляет и способствует также общественным интересам, т.к. благодаря налогам, поступаемым от самофинансируемых структур, государство имеет возможность выполнять обязанности перед гражданами, направлять средства на общественные нужды [149, с. 181].

От того, в какие сферы общественной жизни активно войдет молодежь в качестве деятельного субъекта, в каких социальных институтах возьмет на себя лидирующую роль, зависит направление развития не только этих институтов, но и самой молодежи.

Чтобы молодежь стала ресурсом развития общества (ресурс, используемый сегодня в очень малой степени), необходимо создать новые механизмы ее социализации, изначально ориентированные на воспитание активной жизненной позиции, социальной и исторической ответственности. Из объекта обучения, воспитания и заботы молодежь нужно сделать субъектом социального и исторического действия. Способ для этого – как можно более раннее включение ее в проектирование и осуществление позитивных преобразований в обществе и бизнесе, в разработку и реализацию проектов развития территорий и сфер деятельности [149, с. 179].

Некоторые российские ученые-экономисты различают понятия «малое предпринимательство» и «малый бизнес». Например, под «малым предпринимательством» понимают наличие особой рискованной и инновационной основы, полной экономической ответственности, гибкой организации воспроизводства с целью получения максимального предпринимательского дохода с единицы затраченного капитала [78, с. 425].

Малое предпринимательство представляет собой открытую организационно-хозяйственную систему, которая (в соответствии с законом самосохранения) стремится сохранить себя как целостное образование. Важным аспектом исследования системы, связанным с ее выживанием, является устойчивость – способность функционировать в состояниях, близких к равновесию, в условиях постоянных внутренних и внешних возмущающих воздействий [160, с. 177].

Самостоятельный сегмент малого бизнеса образуют физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. По данным Федеральной налоговой службы на 1 января 2004 г., этот сегмент образуют более 5 млн. индивидуальных предпринимателей. По данным выборочных исследований в настоящее время их реальная численность намного выше, при этом для 42,8 % занятых работа в этой сфере – основная работа по найму, а для 38,9 % – самостоятельная деятельность. В качестве дополнительной работы предпринимательской деятельностью занимаются 1,5 % наемных работников и 16,8 % работников, для которых предпринимательство – сфера самостоятельной деятельности.

Примерно 50 % индивидуальных предпринимателей составляют женщины. Доля сельских предпринимателей – 46 % [73, с. 111].

В современных условиях развитие малого бизнеса способно стать ключевым фактором формирования рыночной структуры экономики и конкурентной среды, роста производства товаров и услуг, сокращения числа безработных, решения важных социальных проблем. Малый бизнес является одной из основополагающих перспектив развития страны, активным источником создания среднего класса – основного гаранта демократического, экономически процветающего, социально благополучного общества. Вместе с тем в настоящее время малому бизнесу в России приходится сталкиваться с серьезными трудностями, возникающими в ходе сложного комплекса институциональных преобразований, среди которых можно выделить несовершенство законодательства и налоговой системы, финансовые проблемы, многочисленные административные барьеры, отсутствие необходимых знаний, навыков и опыта [138, с. 28].

Более половины предпринимателей считают свой бизнес достаточно успешным, хотя четверть считает эти успехи недостаточно устойчивыми. В настоящее время, по оценкам предпринимателей, они сталкиваются в своей деятельности со следующими проблемами: высокие налоги, дорого-

визна материально-технических средств, отсутствие кредитных ресурсов, что негативно сказывается на финансовом состоянии их предприятий. Серьезный сдерживающий фактор – низкий платежеспособный спрос населения, которое является основным потребителем продукции и услуг малого бизнеса. Согласно многим исследованиям, предприниматели, особенно мелкие, единодушно жалуются на тотальный и повседневный грабеж со стороны государственных чиновников. Государственные службы буквально терроризируют их требованиями мелочной отчетности, частыми инспекциями и штрафами. Взявая довольно высокие налоги, государство взамен не обеспечивает предпринимателям сколько-нибудь эффективной поддержки [73, с. 119].

Одним из существенных сдерживающих факторов формирования развитой рыночной среды является недостаточно высокий уровень обеспеченности финансово-кредитной инфраструктуры, который в России в 7,3 раза ниже, чем в США. Важно и то, что рыночная инфраструктура крайне неравномерно развита по регионам страны [109, с. 30].

К наиболее серьезным проблемам в организации своей деятельности представители малого бизнеса склонны относить: пробелы в действующем законодательстве (особенно в налоговом), нехватку ресурсов (прежде всего финансовых), сложность доступа к деловой информации, неурегулируемость вопросов, связанных с защитой прав работников, занятых в малом бизнесе, отсутствие положительного имиджа отечественного предпринимателя. Повышению эффективности предпринимательской деятельности на своих территориях могут способствовать властные структуры субъектов федерации и органы местного самоуправления. В их распоряжении имеются довольно широкие возможности для стимулирования предпринимательской активности. К их числу относится льготное налогообложение, предоставление кредитов и субсидий, создание фондов развития малого бизнеса, совместное (паевое) финансирование, организация бизнес-инкубаторов и т.д. [109, с. 33].

Политическая нестабильность вызывает повышенную неуверенность предпринимателей не только в успешности результатов деятельности, но и в возможности ведения дел. Сложное положение малого предпринимательства в нашей стране обусловлено, прежде всего, неудовлетворительным состоянием институциональной среды его функционирования. Система государственной поддержки малого бизнеса не позволяет адекватно противодействовать негативным факторам институциональной среды, оказывающим дестабилизирующее влияние на развитие предпринимательства [138, с. 30].

Недостаточно высокие показатели развития малого бизнеса в России несмотря на предпринимаемые усилия, во многом объясняются объективными особенностями отечественной экономики: гипертрофированным развитием добывающих отраслей, суровыми природно-климатическими

условиями (около 70 % территории России относится к северным экстремальным регионам), необходимостью интенсивного развития объектов производственной и социальной инфраструктуры и пр. Поскольку малый бизнес преимущественно развивается в таких отраслях, как торговля, общественное питание, ремонтные производства, сфера услуг, вспомогательные и обслуживающие производства, понятно, что российская специфика не очень способствует развитию малого бизнеса. В настоящее время более 40 % малых предприятий России функционирует в сфере торговли и общественного питания и около 35 % – в промышленности и строительстве [109, с. 31].

Численность предприятий малого бизнеса в настоящее время не удовлетворяет требованиям растущей экономики страны. Такое положение во многом объясняется тем, что мелкие предприятия по существу предоставлены сами себе, организуя свою деятельность на основе принципа самодостаточности и самофинансирования. Правда, уже более 10 лет функционируют различные фонды развития малого бизнеса как на федеральном, так и на региональном уровне, однако выделяемых средств явно недостаточно для того, чтобы радикально изменить ситуацию в этой области [109, с. 32].

Федеральный закон «О поддержке малого предпринимательства» предусматривает создание фондов поддержки, однако эти фонды располагают ограниченным бюджетом и ориентируются пока в основном на прямые формы поддержки (льготные кредиты, субсидии) [51, с. 92].

Малый бизнес, несмотря на трудности, развивается и становится важным экономическим фактором. С ростом числа малых предприятий решается проблема создания новых рабочих мест, отечественный рынок товаров и услуг становится более насыщенным, увеличиваются поступления налогов в бюджет.

Федеральный, региональные и муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства – это ядро системы государственной политики в области малого бизнеса. Деятельность фондов способствует мобилизации финансовых ресурсов, их эффективному использованию на конкурсной основе с целью выполнения государственных программ, формированию необходимой инфраструктуры поддержки малого предпринимательства [51, с. 89].

Развитие креативного мышления, способности самостоятельно действовать и других предпринимательских качеств начинается еще в школе, продолжается в течение всей жизни человека и в значительной степени зависит от места его работы. Пока среда в России скорее препятствует формированию этих качеств. Специалисты считают, что определение набора дисциплин – не главная задача при разработке образовательной программы для студентов. Более актуальный вопрос – создание среды, максимально благоприятной для развития предпринимательских задатков.

Вузы имеют дело со студентами, у которых стремление к инновационной деятельности уже сильно подавлено средней школой. Поэтому развитие креативного мышления и других предпринимательских навыков надо начинать как можно раньше – даже не в старшей, а в средней школе.

Основным активным средством формирования предпринимательской культуры и создания слоя цивилизованных предпринимателей, решающих не только задачи повышения личного благосостояния, но и задачи позитивного развития экономики города, региона и страны считается предпринимательское образование. Под предпринимательским образованием понимается специальное обучение основам предпринимательства и бизнес планирования в форме учебных предпринимательских проектов, деловых игр, а также внедрение элементов, формирующих предпринимательскую культуру, в общеобразовательные дисциплины социально-экономического цикла, во внеаудиторную работу и факультативы учебных заведений всех уровней.

Анализ состояния предпринимательского образования и предпринимательской культуры подрастающего поколения – школьников, учащихся, студентов – свидетельствует о том, что государственная система образования сегодня не вполне удовлетворяет потребности общества и катастрофически не соответствует текущим потребностям экономики. Проблема предпринимательства имеет две составляющих: во-первых, качество самой предпринимательской деятельности, во-вторых, наличие предпринимательских качеств личности (готовность к риску и принятию ответственности, образовательный уровень, предпринимательская подготовка и т.п.), исходно формируемые, главным образом, в системе образования.

Известно, что в ряде стран изучение экономики как отдельного предмета начинается со второго класса и предполагает широкое использование различных игр, ситуаций, практических заданий, направленных на формирование коммуникативных качеств человека. Это, прежде всего, разделы, посвященные функциям денег и планированию бюджета семьи, ценообразованию, спросу и потреблению, которые могли бы быть адаптированы и к российскому образованию [62, с. 223].

Предпринимательская подготовка невозможна без практики, без включения людей в проектирование и планирование деятельности, управление собственным делом.

От выпускников требуется умение быстро адаптироваться и эффективно действовать в стремительно изменяющейся экономической среде. Не сложно студентам приобрести специальные, профессиональные знания, умения и навыки, гораздо труднее им выработать необходимые личностные качества.

Студенты и молодые специалисты в нынешних условиях обладают преимуществами в предпринимательстве: имеют возможность получения специальных знаний и навыков; начинать свое дело, опираясь на опыт

успешных предпринимателей региона. Поэтому роль высшего образования повышается, т.к. помогает отвечать потребностям общества реализовывать его социально значимые цели. Это ставит перед российскими вузами новые задачи: передача студентам необходимого для предпринимательства корпуса знаний, навыков и умений: формирование у них способности к предпринимательству; стимулирование развития предпринимательских инициатив у выпускаемых специалистов.

В настоящее время интеллектуальный и трудовой потенциал молодежи используется крайне неэффективно. Так, по экспертной оценке, в стране до 30 % выпускников вузов, а в некоторых профессиях – до 80 %, не работают по полученной специальности, т.е. в свое время сделали неверный выбор своей будущей профессии. Одновременно с этим выпускники школ и высших учебных заведений не обладают базовыми навыками, необходимыми для практической работы, в том числе навыками работы в трудовом коллективе, соблюдения трудовой дисциплины, элементарными практическими знаниями по выбранной профессии. В результате работодатели ограничивают прием выпускников школ и вузов без опыта работы, вынуждены нести существенные затраты на профессиональную переподготовку, начальное бизнес-обучение выпускников школ и вузов [142, с. 230].

В первую очередь, начинающему бизнесмену необходимо обладать определенной базой экономических и других знаний. Конечно, никакая теория не заменит практики. Только самому занимаясь предпринимательством, можно узнать все тонкости организации производства, управления персоналом, научиться преодолевать страх перед предпринимательскими рисками, которые являются неотъемлемой частью ведения бизнеса. В вузах, специализирующихся в области экономики, читаются дисциплины, которые помогают студентам насыщаться знаниями, необходимыми для преодоления того страха, который очень часто испытывают начинающие предприниматели: «экономическая теория», которая, безусловно, понадобится предпринимателю, «экономика предприятия», «бухгалтерский учет», «организация производства на предприятиях», «рынок ценных бумаг», «налоги и налогообложение» и другие. Говоря о педагогических вузах, можно отметить, что сами выпускники университетов желают расширить сферу своей деятельности – многие хотели бы не только учить детей, но и разрабатывать, предлагать и реализовывать новые виды и формы основного и дополнительного образования, заниматься организацией образовательного процесса. В настоящее время нет типовой программы по изучению предпринимательских дисциплин для педагогического вуза. При ее создании нужно учитывать, что у многих студентов педвузов сильно стремление посвятить себя предпринимательской деятельности.

Человек, осуществляющий учебно-воспитательный процесс и достигающий запроектированных результатов, это педагог. Можно сказать, что учитель (педагог, преподаватель, наставник) – человек, имеющий специ-

альную подготовку и профессионально занимающийся педагогической деятельностью. Педагогический труд относится к самым сложным видам человеческой деятельности. Сегодня воспитательный труд в своем общем виде только спецификой отличается от других видов общественно полезного труда. Он имеет свой продукт, свои технологии и их рыночную стоимость. По всем признакам, XXI в. станет веком педагогов-прагматиков. На рынок труда учитель выставляет свой профессионализм, в основе которого доскональное знание педагогических технологий. Непременное условие развития рыночных отношений в сфере педагогических услуг – гарантии высокого качества продукта. Вкладывая деньги, потребители захотят получать то, что заказали. Знания для человека сегодня приобретают конкретный, прагматичный, продуктивный смысл как источник дохода и жизнеобеспечения [126, с. 464].

Для выявления отношения к предпринимательству современного студенчества и потребности в предпринимательском образовании было проведено анкетирование среди двух групп современной молодежи: студентов 5 курса Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета (51 студент) и студентов Лесосибирского филиала Сибирского государственного технологического университета (50 студентов обучающихся по специальности «Экономика и управление на предприятии») г. Лесосибирска.

На основе анализа результатов анкетирования выяснилось, что 66 % студентов педагогического вуза видят себя предпринимателями на каком-либо этапе своей жизни, 34 % из них собираются открывать свой бизнес (косметический салон, аптечный бизнес, фитнес – клуб, ресторан, психологический кабинет). Процент студентов, обучающихся по специальности «Экономика и управление на предприятии», ответивших на этот вопрос положительно составляет 80 %; оставшиеся 20 % ответили отрицательно, аргументируя это сложностью добычи начального капитала.

При ответе на вопрос «Какие предпринимательские знания и навыки Вы хотели бы получить?», 59 % студентов педагогического вуза ответили, что это навыки общения и управления людьми, 47 % желают получить практические навыки написания бизнес – плана, подбора команды, построения финансовых прогнозов, 41 % хотят узнать принципы построения нового бизнеса, 33 % услышать истории успеха, лучшие мировые и российские практики построения успешного бизнеса и 17 % не высказались по этому вопросу. 33 % студентов указали, что хотели бы получать знания о предпринимательской деятельности в форме мастер-классов и семинаров с экспертами как в школе, так и в институте, 25 % в рамках изучения дисциплин и курсов по выбору только в институте, 32 % в виде встреч с успешными предпринимателями в школе и в институте, 4 % в качестве обязательного курса в институте. Среди опрошенных оказались студенты, желающие приобрести предпринимательские знания и навыки на личном опыте.

Студенты-экономисты в этом отношении находятся в более выигрышном положении, т.к. в большей степени знакомы с рассматриваемой проблемой. Однако 16,5 % опрошенных отмечают недостаток юридических знаний. 12,3 % хотели бы постигнуть основы открытия своего дела, 12,3 % студентов – организацию ведения бизнеса, по 3,3 % опрошенных считают необходимыми знания менеджмента, маркетинга и бухгалтерского учета. Умению работать с людьми хотели бы научиться 10 % студентов. 5,7 % ответили, что не прочь были бы научиться управлению организацией в условиях экономического кризиса. Овладеть навыками управления персоналом желают 6,7 %; 13,3 % считают необходимым знание законодательства; 13,3 % опрошенных студентов заявили, что не желают получать никаких навыков.

В определении качеств личности предпринимателя студентами педагогического вуза выяснилось, что 86 % опрошенных считают необходимым качеством бизнесмена уверенность в себе, 76 % – готовность к риску и принятию ответственности, 60 % утверждают, что таким качеством является упорство, 59 % – эрудированность и грамотность, 45 % думают необходимо иметь образовательный уровень, 33 % считают нужно быть наглым и всего лишь 25 % опрошенных отметили, что нужным качеством личности бизнесмена является предпринимательская подготовка. В отношении себя, 63 % студентов ответили, что у них есть такое качество как упорство, 54 % уверены в себе, 50 % отмечают у себя готовность к риску и принятию ответственности, 33 % считают себя эрудированными и грамотными людьми, 27 % имеют образовательный уровень и 7 % студентов говорят, что у них есть предпринимательская подготовка.

Студенты ЛфСибГТУ в большинстве своем (53,3 %) отдали предпочтение такому качеству как коммуникабельности; по 20 % получили такие качества, как умение руководить людьми и энергичность; предпринимательское чутье – 26,7 %; 16,7 % опрошенных считают готовность к риску необходимым качеством предпринимателя; 6,7 % студентов выделили смекалку, последовательность в действиях, наличие лидерских качеств, организованность и хитрость; 10 % отметили, что бизнесмен должен обладать достаточно развитой интуицией. Умение брать на себя ответственность за принятие управленческих решений и целеустремленность считают необходимым качеством предпринимателя 33,3 % опрошенных. Были определены и такие качества как сила воли, решительность, пунктуальность, умение быть хорошим психологом, честность и уверенность в себе.

Отвечая на вопрос «Какие из указанных качеств есть у Вас?», 33,3 % признались, что им присуща коммуникабельность. По 16,7 % студентов считают, что они готовы к предпринимательскому риску и умеют брать на себя ответственность за принятие решений. 10 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. 13,3 % сказали, что им не присуще ни одно из таких качеств. По 3,3 % ответили, что обладают такими качествами,

как честность, способность предвидеть ситуацию, а также они последовательны в своих действиях. 23,3 % опрошенных студентов присуща целеустремленность.

Среди опрошенных студентов ЛПИ – филиала СФУ 75 % отмечают, что у них есть пример успешного предпринимателя (Билл Гейтс – 10 %, близкие родственники – 2 %, родители – 2 %). 70 % студентов утверждают, что в институте нужны дисциплины, курсы по выбору или факультативы по основам предпринимательской деятельности. 82 % опрошенных утверждают, что педагог может быть предпринимателем. С ними согласны 90 % студентов ЛфСиБГТУ. Однако, 2 % студентов педагогического вуза считают, что это возможно, но не в сфере образования». 2 % студентов ЛПИ – филиала СФУ и 10 % студентов ЛфСиБГТУ категорически не согласны с тем, что педагог может быть бизнесменом.

Студенты ЛфСиБГТУ также в качестве примера успешного предпринимателя отмечают Б. Гейтса, выделяют для себя Р. Абрамовича, Б. Березовского. Кроме того примером для студентов являются достаточно успешные предприниматели г.Лесосибирска, которые много лет успешно ведут свой бизнес.

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что большинство студентов видят себя предпринимателями в дальнейшей жизни, но низким является их стремление к созданию своего собственного бизнеса и практически отсутствуют элементарные знания, необходимые будущим предпринимателям. При анализе анкет выяснилось, что у опрошенных происходит несоответствие между выбранными качествами, которые нужны бизнесмену и наличием этих предпринимательских качеств личности (готовность к риску и принятию ответственности, образовательный уровень, предпринимательская подготовка и т.п.), исходно формируемые, главным образом, в системе образования, у самих студентов.

Как видно из анализа ответов студентов обеих категорий в настоящее время растет интерес к предпринимательской деятельности и бизнесу среди молодежи, что ведет к ее практическому участию в предпринимательской деятельности.. Высокая экономическая привлекательность предпринимательства порождает массовое увлечение этим способом хозяйствования. В этом отношении особенно важно в самом начале самостоятельной жизни оценить насколько отдельно взятый молодой человек готов к предпринимательству. Особенно важно это в студенчестве, когда образование завершается и встает вопрос о способе материального обеспечения себя и в будущем своей семьи, что особенно актуально в настоящее время, когда страна осваивает рыночные отношения.

Современное состояние подготовки студентов к труду приводит к выводу о том, что традиционные методы обучения, ориентированные на усвоение систематизированных знаний и обобщенного опыта, не способствуют выращиванию людей, которые стали бы генераторами идей, или

лидерами. Им дают разнообразные знания, умения и навыки в педагогической профессии, но важно, чтобы студенты знали: в последующем они могут реализовать их на рынке труда. Экономическая подготовка способствует социальному взрослению учащихся, их самоутверждению, что, в конечном счете, благоприятно отражается не только на уровне адаптации учеников к меняющимся условиям окружающей действительности, но и на состоянии общества в целом [142, с. 210].

Изучение предпринимательской деятельности студентами вполне реально позволит выпускникам институтов, в частности педагогического вуза, грамотно войти в современный сектор экономики в целом, а также в сфере образования. Знания основ бизнеса воспитывают среди студентов специалистов нового поколения – инициативных, творчески мыслящих, имеющих определенный багаж знаний не только по основной своей специальности, но и по специфическим, необходимым для современных успешных предпринимателей. А это значит, что студенты смогут успешно раскрывать и развивать как свой профессиональный потенциал, так и потенциал выбранной профессии. Этому способствует государственная политика поддержки предпринимательства и в целом инновационной деятельности, о чем свидетельствует принятый Закон о создании малых предприятий в вузах.

ГЛАВА 9

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В ЯКУТИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ

9.1. Довоенная численность и состав «трудпоселенцев» и «беженцев»

Специфика данного исследования заключается в том, что в ней освещается демографическая история выселяемых на спецпоселение людей. В XX веке к данной категории было отнесено более 2,5 млн. человек.

Благодаря открывшимся для исследователя архивным данным, можно воссоздать обстановку, в которой жили и работали выселяемые на поселение люди. При написании данной работы, в основном, были использованы источники Государственного архива Российской Федерации, а также архива МВД Республики Саха (Якутия), личные воспоминания подвергшихся депортации людей.

В истории нашей страны 1930-е – начало 1950-х годов выступают как период насильственного перемещения значительных масс людей и народов. Якутская АССР, как и другие регионы СССР, в эти годы являлась местом ссылки разных категорий спецпоселенцев. Притом, Якутия считалась краем, наиболее подходящим для депортации склонных к побегу и саботажу спецпоселенцев, т.к. суровый климат, удаленность от магистральных путей сообщения, территориальная разбросанность селений делали практически невозможным их побег.

В истории спецпереселенческого движения в Якутии я выделяю следующие периоды: довоенный – 1931-1940 годы; годы Великой Отечественной войны – 1941-1945; послевоенный – 1946-1959 гг. Каждый из периодов имеет свою специфическую особенность, численность и состав.

До Великой Отечественной войны в Якутию из районов сплошной коллективизации выселялись так называемые «бывшие кулаки» и их семьи. По решению СНК СССР депортация таких людей в 1930-1931 гг. именовалась трудовой ссылкой, а ссылаемые – трудпоселенцами. В 1944 г. название «трудпоселенцы» и «трудссылка» было изменено. Это произошло в соответствии с положением об Отделе Специальных Поселений ГУЛАГ НКВД СССР, объявленным приказом НКВД СССР № 0049 от 12.01.1944 г.,

по которому все Отделы, Отделения и Инспекции трудовых и специальных поселений НКВД / УНКВД впредь должны были именоваться Отделами, Отделениями, Инспекциями Специальных Поселений НКВД / УНКВД. Трудпоселенцев (бывших кулаков) переименовали в спецпереселенцев (бывших кулаков), трудпоселки – в спецпоселки, а трудссылка – в специальное поселение [39, д. 155, л. 9]. (Далее трудпоселенцы и спецпереселенцы нами объединяются общим термином – спецконтингент).

Крестьяне, подпадавшие в разряд «бывших кулаков» выселялись семьями в Якутскую АССР из следующих мест: Украинской ССР – 97 семей, Центрально-Черноземной области – 354, Белорусской ССР – 287, Ленинградского военного округа (ЛВО) – 725 [39, д. 89, л. 206].

Все они были дислоцированы на жительство в Алданском районе Якутии в семи спецпоселках, пять из которых специализировались на золотодобыче (стратегическом сырье) и два – на производстве сельскохозяйственной продукции.

Остановимся на организации двух последних трудпоселков.

Алданский сектор НКВД в 1933 г. в местности Якокит организовал первую неуставную сельскохозяйственную артель, а в 1934 г. в местности Куранах – вторую неуставную артель с овощно-молочным уклоном [39, д. 80, л. 158]. Создание этих артелей вызывалось недостатком продовольственного обеспечения как рабочих золотой промышленности Алдана, так и самих трудпоселенцев, среди которых многие испытывали хроническое недоедание.

В этих артелях довольно быстро было налажено производство: сказывалось жесткое давление со стороны администрации спецпоселков. Так, уже к концу 1934 г. члены этих артелей получали на трудодень по 3 руб. 75 коп. деньгами и частично – продуктами, а в 1937 г., по сведениям НКВД, артели стали приобретать такие в то время дефицитные и дорогие товары, как велосипеды, патефоны, швейные машины и т.п. [39, д. 80, л. 158]. К сожалению, эти успехи в области сельскохозяйственного производства для населения спецпоселков никак не гарантировали их хотя бы относительно благоприятного существования, о чем свидетельствует превышение уровня их смертности над рождаемостью.

Следующие данные табл. 9.1 свидетельствуют о почти ежегодном повышении доходов артелей. Различие в росте показателей общего дохода произошло, по-видимому, вследствие разницы в датах образования артелей.

Эти сельскохозяйственные артели в 1936 г. были в числе передовых и по сравнению с государственными хозяйствами Алдана: если средний урожай с гектара составлял в трудпоселках 6,9 тонн, то в таких совхозах, как «Ударник», «Ленинец» и «Орочен» – 5,4 тонны.

Среди населения трудпоселков были и свои передовики. Например, в 1935 г. бригадир артели «Куранах» Сиволовов снял 33 тонны капусты с гектара вместо 10 по плану и 24 тонны картофеля вместо 8. Член этой же

артели Монович вырастила в парниках высококачественную рассаду капусты и с этих же парников взяла до 3 тонн огурцов, что составило прибыль в доход артели 37 тыс. руб. А в артели «Якокит» Александра Ганькова смогла получить 12,5 тонн картофеля с гектара вместо 8 тонн по плану [39, д. 80, л. 158].

Таблица 9.1

**Доход неуставных артелей «Якокит»,
«Куранах» в 1934-1938 гг. (руб., коп.)***

Года	«Якокит»		«Куранах»	
	Общий доход	Что составляет на один трудодень	Общий доход	Что составляет на один трудодень
1934	420294,28	7,04	127055,57	7,68
1935	1045180,77	11,33	800688,23	14,08
1936	1555363,55	12,18	950451,23	14,10
1937	1707927,71	12,65	1496755,91	13,55
1938	1629064,90	12,12	1681987,02	14,04

* Составлено по [39, д. 80, л. 158]/

В самом начале 1940-х годов новую волну депортаций в Якутию представили высланные как неблагонадежные элементы советского общества поляки, немцы, финны, народы Прибалтики и др. Ссылка людей получила этническую окраску. Так, в 1940 г. из западных областей Украины и Белоруссии в далёкую Якутию высылаются бывшие граждане Польши. Прежде чем рассмотреть обстоятельства прибытия поляков в 1940 г. в Якутскую АССР, надо отметить, что это были поляки-беженцы, в отличие от интернированных и взятых в плен граждан СССР в 1944-1945 гг. на территории Польши, которые оказались в Якутии в 1951 году. Поляками-беженцами являлись члены семей всех содержавшихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах: офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, помещиков, фабрикантов, чиновников госаппарата, участников политических, в том числе террористических, организаций, беженцев с отошедшей к Германии территории Польши [27, с. 12-13].

Бывшие граждане Польши были высланы Постановлением СНК СССР от 10.04.1940 г. из западных областей Украины и Белоруссии [39, д. 73, л. 54]. В этом же году поляки-«беженцы» прибыли в Якутию и были размещены в Алданском округе для работы на предприятиях лесной промышленности и золотых приисках. Основная их часть была расселена в Алданском районе.

В результате размещения органами НКВД ЯАССР спецпереселенцев «беженцев» осенью 1940 г. в непригодных для жилья и работы условиях, смертность этой категории населения резко повысилась, о чем свидетельствует динамика численности населения спецпоселков Алданского и Аллах-Юньского районов по состоянию на 1 января и 1 июля 1941 г. представленная в табл. 9.2.

Таблица 9.2

Динамика численности спецпереселенцев «беженцев»*

Наименование спецпоселков	1 января 1941 г.			1 июля 1941 г.		
	все-го	из них муж-чин	из них жен-щин	все-го	из них муж-чин	из них жен-щин
Якукутстрой	274	126	113	272	125	112
Хвойный	376	148	136	378	150	136
Угольный	545	201	220	535	191	217
Нерянжа	777	239	274	767	222	261
Интернациональный	373	127	124	375	125	122
Аллах-Юньский р-н**	1117	507	327	1118	513	323
Всего:	3462	1348	1194	3445	1326	1171

* Составлено по [39, д. 62, л. 121; д. 91, л. 133, 134].

** Здесь имеются ввиду поселки Аллаха-Юньского района: Минор, Юр.

Можно отметить некоторые причины, по которым происходили как убыль, так и прибытие населения спецпоселков Алданского района. Например, возвратился из бегов один человек, родилось 20 чел., умерло – 78 чел. [39, д. 89, л. 200; д. 91, л. 126]. В инвалидные дома выехало 159 чел., а на работы внутри республики – 21, освобождено из спецпоселений по распоряжению НКВД – 3, уехал из республики на соединение с семьей один человек, а прибыло из мест работ внутри республики – 5 чел. [39, д. 91, л. 126; д. 89, л. 106].

По своему национальному составу бывшие граждане Польши были представлены не столько поляками, сколько представителями других национальностей. Так, в Алданском районе по состоянию на 1.01.1941 г. было 1796 евреев, или 76,6 % от всего контингента, 445 поляков (19,0 %), 92 украинца (3,9 %), 2 белоруса, 5 человек немцев и 5 представителей других национальностей [39, д. 62, л. 121, 122; д. 91, л. 133].

Среди спецпереселенцев «беженцев» был достаточно значительный слой работников умственного труда и лиц, имеющих рабочие, технические и инженерные специальности. Так, в 1941 г. в составе спецпереселенцев Алданского округа были: портные – 279 чел., бухгалтера и счетные работники – 161, преподаватели – 85, кустики – 44, строительные рабочие – 43, работники общественного питания и пищевой промышленности – 36, средний медицинский персонал – 35, сапожники – 32, инженеры разных специальностей – 28, слесаря – 20, электромонтеры и механики – 20, шоферы – 19, техники разных специальностей – 17, зубные врачи и техники – 15, артисты, пианисты, музыканты – 13, адвокаты – 15, врачи – 10, механики и техники по строительству – 10, художники – 8, химики – 8, текстильщики, ткачи – 7, агрономы – 4, экономисты – 3, токаря и фрезеровщики – 2, ветеринары и зоотехники – 1, работники типографии, переплетчики – 1 чел. Итак, среди спецконтингента квалифицированных работников и специалистов насчитывалось 916 чел., из них значительное

количество составили портные, бухгалтера и счетные работники, преподаватели, число которых выразилось в 57,3 % от всех квалифицированных работников [39, д. 61, л. 68, 109]. Это свидетельствует о том, что 26,5 % всего контингента являлось представителями интеллигенции и работниками, имеющими квалификацию. Понятно, что трудоспособных, физически пригодных для тяжелых работ в лесу среди высланных бывших граждан Польши было мало.

Всего трудоспособных в 1 квартале 1941 г. было 38,7 % от населения спецпоселков Алданского района, из них работало и того меньше – 88,4 % от всех трудоспособных, что составило занятых от всего количества выселенных поляков – 34,3 %. Ограничено-трудоспособных было 8,0 % от общего числа населения, из них 2,0 % действительно работало. Из всего количества трудоспособных 673 мужчин было занято 587 или 87,2 %, а из трудоспособных 624 женщин работало 299 или 47,9 %. Из 44 трудоспособных подростков 14-16 лет было занято 8 человек [39, д. 91, л. 125; д. 89, л. 28, 33].

В Якутии поляки-«беженцы» пробыли не долго. 17 августа 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан все спецпереселенцы «беженцы» освобождались. Однако на практике это положение не получило широкого распространения [27, с. 193]. Только вследствие многочисленных жалоб и писем, адресованных руководству страны и НКВД СССР, поляки добились смены места их ссылки на более благоприятное, с более мягким климатом. В июне 1944 г. было отправлено из Якутии в Саратовскую область (место новой ссылки) 1663 чел., из них 472 чел. – из Алданского округа, 1055 чел. – из Якутского района и 136 чел. – из Дома инвалидов [39, д. 178, л. 239].

В итоге, вследствие последовавшего Советско-Польского соглашения от 6 июня 1945 г. число репатриированных поляков из ЯАССР в Польшу составило 4373 чел. [18, оп. 1, д. 961, л. 286]. Есть основания предположить, что в это число вошли все ссыльные поляки, пребывавшие на поселении в Якутии, освобожденные и покинувшие места высылки в 1942 и 1944 гг.

9.2. Спецпоселенцы Якутии в годы Великой Отечественной войны и их положение

С началом Великой Отечественной войны изменились места дислокации спецконтингента. Эти изменения были связаны с форсированной добычей стратегических материалов – золота и слюды (см. табл. 9.3).

В начале 1941 г. расселение «бывших кулаков» было сконцентрировано в семи трудпоселках Алданского района: Лебедином, Верхне-Сталинске, Средне-Сталинске, Нижне-Сталинске, им.ЯЦИК, а также Куранахе и Якоките. Кроме поселков Куранах и Якокит, остальные находились в

ведении треста Якутзолото. В 1942 г. число поселков увеличилось за счет образования 27 февраля п.Тырканда (иначе – п.Спокойный)¹, который подчинялся тресту Якутзолото. В течение 1942 и 1943 гг. население п.Средне-Сталинск по причине отработки шахт и отсутствием другой работы постепенно переселяется в создаваемый ими п.Якут (трест Якутзолото). А к концу 1944 г. на карте Якутии появляются ещё три новых трудпоселка: Хвойный – треста Якутзолото, Укулан и Эмельджак (Томмотский район) – треста Союзслюда. Таким образом, за военные годы число трудпоселков возросло на четыре, география расселения «бывших кулаков» расширилась и стала занимать не только территорию Алданского района, но и территорию Томмотского района и г. Якутска (с 1944 г.).

Таблица 9.3

Расселение «бывших кулаков»*

Населенные пункты	1 янв. 1941	1 янв. 1942	1 янв. 1943	1 янв. 1944	IV квартал 1944	1 июля 1945
п. Лебединый	308	352	255	188	168	168
п. Верхне-Сталинск	774	740	427	404	304	283
п. Средне-Сталинск	540	486	229	-**	-	-
п. Нижне-Сталинск	711	807	527	425	325	328
п. им. ЯЦИК	505	576	311	351	417	444
п. Куранах	236	263	138	117	98	93
п. Якокит	247	278	179	149	150	135
п. Тырканда		77	157	93	79	80
п. Якут				94**	77	61
п. Хвойный					41	57
п. Укулан					42	49
п. Эмельджак					33	11
г. Якутск					41	36
Всего:	3 321	3 579	2 223	1 821	1 775	1 745

* Составлено по [39, оп. 1, д. 62, л. 120; д. 89, л. 68; д. 118, л. 22; д. 140, л. 57, 58; д. 194, л. 136-137; д. 259, л. 111].

** Здесь имеется ввиду переселение населения п.Средне-Сталинск в п. Якут.

Интересен документ НКВД ЯАССР, составленный в апреле 1946 г. [39, д. 298, л. 166-171], в котором дается общая картина численности и движения «бывших кулаков». Здесь находим, что на территории Якутской АССР в 1931-1933 гг. всего было расселено спецпереселенцев «бывших кулаков» 5591 человек. С 1931 по 1.04.1946 гг. движение спецпереселенцев по прибытию выглядело так: вновь выявленных и взятых на учет – 706 чел., родилось – 693, прибыло из мест заключения – 82, прибыло в 1943 г. из Нижне-Удинска для работы в трест «Союзслюда» – 120, прибы-

¹ Комитет по государственной статистике Республики Саха (Якутия). Отдел населения. Справка «Рост численности населения городов и рабочих поселков на 1 января соответствующего года».

ло по разным причинам – 69 чел. Убыль этого населения была связана с: мобилизацией на фронт в 1941 – 1944 гг. – 404 чел.; снятием с учета детей спецпереселенцев, достигших 16-летнего возраста на основе Циркуляра НКВД СССР № 138 – 1201 чел.; освобождением жен и детей спецпереселенцев, находящихся на службе в рядах Красной Армии (приказ НКВД СССР № 002303 от 22.10.1942 г.) – 600 чел.; освобождением и снятием с учета на основании Циркуляра НКВД СССР № 83 от 11.10.1936 г. как отбывшие сроки ссылки – 979 чел.; снятием с учета согласно приказа НКВД СССР № 0041 от 9.01.1941 г. лиц, находящихся в бегах, по истечении срока давности – 8 чел.; освобождением через Особое совещание – 15 чел.; передачей на иждивение родственников-инвалидов и стариков со снятием с учета – 447 чел.; восстановлением в правах Постановлением ЯЦИК в 1934-1936 гг. за хорошие показатели на производстве по предоставлению органам НКВД и освобождением (впоследствии водворением обратно) – 1015 чел.; гибелью – 630 чел., осуждением и убылью в места лишения свободы – 288 чел.

Если трудпоселенцы, занятые на промышленных объектах стратегического значения получали возможность улучшить условия проживания и питания, то трудпоселенцы поселков Якокит и Куранах такой возможности не имели. Занятые в сельскохозяйственном производстве, выполняя и перевыполняя установленное количество трудодней, они жили впроголодь. Выработанные трудодни не оплачивались из-за низкой доходности сельского хозяйства, переживавшего неурожай и засуху 1939-1942 гг.

Об ухудшении положения трудпоселенцев свидетельствует распределение доходов за первое полугодие 1942 г. Так, стоимость трудодня снизилась с 9 руб. в 1939 г. до 1 руб. 27 коп. в артели им.Третьей Пятилетки (п. Якокит) и до 4 руб. в артели им.Ильича (п.Куранах). Положение ещё более усугубилось во второй половине 1942 г., когда из продуктов трудпоселенцам выделялись только капуста и огурцы. План размеров оплаты был выполнен только по капусте. Деньгами трудпоселенцы колхоза им.Ильича обеспечены были в 4,7 раз меньше плана, а по колхозу III Пятилетка – в 2 раза меньше плановых показателей. Кроме того, в магазинах данных трудпоселков ассортимент продуктов питания свелся к минимуму: не было в свободной реализации спичек, соли, а хлеба выдавалось только по 400 г. в день на человека [39, д. 80, л. 153; д. 106, л. 56, 57].

В результате, колхозники зачастую шли на грубые нарушения с тем, чтобы под каким-либо предлогом выйти из колхоза. Многие из них стремились перейти на золотодобычу, где было налажено снабжение продуктами питания и выдача зарплаты. Участились случаи попыток к побегам. Это привело к тому, что к концу 1942 г. в артелях остались только старики-инвалиды и женщины, у которых трудоспособность была очень низкой [39, д. 106, л. 56, 57].

Таблица 9.4

Оплата трудпоселенцев-колхозников (по состоянию на 1942 г.)^{*}

Оплата	Колхоз «III Пятилетка»		Колхоз им.Ильича	
	план	фактически	план	фактически
Деньги (руб.)	6-00	1-27	8	4
Картофель (кг.)	1	нет	1	нет
Капуста (кг.)	1	1	1	1
Морковь (кг.)	0-50	нет	0-50	нет
Огурцы (кг.)	0-50	0-40	0-50	0-20
Молоко (л.)	0-33	нет	0-33	нет
Мясо (кг.)	-	нет	-	нет

^{*} Составлено по [39, д. 80, л. 159].

В следующем, в 1943 г., экономическая база артелей не подверглась сколько-нибудь значительным изменениям. Однако трудпоселенцы продолжали испытывать трудности со снабжением продуктами: норма выдачи хлеба в магазинах снизилась до 300 грамм. Это при том, что один колхозник вырабатывал в среднем 109 % плана [39, д. 131, л. 241, 242].

Только с осени 1943 г., в результате хорошего урожая размер дохода возрос, а с ней – оплата труда. В колхозе им.Ильича работникам выплатили натурой на 1 трудодень – 1 кг. картофеля, 1,5 кг. капусты, 80 г. огурцов и др. и деньгами – 14 руб. А в колхозе III Пятилетка в расчете на один трудодень выплачивали: картофелем – 1 кг., капустой – 750 г., огурцами – 40 г. и др., деньгами – 7 руб. Питание колхозников улучшилось [39, д. 133, л. 142].

Таково было положение спецконтингента «бывшие кулаки» на производстве в течение военных лет.

С началом тяжелой, кровопролитной Великой Отечественной войны все силы Советского Союза были направлены на помощь фронту во имя Победы. Страна, боевой фронт остро нуждались в продовольствии. Несколько смягчить продовольственный кризис должны были имеющиеся внутренние источники. Поэтому следующий, еще более значительный миграционный поток прибывающих в Якутскую АССР спецпереселенцев в 1942 г. был связан с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Спецконтингент должен был решить задачу освоения рыбных промыслов и добычи рыбы на Крайнем Севере Якутии, что заведомо было обречено на провал. Колхозы, организованные из спецпереселенцев, в большинстве своем были малопродуктивны, т.к. состав их главным образом был представлен женщинами, детьми и престарелыми.

Какие категории граждан депортировались?

Из Литвы выселению были подвергнуты члены семей бывших активных членов «националистических», участников контрреволюционных организаций, приговоренных к высшей мере наказания, бывших офицеров,

охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, бывших крупных помещиков, фабрикантов, чиновников, члены семей беженцев из Польши, отказавшиеся принять советское гражданство, а также члены семей лиц, прибывших в порядке репатриации из Германии и члены семей немцев, записавшихся на репатриацию [27, с. 187-188]. Они были высланы из Литвы 14 июня 1941 г. Многие из них осенью были «устроены» на жительство в Алтайском крае, а в 1942 г. подвергнуты вторичной депортации в Якутию. В отношении к выселенным литовцам в 1942-1943 гг. применялся статус ссыльно-поселенцев как социально-опасных элементов, а в 1944 г., согласно Положению об Отделе Специальных Поселений ГУЛАГ НКВД СССР, объявленным приказом НКВД СССР № 0049 от 12.01.1944 г. наименование ссыльно-поселенцы в отношении к высланным из Прибалтийских и Молдавской ССР сроком на 20 лет менялось на спецпереселенцы (ссыльные из Прибалтийских и Молдавской ССР) [39, д. 155, л. 9].

Из Ленинградской области (г. Ленинграда и Ораниенбаумского, Парголовского, Всеволожского, Токсовского районов) [39, д. 108, л. 18; д. 118, л. 143] были высланы финны, немцы, русские и др. Это произошло согласно вышедшему на основе Указа Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «О военном положении» постановлению Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа об эвакуации финского населения. Однако финны были эвакуированы только частично, поэтому в отношении всех финнов, проживавших в Ленинграде и области, было повторно принято решение Военного совета Ленинградского фронта от 9 марта 1942 г. [27, с. 191]. А высылка финнов в Якутию практически была осуществлена 9 и 20 марта 1942 г. [18].

Специального постановления о зачислении финнов в статус спецпоселенцев не было. Поэтому НКВД СССР предложил всех лиц финской национальности, переселенных в 1942 г., «... снять с учета и не считать спецпереселенцами, оставив при этом на жительство в Якутской АССР... как административно-высланных» [39, д. 217, л. 1]. Однако 29.12.1944 г. НКВД СССР был издан приказ № 274, по которому все эвакуированные финны были взяты на учет по линии спецотдела НКВД СССР и УНКВД, а граждане финской национальности получили статус спецпоселенцев [27, с. 192].

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» в республику с июня по сентябрь 1942 г. всего прибыло 9080 чел., из них литовцев и евреев из Литвы – 3886 чел., финнов – 3694, русских – 753, немцев – 617 чел. и представителей других национальностей [39, д. 108, л. 18].

Основным местом расселения спецпереселенцев были районы Крайнего Севера – Булунский, Усть-Янский, в которых сосредотачивалось более 2/3 всего завезенного контингента. Так, по состоянию на март 1943 г. спецпереселенцы проживали: в Булунском районе (4463 чел.), Усть-Янском (1370), Жиганском (213), Ленском (1408), Олекминском (792), Орд-

жоникидзевском (334 чел.). А остальные 500 чел. были оставлены в Кобяйском районе (200 чел.) и на работах в организациях разных районов: системе Наркомздрава, детприемниках, Промсоюзах и т.д. [39, д. 108, л. 18].

Численность спецконтингента сокращалась главным образом за счет высокого уровня смертности и снижения рождаемости. По неполным данным ЗАГС с июля 1942 по февраль 1943 гг. из завезенных в Булунский район спецпереселенцев умерло от различных заболеваний 232 чел., а из всего числа расселенных в Якутии – не менее 600 чел. [39, д. 108, л. 19].

Состав по полу и возрасту выглядел следующим образом: 1593 чел. (18 %) – это были мужчины от 17 до 50 лет, 3 111 чел. (34 %) – женщины от 17 до 45 лет, 285 чел. (3 %) – мужчины старше 50 лет, 854 чел. (9 %) – женщины старше 45 лет, 3237 чел. (36 %) – дети до 16 лет. Количество трудоспособных мужчин составило 18 %, а взрослых, не способных к физическому труду – 46 %, детей до 16 лет – 36 % [39, д. 108, л. 18].

Труд спецпереселенцев в Булунском, Усть-Янском, Жиганском районах использовался только на рыбодобыче, в Ленском – в лесной промышленности, в Олекминском и Орджоникидзевском – в лесной и в рыбной отраслях промышленности. Так, в Олекминском районе 642 чел. работало в лесу, 150 чел. – на рыбозаводе, а в Орджоникидзевском районе 227 чел. было задействовано на лесных работах и 107 чел. на работах в Якутском рыбозаводе.

Удельный вес занятых в отраслях промышленности составил: в рыбной – 6681 чел. (73.6 %), в лесной – 2050 чел. (22.6 %), в местной – 242 чел. (2.6 %). Остальные выселенные работали в системе Наркомздрава и детских приемниках – 107 чел. (1,2 %) [39, д. 108, л. 19].

Рассмотрим распределение данной категории населения по производственным объектам по состоянию на 26.07.1943 г.

В Булунском районе работало пять рыбозаводов. Так, на семи рыболовецких участках Быковского рыбозавода насчитывалось 1880 работников, на семи участках Булунского рыбозавода и трех участках Трофимовского – по 1000 чел. на каждый рыбозавод, на трех участках Усть-Оленекского – 300 чел., на трех участках Говоровского – более 200 чел. В Усть-Янском районе функционировало 2 рыбозавода с семью рыболовецкими участками, в одном из которых – в Омолоевском трудилось более 300 чел., а в Жиганском районе работал один рыбозавод.

Помимо работы на рыбодобыче спецконтингент трудился и на предприятиях лесной и местной промышленности. В Ленском и Олекминском районах было два лесоучастка по заготовке деловой древесины и дров. В Орджоникидзевском районе спецпереселенцы использовались на работах в Покровском кирпичном заводе и Чуранской перевалочной базе [39, д. 108, л. 78].

Рассмотрим численность и состав прибывших из Литвы.

По данным Центра репрессий г. Вильнюса (Литва), Бируте Бураускайте, полученных в результате социологического опроса, в Якутии проживало 2838 чел., в том числе в Булунском районе – 1370 чел. (48,3 %), в Усть-Янском – 459 (16,2 %), в Олекминском – 253 (8,9 %), в Ленском – 100 (3,5 %) и неизвестно (район не определен) – 656 чел. (23,1 %). Мужчин – спецпереселенцев было 1158 чел., из них 539 чел. – в возрасте до 16 лет, 67 чел. – выше 60 лет, женщин – 1680 чел., из которых 483 чел. – в возрасте до 16 лет, 96 чел. – выше 60 лет. Уровень смертности составлял 20,6 % в результате убыли по смерти 584 чел.: мужчин – 268 чел. (78 мальчиков до 16 лет, 38 стариков выше 60 лет), женщин – 316 чел. (47 девочек до 16 лет, 56 престарелых в возрасте выше 60 лет)¹.

Однако указанные показатели в по-районном аспекте являются неполными. По архивным материалам по состоянию на 1.01.1945 г. состояние численности выглядело так: в Булунском районе проживало 1592 чел. (634 семьи) – 61,7 % от всего населения, в Усть-Янском – 517 чел. (206 семей) – 20,0 %, в Орджоникидзевском – 43 чел. (20 семей) – 1,7 %, в Олекминском – 267 чел. (113 семей) – 10,3 %, в Ленском – 114 чел. (43 семьи) – 4,4 %, в г. Якутске – 48 чел. (16 семей) – 1,9 % [39, д. 194, л. 136, 137].

Надо отметить, что численность и состав высланных из Литвы в Якутии серьезно изменились в худшую сторону. Исходя из показателей динамики численности, наибольшая её убыль отмечалась в 1942, 1943 гг. за счет высокой смертности и низкой рождаемости.

Расселение спецпереселенцев в 1945 г. в основном происходило по предприятиям Наркомата рыбной промышленности. По данным на 1.04.1945 г. в Наркомлесе было размещено 17,8 % (377 чел.), в Наркомместпроме – 1,0 % (21 чел.), в Наркомрыбпроме – 76,6 % (1622 чел.), в Наркомпуть – 4,6 % (97 чел.) [39, д. 254, л. 46, 319; д. 257, л. 76; д. 255, л. 418].

Высланные в 1942 г. финны были взяты на учет спецпоселения к концу войны и были отнесены к категории административно-высланных. По итогам четвертого квартала 1944 г. (на 1.01.1945 г.) финны в количестве 3218 чел. на территории республики размещались следующим образом: в Булунском районе – 52,4 % (1688 чел.), в Усть-Янском – 20,0 % (641 чел.), в Кобяйском – 4,7 % (150 чел.), в Орджоникидзевском – 4,4 % (142 чел.), в Олекминском – 9,1 % (293 чел.), в Ленском районе – 9,4 % (304 чел.) [39, д. 194, л. 136, 137].

В течение первого полугодия 1945 г. произошли некоторые изменения в дислокации финнов. Численность контингента в Булунском районе увеличилась на 6,7 % (113 чел.) и г.Якутске – в 2,6 раза (11 чел.). Притом, прирост обнаружился на рыболовецких участках Трофимовского рыбозавода – на 10,1 % (35 чел.), Усть-Омолоевского рыбозавода – на 9,2 % (6 чел.) и в с.Кюсюр – в 3,0 раза (73 чел.). На остальных предприятиях чис-

¹ Справка Б. Бураускайте находится у автора.

ленность жителей не изменилась. Сокращение численности спецпереселенцев финнов наблюдалось в Олекминском – на 15,7 % (46 чел.), Ленском – на 1,3 % (4 чел.), Орджоникидзевском – на 1,4 % (2 чел.), Жиганском – на 54,7 % (99 чел.) районах, а в Кобяйском районе число выселенных не изменилось [39, д. 194, л. 136, 137; д. 161, л. 46, 47].

По имеющимся сведениям численность их сократилась на 17,9 % (662 чел.). Если в 1942 г. их в Якутии было зарегистрировано 3694 чел., то по состоянию на 1.01.1945 г. – 3225 чел. (1332 семей), а на 1.07.1945 г. – 3032 чел. (1295 семей) [39, д. 108, л. 18; д. 161, л. 46, 47; д. 194, л. 136, 137; д. 217, л. 2; д. 260, л. 199]. Такова статистика, за которой стоят людские потери от недоедания, тяжелейших условий жизни и труда.

В половозрастном аспекте финское население на 1.07.1945 г. в Булунском районе было представлено 282 мужчинами, 895 женщинами и 624 детьми (до 16 лет), в Олекминском – 33 мужчинами, 135 женщинами, 79 детьми (далее эти же пропорции остаются), в Ленском – 52, 156, 92, в Орджоникидзевском – 11, 69, 60, в Жиганском – 14, 51, 17, в Кобяйском районе – 30, 65, 55, в г.Якутске – 3 мужчинами, 9 женщинами, 6 детьми (до 16 лет). По рыбозаводам Усть-Янского района мужчин было 78, женщин – 127, детей – 89 чел., из них относились к Усть-Янскому рыбозаводу 52 мужчины, 94 женщины, 71 ребенок, а Усть-Комелекскому рыбозаводу – 26 мужчин, 33 женщины, 18 детей [39, д. 260, л. 199]. Таким образом, женское население превалировало над мужским в 3,0 раза, т.к. при наличии 1507 чел. женщин мужчин было только 503 чел. Дети составили 1/3 часть всего населения (их число выражалось в 1022 чел.).

Сферами приложения труда в Булунском районе была рыбодобыча, лишь в с. Кюсюр – это разные организации Наркомздрава, Наркомпроса, местной промышленности. В Олекминском, Ленском районах производственными объектами явились лесоучастки. В Орджоникидзевском районе финны работали в отраслях местной промышленности, в Жиганском районе – рыбной промышленности, в Кобяйском – в угольной промышленности, а в г. Якутске – в разных организациях Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомместпрома.

Спецпереселенцы немецкой национальности, были депортированы на основании Приказа НКВД от 30 августа 1941 г., решения Военного Совета Ленинградского фронта от 20.03.1942 г. и др. из Ленинградской области, а также постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12.08.1941 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. – из республики Немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей и т.д. В Якутию в 1942 г. немцы прибыли из Ленинградской области (вместе с финнами) и из республики Немцев Поволжья (вместе с литовцами из Алтайского края), а в 1943-1945 гг. из мест первоначального поселения: Алтайского края, Кемеровской области и др. [39, д. 108, л. 18]. Данная категория спецпереселенцев, лиц немецкой национальности, прибывающих в Якутию в

течение всего периода войны именовалась как «выселенцы» и относилась к категории «высланных».

«Выселенцы» прибыли в Якутию в 1942 г. в количестве 528 чел. (по другим документам – 617 чел.), из которых трудоспособных насчитывалось 246 чел., из них мужчин – 52, женщин – 194, нетрудоспособных взрослых – 9 чел., 75 подростков и 198 детей [39, д. 109, л. 148]. В 1943 г. численность их резко возрастает до 5194 чел. (1298 семей), из которых мужчин было 594 чел., женщин – 1600, детей – 3000 чел. [39, д. 141, л. 45, 52, 75, 226; д. 187, л. 5] По состоянию на 1.10.1944 г. выселенных немцев оказалось 4506 чел. (1739 семей), из них мужчин – 832 чел., женщин – 2173 чел., детей до 16 лет – 1501 чел., а на 1.01.1945 г. – 4489 чел. (1739 семей), из которых 831 мужчина, 2172 женщины, 1486 детей до 16 лет [39, д. 141, л. 240].

Расселение 1942 семей немцев (4958 чел.) по состоянию на 1 июля 1945 г. отмечалось в следующих районах: Булуновском – 2355 чел. (1008 семей) – 47,5 % от всего контингента, Усть-Янском – 776 чел. (248 семей) – 15,7 %, Орджоникидзевском – 185 чел. (72 семьи) – 3,7 %, Олекминском – 358 чел. (142 семьи) – 7,2 %, Ленском – 849 чел. (291 семей) – 17,1 %, Жиганском – 254 чел. (106 семей) – 5,1 %, Кобяйском – 146 чел. (59 семей) – 3,0 % и г.Якутске – 35 чел. (16 семей) – 0,7 % [39, д. 259, л. 111].

Размещение немцев на территории республики происходило по состоянию на 1.04.1945 г. по предприятиям следующих Наркоматов: Наркомугля – 78 чел. (1,6 % от всех занятых), Наркомлеса – 1148 чел. (23,1 %), Наркомместпрома – 191 чел. (3,8 %), Наркомрыбпрома – 3190 чел. (64,2 %), Нарком вооружения – 362 чел. (7,3 %) [39, д. 257, л. 12; д. 254, л. 110]. А на 1.07.1945 г., спустя три месяца, в Наркомлесе было занято 1144 чел. (23,1 %), в Наркомместпроме – 274 чел. (5,5 %), в Наркомрыбпроме – 3159 чел. (63,7 %), в Наркоммясомолпроме – 381 чел. (7,7 %) [39, д. 259, л. 111].

О трудоспособности данной категории спецпереселенцев видно из того, что всего на 1 января 1945 г. трудилось 56,9 % от всего населения, на 1 апреля 1945 г. – 58,3 %, а на 1 июля 1945 г. – 57,4 % [39, д. 187, л. 251; д. 254, л. 110; д. 257, л. 44]. В начале 1945 г. при наличии 2552 трудоспособных всего было занято 2586 чел. вместе с ограниченно-трудоспособными [39, д. 187, л. 251]. А по состоянию на 1.07.1945 г. использование трудоспособных составило 93,4 %, т.к из 3045 чел. трудоспособных было занято 2845 чел. [39, д. 254, л. 278].

Численность спецконтингента Якутии в годы войны была представлена не только «бывшими кулаками», «беженцами», литовцами, финнами, немцами, но и представителями других национальностей. В отношении к депортации русских во время войны не применялись какие-либо прямые санкции, однако, в 1942 г. высланных русских в Якутии было 753 чел. [39, д. 108, л. 18]. Возможно, что они были замужем (или женаты) за лицами финской и немецкой национальностей. Кроме того, в 1944 г. в Якутию

были направлены 280 чел. калмыков, 9 чеченцев, 9 ингушей, 2 карачаевца, 1 балкарец, 8 греков, 4 болгарина, 12 армян [26] и 93 чел. крымских татар [28, с. 83]. Известно о размещении и трудовом использовании спецпереселенцев калмыков: 150 человек было направлено на кирпичный завод Орджоникидзевского района и 130 человек – на Сангарский каменно-угольный рудник Главсевморпути [28, с. 82].

Исходя из показателей численности спецпереселенческого населения можно составить его динамику. По данным табл. 9.5, численность спецпереселенцев Якутии за годы войны возросла на 67,5 % (4979 чел.). Темпы прироста составили в 1942 г. 3,2 раза (7824 чел.), в 1944 г. 1,8 раза (5472 чел.). Уменьшение отмечалось в 1941 г. на 52,8 % (3898 чел.), в 1943 г. на 37,9 % (4287 чел.), в 1945 г. на 1,8 % (132 чел.).

Рост контингента спецпоселений в 1942 г. был вызван прибытием 9080 чел. на рыбные промыслы, в 1944 г. – наличием сведений по финнам и литовцам на 1.01.1945 г. (при отсутствии данных на 1.01.1944 г.). Процессы сокращения числа спецконтингента происходили в 1941 г. за счет освобождения поляков «беженцев», в 1943 г. – за счет финнов и народов Прибалтики.

Таблица 9.5

**Динамика численности спецпереселенцев Якутии
(по состоянию на 1 января соответствующего года)***

Наименование контингента	1941	1942	1943	1944	1945	1946
«Беженцы» (поляки)	3512	-	-	-	-	-
Ссылно-поселенцы (литовцы)	-	-	3886	Нет свед.	2581	2362
Административно-выселенцы (финны)	-	-	3694	Нет свед.	3225	3032
Выселенцы (немцы)	-	-	617	5194	4489	5300
Прочие	-	-	883	-	418	-
«Бывшие кулаки»	3865	3479	2223	1822	1775	1662
<i>Итого:</i>	<i>7377</i>	<i>3479</i>	<i>11303</i>	<i>7016</i>	<i>12488</i>	<i>12356</i>

* Составлено по [39, д. 62, л. 68, 120, 121; д. 89, л. 68; д. 91, л. 133, 134; д. 108, л. 18; д. 118, л. 22; д. 139, л. 201, 202; д. 131, л. 238; д. 140, л. 57, 58; д. 141, л. 45; д. 161, л. 46; д. 254, л. 124, 158; д. 257, л. 104; д. 231, 255, л. 325, д. 298, л. 170; 28; 63].

Произошли изменения в удельном весе спецпереселенцев. Если доля состоящих на учёте «бывших кулаков» в 1941 г. составила 52,4 % от всего спецконтингента, то в 1942 г. – 100,0 %, а в 1943 по 1946 гг. – 19,7, 26,0, 14,2, 13,5 %. Удельный вес категории ссылно-поселенцев уменьшался: в 1943 г. он выразился в 34,4 %, а в 1945 и 1946 гг. – в 20,7, 19,1 %. Доля административно-выселенных в 1943 г. равнялась 32,7 %, в 1945 г. – 25,8 %, в 1946 г. – 24,5 %. Прирост доли «выселенцев» был представлен: в 1943 г. – 5,4 %, в 1944 г. – 74,0 %, в 1945 г. – 36,0 %, в 1946 г. – 42,9 %. А «беженцы» в 1941 г. составили 47,6 %.

1 октября 1944 г. был произведен учет всех высланных, по которому обнаружилось, что в Якутии из 10891 чел. (3145 семей) детей до 16 лет было 5157 чел. (47,4 % от общего количества высланных), взрослых от 16 лет и старше – 5734 чел. (52,6 %). Использовались на работе все трудоспособные в количестве 4547 чел. (41,8 % от числа высланных). Притом, из числа взрослых было занято 79,3 % [39, д. 187, л. 224].

Трудовое использование по Наркоматам на 1.01.1945 г. (по неполным данным вследствие недоучета немцев) выразилось в следующих данных: к Наркомцветмету относилось 1095 чел. (582 семьи), к НаркомЗему – 248 чел. (95 семей), к Наркомместпрому – 420 чел. (183 семьи), к тресту Союзслюда Алданского рудоуправления – 116 чел. (37 семей), к Наркомрыбпрому – 4943 чел. (1996 семей), к Наркомуглю – 150 чел. (53 семьи), к Наркомлеспрому – 1590 чел. (576 семей) и к разным организациям – 283 чел. (137 семей) [39, д. 161, л. 46,47].

За период Великой Отечественной войны убыль произошла в категории «беженцев», «бывших кулаков» – в 2,3 раза, литовцев – в 1,6 раза, финнов – в 1,2 раза. Притом, причины данного сокращения у выселенных были разными. Так, у поляков это было связано с выбытием на новые места ссылки, у «бывших кулаков» – с мобилизацией на фронт и освобождением, у литовцев и финнов – за счет отрицательного естественного прироста. Прирост численности в 8,6 раза обнаружился только у немцев вследствие механического притока новых спецпереселенцев – лиц немецкой национальности и членов их семей.

Важно отметить, что у всех без исключения спецпереселенцев отмечался высокий уровень смертности при низких показателях рождаемости. Особенно это видно из данных численности литовцев, поляков и финнов, где понижение выразилось соответственно в 1,6 (39,2 %), 1,3 (20,8 %), 1,2 раза (17,9 %). Литовцы и поляки большей частью по своему составу являлись представителями интеллигенции и квалифицированными работниками, специалистами. Этим объясняется их непригодность к тяжелой физической работе: одних – на рыбе, других – на лесозаготовках. Финны, в отличие от этих двух категорий людей, представляли собой главным образом рабочий класс и крестьянство. Вынужденные жить и работать в тяжелых северных условиях они понесли значительно меньшие людские потери, чем находящиеся с ними литовцы.

В составе выселенных преобладали женщины, дети, престарелые. Притом, к концу войны детское население составляло почти половину спецпереселенцев. В течение 1941-1945 гг. удельный вес престарелых резко понизился вследствие высокой смертности, детей – уменьшился как за счет смертности, так и за счет снижения рождаемости.

Трудовое использование спецпереселенцев в 1941 г. было сконцентрировано на предприятиях НКЦМ и лесной промышленности, в 1942 г. – на НКЦМ, в 1943-1945 гг. – на рыбозаводах.

Таким образом, в 1941-1945 гг. численность спецпереселенцев увеличилась, как и его доля в населении Якутии. Если удельный вес в общей численности населения республики в 1941 г. составил 1,8 %, то в 1946 г. – 3,4 %.

Отношение к спецпереселенцам разных категорий со стороны органов НКВД было не одинаковым. В документах отмечается резко негативное отношение к переселенцам из Литвы как к буржуазным элементам, настроенным против Советской власти. А выселенные из Ленинградской области были восприняты большей частью как эвакуированные вследствие того, что большинство из них в прошлом работали в колхозах, различных советских предприятиях, а также имели родных, служащих в Армии, среди которых имелись лица командного состава и награжденные орденами и медалями СССР, комсомольцы и члены ВКП(б). Например, по Быковскому заводу имелось 30 семей, члены которых находились на фронте, из них шесть человек были начальствующего состава: Рядкина Елизавета, муж – Рядкин Александр Афанасьевич, военврач II ранга; Павлович Вера, брат – Павлович Сергей, политрук, брат – Павлович Михаил, командир отделения тяжелых танков; Ковалевская Ольга, муж – Ковалевский Александр, воентехник II ранга; Новикова Мери Фердинандовна, брат – Грошин Николай, воентехник I ранга; Порланен, муж лейтенант. В Булунском Райсобесе, по неполным данным (учтены у кого есть документы), насчитывалось 77 семей, получающих пособия как семьи военнослужащих [39, д. 108, л. 23, 24].

Ввиду отсутствия каких-либо указаний органам НКВД ЯАССР по поводу условий трудового и хозяйственного использования, весь прибывший спецконтингент использовался на одинаковых основаниях и условиях.

Суровые климатические условия крайнего севера: пурга, ветры, поллярные ночи для неподготовленных к этим условиям спецпереселенцев, особенно литовцев, серьезно затруднили их эффективное использование на работах.

Каково было положение выселенных на производственных участках?

Значительное количество нетрудоспособных отмечалось везде и повсеместно. На рыбзаводах Булунского района было занято только 40 % от всего контингента. Остальные не работали по разным причинам: старости, болезни, отсутствия теплой одежды. Из 120 чел. трудоспособных спецпереселенцев Жиганского района непосредственно на рыбных промыслах во время осеннего хода рыбы использовалось всего 12 чел., а в первом квартале 1943 г. – 3 чел. Остальные были заняты на разных подсобных и хозяйственных работах [39, д. 108, л. 20].

Приведем некоторые выдержки из документов НКВД, свидетельствующих о наличии большого количества семей из Литвы, доведенных до отчаяния: «... Салман – переселенец в Булунский рыбзавод. 60 лет. Жена Салман также старуха. 60 лет. Больше никого в семье нет. Не работают. Ни на какой работе в местных условиях использованы быть не могут. Ни-

каких средств к существованию не имеют. ... Рахлинас Израиль – переселенец в Булунский рыбзавод. Образование высшее, коммерческое. Ранее работал представителем датских фирм в Литве. Семья – мать 62 лет (работать не может), жена больная (работать не может), детей двое от 2 до 6 лет (работать не могут). Сам к физическому труду не способен. Иной работы нет. ... Страшевич Валериан Брониславович – переселенец в Булунский район, Быков Мыс. 50 лет. Профессор. Совершенно глухой и не способный к труду. Жена 58 лет. Больная. Не способна к труду. Больше никого в семье нет. Нигде не могут быть использованы. Никаких средств к существованию не имеют» [39, д. 108, л. 20]. Таких примеров было много. В целом, не менее четвертой части всех нетрудоспособных на севере лиц, таких как престарелые агрономы, пианисты, машинистки, коммерческие директора, могли использоваться в сельскохозяйственных районах, на разных огородных и иных работах.

В местных условиях нормы выработки спецпереселенцев были чрезвычайно низки. Это видно на примере крупного Быковского рыбозавода, расположенного на берегу Северного Ледовитого океана в 60 км к востоку от бухты Тикси. Из завезенных 1800 спецпереселенцев ни одинловец в 1942 г. не смог выполнить производственной нормы по добыче рыбы. В этой ситуации тяжелым бременем для завода являлось наличие значительного количества – 602 чел. нетрудоспособных и ограниченно-трудоспособных. В том числе насчитывалось 76 чел. престарелых, физически негодных к работе – 176 чел. и малолетних детей – 450 чел. За период с 1942 по начало 1943 гг. удалось добиться хороших результатов бригадам, состоящим из финнов. Во время хода рыбы в августе и сентябре 1942 г. они выполнили свои планы в полтора раза [39, д. 108, л. 20].

Понятно, что уровень зарплаты из-за низкой производительности труда спецпереселенцев был минимальным и в подавляющем большинстве не обеспечивал прожиточного минимума. Так, по учету, проведенному на Быковском рыбозаводе, в период максимального хода рыбы, в четвертом квартале 1942 г., т.е. при более благоприятных условиях лучший заработок гословца представлял в месяц 320 руб. 42 коп., самый низкий – 250 руб. 26 коп., а в среднем по заводу – 285 руб. 34 коп. Однако большая часть спецконтингента трудилась на подсобных работах, где заработок был значительно ниже. К тому же, положение занятых в Жиганском районе отличалось низким уровнем заработной платы: средний заработок рабочего составлял в ноябре 1942 г. 173 руб., в декабре – 167 руб. и в январе 1943 г. – 142 руб. 50 коп. (по другим данным – 188 руб.). Так, рабочий стройотдела Хайми в ноябре за 27 рабочих дней получил 174 руб., в декабре за 19 рабочих дней – 130 руб., в январе за 18 рабочих дней – 80 руб., а рабочий стройотдела Саукконен в ноябре – 302 руб., декабре – 214 руб., в январе – 210 руб. В итоге, средняя величина заработка рабочего в разное время колебалась от 150 до 300 руб [39, д. 108, л. 20, л. 23].

Притом, на паек рабочего первой категории в месяц уходило 177 руб. 45 коп., т.к. белый хлеб стоил 4 руб.60 коп за 1 кг. при норме 800 г. в день. А паек рабочего второй категории стоил 146 руб. [39, д. 108, л. 20].

Таким образом, только одинокие и в период большого хода рыбы могли прожить на свой заработок. Семейные и имеющие в составе семей нетрудоспособных не в состоянии были выкупить полностью причитающийся паек на себя и неработающих членов семьи. При отсутствии недостатков в обеспечении продуктами питания сети магазинов и ларьков, люди голодали. Тому свидетельством являются многочисленные заявления спецпереселенцев: «... Наша семья состоит из трех человек. Мужу 63 года, мне 58 лет. Сын Моисей Меерович 31 года. Художник. Окончил Академию художеств в 1934 г. Работает на заводе. Зарабатывает от 200 до 300 руб. Для нас, трех человек, один хлеб в месяц стоит 300 руб. Не на что купить паек. Обращаюсь за помощью» (Мариус Бреха); «... Иванова Айно Ивановна. 23 года. Работает учительницей на Быковском рыбозаводе. Её брат Иванов Емельян в Армии, муж Ковырялов Тимофей – лейтенант в Армии, живет с братом 12 лет. Получает 193 руб. в месяц. Средств не хватает. Голодуют. Просит помочь установить связь с мужем. Пособия не получает. Отец Иванов Иван Матвеевич (член ВКП(б) с 1919 г. До марта 1942 г. работал председателем колхоза «Новая дорога» (Уэнкэ) Всеволожского района Ленинградской области) – умер от тифа и голода на Трофимовском рыбозаводе. Мать и брат 12 лет тоже болели и были обнаружены в своей землянке: мать – замерзшей, а брат доставлен на Быковский рыбозавод с обмороженными пальцами ног, к сестре» [39, д. 108, л. 24, 26, 27].

В этой связи спецпереселенцы, прибывшие из Алтайского края, требовали оплаты квитанций, по которым они там сдавали живой скот, посаженный картофель и другое продовольствие. На Крайнем Севере (в Булунском, Усть-Янском, Жиганском районах) о реализации квитанций никто не знал и по этому вопросу никаких указаний не поступало [39, д. 108, л. 23].

Не лучше обстояло положение спецпереселенцев на предприятиях лесной промышленности. Так, контингент, расселенный в Олекминском и Ленском районах, использовался в основном на лесозаготовках. Производительность труда была выше, чем на рыбодобыче, но значительно ниже, чем в системе других Наркоматов. Причинами низкой производительности труда здесь явились также плохие материальные условия и необеспеченность спецодеждой. На Солянском участке Олекминского района имелись случаи обморожений рук и ног. Например, спецпереселенцы Лазарьтес, Шарунайте Анна и Кемежа лежали в больнице с обморожением [39, д. 161, л. 51].

Таковы были условия труда спецконтингента.

Рассмотрим жилищно-бытовое устройство спецпереселенцев.

Ввиду того, что основная часть данной категории населения была «размещена» в районах Крайнего Севера, в местах, отдаленных от какого-

либо жилья, на месте спецпоселения не было ни поселков, ни строительных материалов. Люди высаживались на местах организации рыбозаводов и помещались в палатках. В результате незначительного поступления леса (он сплавлялся из южных районов Якутии) спецпереселенцы вынуждены были строить юрты на мерзлой земле и только частью – из леса. По Быковскому рыбозаводу выселенные жили в основном в земляных юртах размером 18 м на 8 м. В каждой юрте помещалось в среднем 60 чел. Таким образом, на одного человека приходилось от 1,8 до 2,0 кв.м. Юрты внутри имели двухярусные нары, на которых жили и спали спецпереселенцы. При топке печей эти юрты, сложенные из мерзлой земли, давали воду, которая стекала из оттаявшей земли, а внизу от холода замерзала. Грязь, скученность, антисанитария – все это было характерно для юрт и бараков. Во избежании круговой поруки в каждой юрте по указанию администрации рыбозаводов жили смешанно литовцы, евреи и финны. Обеспечения предметами хозяйственного обихода не было. По Усть-Янскому, Жиганскому, Трофимовскому и Оленекскому заводам положение с жилищной площадью было таким же, как и на Быковском рыбозаводе [39, д. 108, л. 21, 22].

Ярким примером служат выдержки из воспоминаний Юргиса Гасюнаса, которые подтверждают крайне тяжелое положение с жильем: «... Несмотря на трудности и препятствия, до первых морозов успели построить три юрты. Внутри площадь юрты была 50 кв.м. (длина 10 м, ширина 5 м), а людей было 81. На одного человека приходилось 0,62 кв.м ... Вдоль стен и посередине юрты сбили нарты. Когда закончили внутреннее обустройство, разделили периметр всех нар на число людей. Получили очень печальный результат – 32 сантиметра на одного человека. Человек никак не мог уместиться на таком ложе. Гроб и то вдвое шире, чем место для существования живого. Четыре одинокие женщины решили вопрос своего ложа по-соломоновски: соединились в одну семью, и им было отмерено 128 см. нар. Они спали по-очереди, как и все остальные жители юрты. Те, кто не спал и ждал очереди, сидел на краю нар и дремал. Две печки и лучины для освещения дымили как паровозы, но никто никаких претензий к дыму и чаду не предъявлял. Главное – тепло...»¹.

В таких экстремально-тяжелых условиях спецконтингент жил не только в 1942, 1943 гг., но и в последующие годы. Так, по состоянию на 1 января 1945 г. в Усть-Янском районе из проживающих 530 семей спецпереселенцев пользовались типовыми домами только 50 семей, а остальные были расселены в юртах, обложенных пластами дерна с землей. Эти жилища ввиду их антисанитарного состояния для жилья были почти не пригодны, в них царили сырость, холод, грязь и не было освещения. В этих юртах летом вместо стекол употребляли полотно, зимой – лед. Вме-

¹ Воспоминания хранятся у автора.

сто керосиновых ламп – коптилки. Аналогичным было положение и в Булунском, Олекминском районах [39, д. 161, л. 51, 52].

Одной из причин бедственного положения спецконтингента было использование местным руководством выделенных в 1942, 1943 гг. кредитов на хозяйственное устройство спецпереселенцев не по назначению. Так, по Жиганскому району эти кредиты ушли на оплату Рыбнабовских счетов на поступившие заводу стройматериалы. Ввиду не использования средств по Булунскому району, отпущенных на индивидуальное строительство, в ноябре 1942 г. было снято 285000 руб. Часть вновь поступивших в 1943 г. денег по Булунскому рыбозаводу была выдана спецпереселенцам без всякого пояснения разными суммами от 300 до 700 руб. (ввиду того, что один из спецпереселенцев купил себе кастрюлю, по назначению было израсходовано только 5 руб.) [39, д. 108, л. 22].

Таким же было положение с использованием кредитов на индивидуальное жилищное строительство и по другим рыбозаводам. От предложений кредита, как правило, спецпереселенцы отказывались, т.к. все жили надеждой, что по окончании войны они будут возвращены на места прежнего жительства.

Крайняя скученность спецпереселенцев, антисанитарное состояние жилищ, плохое питание, холод из-за отсутствия дров систематически порождали массовые заболевания, часто приводящие к летальным исходам. За время с июля по декабрь 1942 г. только по Трофимовскому и Быковскому рыбозаводам Булунского района было отмечено 213 случаев заболевания сыпным тифом, а за январь и февраль 1943 г. – 44 случая. По одному главному участку Быковского рыбозавода, где проживало около 1000 спецпереселенцев, за январь и февраль 1943 г. было зарегистрировано фельдшерской амбулаторией 200 случаев заболеваний разными болезнями, из них – 77 случаев цынги, 40 – туберкулеза, 18 – гриппа, 16 – тифа, 11 – поноса, 8 случаев обморожений и т.д. Положение усугублялось тем, что из-за отсутствия зелени и овощей на севере широкое распространение (во всех районах) получило заболевание цынгой, т.к. болело около 30-40 % спецконтингента [39, д. 108, л. 24].

В целом, каждый рыбозавод имел организованную медицинскую помощь, однако, она была крайне недостаточна. В рыбозаводах имелись больницы и медпункты, хотя весьма примитивного и ограниченного характера. Например, в двух медпунктах Усть-Янского рыбозавода работали один врач и два фельдшера, а в больнице с одним врачом и двумя фельдшерами Быковского рыбозавода было 5 коек. Медикаменты имелись, за исключением достаточного количества противоцинготных средств. Однако вследствие тяжелых бытовых и климатических условий массовые заболевания ликвидировать оказалось невозможным без борьбы с причинами их порождающими [39, д. 108, л. 24].

Никакой политико-воспитательной работы не проводилось. Население спецпоселков было лишено газет, радио, сообщений Совинформбюро. В настроениях спецпереселенцев сквозила только надежда, что скоро кончится война и они возвратятся на родину.

Следовательно, положение спецпереселенцев в Якутии в течение военных лет было исключительно тяжелым. Вышеуказанные жилищно-бытовые условия, трудовое использование и заработок не могли обеспечить хотя бы более-менее сносное положение людей. Находясь далеко от родины, они вынуждены были изнурительным трудом зарабатывать себе на хлеб. Поляки и немцы, высланные во время войны не могли не испытать всех тягот и невзгод. Однако в особо тяжелых условиях находились высланные по постановлению о развитии рыбных промыслов, т.к. в нем совершенно не предусматривалась организация расселения всех спецпереселенцев и их хозяйственное освоение. А относительно благоприятным было положение у спецпереселенцев «бывших кулаков», использовавшихся в золотодобыче. Если средний заработок «бывших кулаков», занятых на золотых приисках выражался в 300-400 руб., то литовцы и финны на рыбодобыче, в период максимального хода рыбы зарабатывали около 150-300 руб. Ясно, что при таком раскладе обеспечение продуктами людей, находящихся на рыбных промыслах было крайне недостаточно.

Таким образом, в годы войны некоторые преимущества в трудовом использовании и жилищно-бытовых условиях спецконтингента отмечались лишь на производственных объектах стратегического значения, куда не входили рыбодобыча и лесозаготовки. Люди, попавшие в суровые условия Севера, подверглись тяжелейшему испытанию и многие из них не смогли пройти его. Смерть родных от невзгод, вдали от родного дома, практически вошла в норму, повседневную жизнь оставшихся в живых людей.

9.3. Послевоенная численность, состав спецпоселенцев в Якутии

Какова же была послевоенная динамика численности и состава спецконтингента в Якутской АССР?

В послевоенное время продолжался процесс освобождения спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки». 24 июня 1947 г. Областной комитет ВКП(б) Якутской АССР и Совет Министров ЯАССР возбудили ходатайство NS-4742 по освобождению контингента «бывшие кулаки», а Министерство внутренних дел СССР поддержало своим решением от 29 июня 1947 г. № 3471/к это ходатайство об отмене ограничений и снятии с учета спецпоселения бывших кулаков, расселенных на территории ЯАССР [39, д. 436, л. 29, 30; д. 327, л. 15]. Таким образом, всего освобонилось в Якутии из «кулацкой ссылки» в 1947 г. 1465 человек [39, д. 436, л. 29, 30; 63].

Но несмотря на освобождение контингента «бывшие кулаки», общая численность спецпоселенцев во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов возрастала. Количество направляемых на спецпоселение было значительно больше, чем число освобождаемых. Так, в 1946 г. прибывают на спецпоселение в Якутию «власовцы», высланные Постановлениями ГОКО № 9871с от 18.08.1945 г., СНК СССР № 3141-950сс от 21.12.1945 г. и Совета Министров СССР № 691-271сс от 29.03.1946 г. о переселении сроком на 6 лет лиц, служивших в строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских [39, д. 328, л. 172].

Высылаются в Якутскую АССР и другие категории спецконтингента: в 1948 г. – «оуновцы» (сокращенное от «Организации украинских националистов» – бандеровцы, мельниковцы и т.п. В 1947-1948 гг. Советом Министров СССР были приняты постановления: № 3214-1050сс от 10 сентября 1947 г. о выселении членов семей «оуновцев» и активных бандитов, как арестованных, так и убитых при столкновениях; № 3728-1524сс от 4 октября 1948 г. о выселении в порядке ответных мер членов семей «оуновцев» и активных бандитов в северные районы страны); в 1948 г. – «указники» (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 21.02 и от 2.06.1948 г. о выселении из республик, краев и областей лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни); в 1949 г. – вновь из Прибалтики (телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г., директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г., приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Литовской ССР членов семей главарей и активных участников банд, постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также пособников бандитов – кулаков с семьями, постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. о выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов); с 1949 г. – из Крыма; с 1950 г. – из Грузии, Северного Кавказа, Калмыцкой АССР; с 1951 г. – высланные из Молдавии, а также калмыки и интернированные с территории Польши (граждане СССР, интернированные и взятые в плен в 1944-1945 гг. на территории Польши, были освобождены из лагерей ГУПВИ по постановлению Совета Министров СССР № 684-343сс от 6 марта 1951 г. и направлены в Якутскую АССР); с 1952 г. – ссыльные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23.07.1951 г. об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни (выселялись, как правило, за бродяжничество и попрошайничество) [39, д. 328, л. 7, 54, 169-172, 250; д. 458, л. 87, 88; д. 949, л. 116-118; 63].

Таблица 9.6

Динамика численности спецпереселенцев в Якутии в 1946-1959 гг.*

годы	из Прибалтики	немцы	оуновцы	власовцы	указники	Всего**
1.01.1946	2353	5307				7 660 (+1 662 чел. «бывших кулаков», 3133 финнов)
1.01.1947	свед. нет	2019		1308		3 327 (+ 1552 чел. «бывших кулаков»)
1.01.1948	свед. нет	2470		3753		6 223
1.10. 1948	свед. нет	2386	711	4066	1865	9 028
1.10.1949	свед. нет	2622	1234	4430	4927	13 213 (+ 8 чел. из Крыма)
1.07.1950	св. нет + 48****	3280	1801	5676	5483	16 240 (+ 2 117 финнов, 127 чел. из Крыма, 4 – с Северного Кавказа, 3 из Грузии)
1.07.1951	св. нет + 91****	3560	1889	5853	5214	16 607 (+133 из Крыма, 5 с Северного Кавказа, 9 из Грузии, 3 калмыка, 2 чел. из Молдавии)
1.01.1952	св. нет + 95****	3655	1905	5846	5040	16769 (+ 132 из Крыма, 9 с Сев. Кавказа, 9 из Грузии, 4 калмыка, 2 из Молдавии, 70 интернированных с территории Польши)
1.01.1953***	2105 + 97****	3980***	3133***	3179***	4899***	17789*** (+ 139 из Крыма, 23 с Сев. Кавказа, 9 из Грузии, 9 калмыков, 2 из Молдавии, 74 интернированных с территории Польши, 139 ссыльных по Указу от 23.07.1953г.)***
1.01.1953	2054 + 94****	3931	3115	2853	4690	18058 (+ 117 из Крыма, 22 с Сев. Кавказа, 9 из Грузии, 8 калмыков, 2 из Молдавии, 74 интернированных с территории Польши, 135 ссыльных по Указу от 23.07.1951 г.)
1.01.1954	2050 + 99****	3877	3086	1090	4358	14560 (+ 120 чел. из Крыма, 25 с Сев. Кавказа, 9 из Грузии, 13 калмыков, 3 из Молдавии, 79 чел. интернированных с территории Польши)
1.01.1955	1573 + 88****	2513	2523	936	2467	10100 (+ 107 из Крыма, 23 с Сев. Кавказа, 7 из Грузии, 24 калмыка, 3 из Молдавии, 66 чел. интернированных с территории Польши, 1 ссыльный, высланный по Указу 23.07.1951 г.)
1.01.1956	сведений нет					5697
1.01.1957	675 + 43****	-	1 501	-	442	2661 (+ 17 кулаков, высланных в 1948-52 гг. из Литвы)
1.01.1958	392 + 33****	-	1314	-	130	1869 (+ 498 ссыльных по Указу 23.07.1951 г.)
1.09.1958	54 + 11****	-	479	-	35	579
1.01.1959**	26 + 11****	-	437	-	95	569

* Составлено по [39, д. 435, л. 52, 75, 84, 97, 144; д. 436, л. 118, 119; д. 323, л. 126-128; д. 641, л. 374, 405 об, 406; д. 597, л. 13, 14, 223, 231; д. 437, л. 70-72; д. 848, л. 20; д. 932, л. 21; д. 967, л. 28; д. 952, л. 15; д. 949, л. 1, 2, 7, 10, 58, 143; д. 848, л. 2; д. 932, л. 22; д. 845, л. 142, 143; д. 314, л. 83 об, 84, 145, 145 об, 234 об, 235; д. 315, л. 32 об, 109 об, 110, 126 об, 127; д. 313, л. 32, 75 об, 76, 132 об, 207 об, 208, 237 об, 246 об, 247, 258, 267, 294; д. 255, л. 373 об, 374; д. 316, л. 258 об, 259, 34, 80, 84, 162 об, 163, 240, 287, 296, 299; 28, с. 88; 63, с. 216].

** В графе «всего» общая цифра не включает показателей в скобках.

*** По версии Земскова В.Н. [63, с. 216].

**** Высланные из Прибалтики после войны в 1945-1949 гг. (первая цифра обозначает высланных из Прибалтики в 1942 г.)

Исходя из данных табл. 9.6 можно заключить, что численность спецконтингента Якутии после Великой Отечественной войны подверглась значительным изменениям: если на 1.01.1946 г. было более 12 тысяч, то в

1950-1953 гг. – около 18 тыс. человек. Годы 1950-1953 отмечаются как период наибольшей численности спецконтингента на территории республики. Приток этого населения происходит за счет новых контингентов: в 1946 г. – «власовцев», в 1948 г. – «оуновцев», «указников», а также из Крыма, Северного Кавказа, Грузии, Калмыкии, Молдавии, в 1951 г. – интернированных с территории Польши. С 1955 г. количество спецконтингента резко сокращается.

Каковы были некоторые аспекты послевоенной динамики численности основных категорий спецпоселенцев?

Численность спецпереселенцев из Прибалтики, прибывших в Якутию еще в 1942 г., с 1946 по 1953 гг. сократилась на 10,5 % с 2353 до 2105 человек. Эта убыль была связана с тем, что Советам Министров союзных республик, с территории которых производилось выселение, в 1954 г. было предоставлено право пересматривать дела на отдельных спецпоселенцев и принимать решения об их освобождении. Советы Министров поручали проверять обоснованность выселения тех или иных лиц местным Советам депутатов трудящихся и по материалам последних выносили решения. По-видимому, данная категория населения, высланная из Прибалтики, получила в 1954 г. освобождение, т.к. число их уменьшилось на 477 чел., а ещё через два года – более чем вдвое. В 1957 г. данная категория населения сократилась в 1,7 раза, а в 1958, 1959 гг. людей данной категории осталось всего до нескольких десятков.

Если в годы Великой Отечественной войны лица немецкой национальности были представлены только в категории «выселенцы», то после войны среди немцев можно выделить не только выселенных по решению Правительства (высланные во время войны из прифронтовых районов по решениям Военных Советов фронтов), но и репатриированных (советские граждане немецкой национальности), местных (коренных немцев) и мобилизованных (для работы в промышленности в 1942 г.). Например, в Якутии по данным на 2.01.1949 г. в категории «немцы» (выделяем такую категорию, общую для всех лиц немецкой национальности), прошедших переучёт были: выселенные по решению Правительства – 1660 чел., мобилизованные – 80, коренные – 19, репатрианты – 481, представители других национальностей в составе немецких семей – 70, других национальностей, выселенных вместе с немцами, но не входящих в состав немецких семей – 54 человека [39, д. 489, л. 8-14].

Спецконтингент «немцы», сразу после войны, в 1946 г. резко сократился. Если 1.01.1946 г. «немцев» было 5307 человек (2147 семей), то анализ движения за первый квартал 1946 г. свидетельствует об убыли 3206 человек (1266 семей). Можно предположить, что резкое сокращение «немцев» произошло вследствие повторной ссылки их в другие области страны. Затем данная категория пополняется за счет прибытия на поселение, достигнув в 1953 г. почти 4 тыс. чел. Затем с 1954 г. начинается

убыль числа немцев (т.к. 13 августа 1954 г. выходит постановление Совета Министров СССР № 1738-789сс о снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц, т.е. немцев), а в 1957 г. таковая исчезает вообще.

«Оуновцы» в ЯАССР учитываются с 1948 г. и численность их все время возрастает до 1953 г. до 3 тыс. чел., а затем постепенно сокращается. «Власовцы» в Якутии появляются в 1947 г. и максимальной численности достигают в 1951 г. – 5853 чел. Затем идет сокращение их числа (освобождение произошло по Указу от 17 сентября 1955 г. и в 1957 г. их учетом уже не охватывают). «Указники» в республике отмечаются с 1948 г. Их число возрастает вплоть до 1950 г. А затем оно уменьшается, притом, особенно радикально в период с 1955 по 1957 гг. – в 5,6 раза.

В целом, процессы, связанные с пребыванием, освобождением категорий спецпоселенцев в Якутии отражают положение, наблюдаемое во многих регионах страны. Однако, в отличие от других мест спецпоселения, Якутская АССР была местом наиболее неблагоприятным для пребывания данной категории населения. Суровая и продолжительная зима, короткое и жаркое лето, большие расстояния между поселениями городского и сельского типа, бездорожье, полное отсутствие продовольствия, помещений для жилья, медицинской помощи, орудий труда, одежды при обстановке военного времени и свирепствующего голода среди местного населения привели к тому, что подготовка к принятию спецконтингента, состоящего в основном из престарелых, женщин и детей практически срывалась. Выселенные люди, не имея элементарных условий для жизни, погибали от голода и болезней в наспех построенных бараках и землянках. Особенно пострадали, находясь в условиях Крайнего Севера, народы Прибалтики и поляки в Алданском, Аллах-Юньском районах.

В этой связи отметим, что кроме насильственно выселенных спецпоселенцев, в Якутии были и насильственно перемещенные якуты Чурапчинского района (район центральной Якутии), которые выселялись в 1942 г. по вышеназванному Постановлению «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» на рыбодобычу в северные районы края. И даже они, коренные жители республики, не смогли адаптироваться к тяжелым условиям жизни и труда на Севере: умерло из переселенных около 23,5 % колхозников [143, с. 82-83].

В отличие от спецпоселенцев, прибывающих в Якутию из различных областей страны, колхозники Чурапчинского района (41 колхоз: 1655 хозяйств, 4988 человека) выселялись на рыбодобычу по другим причинам: политика местных властей, желающих во время и быстро «отрапортовать» о проделанной работе по выполнению Постановления, а также ряд засушливых и неурожайных лет, продолжавшихся с 1939 г., которые привели к чрезвычайно высокой смертности – 53,2 умерших на 1000 чел. в 1942 г., 90,5 умерших на 1000 чел. в 1943 г. (по данным органов статистики по

Чурапчинскому району) [143, с. 142]. Рыбодобыча могла спасти людей от голода, однако, выселение, проведенное без должной подготовки только усугубило положение людей.

Из указанного выше становится вполне понятной политика властей по отношению к так называемым «опасным» группам спецпоселенцев, расселяемых, как правило, в Якутской АССР и отдаленных районах Восточной Сибири [39, д. 527, л. 3]. Фактически такой «опасный» контингент направлялся на тяжелую физическую работу в условиях Севера без права возвращения на родину, т.к. условия жизни и труда их выживание не предусматривали. Если категории спецпоселенцев: «бывшие кулаки», «ссылно-поселенцы» (литовцы), немцы (выселенные, репатриированные, мобилизованные, местные), поляки (беженцы) были высланы в разные регионы Советского Союза, а также и в Якутию, то финны (1942 г.) и интернированные с территории Польши (1951 г.) были высланы в ЯАССР специально, т.к. дислоцированы они были только там и нигде более. Поэтому, можно предположить, что политика по отношению к последним была заведомо наиболее жесткой, чем к остальным другим категориям спецпоселенцев.

Таким образом, Якутия с 1931 по 1959 гг. стала одним из мест ссылки людей, неугодных Советской власти. В довоенный период (1931-1940 гг.) республика приняла на поселение крестьян – «бывших кулаков», поляков – «беженцев» (в 1940 г.); в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) – народов Прибалтики, финнов, немцев; после войны (1946-1959 гг.) – «власовцев», «оуновцев», «указников», интернированных с территории Польши, а также из Крыма, Северного Кавказа, Грузии, Калмыкии, Молдавии. Если до войны причинами выселения крестьян в Якутскую АССР были сопротивление коллективизации, ликвидация кулачества как класса, то в 1940 г. по отношению к полякам (беженцам) и в 1942 г. – к литовцам, финнам, немцам применялись в основном меры превентивного характера. В послевоенное время (с 1946 по 1954 гг.) причины ссылки людей уже были другими – карательными для немцев, «власовцев» и «оуновцев». При этом нельзя забывать и тот немаловажный факт, что трудовое использование «дармовой» рабочей силы сыграло здесь далеко не последнюю роль.

Эти насильственные переселения оставили след в демографической истории Республики Саха (Якутии). Некоторая часть находящихся в республике бывших высланных 1931-1945 гг., давшая свои корни на чужой земле, и по сей день не могут выехать, посетить свои родные места, познакомиться со своей родиной своих детей и внуков. Оторванные от своих родных и близких, они поневоле построили и связали свою судьбу с северным краем. Многие из них, оставшихся в местах ссылки, пополнили славные ряды трудящихся, внесли достойную лепту в дело освоения региона, его неисчислимых богатств, внесли посильный вклад в развитие экономики и культуры республики.

ГЛАВА 10

ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

10.1. Индикаторный подход в оценке эколого-экономического состояния территории

На современном этапе объективно обусловлена необходимость формализованной оценки происходящих социально-экономических процессов. Данная позиция усиливается объективными тенденциями развития народнохозяйственного комплекса в целом, муниципальных образований, существующими условиями экологической обстановки.

Данная позиция явилась основанием научно-теоретического и научно-методического обобщения и изучения эволюционного характера проблемы формирования и реализации концепций экологической безопасности. В последние годы для большинства муниципальных образований она является достаточно сложной, а ее реализация определяет необходимость эколого-ориентированного подхода при определении тенденций социально-экономических процессов, определение их концептуальных изменений.

В России проявляется интерес к данной проблеме, разрабатываются и используются различные формы, методы изучения. Следует заметить, что в практике муниципальных образований данный инструмент активизирован не в полной мере.

Монографический обзор источников по данной проблеме, обобщение практики оценки экологической безопасности и ее элементов подтверждает правомерность и целесообразность использования на уровне отдельных регионов индикаторов в качестве инструментов устойчивого развития.

Зарубежная практика оценки состояния экологических проблем, определяет объективную необходимость и обязательность использования в региональной практике управления устойчивым развитием социально-экономических систем экологических факторов. Более того, поскольку по результатам исследования выявлена необходимость обоснования управления социально-экономическим развитием муниципальных образований

на основе эколого-ориентированного подхода, то при формировании концепции управления социально-экономическим развитием мы исходим из того, что действующая российская практика свидетельствует о наличии минимальных с позиций научного обоснования и методических положений разработок экологических проблем на основе индикаторного подхода, что является, на наш взгляд, сдерживающим фактором социально-экономического развития.

Использование индикаторный подход последнего в качестве инструмента оценки эколого-экономического состояния обусловлено его возможностями и действующей практикой моделирования и прогнозирования устойчивого социально-экономического развития.

При всех преимуществах индикаторного подхода для различных структур власти, должностных лиц, общественности необходимо отметить, что проблема заключается исключительно в определении перечня индикаторов и разработке механизма их реализации в конкретной управленческой деятельности.

Разработка индикаторов устойчивого развития возможна на трех уровнях: федеральный, региональный и местный (муниципальный), могут разрабатываться свои собственные системы индикаторов, обладающие индивидуальными особенностями. Так, индикаторы, разработанные на федеральном уровне, не всегда будут одинаково полезными для различных уровней государственной власти, не все региональные индикаторы устойчивого развития могут применяться с одинаковой эффективностью на федеральном или местном уровнях и наоборот. Следовательно, при формировании условий индикаторного подхода необходима оценка и анализ тех существующих полномочий и ресурсов на региональном и федеральном уровнях, которые могут быть использованы для стимулирования или обеспечения внедрения и использования индикаторов на региональном уровне. В идеале целесообразно иметь «сквозные» индикаторы, которые применимы для любого уровня – федерального, регионального, местного (социальные и экологические показатели, по которым имеется статистика для всех уровней): показатели, связанные с безработицей, образованием, охраняемыми территориями.

Вместе с тем в зависимости от уровня анализа рассматриваемые системы индикаторов могут существенно различаться. Использование индикаторов для принятия управленческих решений на разных уровнях государственного управления обуславливают необходимость формирования своей собственной системы целей, задач и индикаторов экологического развития, определяющих в конечном итоге вектор устойчивого социально-экономического развития.

В мировой системе оценок устойчивого развития индикаторный подход реализован в ряде разработок ООН, Всемирного Банка, Организации стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейской комиссии-

ей, Научного комитета по проблемам окружающей среды (SCOPE) Агентством по статистике Европейского Союза (Евростатом) и других организаций. Адаптация зарубежной практики эколого-ориентированного подхода в оценке устойчивого социально-экономического развития, безусловно, сопряжена с определенными изменениями, и требует необходимо-го обобщения.

Указанные международные институты предлагают подробные системы показателей, ориентируясь исключительно на системы целеполагания, возможности гарантированного возмещения расходов. В частности, система индикаторов, предложенная Комиссией ООН по устойчивому развитию, состоит из 132 индикаторов [99]. Всемирный банк в «Кратком «зеленом» справочнике» предлагает для Российской Федерации 42 показателя [189].

Количественное разнообразие имеет за собой качественные характеристики и обуславливает актуальность изучения методических подходов к построению системы.

Как показали результаты обобщения теоретических положений и практики региональной оценки наиболее распространенными являются два подхода к построению системы индикаторов, каждый из которых определяется возможностями агрегирования, что усиливает практическую значимость данной системы.

Первый подход предполагает построение агрегированного (интегрального или совокупного) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: экономических, социальных, экологических.

К таким агрегированным показателям относятся:

- показатель «истинных сбережений», предложенный Всемирным Банком, который позволяет определить размер национальных сбережений после учета истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды;
- показатель «экологически адаптированный чистый внутренний продукт», предложенный Статистическим отделом Секретариата ООН, корректирующий за счет стоимостной оценки истощения природных ресурсов и эколого-экономического ущерба от загрязнения;
- показатель «индекс развития человеческого потенциала», предложенный ООН, использование которого позволяет оценить соответствие сложившейся ситуации неким ориентирам, выраженным оптимальными значениями показателей человеческого развития, и ее изменение в течение времени;
- индекс экологической устойчивости, как интегральный показатель, определялся в докладе, подготовленном группой ученых Йельского центра по экологическому законодательству и полити-

ке (Йельский университет, США) и Колумбийского центра международной информационной сети наук о земле (Колумбийский университет, США) для Всемирного экономического форума в Давосе. Индекс рассчитывается на основе показателей состояния экосистем, экологического стресса, экологических аспектов здоровья населения, социальных и институциональных возможностей и международной активности государства и отражает способность экосистемы сохранять свою структуру и функциональные особенности при воздействии внешних и внутренних факторов.

Достаточно признаны в мировой практике оценок также индекс «живой планеты», индекс давления на природу, индекс «экологический след человечества и многие другие.

Данные общесистемные индикаторы выделяют на основе приоритетных выбранных единичных показателей (в своей области исследования – индикаторов) и различают с учетом степени агрегирования исходных данных систем показателей оценки устойчивого развития.

К достоинствам данного подхода можно отнести возможности агрегирования каждой составляющей целостной системы, стремление к однозначной оценке уровня и динамики исследуемого процесса, обеспечение методологического единства всех частных показателей.

В качестве недостатков их использования на региональном уровне можно выделить следующее.

Общесистемные индикаторы недостаточно адекватны при использовании их в одиночку, так как они трудно применимы на региональном и местном уровнях из-за неготовности данных; кроме того, эти индикаторы не всегда адекватно могут быть понятны непрофессионалу.

Общесистемные индикаторы могут отражать изменения в региональном развитии, но будут недостаточно эффективны в определении того, какие действия необходимы для изменения негативных, укрепления позитивных тенденций, в целом для воздействия на социально-экономические процессы.

Также, во многих группах индикаторов отсутствуют важные показатели, необходимые для этой группы, не выделены приоритетные показатели (что характерно и для систем индикаторов), в отдельных случаях упущены важные индикаторы.

Данилов-Данильян В.И. [44] связывает данное положение прежде всего с отсутствием теоретической базы для разработки индикаторов, «которые в результате рассыпаются в мозаику, не дающую целостной картины, оказываются не связанными друг с другом и как бы равноценными».

Данный подход имеет возможность практической реализации в условиях обработки определенным образом данных в системах блочных индикаторов. С позиции темы исследования в силу методологических и статистических проблем, а также многофакторности самого процесса развития, построение единого интегрального индикатора, характеризующего сте-

пень эколого-экономического устойчивого развития, на наш взгляд, кажется при всей затруднительности процесса исчисления объективно необходимым. Второй подход предполагает построение системы индикаторов, где каждый индивидуальный отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Индикаторы в последующем объединены в подсистемы или блоки показателей.

Все множество индикаторов разделено на следующие основные группы: индикаторы социальных аспектов устойчивого развития, индикаторы экономических аспектов устойчивого развития, индикаторы экологических аспектов устойчивого развития и индикаторы институциональных аспектов устойчивого развития (программирование и планирование политики, научные разработки, международные правовые инструменты, информационное обеспечение, усиление роли основных групп населения).

В рассмотрении вопросов исследования необходимо отметить приоритетное выделение в явной и неявной формах экологических индикаторов. Выделение группы индикаторов институциональной составляющей процесса устойчивого развития, на наш взгляд, определяет практическую значимость и подчеркивает необходимость рассмотрения логических цепочек взаимосвязи при принятии решения.

В рамках этого подхода, ориентирующегося на разработку системы индикаторов устойчивости, возможны различные варианты структуры (структура «тема / проблема – индикатор», структура «цели – задачи – индикаторы», система ключевых / базовых индикаторов, структура «тема – подтема – индикатор», структура «давление – состояние – реакция»).

Российский опыт широкого варьирования и комбинирования методами подбора системы представления индикаторов может быть представлен следующими результатами.

Среди российских регионов наиболее комплексная система индикаторов устойчивого развития разработана в Томской области. В области применение индикаторов охватывает различные сферы деятельности, прежде всего стратегическое планирование. Индикаторы согласовываются со стратегическими целями социально-экономического развития области. Подавляющее большинство индикаторов устойчивости (три четверти всех показателей) используется в качестве индикаторов и показателей «Стратегии развития Томской области до 2020 г.» и «Программы социально-экономического развития Томской области на 2006-2010 гг.», разработанными Администрацией Томской области.

Используемые в Томской области индикаторы ранжируются по уровням приоритетности и региональной специфики. Выделены ключевые, дополнительные и специфические [66].

Для Самарской области было предложено две системы ключевых индикаторов: расширенная и «сжатая», включающие в себя экономические, социальные и экологические показатели. Расширенная система состояла

из 14 индикаторов, включая ВРП на душу населения, индекс развития человеческого потенциала, бюджетные затраты на душу населения и другие. В «сжатую» систему 8 ключевых индикаторов вошли приоритетные показатели в сфере природопользования и охраны окружающей среды, которые должны быть предметом первоочередного внимания со стороны структур власти.

В перечень индикаторов устойчивого развития специально включены те, которые являются приоритетными или наиболее проблемными для региона: пять эколого-экономических (интенсивность загрязнения атмосферы, водных ресурсов, образования отходов производства и потребления, энергоемкость, инвестиции в природоохранную деятельность), экономический (коэффициент износа основных фондов), экологический (лесовосстановление в лесном фонде), социально-экологический (численность населения, проживающего в особо загрязненных городах).

В Костромской области и Чувашской республике адаптирована система индикаторов «Цели развития тысячелетия» ООН (ЦРТ). Использование всеми структурами власти России и ее регионов идеологии ЦРТ в области обеспечения экологически устойчивого развития способно реализовать задачи повышения эффективности природопользования и решения экологических проблем, снижения экологических угроз для здоровья населения.

Фактически эта цель, отраженная во многих краевых документах ООН, принята и поддерживается Россией, однако ее реализация не проводится активно в силу сложившихся социально-экономических условий, особенностей формирования доходов и расходов региональных бюджетов в условиях экономического кризиса и дотирования большинства муниципальных образований.

Обеспечение экологической устойчивости для России (а соответственно и Костромской области) предполагает: во-первых, включение принципов устойчивого развития в страновые стратегии и программы и предотвращать потери природных ресурсов; во-вторых, обеспечение населения чистой питьевой водой; в-третьих, обеспечение улучшения качества жилищных условий населения.

В качестве показателей активизации прогресса реализации индикаторного подхода в формировании программ устойчивого социально-экономического развития предлагается восемь индикаторов: два экологических (процент территории с лесным покровом и процент особо охраняемых природных территорий), два эколого-экономических (энергоемкость и выбросы двуокиси углерода), четыре социально-экологические (численность населения, проживающего в городах с высоким уровнем загрязнения, доля жилищного фонда, обеспеченного водопроводом, доля городского и сельского населения, имеющего доступ к канализации, доля ветхого и аварийного жилья).

Комбинирование различных подходов возможно и реально реализуемо. Так, в процессе разработки концепции экологической политики Кемеровской области была предложена следующая структура индикаторов: «цель – приоритеты – принципы – индикаторы» [24], а также рассчитан показатель «истинных сбережений» [87].

При разработке эколого-экономических показателей для г. Москвы использовалась система «давление-состояние-реакция». В качестве индикаторов «давления» были выбраны индикаторы загрязнения окружающей среды, такие как выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы загрязненных сточных вод от различных источников, шумовое загрязнение. Индикаторы «состояния» – 4 индикатора состояния окружающей среды: доля проб с концентрациями вредных веществ, превышающих ПДК, доля населения, проживающего на территориях повышенной опасности, доля земель, подлежащих реабилитации и биоиндикатор. Пять индикаторов природоохранной деятельности выбраны в качестве индикаторов «реакции»: объем переработанных и обезвреженных токсичных отходов, коэффициент обновления основных фондов, энергоемкость ВРП, доля инвестиций, направленных на охрану окружающей среды и пассажирооборот общественного транспорта.

Накопленный огромный региональный опыт не лишен определенных недостатков, обусловленных отсутствием унифицированного подхода категоричной межрегиональной оценки: во-первых, обилие предлагаемых систем затрудняет их использование в различных регионах в связи с отсутствием единых принципов к включению показателей в систему индикаторов устойчивого развития, во-вторых, предложенные индикаторы требуют специальных преобразований, приспособления к конкретным условиям, а в некоторых случаях – адаптации для отдельных субъектов.

На наш взгляд, эта проблема могла бы быть решена на основе установления индивидуальных для каждого региона весовых значений показателей путем выделения общего для всех регионов перечня индикаторов, отражающих проблемы, препятствующие устойчивому развитию. Наибольший вес будут иметь наиболее значимые проблемы, некоторые проблемы в отдельных регионах могут вовсе отсутствовать, в этом случае их вес будет равен нулю. Данное предложение позволит не только обеспечить сопоставимость оценок различных территорий, но и будет являться основой единого методологического подхода.

Отдельного изучения требует практика использования индикаторного подхода на уровне первичного звена федеративного государственного устройства – муниципального образования, которые являются главными субъектами устойчивого развития.

Следует еще раз подчеркнуть, что в действующей хозяйственной практике муниципальных образований указанный подход не нашел должного отражения в силу недостаточной научно-теоретической и научно-

методологической разработки проблемы на уровне данных территориальных образований.

Для количественной интерпретации происходящих в муниципальных образованиях процессов, на наш взгляд, необходима разработка соответствующей внутрирегиональной системы индикаторов, поскольку системы индикаторов, разработанные для национального и регионального уровней оценки устойчивого развития, не отражают основных проблемных полей, свойственных для каждого региона (муниципалитета) в отдельности, а соответственно, не определяют круг обязанностей и ответственных за достижение устойчивого развития муниципального образования.

В субъектах уральского региона индикаторный подход при оценке эколого-экономического состояния муниципальных образований применяется в Курганской области, где апробирован методический подход к построению системы индикаторов, предполагающий построение агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости природопользования в муниципальных образованиях Курганской области и провести последующее ранжирование.

Отсутствие достаточных теоретических разработок по проблеме не позволяет сопоставить систему индикаторов природопользования Курганской области и системы индикаторов ООН, Всемирного банка, других международных организаций, Томской, Самарской, Кемеровской областей и других российских субъектов.

В рамках Курганской области индикатором принят экологически адаптированный индекс развития человеческого потенциала [150], агрегирование осуществляется на основе трех индексов: индекс развития человеческого потенциала, индекс биологической устойчивости, индекс эколого-экономической устойчивости, каждый из которых включает в себя группу показателей.

Курганский опыт показывает, что на муниципальном уровне может быть разработана методика, позволяющая оценить состояние устойчивого природопользования и выявить основные характерные тенденции его формирования в регионе.

Указанная оценка позволяет реализовать возможность для региона в целом и конкретно для каждого муниципального образования инструментальный индикаторный подход в оценке эколого-экономического состояния территории и сформировать стратегические направления формирования устойчивого природопользования в целях устойчивого развития природы, общества и человека.

Для Челябинской области, известной своими сложными экологическими условиями, проблема разработки индикаторов устойчивого развития муниципальных образований, учитывающих экологический аспект, является актуальной.

Характерными производственными сферами для Челябинской области является черная и цветная металлургия, машиностроение, атомная энергетика, угольная промышленность, то есть те отрасли промышленности, которые оказывают сильнейшее антропогенное воздействие на окружающую среду. Экологическая ситуация в области усложняется последствиями экологической катастрофы химкомбината «Маяк» (1956 г.), большим количеством экологических аварий, последней из которых является взрыв на складе с боеприпасами в воинской части в городе Карабаш в сентябре 2009 г. Таким образом проблема определения особенностей методов, механизмов, проявления эколого-ориентированного подхода в определении перспектив устойчивого социально-экономического развития является объективно необходимой и актуальной.

Таким образом, методология получения, конкретизация структуры индикаторов, методик их определения (или измерения) в системе устойчивого муниципального развития требуют особого осмысления, изучения и проработки.

10.2. Проблемы государственного и муниципального управления рекреационным природопользованием и устойчивым развитием в прибрежной зоне Краснодарского края

Прибрежные территории являются наиболее населенными и эксплуатируемыми районами на Земле благодаря значительному потенциалу природных ресурсов и реализации разнообразной экономической деятельности. Именно здесь наиболее остро встают проблемы социально-экономического развития и деградации окружающей среды. Азово-Черноморское побережье Краснодарского края не является исключением, но обладает ярко выраженной спецификой, которую необходимо учитывать при формировании стратегии устойчивого развития туризма в его муниципальных образованиях.

Во-первых, прибрежная зона Краснодарского края – это важная курортная зона России, с ограниченной рекреационной емкостью.

Во-вторых, на рассматриваемой территории располагается столица XIV Зимних Олимпийских игр – г. Сочи. В связи с этим здесь начаты значительные инфраструктурные преобразования.

В-третьих, это одна из крупнейших в России территория сосредоточения транспортных функций. Здесь расположены основные мощности нефтеперевалки (порты Новороссийск (нефтеперевалка более 60 млн. т/год, общий грузооборот более 120 млн. т/год) и Туапсе (нефтеперевалка около 10 млн. т/год), Каспийский трубопроводный консорциум (объем нефтеперевалки 30 млн. т/год)) и газопровод «Голубой поток». В ближайшей пер-

спективе ожидается увеличение транспортных потоков за счет сооружения новых нефте- и газопроводов, а также рост объемов перевалки грузов через порты. Только увеличение нагрузки на порт Новороссийск составит более 50 млн. т/год. Кроме того, возрастет нагрузка на наземную транспортную сеть побережья за счет увеличения пассажиропотока в рекреационной зоне.

В-четвертых, это стратегический геополитически важный приграничный район и единственный оставшийся у России выход к Черному морю.

В-пятых, в ближайшее время планируется ускоренный перевод военно-морской базы Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск. Это повлечет за собой увеличение нагрузки на природную среду, инженерную и социальную инфраструктуру региона.

В-шестых, для данного региона характерен постоянный дефицит земельных ресурсов (территорий) при возрастающих потребностях, как местного сообщества, так и федерального центра.

В-седьмых, здесь остро стоят демографические проблемы. Азово-Черноморское побережье Краснодарского края один из самых миграционно-интенсивных регионов России, где в структуре мигрантов преобладают лица предпенсионного и пенсионного возраста, что с учетом старение коренного населения и естественной его убыли в перспективе вызовет масштабное повышение демографической нагрузки на работающее население. Кроме того, в регионе наблюдается функциональная безработица, характеризующаяся нехваткой кадров необходимой квалификации при переизбытке невостребованных. Эта ситуация обостряется ярко выраженной сезонностью функционирования одной из отраслей специализации региона – санаторно-курортной.

В-восьмых, для прибрежной зоны Краснодарского края характерна высокая степень деградации экосистем и ограниченность экологической емкости природных ландшафтов. С учетом интенсификации всех видов природопользования это может вызвать экологическую катастрофу.

Не углубляясь в теоретические проблемы определения понятия «прибрежная зона», отметим, что здесь под ней мы подразумеваем некоторую совокупность территориально-административных единиц (муниципальных образований). Границы прибрежной зоны Краснодарского края, вслед за Н.А. Айбулатовым и его соавторами [8], мы выделяем по административным границам муниципальных районов и территорий городского подчинения, которые имеют выход к морю.

При таком рассмотрении прибрежная зона Краснодарского края имеет площадь 19101,7 км² и включает в себя 7 муниципальных районов и 6 городов краевого подчинения (табл. 10.1 и 10.2), выделенных при административном делении территории Краснодарского края в соответствии с Общероссийским классификатором объектов административно-территориального деления на 1 января 2007 г.

Таблица 10.1

**Муниципальные образования Азово-Черноморского
побережья Краснодарского края¹**

Наименование муниципального образования	Число					
	рай- оно в	городов краевого подчине- ния	внутригородских районов и округов	поселков городского типа	сельских округов	сельских населен- ных пунк- тов
Анапа	-	1	-	-	2	3
Геленджик	-	1	-	-	4	20
Ейск	-	1	-	-	1	7
Новороссийск	-	1	4	-	6	24
Сочи	-	1	4	1	11	78
Туапсе	-	1	-	-	-	-
Анапский	1	-	-	-	8	48
Ейский	1	-	-	-	10	32
Приморско- Ахтарский	1	-	-	-	8	33
Славянский	1	-	-	-	14	44
Темрюкский	1	1	-	-	11	38
Туапсинский	1	-	-	2	7	62
Щербиновский	1	-	-	-	8	15
<i>Всего</i>	<i>7</i>	<i>6</i>	<i>8</i>	<i>3</i>	<i>90</i>	<i>404</i>
Краснодарский край	38	15	12	12	399	1723

Таблица 10.2

**Площадь и население муниципальных образований
прибрежной зоны Краснодарского края²**

Муниципальные обра- зования	Административные центры	Площадь, км ²	Население, тыс. чел.	Плотность населения
Ейский район	г. Ейск	1976,8	44,1	22,3
Приморско-Ахтарский район	г. Приморско-Ахтарск	2503,6	59,5	23,7
Славянский район	г. Славянск-на-Кубани	2198,6	130,9	59,5
Темрюкский район	г. Темрюк	1956,5	116,3	59,5
Туапсинский район	г. Туапсе	2365,8	62,7	26,5
Щербиновский район	ст. Старощербиновская	1377,1	37,8	27,4
Сочи		3502,1	406,8	116,2
Туапсе		33,4	63,7	1905,2
Геленджик		1227,5	88,2	71,9
Новороссийск		834,9	281,1	336,7
Анапа		981,9	137,5	140,1
Ейск		143,5	96,7	673,6
Краснодарский край		75500	5101,1	67,6
<i>Всего</i>		<i>19101,7</i>	<i>1525,3</i>	<i>-</i>
Среднее		1591,8	127,1	288,5

¹ Составлено по статистическим данным, представленным в [76].

² Составлено по статистическим данным, представленным в [129].

На исследуемой территории проживает более 1,5 млн. чел., что составляет почти треть населения Краснодарского края и 1,34 % от численности населения России. Среди изучаемых муниципальных образований наибольшую численность населения имеют г. Сочи (406,8 тыс. чел.), г. Новороссийск (281,1 тыс. чел.), г. Анапа (137,5 тыс. чел.), Славянский (130,9 тыс. чел.) и Темрюкский (116,3 тыс. чел.) районы. Остальные муниципальные образования имеют численность населения менее 100 тыс. чел. Минимальные значения по этому показателю характерны для Щербиновского (37,8 тыс. чел.), Ейского (44,1 тыс. чел.), Приморско-Ахтарского (59,5 тыс. чел.) и Туапсинского (62,7 тыс. чел.) районов.

По занимаемой площади самыми крупными являются г. Сочи (3502,1 км²), Приморско-Ахтарский (2503,6 км²), Туапсинский (2365,8 км²), Славянский (2198,6 км²), Ейский (1976,8 км²) и Темрюкский (1956,5 км²) районы. Площадь изучаемой территории составляет четверть от площади Краснодарского края и 0,12 % от площади Российской Федерации. Среднее значение площади муниципальных образований составляет 1591,8 км².

Данная территория очень неравномерно заселена и освоена, хотя по всему побережью имеются хорошие условия для проживания. Здесь отмечена достаточно высокая плотность населения (табл. 10.2). В среднем по побережью плотность населения равна 288,5 чел/км², что в 4,3 раза больше общекраевого показателя. Наибольшие значения плотности характерны для следующих городов: Туапсе (1905,2 чел/км²), Ейск (673,6 чел/км²), Новороссийск (336,7 чел/км²), Анапа (140,1 чел/км²).

Прибрежная зона Краснодарского края является очень важным элементом системы территориальной организации населения России и от ее устойчивого развития зависит не только устойчивость южного региона, но и всей нашей страны.

Проблемы устойчивого развития активно обсуждаются на международном, национальном и региональном уровне. Однако общепринятое определение понятия устойчивое развитие отсутствует. В данной работе мы ориентируемся на дефиницию отраженную в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996). В соответствии с ней: «Устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не нарушающее своей природной основы». То есть, устойчивое развитие должно обеспечивать равные потенциальные возможности в использовании ресурсов планеты поколениям, ныне живущим и последующим [47].

Концепция устойчивого развития, вероятно, получила такое значительное распространение потому, что значительные изменения окружающей среды, вызванные ростом антропогенного пресса в XX в. приобрели глобальный масштаб. В основу концепции устойчивого развития положено триединство экономических, социальных и экологических целей.

В настоящий момент нельзя считать завершенной работу по созданию концепции устойчивого развития. Однако уже есть примеры ее практической реализации. Этим вопросам были посвящены Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), по результатам которой была принята «Повестка дня на 21 век». «Повестка дня на 21 век» была призвана подготовить мировое сообщество к решению проблем, с которыми человечество столкнется в 21 веке. В главе 17 нашли отражение проблемы устойчивого развития прибрежных районов.

В 1995 г. совместными усилиями Совета Земли, Всемирной туристской организации и Всемирного совета путешествий и туризма был подготовлен отчет «Повестка дня на 21 век для Индустрии туризма и путешествий – Навстречу экологическому устойчивому развитию». В нем были обозначены следующие задачи:

- заменить культуру интенсивного потребления культурой разумного роста;
- уравновесить экономические и экологические факторы воздействия;
- найти общие интересы туристов и местного населения;
- распределять полученную выгоду среди всех членов общества и, в первую очередь, среди наиболее бедных категорий населения.

Стимулированию развитию туризма в соответствии с Концепцией устойчивого развития, по мнению В.Г. Гуляева и И.А. Селиванова [152], способствует в настоящее время ряд факторов:

- во-первых, возрастает регулирующая роль в туриндустрии международных и национальных экологических организаций, органов государственного управления;
- во-вторых, осознание представителями турбизнеса важности экологического качества туристских продуктов, которое является необходимым показателем конкурентоспособности;
- в-третьих, возрастает осведомленность общественности о негативных эффектах развития туризма;
- в-четвертых, интенсивное развитие идей рационального природопользования;
- в-пятых, заинтересованность потребителей в продукции, отвечающей требованиям устойчивого развития и др.

Основополагающим инструментарием в планировании и контроле за развитием устойчивого туризма является система индикаторов устойчивого развития. Индикаторы устойчивого развития – это показатели (выводимые из первичных данных, которые нельзя использовать для интерпретации изменений) позволяющие судить о состоянии или изменении экономической, социальной или экологической переменной [65].

Необходимость в разработке индикаторов устойчивого развития была отмечена в «Повестке на 21 век». В 40-ой главе этого документа («Информа-

ция для принятия решений») отмечено: «В целях создания надежной основы для процесса принятия решений на всех уровнях и содействия облегчению саморегулируемой устойчивости комплексных экологических систем и систем развития необходимо разработать показатели устойчивого развития».

На сегодняшний день очень активно идет работа по разработке индикаторов и критериев устойчивости развития. В мировой практике можно выделить два подхода к их построению [151]:

- построение индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития (экологические, экономические, социальные, институциональные);
- построение интегрального, агрегированного индикатора – индекса (эколога-экономического, эколога-социально-экономического или экологического), на основе которого судят об устойчивости развития.

Для индустрии туризма Всемирной туристской организацией разработана система индикаторов устойчивого развития (табл. 10.3), внедрением которой она занимается с 1992 г.

Одним из инструментов устойчивого развития прибрежных территорий Краснодарского края является создание особых экономических зон (ОЭЗ). Однако, в условиях мирового экономического кризиса эффективность этого инструмента значительно снижена.

По максимальным оценкам, на сегодняшний день в мире функционирует около 1200 особых экономических зон. При этом на долю особых экономических зон сервисного типа в их числе приходится не более 8,0-9,0 %. В составе последних подавляющее большинство составляют оффшорные центры, «налоговые гавани» и иные зоны, специализированные на обслуживании бизнес-процессов. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа, могут рассматриваться как одна из наименее распространенных форм особых экономических зон в мире [12].

Согласно статье 2 Федерального закона № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 года «особая экономическая зона – это определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности».

В соответствии с этим же Федеральным Законом и по итогам конкурса Министерства экономического развития и торговли России в Краснодарском крае создаются особые экономические зоны туристско-рекреационного типа. Правительство Российской Федерации 3 февраля 2007 г. подписало постановление о создании на территории Краснодарского края 5 особых экономических зон туристско-рекреационного типа (табл. 10.4): Агрия, Благовещенская, Высокий берег, Криница – Архипо-Осиповка, Малый Ахун. Особые Экономические Зоны туристско-рекреационного типа создаются на 20 лет.

Таблица 10.3

**Основные индикаторы устойчивого развития туризма,
рекомендуемые Всемирной туристской организацией [152]**

№	Наименование показателя
A	Показатели для государственной реализации концепции устойчивого развития
A-1	Наличие местной политики по устойчивому развитию в районе
A-2	Участие заинтересованных сторон
A-3	Наличие реестра мест представляющих культурную ценность
A-4	Наличие реестра мест представляющих природную ценность
A-5	Количество туристских комплексов, имеющих эко-ярлык, или участвующих в программах по управлению природопользованием (EMAS или ISO 14000)
B	Показатели воздействия антропогенной деятельности на окружающую среду
B-1	Туристские перевозки (транспортировка до и от места отдыха, внутренние перевозки)
B-1-1	Доля «устойчивых» перевозок среди общего количества транспортных перевозок
B-1-2	Количество посетителей, прибывших на короткий срок на км ²
B-1-3	Передвижение по территории принимающей стороны
B-2	Несущая емкость – использование земли, биоразнообразие и туристская деятельность
B-2-1	Максимальная плотность населения (пик сезона) на км ²
B-2-2	Спальные места в летних домах (% от общей жилищной емкости)
B-2-3	Соотношение застроенной территории и природных зон
B-2-4	Размер защищенных природных территорий (% от общей территории назначения)
B-2-5	Развитие различной деятельности в свободное от работы время с использованием большого количества ресурсов
B-2-6	Процент природной береговой линии
B-3	Использование энергии
B-3-1	Доля возобновляемой энергии в общем энергопотреблении (по всей территории назначения, местного производства или импортированная)
B-3-2	Использование энергии на туристские нужды
B-4	Использование воды
B-4-1	Рациональное использование водных ресурсов
B-4-2	Доля домов и сооружений коммунального хозяйства, имеющих доступ к водной очистительной станции
B-5	Обращение с твердыми отходами
B-5-1	Доля твердых бытовых отходов, отобранных для переработки
B-5-2	Общее количество твердых отходов, вывезенных на мусорную свалку и/или мусоросжигательный завод (в тоннах)
B-5-3	Ежемесячное производство отходов
C	Социальный и культурный показатель
C-1	Соотношение служащих, не проживающих в данном месте, к общему количеству работающих в туризме
C-2	Средняя длительность контрактов для туристского персонала
C-3	Процент территории, занимаемой служащими, не проживающими в данном месте
C-4	Количество зарегистрированных краж
C-5	Соотношение населения (турист/хозяин)
D	Экономический показатель
D-1	Сезонные колебания занятости в туристской сфере
D-2	Сезонные колебания аренды жилья
D-3	Общая жилищная емкость на представителя местного населения
D-4	Средняя продолжительность ночевков

Таблица 10.4

**Общая характеристика особых экономических зон
туристско-рекреационного типа Краснодарского края¹**

Название ОЭЗ	Местоположение	Площадь, га	Назначение	Емкость, тыс. мест
Агрия	Туапсинский район	172	Курорт для массового туризма, центра автотуризма и спорта	18
Криница – Архипо-Осиповка	Геленджик	570	Курорт для активного отдыха на море	30
Благовещенская	Анапа	800	Пляжный отдых по системе «всё включено», водный и спортивный туризм.	40
Высокий Берег	Анапа	215	Курорт для семейного отдыха на море и занятий спортом	15
Малый Ахун	Сочи	100	Курорт для отдыха деловых людей	8

Управление и развитие ОЭЗ возложено на Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами (создано указом Президента Российской Федерации от 22 июля 2005 г., № 855 «О федеральном агентстве по управлению особыми экономическими зонами»), у которого имеется территориальное управление, расположенное в г. Анапа, и ОАО «Особые экономические зоны».

Основными стимулами, предоставляемыми резидентам ОЭЗ, являются налоговые льготы. Для резидентов особых туристических зон в Краснодарском крае предусмотрены следующие налоговые льготы²:

- освобождение от налога на имущество организаций в течение пяти лет (пункт 17 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации);
- освобождение от земельного налога в течение пяти лет (пункт 9 статьи 395 Налогового кодекса Российской Федерации);
- применение в отношении основных средств к основной норме амортизации специального коэффициента, но не выше 2 (пункт 7 статьи 259 Налогового кодекса Российской Федерации);
- не применение актов законодательства о налогах и сборах, ухудшающие положение налогоплательщиков в течение срока действия соглашения об осуществлении туристско-рекреационной деятельности (статья 38 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»);
- взимание арендной платы за земельные участки – не более 2 % их кадастровой стоимости в год;

¹ По данным [183].

² По данным [183].

- снижение налога на прибыль организаций на 4 % в течение пяти лет (ст. 7.1 Закона Краснодарского края от 02.07.2004 № 731-КЗ «О государственном стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае»);
- освобождение от уплаты транспортного налога в течение пяти лет (ст. 5 Закона Краснодарского края от 26.11.2003 № 639-КЗ «О транспортном налоге на территории Краснодарского края»).

Для успешного развития особых экономических зон туристско-рекреационного типа необходимо вовлечение местного населения в процесс их становления. Однако, отношение населения прибрежной зоны к этому вопросу неоднозначно. Было установлено следующее¹:

- 57 % респондентов не знают, что такое особые экономические зоны и каких типов они бывают;
- 81 % респондентов не знают о том, какие типы особых экономических зон планируется развивать на территории Краснодарского края, а 17 % респондентов имеют неверные представления по этому поводу;
- 75 % респондентов не знают о том, чем отличаются особые экономические зоны туристско-рекреационного типа от зон других типов;
- 65 % респондентов не знают о том, какие новые возможности даст развитие особых экономических зон для прибрежной зоны Краснодарского края; по 5 % считают, что это будут новые рабочие места и приток туристов; 15 % уверены, что это приведет к притоку инвестиций;
- 76 % респондентов считают, что функционирование особых экономических зон туристско-рекреационного типа в Краснодарском крае не отразится на экономическом положении их семьи и их муниципального образования.

Помимо особых экономических зон в Краснодарском крае существует игорная зона «Азов-Сити» (одна из четырех в России) в Щербиновском районе, которая тоже может стимулировать развитие туризма. Площадь игровой зоны составляет 2 тыс. га. Она расположена на пустующем участке между населенными пунктами Молчановка (Краснодарский край) и Порт-Карон (Ростовская область).

Согласно федеральному законодательству, с 1 июля 2009 г. игорный бизнес может концентрироваться только в игровых зонах. К сожалению, российский игровой бизнес не спешит перебазироваться в Щербиновский район. Поэтому с поиском инвесторов у Администрации Краснодарского края и муниципального образования есть затруднения.

¹ По результатам анкетного опроса населения некоторых муниципальных образований прибрежной зоны Краснодарского края, проведенного С.Д. Погоней.

Согласно, первоначальным планам (до начала мирового экономического кризиса, в 2006 году) предполагалось, что до 2010 года частным бизнесом в игровую зону на территории Краснодарского края будет вложено 2,5 млрд. долларов, государство при этом потратит примерно 500 млн. долларов на создание инфраструктуры. Безусловно, реализация этого инвестиционного проекта в полном объеме дала бы возможность Щербиновскому району сделать качественный скачок в своем социально-экономическом развитии.

По данным Департамента экономического развития Краснодарского края (доклад «Оценка социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов Краснодарского края за январь-апрель»), показатели Щербиновского района, в связи с реализацией инвестиционного проекта «Азов-Сити», значительно увеличились. Так, промышленное производство увеличилось в 2,4 раза, объем строительных работ – в 13,4 раза, объем транспортных услуг – в 5,3 раз. Однако, это относительные показатели, которые говорят только о том, что в депрессивном муниципальном районе началась хоть какая-то активность. Если сравнивать абсолютные показатели по объемам промышленного производства, строительства и транспортных услуг, например, с Новороссийском, то эти показатели покажутся просто ничтожными. При таком сравнении, объем строительства в Щербиновском районе меньше в 25 раз, чем в Новороссийске.

Проблемы устойчивого развития туризма, возникающие в прибрежных зонах, имеют как региональный, так и локальный (муниципальный) характер. В период Советского Союза основным механизмом управления процессами развития прибрежных территорий было административное планирование. В связи с переходом на рыночную экономику государство потеряло возможность использовать старые механизмы управления. Отсутствие четких стратегических целей, конкуренция среди пользователей ресурсов, отсутствие механизмов координации отраслевой деятельности, неадекватные формы охраны ресурсов, отсутствие федеральной и местной политики развития прибрежных зон и управления ими привели к резкому снижению устойчивости развития морской деятельности и деградации практически всех ее отраслей. Необходимость изменения подхода к управлению морской деятельностью стала очевидной [8].

Освоение и адаптация мирового опыта комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ) в нашей стране началось во второй половине 90-х годов. За эти годы был изучен международный опыт создания и реализации программ КУПЗ, произведена оценка ресурсного потенциала прибрежных зон России, изучен и подготовлен, издан ряд методологических работ по КУПЗ, начата подготовка кадров для сферы КУПЗ в системе высшей школы страны [91].

Международным центром комплексного управления прибрежными территориями была разработана «Методология территориальной органи-

зации в системе КУПЗ». Данная методика должна лечь в основу формирования концепций комплексного управления прибрежными территориями. Она основана на предварительном функциональном зонировании территории, произведенном на основе оригинальных методик оценки природных компонентов с использованием географической информационной системы (ГИС). Вся информация представлена в ГИС на базе программного комплекса MapInfo. На этой основе может быть проведен анализ экологических и межотраслевых конфликтов на исследуемой территории.

Краснодарский край один из немногих субъектов Российской Федерации, имеющий выход к теплым морям, которые являются основой его рекреационного потенциала и устойчивого развития туризма. В последние годы количество рекреантов, приезжающих на Кубань, постоянно возрастает. Основная часть отдыхающих, порядка 90 % от общего числа, приезжает в край с целями пляжно-купального отдыха.

Общая протяженность береговой линии Краснодарского края составляет 1161 км, из которых в рекреационных целях используется 163 км (табл. 10.5). Единовременная вместимость пляжей 157,2 тыс. чел.

Таблица 10.5

Современное рекреационное использование Азово-Черноморского побережья Краснодарского края [148]

Район. Курорт	Характеристика береговой линии							
	Протяжен. береговой линии		Используется в рекреацион. целях		Протяжен. пляжей		Единовремен. вместимость пляжей	
	км	%	км	%	км	%	тыс. чел	%
Сочи	145,0	12,5	27,0	16,6	15,7	20,4	30,5	19,4
Туапсинский	110,0	9,5	33,7	20,7	16,0	20,8	32,0	20,4
Геленджик	105,0	9,0	19,3	11,8	6,5	8,4	13,0	8,3
Новороссийск	65,0	5,6	16,0	9,8	4,9	6,4	10,0	6,3
Анапа	70,0	6,0	32,0	19,6	12,6	16,2	25,0	15,9
Темрюкский	100,0	8,6	14,6	9,0	12,0	15,6	24,0	15,3
Темрюкский	125,0	10,8	11,1	6,8	4,1	5,3	10,0	6,4
Славянский, Пр-Ахтарский	205,5	17,7	4,3	2,6	4,3	5,5	10,0	6,4
Ейский	167,5	14,4	4,7	2,9	1,0	1,2	2,0	1,2
Щербиновский	68,0	5,9	0,3	0,2	0,3	0,2	0,7	0,4
<i>Всего в крае:</i>	<i>1161,0</i>	<i>100</i>	<i>163,0</i>	<i>100</i>	<i>77,1</i>	<i>100</i>	<i>157,2</i>	<i>100</i>

Как видно из табл. 10.5, основная часть используемых для рекреации пляжей приходится на Сочи, Геленджик, Анапу и Туапсинский район. Именно на эти курортные зоны принимают основную часть отдыхающих. В пик сезона здесь чрезвычайно высокая плотность рекреантов. На одного человека в результате скученности подчас приходится 1–2 м² и менее, при норме 10–15 м². В Геленджике при существующей нагрузке отмечается нехватка еще 216928 м² пляжа, что приводит к увеличению нагрузки на

существующий рекреационный потенциал. Аналогичная ситуация отмечается и в Сочи. Там нехватка составляет 1041 тыс. м² пляжей [49].

Высокая нагрузка на пляжи проявляется в их захламлении отдыхающими и неорганизованными туристами, устраивающими стоянки и кемпинги в зоне 1-й санитарной зоне охраны курортов.

Пляжи Краснодарского края подвержены значительной абразии. Это обусловлено особенностями геологического строения и современными тектоническими движениями. Наиболее интенсивная абразия отмечена на отрезке берега между Приморско-Ахтарским маяком и основанием косы Ясенская, где ее средняя скорость составляет 1,0-1,5 м/год [49].

Наряду с природными факторами деградации пляжей способствует хозяйственная деятельность человека. Наибольший урон пляжам Кубани нанесло массовое нерегулируемое изъятие пляжного материала. Значительная часть зданий, строений и дорог на побережье построены с использованием пляжного материала. По данным В.М. Пешкова [112], с пляжей от Туапсе до Адлера было вывезено в общей сложности около 7 млн. м³, то есть почти половина всей гальки и гравия. Это привело к сильному истощению пляжей в бухтах Джубги, Ольгинки, Небуге, Агое и др. С пляжей Азовского моря изымалось большое количество песка и ракушки, которые использовались для получения биогенного карбоната кальция и подкормки птицы. Так, почти полностью была разработана головная часть косы Долгой, которая превратилась в цепочку мелких островов. В настоящее время введен запрет на изъятие обломочного материала с пляжей. Но, несмотря на принятые меры, негативное воздействие изъятий все еще сказываются.

Негативное влияние на пляжи Азовского моря оказывает зарегулирование речного стока Дона и Кубани. Это ведет к сокращению твердого стока и размыву дельт и устьевых участков. После строительства Краснодарского водохранилища, например, значительно усилилась абразия дельты Кубани и берега Темрюкского залива.

Сильно страдает рекреационный потенциал пляжей в связи с загрязнением нефтепродуктами. Особенно большой урон нанесен в результате массового кораблекрушения в акваториях Азовского моря и Керченского пролива 11 ноября 2007 г. В итоге произошло загрязнение береговой полосы края протяженностью 183 км. Наиболее загрязненной нефтепродуктами оказалась береговая линия общей протяженностью 49 км, в районе косы Чушка, косы Тузла, п. Ильич. При ликвидации последствий данной катастрофы очищено было всего 62,05 км [49].

Нетронутая природа в условиях современного сильнейшего антропогенного пресса на побережье Краснодарского края становится дефицитным рекреационным ресурсом. Поэтому особо охраняемые природные территории (ООПТ) Азово-Черноморского побережья Кубани особенно привлекательны для туристов. Рекреационная деятельность позволяет

посетителям этих территорий получать удовольствие от общения с природой, восстанавливать силы, расширять кругозор.

Хотя туризм в некоторой степени противоречит целям и задачам охраны природы, для некоторых видов ООПТ это противоречие не так существенно. В национальных парках и курортных местностях, надлежащим образом развитых и рационально управляемых, туризм не представляет серьезной угрозы для природы и приносит ощутимый доход. Например, в Сочинском национальном парке более 40 % всех внебюджетных поступлений связаны с рекреационной деятельностью [167]. Однако, большинство ООПТ рассматриваемой территории не способны на современном этапе развития предоставить туристам достаточного разнообразия платных услуг и продукции, поэтому их доходы от туризма пока значительно ниже, чем могли бы быть.

ООПТ прибрежной зоны Кубани включает территории:

- международного значения: объект Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Западный Кавказ», в который вошел Кавказский государственный природный биосферный заповедник и 2 территории водно-болотных угодий международного значения («Группа лиманов между рекой Кубань и рекой Протокой», «Ахтаро-Гривенская система лиманов»);
- федерального уровня: Сочинский национальный парк; заказники (Сочинский, Приазовский, Тамано-Запорожский, Туапсинский и Красная горка); курорты Сочи, Анапа, Геленджик; памятник природы – «Дендропарк Южные культуры»;
- регионального уровня: 8 заказников, много памятников природы, 3 территории курортов краевого значения (Ейск, Туапсинский район);
- местного уровня: 16 курортов местного значения (Ясеновская коса, г. Приморско-Ахтарск, с. Должанское, с. Камышеватская, г. Славянск-на-Кубани, п. Ачуево, с. Голубицкая, с. Запорожская, с. Тамань, с. Кучугуры, п. Янтарь, мыс Тузла, урочище Яхно, г. Туапсе, с. Глафировка, с. Щабельское).

Для большинства ООПТ Азово-Черноморского побережья Краснодарского края не определены допустимые рекреационные нагрузки и отсутствует система мониторинга экологических последствий туризма. Это создает опасность резкого снижения их рекреационного потенциала.

Данные территории располагаются как на землях ООПТ, так и на землях иных категорий, потому что в большинстве своем они созданы без изъятия земель у землевладельцев и землепользователей. Кроме того, часть ООПТ не внесена в Земельный кадастр Краснодарского края, что вызывает большое количество территориальных вопросов. Особенно это актуально для ООПТ расположенных в непосредственной близости от береговой линии и на территории популярных курортов.

На побережье Краснодарского края имеется 22 курорта (3 федеральных, 3 краевых и 16 местного значения). Округа санитарной охраны курортов утверждены только для 5 из них. Отсутствие утвержденных проектов округов санитарной охраны не позволяет эффективно регулировать хозяйственную деятельность на территории курортов [49]. На тех же курортах, где границы округов санитарной охраны утверждены, они зачастую игнорируются. Особенно напряженная ситуация, связанная с несанкционированной застройкой 1 и 2 зон санитарной охраны курортов, наблюдается в Сочи, Геленджике и Анапе.

Для развития рекреационной деятельности на базе ООПТ необходима соответствующая инфраструктура: средства размещения, транспорт, организованные туристские маршруты, оборудованные экологические тропы, терренкуры, обзорных площадок и т.д. К сожалению, ее пока нет.

Для большинства перспективных с точки зрения рекреации ООПТ не разработаны комплексы маршрутов и рекреационных программ, а там где они есть, имеются сложности связанные с ценообразованием и обеспечением адекватного качества этих турпродуктов.

К сожалению, приходится констатировать, что неконтролируемая рекреация на ООПТ Азово-Черноморского побережья Кубани сегодня приводит к нарушениям окружающей природной и культурной среды, ухудшению условий жизни местного населения, вызванных возрастанием транспортной нагрузки, чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов и нежелательным поведением туристов [94].

Особое место среди экологических проблем, которые снижают устойчивость развития туризма региона, занимает проблема образования, размещения, обезвреживания отходов производства и потребления. Отсутствие развитой системы утилизации и переработки отходов в продукты вторичного потребления ведет к их накоплению на территории предприятий, на полигонах и свалках, которые в большинстве случаев не отвечают экологическим требованиям. Особую опасность представляют свалки городов-курортов. Это при том, что в соответствии со статьей 16 Федерального закона «О природных и лечебных ресурсах» на курортах в принципе запрещено размещать полигоны твердых бытовых отходов.

По данным Департамента биологических ресурсов, экологии и рыбохозяйственной деятельности Краснодарского края [49], в Сочи проблемы возникают на всех стадиях обращения с отходами, начиная от сбора и транспортировки и заканчивая захоронением. Основным методом удаления отходов здесь является складирование на двух полигонах, организованных во II зоне санитарной охраны курорта на крутых склонах (Адлерская и Лооская свалки). Оба не соответствуют требованиям к их размещению и обустройству, что способствует загрязнению окружающей природной среды отходами производства и потребления. Фильтрационные воды, образующиеся на территории свалок, без очистки стекают в поверхност-

ные водоемы, постоянное горение мусорных отвалов способствует образованию стойких органических загрязнителей. В Туапсинском районе отмечено большое количество стихийных свалок, образующихся в самых неподходящих местах (берег моря, долины рек, крутые обрывы). В Анапе нет полигонов твердых бытовых отходов, отвечающих современным экологическим требованиям, полностью отсутствуют технологии по переработке твердых бытовых отходов. Действующий полигон, расположенный в районе х. Красный, размещен во второй санитарной зоне охраны курорта и при его функционировании происходит постоянное загрязнение почвы, атмосферного воздуха, поверхностных и грунтовых вод. В Геленджике действующие полигоны, расположенные во второй санитарной зоне охраны курорта, являются мощным источником загрязнения окружающей среды. Имеется также большое количество стихийных свалок, на которых встречаются отходы II и III класса опасности.

Рассмотренные в данной статье проблемы рекреационного природопользования и устойчивого развития туризма в муниципальных образованиях прибрежной зоны Краснодарского края имеют комплексный характер и требуют немедленного решения.

ГЛАВА 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ ЛОКАЛЬНОГО УСПЕХА НА ВОЛНЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОТОКОВ ИНФОРМАЦИИ

В условиях неконтролируемой миграции различных ресурсов, в том числе информации о научных открытиях, остановимся на истории успеха уникального степного музея-заповедника, ставшего известным всему миру в эпоху глобализации. Тема Аркаима и современных ему городищ Южного Зауралья вызывает сегодня неизменный интерес, что наглядно иллюстрирует недавнее посещение Аркаима Президентом В.В. Путиным.

В итоге 12-летней работы в экспедициях заповедника «Аркаим» автор пришел к выводам об устройстве древнего городища как единственной реальности Аркаима научного, а также о причинах повышенного общественного интереса к памятнику, не являющегося зрелищным, как любой другой археологический памятник. Увидеть в заповеднике можно только степные ландшафты и современные культовые сооружения.

11.1. Аркаим – визитная карточка Урала

Глобализация, или процесс миграции различных видов ресурсов, охватывает нашу цивилизацию. Неконтролируемый процесс естественного распространения касается также научных знаний и разработок. Возникая на определенном этапе развития информационного общества, глобализация имеет разные аспекты. В этой статье мы рассмотрим историю успеха уникального степного заповедника, сегодня широко известного как центр исторического и культурно-просветительного туризма.

Городище Аркаим было открыто случайно, но формирование научного интереса к нему, привлечение знаменитых личностей к решению проблем заповедника, многочисленные научные открытия коллектива, – все это создало базу для организации природной охраняемой территории в далекой степи Зауралья. Организация историко-культурного и природно-ландшафтного центра «Аркаим» привлекла внимание к проблемам степ-

ной зоны, в целом способствуя сохранению природных ресурсов, приучая общество к терпимости, толерантности и взаимному уважению.

Из истории создания. Историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Аркаим» расположен на юге Челябинской области, на границе Кизильского и Брединского административных районов. Комплексная историко-археологическая экспедиция Челябинского Государственного университета ежегодно выезжает в степную зону Челябинской области. В составе экспедиции работают ученые самых разных направлений: историки и этнографы, палеонтологи и антропологи, минералоги и археоастрономы, геологи и почвоведы, геоботаники и орнитологи. Взаимодействие ученых разных направлений, работы, длительное время ведущиеся на стыке наук, обеспечили высокий уровень исследований. Не удивительно, что именно этому коллективу улыбнулась удача в виде «открывшейся» для них группы удивительных памятников, получившей название «Страна городов». Весной 1987 года археологическая экспедиция Челябинского Государственного университета появилась в долине рек Большой Караганки и Утяганки, где полным ходом шло строительство водохранилища, днем и ночью гудели КАМАЗы, насыпая плотину. В ходе археологических раскопок, где работали студенты и школьники, было открыто городище Аркаим – памятник совершенно нового и неизвестного тогда типа поселений бронзового века степной Евразии. Уникальная сохранность памятника стала причиной прекращения строительства. *Впервые в России культурные ценности были поставлены выше хозяйственных.*

Схема расположения укрепленных поселений и некрополей эпохи бронзы, носящих условное название «Страны городов». Из экспозиции Музея.

В настоящее время заповедник имеет кластерный характер и включает в себя базовую территорию (юридически лесничество Степное Ильмен-

ского государственного заповедника) и 14 филиалов разбросанных в южной части Челябинской области в пределах укрепленных поселений и некрополей эпохи бронзы, носящих условное название «Страны городов».

Для поиска археологических памятников профессором Геннадием Здановичем и Ией Михайловной Батаниной было применено дешифрирование аэрофотоснимков [17] и разработана методика поиска памятников в степной зоне [57]. Более 20 лет шла разработка уникальной методики [116]. Благодаря ей и были открыты памятники, названные впоследствии «Страной Городов» [56], при характеристике которых с уверенностью можно применять такие термины, как «протоцивилизация», «протогород».

Укрепленные поселения имеют форму овалов, кругов, квадратов, которые вписаны древними ариями в живописные степные ландшафты. Сегодня известно 21 укрепленное поселение эпохи бронзы с многочисленными селищами и могильниками. «Страна городов» протянулась более чем на 300 км с севера на юг вдоль восточных склонов Уральских гор по Урало-Тобольскому водоразделу Евразийской бессточной области и бассейна Северного Ледовитого океана.

Общественный интерес. Яркая индивидуальность памятников, победа в борьбе с Министерством мелиорации, красота степного ландшафта находили широкое отражение в средствах массовой информации. Формированию общественного интереса к памятнику способствовала и ситуация в стране – начало 90-х – перестройка, коренная ломка личностного сознания и общественного уклада.

Исторический момент – борьба за сохранение памятника. Из архива заповедника.

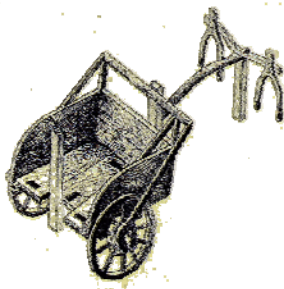
В связи с распадом СССР, проблемами национальной самоидентификации, поисками своих корней произошел всплеск активности националистических движений, и по сей день пытающихся назвать уникальное городище именно своей прародиной, тогда как в эпоху бронзы даже прообраз современного национального устройства еще не был заложен.

Аркаим и «Страна городов» на карте мира. Совет Министров РСФСР в сентябре 1989 года принял решение «О сохранении городища Аркаим в Челябинской области». В соответствии с ним исполком Челябинского

Совета народных депутатов в декабре 1990 г принял решение об отводе земель для организации филиала «Аркаим» Ильменского государственного заповедника. Совет Министров РСФСР в апреле 1991 г издал распоряжение об отводе земель для заповедника. В мае 1992 г Челябинский Совет народных депутатов принял решение о создании сети филиалов заповедника («Страна городов»). В настоящее время заповедник имеет кластерный характер и включает в себя базовую территорию площадью 3761,4 га и территории 14 филиалов общей площадью 653,2 га.

Челябинская область и городище Аркаим на карте России (использован фрагмент карты-путеводителя по музею-заповеднику «Аркаим», 2000).

Реконструкция колесницы из Синташтинского могильника. Колесо уже имеет спицы. Их архива заповедника.

Место Аркаима в археологической периодизации. Аркаим относят к памятникам синташтинского типа. Эпонимный памятник – поселение и группа могильников на р. Синташта Брединского района Челябинской обл. Итоги раскопок были интерпретированы в нескольких аспектах: культурогенетическом (как имеющие отношение к памятникам андроновской общности), этнической истории (как связанные с ранними индоиранцами), истории культуры (как древнейшие свидетельства о боевых колесницах). Памятники, исследованные на р. Синташта [40], вначале казались явлением исключительным и нетипичным для региона. После открытия в 1987 г Аркаима [57], а затем и целой группы укрепленных поселений синташтинского типа выделен особый пласт памятников, чаще всего понимаемый как археологическая синташтинская культура.

Аркаимско-синташтинский пласт культур тесно связан с андроновской культурной общностью. Ученые считают, что андроновские поселения создали индоиранцы [80]. Географические и мифологические сопоставления текстов «Ригведы» и «Авесты» позволяют предполагать, что «Страна городов» связана с легендарными «странами» древних ариев.

Культурно-исторические общности бронзового века. Из экспозиции Музея.

11.2. Устройство древнего Аркаима

Город-крепость. «... Пространство представлялось первобытному человеку безмерным. Он мог то всю родину сузить до места у очага, то землянку представить Вселенной...» [164]. Устройство городища профессор Геннадий Борисович Зданович, автор уникального открытия, представляет вот как [54]: обводная (внешняя) стена имела диаметр около 150 м и ширину по основанию 4-5 м. Сделана она из бревенчатых клетей размером примерно 3 × 4 м, залитых грунтом с добавлением извести. Снаружи стена была облицована сырцовыми блоками. С внутренней стороны к стене вплотную примыкали торцы жилищ. Фактически оборонительная стена и торцовые стены построек составляли единое целое. Верх стены был усилен двумя параллельными частоколами бревен, промежуток между которыми заполнялся дерновыми пластами. Выходы жилищ внешнего круга обращены к единственной кольцевой улице шириной около 6 м, которая проходила через все поселение параллельно стене цитадели. В древности мостовая была покрыта деревянным настилом, под ней – хорошо продуманная система ливневой канализации (водостоки и водоотстойники, главной составляющей которых является внутренний ров). Стена внутреннего круга (стена цитадели) имела диаметр 85 м и толщину 3-4 м.

Жилища внутри цитадели, как и во внешнем круге, располагались радиально, но с выходом на центральную площадь. Важно отметить, что поселения созданы с расчетом на круговую оборону, и такая система могла сложиться только в степной зоне, где местность слабо расчленена. В крыше каждого жилища располагалось дымовое отверстие особой конструкции. Деревянные конструкции крыши имеют земельное перекрытие. Вероятно, жизнь в городе кипела и на крышах жилищ, создававших дополнительную площадь.

Городище Аркаим. Несмотря на то, что Аркаим датируется рубежом III-II тысячелетий до н.э., основные контуры поселения хорошо читаются на современной степной поверхности. С высоты птичьего полета видны развалы оборонительных стен, развалы жилищ, центральная площадь и входы. Для туристов проведена реконструкция археологических развалов двух жилищ – сегментов города, и примыкающих к ним оборонительных сооружений. *Съемка с модели таплана. Макет городища Аркаим. Фото автора.*

Поселения, подобные Аркаиму, создавались по заранее продуманному плану, возможно, при наличии макета, тогда как традиционные поселения эпохи бронзы имели линейную, открытую планировку. Создатели города, планируя его элементы, руководствовались единой идеей, которую Г.Б. Зданович называет идеей центризма. Точка схода для всех сооружений в Аркаиме расположена на площади в цитадели. К этой точке обращены все осевые линии зданий, выходы из жилищ. Одно из понятий Ригведы – «вриджана» – встречается в тексте более 50 раз, и обозначает разное – «огороженное место», «загон для скота», «жилище», «несколько жилищ», «все люди, живущие в одном месте», «армия», «поселок». Зданович Г.Б. считает, что за этим стоят конкретные исторические реалии.

Город-мастерская. Образно-интуитивное сознание называется еще и мифологическим. «Это чистейшая условность, что мы называем мифом только словесно выраженный рассказ. На самом деле таким же мифом служат и действия, и вещи, и речь, и «быт» первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание», – отмечает О.М. Фрейденберг [164]. И поясняет: «Мифотворческое сознание имеет цельный характер, нерасчлененный. Если приходится говорить о его словесных, вещных, действенных оформлениях, то это не значит, что каждая из таких форм циркулирует разобщенно от другой. Напротив, они параллельны.

Свастические рисунки характерны для керамики аркаимско-синташтинской культуры. *Фото из архива заповедника.*

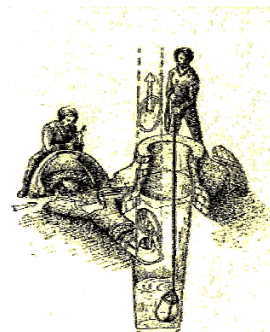
Словесные мифы инсценируются, вещные мифы, в свою очередь, сопровождаются действенными и словесными вариантами».

Эмблема Аркаима. Ранний вариант. Из архива заповедника.

На городище Аркаим по археологическим развалам реконструированы печи разного типа и назначения [42], работает музей с их действующими моделями, производится выплавка бронзы из местных руд, месторождения которых точно установлены. В каждом жилище также была печь для обжига керамики, встречались и отопительные печи разных конструкций, среди которых встречена угловая печь-камин, длинная обогревательная печь, которую надо топить целым бревном, потихоньку проталкивая его внутрь (не разрубая на дрова) — изобретательность и рационализм четырехтысячелетней давности не может не восхищать.

Мифы о происхождении ремесел говорят о том, что человек, создавая вещь, как бы повторял те операции, которые в Начале выполнял Творец. Участники этого процесса — человек (посредник в диалоге природы и культуры) и стихии (огонь, воздух, вода, земля), — в сущности, дублируют участников космологического акта творения. Не случайно технологии изготовления вещей в архаичных культурах относились к области сокровенного знания. В ряде домов Аркаима на дне колодцев обнаружены побывавшие в огне копыта, лопатки и нижние челюсти лошадей и коров. Кости помещены в колодцы преднамеренно: челюсти расположены по кругу вдоль стенок колодца и закреплены вбитыми в грунт березовыми колышками. Рядом с колодцами, в которых зафиксированы жертвоприношения, находились металлургические печи. При этом *поддувало печей было связано с колодцем с помощью специального воздухоудного канала, устроенного в грунте*. Практически в каждом жилище городища имелась печь для правки бронзы, соединенная воздухоудным каналом с колодцем. Из-за разницы температур воды и огня создавалась тяга, способствующая быстрому достижению высоких температур, необходимых при выплавке бронзы. На дне колодцев — жертвенники, состоящие из нижних челюстей животных, пригвожденных деревянными колышками по периметру дна колодца. Таким образом, *найден материальное подтверждение древнеиндийского мифа о холодной воде, рождающей горячий огонь*.

Реконструкция металлургического процесса на поселении Аркаим. Колодец соединен воздушным каналом с печью.

Город-обсерватория. Современное человечество испытывает повышенно-обостренный интерес к небу, с чем связано широкое распространение астрологии и смежных с ней эзотерических учений. Отголоски этого интереса постоянно выплескиваются на страницы различных изданий. Безусловно, это не способствует созданию благоприятной атмосферы для проведения исследований в сфере археоастрономии и истории древнейшей астрономии, считает археолог Дмитрий Зданович [61].

Аркаим часто сравнивают со Стоунхенджем, упоминая, что объекты даже расположены практически на одной широте. Расположение и ориентация городища, его башен, возможно, значимых радиальных линий стен, так же как расположение и ориентация захоронений в курганных могильниках является «правильно» ориентированным, в соответствии со значимыми астрономическими азимутами. Круговая планировка городища сама по себе является удобным астрономическим инструментом, в особенности, при наличии на местности высот, на которые можно ориентироваться. Если встать в центре городища, или иной его точке, взять ориентиром высоту местности (Черкасинскую сопку, г. Грачиную или г. Лысую), и перекинуть мысленную прямую через, например, одну из башен города и высоту местности, получится четко зафиксированная точка. Прохождение в этой точке ярких звезд можно четко фиксировать во времени, соотнося периоды года, и другие события.

Город-храм. Главный, западный «вход» в городище отмечен разрывом кольца внешней стены. Стена и ров резко поворачивают вглубь поселка и смыкаются с конструкциями цитадели. Однако на участке излома стены ров не только не прервался, но и оказался широким и глубоким [54]. По другую сторону рва со стороны поселения сохранился мощный фундамент башни, которую с полным основанием можно назвать «надвратной». Этот вход был ложным, и чужестранцы, устремившиеся в прогибы стен, попадали под град стрел, которые летели с трех сторон. Главный вход в поселок находился в боковой северо-западной стене. Он имел ширину около 6 м и выходил сразу на круговую улицу. Стена цитадели была сплошной и нигде не прерывалась, за исключением одного участка к востоку от сектора главного входа. Чтобы попасть на территорию внутреннего круга поселения (цитадели), нужно было проехать по всей длине кольцевой улицы. Только в ее конце через особые ворота можно было проникнуть к центральной площади и окружающим ее жилищам. И другого пути не было. Такой маршрут мог иметь не только оборонительное, но и риту-

альное значение. *Каждый элемент поселения находился в тесной связи с целым, а четко обозначенное архитектурное единство говорит о целенаправленном воплощении в объемно-пространственных формах определенных идеологических и культурно-хозяйственных установок – говорит Геннадий Зданович.*

Города-протополисы. Укрепленные центры располагались на расстоянии 40-70 км друг от друга, каждому центру сопутствовала освоенная территория, или «земельный округ», средний радиус которого составлял 25-30 км, а средняя площадь округа равна, примерно, 2000 кв. км [58]. В этих пределах располагались сезонные стоянки скотоводов, рыболовов, неукрепленные поселки, тесно связанные с городом-крепостью, медные рудники. Почти в каждом доме укрепленного городища обнаружены металлургические и керамические печи. Дешифровка аэрофотоснимков позволяет увидеть рядом со стенами города плотины и каналы, загоны для скота и следы древних дорог. Формирование синташтинско-аркаимской поселенческой системы происходило на фоне освоения населением оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства; синташтинские поселенческие структуры свидетельствуют о сложных, хорошо упорядоченных формах социальной жизни.

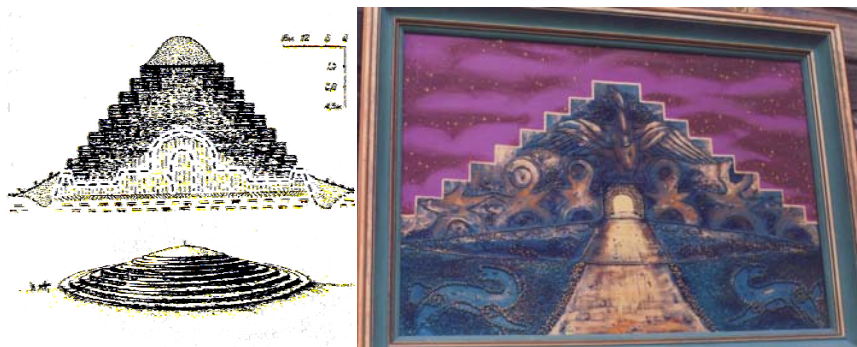
Несмотря на небольшие размеры укрепленные центры можно называть протогородами. Употребление понятия «город» к укрепленным поселениям аркаимско-синташтинского типа, конечно, условно. Однако их нельзя назвать просто поселениями, так как аркаимские «города» отличаются мощные оборонительные сооружения, монументальность архитектуры, сложные системы коммуникаций. Вся территория укрепленного центра предельно насыщена планировочными деталями и глубоким содержанием, она очень компактна и тщательно продумана. *С точки зрения организации пространства перед нами даже не город, а некий сверхгород.*

В планировочном решении протогородов ведущую роль играют геометрические символы: овал (яйцо), круг и квадрат (прямоугольник). Наиболее ранняя традиция воплотилась в сооружении овальных поселений, несколько позднее (и одновременно) появляются круги и квадраты. *За планами «городов», безусловно, стоят различия в мифологическом восприятии мира [53]. Очевидно, что в аркаимских сообществах геометрическая символика определяла все смыслы ритуального и бытового существования. С ведущим геометрическим символом, вероятно, был связан и выбор места для строительства поселения, и, возможно, форма всего земельного округа, геометрический контур его границ.*

Все укрепленные центры занимают ровные сухие площадки по берегам небольших степных рек, редко озер. Эти участки обязательно вписаны в какие-то границы, обозначенные природой. Обычно они окружены водными протоками или прогибами старых русел, которые вода заполняет во время весенних паводков. В случае, если прогибы русел не полностью

оконтуривали жилую площадку поселка, вырывался специальный канал, который соединял русла и создавал замкнутую водную систему. И в наше время в период весенних половодий многие площадки аркаимских поселений возвышаются как острова над водной стихией. Островное положение укрепленных центров связано скорее с ритуальной организацией пространства, чем с потребностями обороны, считает профессор Г.Б. Зданович.

Большой Синташтинский курган. Наше описание не будет полным, если мы не остановимся на раскопках одного из загадочных степных сооружений.

Большой Синташтинский курган. Разрез и общий вид (реконструкция). Сооружение такого масштаба требовало больших трудозатрат коллектива. Схема из архива заповедника.

В произведении Николая Никитенко отражено видение художником одного из объектов Страны Городов – Большого Синташтинского кургана и его Хранителей. Работа подарена ее автором музею заповедника. Фото автора.

Девятиступенчатая усеченная пирамида, высотой более 9 м, на уплощенной вершине которой было воздвигнуто сооружение из сырца диаметром 18 м. На ярусных площадках пирамиды погребально-храмового комплекса сохранились остатки столбов и мощные прокалы – следы огня. Высота сооружения в наше время составляет 4,5 м, а диаметр 80-85 м [55].

Толос – погребальная камера в виде ступенчатого свода, в отличие от обычных могил, опущенных на один-два метра в землю, сооружен на уровне древней поверхности. Весь курган-святилище сооружался несколько лет. Внутри пирамиды располагались внушительные полые помещения, три яруса которых читаются по развалам сырцовых конструкций. При завершении строительства посещалось не только верхнее святилище, но и комплекс внутренних помещений, которые обеспечивали доступ к толосу и погребальному склепу. Все это говорит об особой роли захороненного здесь человека. Вещевой инвентарь, положенный в могилу, был предельно скромным. Предполагается, что этот погребенный не нуждался в вещах, соответственно, являлся не вождем, а духовным лидером, или Учителем, чья могила почиталась населением Страны городов.

Информационный взрыв в древности. Имея в своем распоряжении лишь археологический источник, сложно классифицировать социумы и выделять основания для конкретных хозяйственных типов. Археологически фиксируется лишь незначительная часть реальных затрат коллектива на поддержание своего функционирования, не говоря уже о точности их оценки, а существование частной собственности не диагностируется даже для раннегосударственных образований.

Обширная и стабильная ресурсная база лесной зоны Урала в конце каменного века при переходе к эпохе металлов вполне удовлетворяла возросшие способности лесных коллективов. Приуроченность древних поселков Среднего Урала к лесным ландшафтам, как правило, свидетельствует о доминировании присваивающих отраслей в хозяйственной системе традиции [32]. Огромный опыт успешного ведения присваивающего хозяйства и совершенной техники обработки камня вряд ли нуждался в замене новыми, неосвоенными для лесной зоны технологиями – металлургией меди (эффективность ее нередко ниже каменной индустрии) и скотоводства, которое в лесной зоне требует больших тудозатрат. Лесное население Урала сосуществовало с нарождающимися в южных районах формами производящего хозяйства, но продолжало ориентироваться на присваивающую экономику и сырьевую базу [171]. Кризис присваивающей экономики, базирующейся на эффективной экономике каменной индустрии в лесной зоне Урала и сопредельных территориях в неолитическую-энеолитическую эпоху так и не наступил.

Резкое изменение хозяйства населения Волго-Уралья происходит на рубеже III-II тысячелетий до н.э. Это связывают с кратковременной, но сильной аридизацией [121]. Численность диких видов сильно сокращается, сокращается и численность населения. В итоге, в лесостепной и степной зонах Волго-Уралья и Зауралья формируется ареал производящей экономики, основанной на животноводстве, что означает, что *производящее хозяйство зародилось в степи.* Поселения алакульской, федоровской и черкаскульской культур (андроновская бронза), экономическая модель которых полностью базировалась на производящем, животноводческом укладе, приурочены к открытым, остепненным участкам, либо к редко-лесным березовым колкам.

Центр мощного очага культурогенеза рубежа рубеже III-II тысячелетий до н.э. был расположен в Южном Зауралье, где занимал относительно небольшой компактный район. Сложение «Страны городов» – это одновременно и формирование степного многоотраслевого хозяйства андроновского типа, базирующегося на отгонно-придомном скотоводстве при некотором внимании к земледелию, почти полному забвению охоты, но с сохранением традиций рыболовства. Концентрация значительного количества людей в протогородских центрах создала условия для «информационного взрыва».

Создание протогородов в степной зоне Северной Евразии – это серьезный опыт человеческого общежития. Концентрация двух-трех тысяч человек (по данным реконструкций численности населения в жилище, внешнем и внутреннем кругах поселения, в целом городе) на малой площади аркаимских «городов» создали особые условия для информационного взрыва. С ним, возможно, были связаны высокая духовная культура и передовые технологии, например, в металлургии. Можно предположить, что задолго до греков аркаимцы создали систему, близкую классическому средиземноморскому полису.

Как писал известный испанский философ Ортега-и-Гассет: «Полис изначально не скопление жилищ, а место общественных собраний, пространство, отведенное для гражданских дел. Это упраздненная природа и, следовательно, пространство, где человек освобождается от своей общности с растениями и животными» [10, с. 178]. Сократ говорил: «У меня ничего общего с деревьями в поле, общее у меня с людьми в городе» [10, с. 178]. Культурные и этногенетические потоки, сконцентрированные на малой и плотнонаселенной площади «Страны городов» дали тот необычайный взлет мифологического мышления и ритуальной деятельности, считает проф. Зданович Г.Б., которые зафиксированы археологически в поселенческой архитектуре, фортификациях и погребальных сооружениях.

11.3. Целенаправленный пиар и создание брэнда

Немалую роль в создании и раскрутке брэнда «Аркаим» сыграл поиск и привлечение ярких сравнений, метких выражений, разработка текстов полевых и музейных экскурсий. Очень сложно рассказать человеку о далеких эпохах. Чтобы возбудить «память рода» к человеку нужно подходить с более близких во времени и понимании позиций – через русскую культуру XIX века, дальше – средние века, только за ними – древность. Огромна работа научного коллектива. Именно научные материалы становятся базовыми для последующих построений. Отдельной темой выступают работы о природе. Через отношение человека к природе, через красоту ландшафта человек открывается для восприятия каких-либо исторических реалий.

Научные направления работы заповедника. Музей-заповедник сложился как культурно-просветительский центр и полигон для научных исследований. Ко времени принятия официальных документов о создании заповедной территории было раскопано 8000 кв. м территории городища (чуть менее половины), большое количество погребальных сооружений от эпохи бронзы до средневековья [20], раскрывающие историю заселения региона. Для лучшего понимания исторических процессов и их представления в музейных экспозициях проводится специальное, опытно-экспери-

ментальное моделирование. Так, по материалам городища Аркаим восстановлен внешний облик жилища – сегмента городской планировки, построены печи разного типа и назначения, реконструированные по их археологическим развалам, произведена выплавка бронзы из местных аркаимских руд, месторождения которых точно установлены. В музее-заповеднике действуют экспериментальные площадки по технике обработки камня (неолит), гончарству, ткачеству, функционирует музей печей, с действующими моделями отопительного, гончарного, металлургического назначения. Построена модель-копия кургана раннего железного века Темир, внутри которого размещена экспозиция погребального обряда. Созданы также реконструкции погребальных памятников эпохи бронзы и средневековья. Они возведены из натуральных, привезенных с мест раскопок, материалов в соответствии с технологией, зафиксированной в процессе раскопок. Комплекс названных моделей-реконструкций получил название Исторического парка. Экспериментальные работы, проводимые на базе музея-заповедника ориентированы на получение научной информации: разработка технологий, выявление реальных трудозатрат в строительстве жилых, культовых и оборонительных сооружений, для решения вопросов формирования культурного слоя и изучения руинизации моделей строительных конструкций.

Окрестности Аркаима являются также объектом этнографических исследований. Заповедник создает условия для охраны этнографических объектов. Перевезена и восстановлена на территории исторического парка ветряная мельница начала 20-ого века. Открытие финансирования позволило пригласить специалистов естественных наук из Москвы, Ленинграда, Екатеринбурга, Новосибирска и других научных центров. Так были заложены основы современных научных направлений, которые развиваются сегодня в музее-заповеднике Аркаим [59].

Заповедник является уникальным научным учреждением, где комплексно изучается история взаимодействия Человека и Природы. Изучение включает: историю общества, особенно древнего, историю развития природы [117], взаимовлияние природы и общества на разных этапах [119], историю антропогенных изменений экосистем [120] на вновь заповеданной территории, мониторинг разнообразных современных процессов [122]. Полученные знания служат основой современного экологического мышления для общественности области [115, с. 559].

Экскурсионно-просветительская деятельность. Закончилось второе десятилетие с тех пор, как «Аркаим» стал заповедником. Чем больше проводится исследований его археологических памятников и природы, тем больше становится ясной уникальность его природных ландшафтов. Этот памятник является гордостью России, подобно тому, как пирамиды являются гордостью Египта, Стоунхендж – Англии, Троя – Турции.

Большую работу ведет группа этнографов, затрагивающих самые «свежие» пласты прошлого. Сбор материалов для экспозиций никогда не ограничивался только предметами, значительную часть сборов составляют сказания, песни, выражения. Много фразеологизмов родилось в крестьянской речи, создалось из быта людей, которые поколениями жили на одном месте. Эти фразы, как и некоторые выражения из Библии, настаивались веками, прежде чем впитаться в язык. А сейчас деревня – общество, в котором они родились – практически разрушена, зато выросло множество городов. В них люди живут крайне разобщенно, сбиваясь в субкультурные группы – по профессии, по интересам... Что у них общего? Да как раз фильмы и книги, причем самые популярные, которые все знают наизусть. Используя цитаты из них мы эмоционально сближаемся в разговоре: оказывается, что у нас одни и те же знания, образы, оценки... Об Аркаиме создано несколько популярных фильмов. И умы целой армии журналистов совершенно добровольно осуществляют подбор слов и поиск ярких выражений для своих статей, в конечном итоге, работающих на популярность культурного центра.

Если насытить пространство информацией об его прошлом, рассказать о истории каждого конкретного места, наполнить пространство смыслами – такое место обретет особую притягательность для людей. Эта идея не нова, она реализована в большинстве европейских стран. Поскольку подавляющая территория России безымянна, то возбуждают народный интерес те места, где исследования проведены и стали достоянием общественности.

Открытие Аркаима, борьба за его спасение, первые научные результаты широко отражались в средствах массовой информации [15]. Это значительно способствовало формированию общественного интереса к памятнику и заповеднику. Конкретное историческое (в том числе археологическое) знание стало доступным и востребованным широкой аудиторией. Заповедник становится все более популярным объектом [59].

Кризисы современности – залог популярности древнего городища. Одним из многообразных проявлений глобализации является не только интернационализация науки [114], но и интенсивность международных обменов, взаимоотношений и взаимозависимости; освобождение от ограничений передвижения; беспрепятственное распространение продуктов, опыта и знаний. Примером этому служит все возрастающий поток желающих побывать в заповедной долине и увидеть городище Аркаим.

Общественность не оставляет уникальный памятник без внимания. Удаленный он магистралью степной заповедник посещали послы различных государств, общественные деятели, популярные писатели (Михаил Задорнов), космонавт Гречко и другие. Даже Архиепископ Тихвинский, ректор Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, Владыка Константин. В последние годы сложилась ситуация, когда становится не-

приличным побывать на Урале, и не нанести визит аркаимскому культурному центру.

Первые лица Российского государства редко посещали Зауральские степи. Около двухсот лет назад Екатерина Великая бывала в этих краях при инспекции укреплений Оренбургской линии. 16 мая 2005 года музей-заповедник «Аркаим» посетил В.В. Путин.

Профессор Г.Б. Зданович показывает коллекции аркаимского музея Президенту В.В. Путину. Фото А.Д. Таурова. Из архива заповедника.

Руководители страны и региона смогли объединить усилия по сохранению культурного наследия, что запечатлено в экспозиции созданного при общем участии музея. Фото автора.

Любопытна история приезда Президента В.В. Путина. Рассказывают, что его большой друг, господин Шредер в одной из бесед задал нашему Президенту об Аркаиме вопрос. И понеслись в заповедник телеграммы и запросы, что за памятник, и почему за границей знают, а наш Президент не в курсе... «На разведку» приехал господин Медведев. Доложил, что памятник уникальный. В мае 2005 года заповедник посетил Президент В.В. Путин. В поисках национальной идеи, опять же... Вот такая удивительная история о распространении по миру знаний о научных открытиях.

«Для сохранения культуры ее не нужно защищать с помощью бюрократии и полиции, или изолировать таможенными барьерами – в этом случае она провинциализируется и чахнет. Она должна жить свободно, быть открытой для взаимобмена с другими культурами, благодаря которому обновляется и обогащается» [100]. Соприкосновение культур, вызванное глобализацией, снижает риск того, что люди могут оказаться в ловушке какой-то одной из них. Возможно, ревнителям традиций будет неприятно это слышать, но многие мечтают освободиться от стереотипов той культурной среды, к которой принадлежат. Глобализация просто необходима для избавления от навязанных обычаем гендерных ролей, для жизни под руководством собственных ценностей, разрыва с семейными традициями и выбора работы по душе, – считает пропагандист глобализации, шведский экономист Юхан Нормберг. *Не существует универсальной формулы для вычисления оптимального соотношения традиций и современности в культурной сфере. Каждый человек определяет этот баланс по-своему.*

К человеку – через искусство. Заповедник всегда очень охотно приглашал лиц с художественным восприятием действительности, и это один

из принципиальных моментов политики заповедного руководства. По мотивам археологических находок и раскрученного представления о той культуре создана масса художественных произведений.

Скульптура Б. Качеровского «Россия» С обратной стороны – лик Христа. Также трактуется как единение мужского и женского начал. *Фото автора.*

Композицию Виктора Хара музей приобрел для базовой экспозиции. *Фото автора.*

От керамических коллекций Виктора Хара или Екатерины Пензиной, экспонировавшихся в разных регионах, до одноименной оперы. На Аркаиме работала наша знаменитая землячка Щетинкина, Александр Разбойников, пензенский скульптор Борис Качеровский.

Пест (фото из литературы). Скульптура головы лошади. Антропоморфная скульптура. Случайные находки. *Фото автора.*

«Человека никогда не перестанут удивлять две бесценные вещи: нравственный закон внутри нас и звездное небо над нами». Иммануил Кант. «Человек, смотрящий в небо» стал символом аркаимской культуры. Копия. *Фото автора.*

Некоторые антропоморфные скульптуры стали художественными символами и городища Аркаим, и одноименной культуры, например, всем

известен «Человек, смотрящий в небо». Их всего несколько, даже десятка не наберется. Но они вызывают наиболее сильные эмоции у человека. Некоторые оригиналы выставлены в музее заповедника, но в большинстве случаев представлены копии. Все эти находки были случайными, строго говоря, идут споры о трактовках таких находок, в особенности, об их датировании. Кроме того, оригиналы экспедиция обязана оставлять в том музее, на чьей территории сделана находка, поэтому часть оригиналов выставлена, например, «Человек, смотрящий в небо» – в музее Костаная.

С другой стороны, найденные улыбающиеся песты и антропоморфные наверхия являются фаллическими символами, и вполне резонен вопрос, с культурой ли огнепоклонников здесь мы имеем дело, либо эти племена не только солнцу и огню поклонялись. Данный вопрос не афишируется администрацией, а в экспозиции предметы прописаны как «скульптура головы лошади».

Романтический идеал как движущая сила. Романтика в чистом виде – это образ жизни Странника. Куда-то идти, к чему-то стремиться, покорять, завоевывать, встречать все новых людей, терять старых, и при этом ни за что не держаться. Это состояние практически несовместимо с возможностью построить стабильные отношения, и удерживать контроль над ними. У большинства романтические воспоминания связаны с юностью – порой высоких энергетических состояний. Люди стремятся к ним вернуться.

Многие готовы отдать люди, чтобы посидеть у гудящего пламени костра.
Фото автора.

В обществе романтический идеал навязывается СМИ, литературой. Сериал без добавления романтизма смотреть никому не интересно. Но для успеха в современном обществе требуются совсем другие идеалы – усидчивость, неконфликтность, уступчивость и умение договариваться, романтика здесь неуместна. Вместе с тем, героем фильма, например, никогда не станет рядовой человек. А если станет, то сюжет будет построен на том, как он будет вырываться из пут обыденности. Романтические идеалы позволяют подняться на другой энергетический уровень, испытывать все то же вдохновение, влюбленность, жить в полном смысле слова. И романтические периоды человек всегда вспоминает с большой теплотой.

Вовсе не обязательно отказываться от романтики полностью. Периодически можно позволить себе жить по ее принципам. Руками именно

романтиков-волонтеров проводится большинство раскопок. Либо дармовой силой студентов, для которых обязательна археологическая практика.

Приобщение человека к огню имеет очень глубокие корни и является одним из основных факторов, отличающих человека от представителей животного мира. Именно человек в глубокой древности смог «сесть» у костра. Приобщение к огню является явным проявлением психологической революции [11]. Есть огонь – перед нами уже человек. В то же время происходит человек с африканского континента, где нет необходимости согреваться. Соответственно, о причинах «приручения огня» можно спорить, но такой причиной может являться слабое наркотическое действие дыма. В Китае существовала культура воскурения курительных палочек, которых имелось десятки сортов на все случаи жизни. Дун Юэ в XVII веке так писал об этом: «Воскуриваешь кипарис – словно возносишься в заоблачную страну небожителей, воскуриваешь оливки – словно слышишь звуки древней лютни и т.п.». По сути дела, эти курения оказывали тот или иной, в основном наркотический эффект [10, с. 62]. Использование огня, в какой-то мере локально изменило миграцию углерода, калия, кальция и других макроэлементов. Например, продуктами сгорания являются углекислый и угарный газы, концентрация которых около костра может быть очень большой. Возникает ряд вопросов: могли ли эти элементы и их соединения, попадать с дымом костров в организмы людей и влиять на их здоровье и поведение?

В настоящее время созданы основы нового научного направления – антропологии, о роли химической среды в жизни человека и цивилизаций. В рамках этого направления, в частности, рассматриваются вопросы физиологических основ эволюции человечества в зависимости от содержания микроэлементов во вдыхаемом воздухе [10, с. 63]. Например, увеличение попадания в легкие человека такого элемента, как ртуть, связывают с усилением агрессии общества в целом, экспансии, снятие же «бромного пресса» при собирательстве и возделывании злаковых культур, в которых содержание брома резко уменьшается – с неолитической эволюцией. Достаточное количество в пище такого элемента, как фосфор, в тех самых городах-протополисах Греции связывают с развитием умственных способностей сытой элиты общества, а массовые психозы средневековья – с культивированием ржи, в посевах которой развилась спорынья. И недаром в восточных странах в наше время пищевой рацион мальчиков и девочек значительно различается. Хотите вырастить мужчину – потребляйте эти продукты, покладистую и спокойную женщину – кормите ребенка совсем другими продуктами. Потребление определенных элементов приводит к определенному результату. Здесь уместно напомнить, что вещества, поступающие через дыхательные пути, усваиваются организмом почти в двадцать раз активнее, чем при поступлении через пищеварительный тракт.

В наше время мы не всегда знаем, для чего нам хочется посидеть у костра. Легкое наркотическое действие дыма не подлежит сомнениям, завораживающе действует огонь, и действие это имеет глубинные механизмы. В любом случае, приглашая граждан посидеть у костров, обращение идет к подсознательным пластам, присущему человечеству стремлению к красоте, так же как и при встрече с открытыми степными ландшафтами, или при рассматривании атропоморфных скульптур древности. Точно ясно одно: организуя продажу вязанок с дровами для туристов бессознательные стремления приехавших легко превращается в совершенно осязаемые финансовые средства.

11.4. Эпохи, народы, степь

Туризм в отдаленной степи приобрел особые формы – исторический, эзотерический и познавательный. Ежегодно за летний сезон с мая по октябрь заповедник посещает более 30 тысяч туристов. Скудость финансирования заповедника заставляет нас принимать туристов ради собственного выживания, применяя плановое распределение туристических групп на весь сезон, концентрирование экскурсионных объектов на границе заповедника, где туристы не представляют угрозы заповедным ландшафтам. Осуществление рационального природопользования, сохранение лесов, восстановление антропогенно-преобразованных экосистем являются основными целями создания национального парка «Аркаим». Накопленный на примере заповедной долины опыт показывает реальность осуществления такого проекта [118, с. 560]. Забота о том, какой увидят будущие поколения эту землю сегодня должна стать нашей основной задачей. Ибо всякое завтра рано или поздно превращается во вчера, и еще быстрее – в десять лет тому назад.

Локальные выгоды имеет население региона. В ближайших селах произошло поднятие цен на землю и дома, местные землевладельцы на этом хорошо обогатились. Пирожки, молочные продукты домашнего приготовления, занятость в сфере услуг – все это служит развитию локальных поселений. Сегодня в каждом доме ближайшего к заповеднику сельского поселения Александровка сдается туристам либо навес, либо комната, либо баня. В ряде домов хозяева поставили вторую баню – для себя отдельно от туристов. Развивается торговля, ежегодно произвольно создается весьма крупный для далекой степи палаточный рынок. В отдельные дни, например, летнего солнцестояния, поток туристов становится неконтролируемым, а численность приехавших оценивается десятками тысяч единовременно.

В последние годы в заповеднике регулярно организуются ролевые игры на историческую тематику с погружением в быт и нравы различных эпох. В ролевой игре «Племя эпохи неолита» принимали участие и стар и млад... *Фото автора.*

Вместе с проявлением здорового научного интереса и любознательности со стороны широкой общественности вокруг Аркаима формируется также и некоторая мистическая атмосфера, связанная с интерпретацией его особенностей в духе астрологии, экстрасенсорики, идей экзотических религиозных течений. Эта сторона общественного отношения также нашла оценку в ряде публикаций серьезных ученых [170]. Популярность места у адептов тайных учений отчасти была инициирована посещением Аркаима в конце 90-х гг знаменитым астрологом – Тамарой Глоба [16, с. 14]. Внимание знаменитостей к определенным памятникам культуры всегда вызывает последующие волны народного интереса, в данном случае проявившиеся в массовом наплыве посетителей с целями оздоровления души и в соответствии с эзотерическими представлениями.

Сжигание грехов.

Прыжки через костер.

Мир рубежа II-III-его тысячелетия н.э. называют постиндустриальным, постсовременным и даже постчеловеческим [60]. Многие стороны человеческого бытия охвачены кризисными явлениями: наука, религия, взаимоотношения между этносами и государствами, между обществом и природой... Многие умы нашего времени в поисках выходов из тупиков постмодернового мира начина-

ют обращаются к самым древним пластам человеческой культуры, к идее единства мира, природы и общества.

Туристический лагерь Аркаима в будний день летом 2009 г. Увеличены группы туристов на эзотерических занятиях.

Разнообразный опыт человечества, накопленный, начиная с эпохи неолитических эволюций, в эпохи бронзы, железного века, в историческую эпоху, запечатленные в исторической и археологической памяти, начиная с древнейших «Ригведы» и «Авесты» и кончая философскими построениями Рериха и современных мыслителей. В таких сложных идейных процессах «Аркаим» все больше играет роль определенного центра внимания. В его археологических и природе, популярности и даже некоторой «ауре» реализуется связь современности с прошлым.

Страх потеряться при глобальном единении. С одной стороны, открытость внешним влияниям способствует распространению самых привлекательных идей. Поэтому идеи свободы и индивидуализма в период глобализации обрели такую невероятную силу. С другой стороны, глобализация как процессы слияния экономик инициирует и усиливает процессы самоопределения наций. Всякая народность ищет свою прародину, свою историю и страх здесь является мощной движущей силой. Страх потеряться при глобальном единении.

Одиночество. Фото автора

Монополизация? Искученность современного мегаполиса с механическим ритмом обыденной жизни нарушает целостность существования человека в мире природы и культуры. Человек чувствует себя одиноко в меняющемся мире. Крах идеалов ведет сюда людей. Так или иначе, но основное их занятие – медитации.

Степные просторы. Одинокие курганы и столбы древних памятников. Извилистые рука рек со стелющимся ранними утрами голубым туманом... Через эти ландшафты чувствуется связь с прошлым.

Возможно, открытие Аркаима именно в период смуты, распада центральной власти, потери территорий, кризиса экономики и ценностей, выразившегося во всеобщей депрессии и убыли населения – предназначено стать объединяющим началом для теперь уже новых россиян? Быть может, это поиск адекватной среды обитания человека, выход за пределы пространства городских агломераций?

Степная колыбель цивилизации. Восход солнца. Тысячи туристов, привлеченных научными открытиями, приезжают в музей-заповедник чтобы, как древние поклонники Солнца, увидеть восход над Аркаимской долиной. *Фото автора.*

Открытые степные пространства восхищают своей красотой, располагают к размышлениям, открывают глубинные пласты души. Побывав однажды, человек возвращается сюда снова и снова, чтобы еще раз услышать плывущие над степью звуки бубна... С трепетной надеждой – хоть на миг – обрести себя. Привлекает богатая история, яркий ритуальный характер, самобытность древней культуры. Аркаим становится местом отправления культов и, вместе с тем, местом проявления наших сегодняшних надежд.

История этих мест исчисляется тысячелетиями. Сегодня мы все еще только учимся читать летописи ландшафта. *Цивилизации развиваются и угасают, но реальностью является только степь, с ее долинами, стелющимися по утрам голубыми туманами, волнующимися просторами и силуэтами древних памятников...* И полетом человеческой души, который она рождает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // СПС – Консультант Плюс.
2. Бюджетный Кодекс РФ // СПС – Консультант Плюс.
3. Указ Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» от 1 апреля 1996 года.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.
5. Проект Федерального закона «Об особенностях принятия решений в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности».
6. Абалкин Л.И. Курс переходной экономики. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 1997. – 640 с.
7. Агафонов М.Ю., Азримян А.Н., Азриман О.М. Большой экономический словарь. – М.: Институт новой экономики, 2002.
8. Айбулатов Н.А., Андреева Е.Н., Вылегжанин А.Н., Михайличенко Ю.Г. Природопользование в прибрежной зоне морей России // Известия РАН. Серия географическая. – 2005. – № 4. – С. 13-26.
9. Александрова Е.Н. Формирование системы государственного регулирования российской инновационной системы: перспективы использования мирового опыта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 17 (50). – С. 15-20.
10. Александровская Е.И., Александровский А.Л. Антропохимия. – М.: «Класс-М», 2007.
11. Александровская Е.И., Александровский А.Л. Историко-географическая антропохимия. – М.: НИИ-Природа, 2003. – 204 с.
12. Амирханов М.М., Барзыкин Ю.А., Чуваткин П.П. Особые экономические зоны и развитие туризма. – Сочи: СГУТиКД, 2006. – 154 с.
13. Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. Основы региональной экономики: учебное пособие. – 2-е изд. – М.: КНОРУС, 2008. – 336 с.
14. Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. Основы региональной экономики: учебное пособие / А.В. Андреев, Л.М. Борисова, Э.В. Плучевская. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2008.

15. Аркаим. 1987-1997: библиогр. указ. / Сост. д.г. Зданович, Е.И. Коган, Н.Н. Орлова; вступ. ст. д.г. Здановича / Челяб. гос. ун-т; Природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим». – Челябинск, 1999. – 120 с.
16. Аркаим: Исследования. Посики. Открытия (по страницам древней истории Южного Урала). – Челябинск, 1995.
17. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район / Г.Б. Зданович, И.М. Батанина, Н.В. Левит, С.А. Батанин / Труды музея-заповедника «Аркаим»; Администрация Челябинской обл.; Центр «Аркаим»; ЧелГУ; Институт истории и археологии УрО РАН – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 240 с.
18. Архив МВД Республики Саха (Якутия). Ф. 11.
19. Бабич А.М., Павлова Л.Н. Государственные и муниципальные финансы. – М.: Финансы, 1999.
20. Батанина И.М., Иванова Н.О. Археологическая карта заповедника Аркаим. История исследования археологических памятников // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия (По страницам древней истории Южного Урала). – Челябинск, 1995. – С. 159-191.
21. Бежаев О.Г. Межбюджетные отношения: теория и практика реформирования. – М.: Экзамен, 2001. – 128 с.
22. Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии развития России до 2020 года. – М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.
23. Белоусов А.Р. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: анализ угроз // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 1.
24. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивости для России / С.Н. Бобылев, И.Ф. Лущик // Бюллетень «На пути к устойчивому развитию России». – 2002. – Вып. 8 (19). – С. 10-11.
25. Брюмер К. Система поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в Германии – возможный ориентир для России?: сб. Бизнес-инкубаторы в системе поддержки малого бизнеса: российский и международный опыт / Под. ред. Э. Маркварта. – М.: ИПИ, 2001.
26. Бугай Н.Ф. 40-50-е сылларга саха сирингэр дьону коһорон аһалыы // Чолбон. – Якутск, 1991. – № 7. – С. 77-78.
27. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М.: «АИРО-XX», 1995.
28. Бугай Н.Ф. Переселение «по государственному заданию» в Якутскую АССР: 40-50-е годы // Национальные отношения в регионах страны: история и современность. – Якутск, 1992. – Ч. 1.
29. Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
30. Варнавский В. Вложения в инфраструктуру необходимо продолжать // Логистика и управление. – 2009. – № 11.

31. Виткэмпер Г. Стратегия регионального развития на основе региональной структурной политики // Муниципальные и региональные процессы в условиях глобализации и европеизации. – М.: КДУ, 2006. – С. 297-332.
32. Волков Е.Н. Эколого-экономический аспект в развитии энеолитических древностей Зауралья // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2003. – С. 112-114.
33. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
34. Газовый император. Россия и новый миропорядок / Н. Гриб. – М.: ИД «Коммерсантъ»; Эксмо, 2009.
35. Гайфутдинова О.С. Инновационная конкурентоспособность как фактор укрепления национальной экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 19 (52). – С. 8-13.
36. Галумов Э.А. Имидж страны: компоненты структуры и коммуникации. – М., 2002.
37. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003.
38. Гапоненко А.Л. Разработка стратегии территориального саморазвития // Регион: ресурсы местного самоуправления: спецкурс, вып. 8 / Под науч. ред. Ю.П. Алексеева, Б.Е. Шпилева. – М.: Изд.БСТ, 1999. – С. 17-38.
39. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг.: Сб. документов. – Новосибирск: СО РАН, 1994.
40. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта // Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск. Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.
41. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вуза. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
42. Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия (По страницам древней истории Южного Урала). – Челябинск, 1995. – С. 147-159.
43. Грязной А.Г. Финансово-кредитный энциклопедический словарь. – М.: Финансы и статистика, 2002.
44. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 414 с.
45. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 260 с.

46. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие – будущее Российской Федерации // Россия на пути к устойчивому развитию. – М., 1996.
47. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие: учебное пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
48. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России. 2006 г. / РостОблКомСтат.
49. Доклад «О состоянии природопользования и об охране окружающей среды Краснодарского края в 2007 году». – Краснодар: ГУ ЭСАЗ, 2008. – 364 с.
50. Долан Э.Дж., Линдсей Д. Микроэкономика / Пер. с англ.; под общей ред. Б. Лисовина, В. Лукашевича. – СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1994.
51. Ежова М.Б. Основные правовые направления поддержки малого предпринимательства // Лесной вестник. – 2008. – №5. – С. 89-92.
52. Завьялов Д.Ю. Методологический аспект оценки эффективности межбюджетных трансфертов // Финансы и кредит. – 2008. – № 34. – С. 28-33.
53. Зданович Г.Б. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории южного Урала. – Челябинск: Крокус, 2004. – С. 49-66.
54. Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия, 1995. – С. 21-43.
55. Зданович Г.Б. Могила «учителя» или образ горы в культуре «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории южного Урала. – Челябинск: Крокус, 2004. – С. 75-86.
56. Зданович Г.Б., Батанина И.М. ««Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы 18-17 вв. до н.э. на Южном Урале» // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия (По страницам древней истории Южного Урала). – Челябинск, 1995. – С. 54-63.
57. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: пространство и образы. – Челябинск: «Крокус»; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 260 с.
58. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья // Комплексные общества центральной Евразии III-I тыс. до н.э. – Челябинск, 1999. – С. 210-213.
59. Зданович Г.Б., Иванов И.В., Плеханова Л.Н. Музей-заповедник «Аркаим» в Стране городов // Природа. – М.: Наука, 2001. – № 9. – С. 50-58.
60. Зданович Д.Г. Аркаим: древность, модерн, постмодерн // Аркаим. 1987-1997: Библиогр. указ. / Сост.д.Г. Зданович, Е.И. Коган, Н.Н. Орлова; Челяб. гос.ун-т; Природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим». – Челябинск, 1999. – С. 8-51.

61. Зданович Д.Г., Кириллов А.К. Курганные памятники Южного Зауралья. Археoaстрономические аспекты исследования. – Челябинск: Изд-во «Крокус», 2002. – 76 с.
62. Землянская Е. Экономическое образование в школьной программе // Народное образование. – 2002. – № 10. – С. 220-228.
63. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР.1930-1960. – М.: Наука, 2005.
64. Инвестиционная и строительная деятельность в Республике Башкортостан. Статистический сборник. – Уфа: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, 2006. – 120 с.
65. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономический аспект) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. – М.: ЦПрП, 2001. – 220 с.
66. Индикаторы устойчивого развития Томской области / Под ред. О.В. Козловской. – Томск: STT, 2003. – 24 с.
67. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: монография / В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько, В.П. Таров, Л.Н. Чайникова, О.И. Летунова. – М: «Издательство Машиностроение-1», 2007.
68. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования по вопросу оценки инновационного потенциала бизнеса ростовской области. – Ростов-н/Д., 2008.
69. Иншаков О.В. О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
70. Иншаков О.В. Экономическая генетика и наноэкономика. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
71. Казакевич Е.А. Формирование инвестиционного климата в урбанизированном промышленном комплексе: методический аспект: Автореф. дис... канд. экон. наук: 08.00.05. – Новосибирск, 2002.
72. Казанцев С.В. Проект федерального бюджета 2009-2011: расходная часть // ЭКО. – 2008. – № 11. – С. 18-39.
73. Калугина З.И. Большие проблемы малого бизнеса Сибири // Эко. – 2006. – № 2. – С. 105-127.
74. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России: учебник. – М.: Финансы и статистика, 2002.
75. Клисторин В.И. Методология анализа налогово-бюджетной и региональной политики на субфедеральном уровне. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004.
76. Краснодарский край 1937-2007: Стат. сб. – Краснодар: Краснодарстат, 2007. – 414 с.
77. Крохина Ю.А. Бюджетное право и российский федерализм. – М.: Норма, 2002.

78. Крылова Е.Б. Специфические свойства малого предпринимательства, обеспечивающие занятость населения // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 3. – С. 424-437.
79. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретическое и практическое аспекты государственного регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 309 с.
80. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – 464 с.
81. Левин В.В. Развитие межбюджетных трансфертов в регионе // Финансы. – 2008. – № 6. – С. 24-27.
82. Лисин Б. Стратегический ресурс инноваций // Инновации. – 2007. – № 7. – С. 12-13.
83. Литвак Е.Г., Мигин С.В., Шамрай А.А., Соболев Д.В., Куртов О.А. Повышение качества решений в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. Оценка регулирующего воздействия. – М.: «Бизнес-Тезаурус», 2005.
84. Малое предпринимательство в России. 2007: Стат.сб. / Росстат. – М., 2007.
85. Межбюджетные отношения в Российской Федерации / Под ред. А.Г. Игудина. – М.: НИФИ Минфина России, 1999.
86. Межбюджетные отношения в Российской Федерации в 2009-2011 годах // Финансы. – 2008. – № 6.
87. Мекуш Г.Е. Эколого-экономическая оценка устойчивости регионального развития (на примере Кемеровской области): Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2007. – 56 с.
88. Методологические положения по статистике. Вып. 4 / Госкомстат России; ИИЦ «Статистика России» – М., 2003.
89. Мингалева Ж.А. Стратегическое планирование и прогнозирование национальной экономики. – Пермь, 2007.
90. Минц М., Коэн Д. Энциклопедия малого бизнеса. – М.: Дело. 1996.
91. Михайличенко Ю.Г. Адаптация и освоение мирового опыта комплексного управления прибрежными зонами морей // Известия РАН. Серия Географическая. – 2004. – № 6. – С. 31-40.
92. Мовилы В.В. Перспективы комплексного освоения территорий // Национальные проекты. – 2007. – № 3.
93. Моисеев Н.Н., Олейников Ю.В., Урсул А.Д. Философия экологического образования / Под общ. ред. И.К. Лисеева. – М., 2001.
94. Мороз И.М. Экскурсионно-туристская деятельность на ООПТ: Дисс. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Сочи: СГУТиК, 2004. – 168 с.
95. Мысляева И.Н. Государственные и муниципальные финансы. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 109 с.
96. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Драма Азии / Пер. с англ.; общ. ред. д.э.н., проф. Р.А. Ульяновского. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972.

97. Наследов А.Д. SPSS 15: профессиональный статистический анализ данных. – СПб.: Питер, 2008.
98. Наше общее будущее // Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989.
99. Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты / Под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. – Изд. 2-е. – М.: Academia, 2000. – 416 с.
100. Норнберг Ю. В защиту глобального капитализма. – М.: Новое издательство, 2007. – 272 с.
101. О роли малого и среднего бизнеса в подъеме экономики в муниципальных образованиях РФ. Совет по развитию малого и среднего предпринимательства при Председательстве Совета Федерации // Городское управление. – 2005. – № 7. – С. 27-28.
102. Овчинникова Е. Тупик на финише // Эксперт. Северо-запад. – 2008. – № 46.
103. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 6-е издание. – М.: АЗЪ, 2000.
104. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. – М., 2001.
105. Орачева О.И. Плюсы и минусы российского федерализма // Федерализм и региональная политика в полиэтнических государствах. Сб. статей. – М.: Изд-во XXI век – Согласие, 2001.
106. Основные направления бюджетной и налоговой политики на 2008 год и на период до 2010 года.
107. Отчет Всемирного фонда дикой природы «Живая планета – 2006».
108. Павлов К.В. Инвестиции и инновации интенсивного и экстенсивного типа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 18 (51). – С. 42-54.
109. Павлов К.В. Территориальные особенности развития предпринимательства в разных регионах России // Региональная экономика: теория и практика. – 2006. – № 5. – С. 30-34.
110. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и модернизация. – М.: Наука, 2004.
111. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. – М., 2002.
112. Пешков В.М. Морские берега. – Краснодар: Кубанский учебник, 2000. – 143 с.
113. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005.
114. Плеханова Л.Н. Аркаим: история успеха в эпоху глобализации // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2008. – № 1 (97). – С. 45-50.

115. Плеханова Л.Н. Образовательные функции средств массовой информации на стыке гуманитарного и естественно-научного направлений // Тез. XVI Междунар. конф. Математика. Компьютер. Образование. – М., 2009.
116. Плеханова Л.Н. Древние памятники видны с воздуха // Наша школа. – 2007. – № 3. – С. 39-45.
117. Плеханова Л.Н. Почвы Зауралья в древности и теперь // Природа. – М.: Наука, 2003. – № 12. – С. 48-52.
118. Плеханова Л.Н. Создание заповедника Аркаим как проявление культурной глобализации // Тез. XVI Междунар. конф. Математика. Компьютер. Образование. – М., 2009.
119. Плеханова Л.Н. Этноэкологическая роль почвенного покрова // Тез. конф. «Биосферные функции почвенного покрова», посвященной 100-летию со дня рождения В.А. Ковды. – Пушкино, 2005. – С. 77-78.
120. Плеханова Л.Н., Демкин В.А. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Почвоведение. – 2005. – № 9. – С. 1102-1111.
121. Плеханова Л.Н., Демкин В.А., Зданович Г.Б. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. – М.: Наука. 2007. – 236 с.
122. Плеханова Л.Н., Иванов И.В., Ермолаев А.М. Некоторые результаты биомониторинга почв заповедника «Аркаим» Челябинской области // Ресурсосберегающие и экологически безопасные технологии в адаптивном земледелии: сб. науч. тр. ЧНИИСХ. – Челябинск, 2003. – С. 237-253.
123. Плотницкий Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001.
124. Плякин А.В. Индикация конкурентоспособности, устойчивости развития и экономической безопасности в системе мониторинга межрегиональных диспропорций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 17 (50). – С. 31-39.
125. Повестка на 21 век. Конференция ООН по охране окружающей Среды и развитию, Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г. Извлечения. – М.: Центр координации и информации Социально-экологического союза, 1997. – 31 с.
126. Подласый И.П. Педагогика: общие основы: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика» / И.П. Подласый. – М., 2007. – 527 с.
127. Политическая имиджеология / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной и др. – М.: Аспект Пресс, 2006.
128. Протасова Е.В. Взаимодействие бизнеса и учреждений системы образования в процессе формирования регионального рынка образовательных услуг // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2009. – № 4. – С. 229-232.

129. Районы и города Краснодарского края: Стат. сб. – Краснодар: Краснодарстат, 2007. – 301 с.
130. Рар. А. Россия жмет на газ. Возвращение мировой державы. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
131. Регион: теория и практика устойчивого развития. – М., Изд. БСТ, 1998.
132. Региональная стратегия устойчивого социально-экономического роста / Под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 639 с.
133. Региональная экономика: учебник / Под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2008.
134. Регионы России: учебник / Под. ред. С.К. Путина. – М., 2006.
135. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат; ИИЦ «Статистика России». – М., 2007.
136. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
137. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат; ИИЦ «Статистика России». – М., 2008.
138. Романенко Е.В. Формирование благоприятной институциональной среды для развития малого предпринимательства в России // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 28-33.
139. Рудый К.В. Финансово-кредитные системы зарубежных стран. – М.: Новое знание, 2003. – 301 с.
140. Рыбакова Р.Ю. Теоретические основы построения межбюджетных отношений // Финансы и кредит. – 2007. – № 10. – С. 7-12.
141. Садыгов Ф.К. Бюджетный федерализм и дальнейшее реформирование системы межбюджетных отношений в России // Налоговая политика и практика. – 2003. – № 5. – С. 7-10.
142. Самохина А. Экономика образования и экономика в образовании школьников // Народное образование. – 2002. – № 10. – С. 209-235.
143. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941-1945 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000.
144. Силуанов А.Г. Финансовая поддержка регионов: вводятся новые правила // Финансы. – 2008. – № 10. – С. 3-5.
145. Симчера В.М. Методы многомерного анализа статистических данных: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2008.
146. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Политика поляризованного развития регионов: методологические аспекты // Стратегические приоритеты экономики региона / Под общ.ред.А.И. Татаркина; РАН, УрО, Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2008.
147. Спесивцева А.А. Методики оценки инвестиционной привлекательности региона // Вестник Белгородского государственного технологического университета и. В.Г. Шухова. – 2005.

148. Стратегия инвестиционного развития муниципального образования Темрюкский район. – Темрюк, 2006. – 152 с.
149. Ступин А., Ступина Е. Воспитание предпринимательских качеств у молодежи // Народное образование. – 2003. – № 10. – С. 179-186.
150. Суркова С.А. Выявление тенденций устойчивого регионального природопользования в муниципальном аспекте / С.А. Суркова // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 34. – С. 41-53.
151. Тарасова Н.П., Кручинина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: природа – общество – человек. – 2006. – Т. 2. – № 2. – С. 18-37.
152. Туризм: экономика, управление, устойчивое развитие: учебник / В.Г. Гуляев, И.А. Селиванов: Российская международная академия туризма. – М.: Советский спорт, 2008. – 280 с.
153. Тяпухин А.П., Раимова А.Т. Сущность, состав и эволюция системы управления устойчивым развитием региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 19 (52). – С. 21-29.
154. Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах РФ. – М., 2006.
155. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / Под ред. В.В. Попкова. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.
156. Фатхутдинов Р.А. Стратегический маркетинг. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.
157. Федерализм в России и мире / Под ред. Р.С. Хакимова, Б.Л. Железнова. – Казань: Казанский институт федерализма, 2004. – 168 с.
158. Федерализм: Энциклопедия. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 640 с.
159. Федеральный бюджет и регионы: опыт анализа финансовых потоков / Под ред. А.М. Лаврова. – М.: Диалог-МГУ, 1999.
160. Филобокова Л.Ю. Экономическая устойчивость малого предпринимательства и методические подходы к ее оценке // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 2. – С. 177-180.
161. Финансы / Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. – М.: Юрайт-М, 2007. – 462 с.
162. Финансы в вопросах и ответах / Под ред. В.В. Иванова, В.В. Ковалева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.
163. Фоломьев А. Высокотехнологичный комплекс в экономике России // Экономист. – 2004. – № 5.
164. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978.
165. Цурина И. Имидж энергетического «агрессора» // Независимая газета. – 13.11.2007.
166. Человеческое развитие новое измерение социально-экономического прогресса: учебное пособие под общей редакцией проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ). – 2-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Права человека, 2008.

167. Чижова В.П. Развитие туризма в ООПТ в связи с планами хозяйственного освоения Большого Сочи // Перспективы развития особо охраняемых природных территорий и туризма на Северном Кавказе: материалы международной научно-практической конференции. – Майкоп: ООО «Качество», 2008. – 308 с.
168. Швецов Ю.Г., Бутакова О.В. Финансовая помощь как ведущая конструкция системы бюджетного регулирования в Российской Федерации // Налоговая политика и практика. – 2005. – № 8. – С. 28-35.
169. Шеховцов А.О., Мигин С.В., Демин А.В., Белов А.С. Эволюция в области государственной политики в области дерегулирования и де-бюрократизации экономики, устранения административных ограничений в предпринимательстве. – М., 2005.
170. Шнирельман В.А. Аркаим: место встречи национализмов // Россия и Восток: взгляд из Сибири: Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 1998. – С. 164-166.
171. Шорин А.Ф. Почему население лесной зоны Урала эпох неолита и энеолита не восприняло производящие формы хозяйства // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С. 194-196.
172. Шуба В.Б. Формирование и развитие межбюджетных отношений. – М.: Экономистъ, 2004. – 248 с.
173. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М., 2005.
174. Экономический словарь / Под ред. А.И. Архипова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
175. Бурьяк А. Национальная безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.national-secur.narod.ru.
176. Доктрины и концепции национальной безопасности США, Франции и Японии / Университетская информационная система России [Электронный источник]. – Режим доступа: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2000.
177. Информационное агентство Башинформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – www.bashinform.ru.
178. Меркурьева Ю.В., Иванова И.А. Согласование интересов потребителей и производителей как основа развития образовательной услуги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.studiobt.ru.
179. Министерство внешнеэкономических связей, торговли и предпринимательства Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mftr.bashkortostan.ru.
180. Нечаев Д. Центральнo-Черноземный район: У каждой области своя модель развития [Электронный источник] / Аналитическая группа АНН. – Режим доступа: www.rossia.su/7841-u-kazhdobj-oblasti-svoja-model-razvitiya.html.

181. Обзор существующих стратегий и программ развития ЦФО [Электронный источник]. – Режим доступа: www.informarket.ru.
182. Официальный информационный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bashkortostan.ru/index.cfm?id=810.
183. Официальный сайт Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosez.ru.
184. Панкрухин А.П. Маркетинг образовательных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mou.marketologi.ru/book/111.html.
185. Политические риски в РФ. Удар по имиджу России [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=85>.
186. Потехин В. Современные войны и национальная безопасность России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.df.ru/~metuniv/consor/POTEN2.html.
187. Социальный атлас Российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.atlas.socpol.ru.
188. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области до 2015 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.betin.tambov.ru.
189. Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mnr.gov.ru/files/part/8048_indikator.doc.
190. Andersson A.E., Mantsinen J. Mobility of Resources, accessibility of Knowledge, and Economic Growth // Behavioral Science. – 1981. – № 25.
191. Andrew F. Haughwout. Infrastructure and Social Welfare in Metropolitan America // Economic Policy Review: Federal Reserve Bank of New York. – 2001.
192. Andrew R. Goetz, Joseph S. Szyliowicz, Timothy M. Vowles, G. Stephen Taylor. Investing in America's Future: The Need for an Enlightened Transportation Policy / Intermodal Transportation Institute, University of Denver, 2004.
193. Anne Marie Squeo How Longshoremen Keep Global Wind at their Backs // Wall Street Journal. – 26.06.2006.
194. Aschauer D. Public Capital and Economic Growth in Public Infrastructure Investment: A Bridge to Productivity Growth? // Public Policy Brief: Jerome Levy Institute. – 1993. – № 4.
195. Ashauer D. Is Public Expenditure Productive // Journal of Monetary Economics. – 1989. – № 23.
196. Bangqiao Jiang. A Review of Studies on the Relationship Between Transport Infrastructure Investments and Economic Growth Research // Transportation Act Review. – Canada, 2001. – January.

197. Berndt E., Hansson B. Measuring the Contribution of Public Infrastructure Capital in Sweden // *Scandinavian Journal of Economics*. – 1991. – № 94. – P. 151-168.
198. Best Cities / analysis by A. Michael. – Shires, Inc., 2006.
199. Borts G.H., Stein J.I. Economic Growth in a Free Market. – New York, London, 1964.
200. California Infrastructure Coalition, Annual Report, 2005. Comparisons calculated by converting reported letter grades to equivalent numerical levels and computing a net numerical grade for each region.
201. California Infrastructure Coalition, Economic Impact of Funding California's Transportation Infrastructure, 2005.
202. Chad Shirley, Clifford Winston. Firm Inventory Behavior and the Returns from Highway Infrastructure Investments // *Journal of Urban Economics*. – 2004. – № 55. – P. 389-415.
203. Chris Kraul, Deborah Schoch. Major Port Proposed for Baja Region // *Los Angeles Times*. – 09.05.2005.
204. Daniel Machalaba. How Savannah Brought New Life to Its Aging Port // *Wall Street Journal*. – 22.08.2005.
205. Daniel Yergin. The Katrina Crisis // *Wall Street Journal*. – 03.09.2005.
206. David Swindell, Mark S. Rosentraub. Who Benefits from the Presence of Professional Sports Teams? The Implications for Public Funding of Stadiums and Arenas // *Public Administration Review*. – 1998. – January / February.
207. Deborah Reed. Poverty in California: Moving Beyond the Federal Measure / *Public Policy Institute of California*, 2006.
208. Donnelle Eller. More Jobs Lift Outlook for Three Cities // *Des Moines Register*. – 07.01.2007.
209. Economic Profile and Forecast. – Charleston, South Carolina, 2005.
210. Edward L. Glaeser, Matthew E. Kahn. Sprawl and Urban Growth // *Harvard Institute of Economic Research*, Discussion paper. – 2004.
211. Elizabeth Hill. The State's Infrastructure and the Use of Bonds // *California Legislative Analyst's Office*. – 2006. – January.
212. Enright M J. Why Clusters are the Way to Win the Game? // *Word Link*. – 1992. – № 5, July/August. – P. 24-25.
213. EUROSTAT, Community Innovation Survey 1998: innovating Enterprises // *Statistics in Focus*. – 09.02.1999.
214. Evans P. and Karras G. Are Government Activities Productive? Evidence From a Panel of U.S. States // *Review of Economics and Statistics*. – 1994. – № 76 (1). – P. 1-11.
215. Fernald J. How Productive is Infrastructure? Distinguishing Reality and Illusion with a Panel of US Industries // *Economic Journal*. – 1993. – № 103. – P. 872-879.
216. Florida R. The Rise of the Creative Class // *Washington Monthly*. – 2002. – May.

217. Fournier R. Plenty of Katrina Blame // Associated Press. – 01.09.2005.
218. Fredann J. Urbanization Planning and National Development. – London, 1973.
219. Gaspar V., Pereira A.M. The Impact of Financial Integration and Unilateral Public Transfers on Investment and Growth in EC Capital-Importing Countries // Journal of Development Economics. – 1995. – № 48 (1). – P. 43-66.
220. Giesch H. Aspects of Growth Structural Change and Employment – A Schumpeterian Perspective // Weltwirtschaftliches Archiv. – 1979. – Band 115. – Heft 4.
221. Gokirmak H. Infrastructure and Economic Performance: Ph.D. Dissertation / American University, 1995.
222. Goods Movement in Southern California: The Challenge, the Opportunity, and the Solution // Southern California Association of Governments. – 2005. – September.
223. Gramlich E. Infrastructure Investment: A Review Essay // Journal of Economic Literature. – 1994. – № 32 (3). – P. 1177-1196.
224. Gregory Trevorton. Making the Most of Southern California's Global Engagement // Pacific Council on International Relations. – 2001. – June.
225. Hall R., Jones Ch. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? // Quarterly Journal of Economics. – 1999. – V, CXIV. – P. 83-116.
226. Hamm, Walter. Strukturpolitik. In: Lexicon Soziale Marktwirtschaft. – Münster. Hamburg, 1993. – P. 413-415.
227. Handelsblatt. – 23.11.2004.
228. Harry Siegel. Maybe Bloomberg Should Try Getting Angry // New York Observer. – 10.08.2007.
229. Ian W.H. Parry, Joel Darmstadter. The Costs of U.S. Oil Dependency // Resources for the Future. – 17.11.2004.
230. Jason C. Booza, Jackie Custinger, George Galster. Where Did They Go? The Decline of Middle-Income Neighborhoods in Metropolitan America // Living Cities Series, Brookings Institution. – 2006. – June.
231. Jerrold Nadler. The Prescription for a Healthier New York City Economy // New Democracy Project. – 01.02.2004.
232. Kenneth Jackson. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. – New York: Oxford University Press, 1985.
233. Koschatzky K. Innovationsorientierte Regionalentwicklungsstrategien: Konzepte zur regionalen Technik – und Innovationsförderung // Fraunhofer Institut Systemtechnik und Innovationsforschung. – Karlsruhe, 2002.
234. Kotkin J. Back to Basics: A pro-growth public investment strategy: New America foundation.
235. Lukashin Y., Rahlina L. Production functions in world economy analysis // World economy and international relationships. – 2004. – № 1. – P. 20.

236. Lundvall B.A. The Learning Economy – Challenges to Economic Perspectives on Markets, Firms and Technology / Edited by B. Johnson, K. Nielsen. – I.: Edward Elgar, 1998. – P. 33-54.
237. Lynde C and Richmond J. Public Capital and Long-Run Costs in U.K. Manufacturing // *Economic Journal*. – 1993. – № 103. – P. 880-893.
238. Mafruz Khan, Greg LeRoy. Missing the Bus: How States Fail to Connect Economic Development with Public Transit // *Good Jobs First*. – 2003. – September.
239. Maier Gunther, Tödtling Franz. *Regionalentwicklung und Regionalpolitik*. – Wien. 2002.
240. Mark L. Burton, Michael J. Hicks. Hurricane Katrina: Preliminary Estimates of Commercial and Public Sector Damages // *Marshall University Center for Business and Economic Research*. – 2005. – September.
241. Marlon G. Boarnet, Andrew F. Haughwout. Do Highways Matter? // *Center on Urban and Metropolitan Policy, Brookings Institution*. – 2000. – August.
242. Matt Welch. If You Build It, They will Leave: Sports Teams Fleece the Taxpayer, Again // *Reason*. – 2004. – January.
243. Munnell A. Infrastructure, Investment and Economic Growth // *Journal of Economic Perspectives*. – 1992. – № 6. – P. 189-198.
244. Nadiri M., Mamuneas T. The Effects of Public Infrastructure and R&D Capital on the Cost Structure and Performance of U.S. Manufacturing Industries // *Review of Economics and Statistics*. – 1994. – № 76 (1). – P. 22-37.
245. National Association of Manufacturers, the Manufacturing Institute, and Deloitte Consulting, 2005 Skills Gap Report / A Survey of the American Manufacturing Workforce, 2005.
246. National Commission on Energy Policy. Siting Critical Energy Infrastructure: An Overview of Needs and Challenges // *White Paper*. – 2006. – June.
247. Nicole Gelinas. Katrina's Real Lesson: Blame Inadequate Infrastructure, Not Poverty, for the Storm's Devastation // *City Journal*. – 28.08.2006.
248. Nicole Gelinas. NY's Sick Transit // *New York Post*. – 24.05.2007.
249. North American Electric Reliability Council, NERC Acts to Strengthen Grid Reliability, February 2004.
250. Pam Radtke Russell. The Bigger, Easier: The Migration of Oil and Gas Companies to Houston Picked Up Steam after Hurricane Katrina // *Times-Picayune (New Orleans)*. – 05.08.2007.
251. Paul F. Stifflemire, William F. Rogel. Economic Development: The Failure of Creative Policy // *Occasional White Paper: Allegheny Institute for Public Policy*. – Pittsburgh, 2002. – July.
252. Pereira A.M and Andraz J.M. Public Investment in Transportation Infrastructures and Economic Performance in Portugal // *Review of Development Economics*. – 2005. – № 9 (2). – P. 177-196.

253. Pereira A.M. and Roca O. Public Capital and Private Sector Performance in Spain: A Sectoral Analysis // *Journal of Policy Modeling*. – 2001. – № 23. – P. 371-384.
254. Pereira A.M. EU Structural Transfers and Economic Performance in Portugal // *Public Finance*. – 1998. – № 53 (1). – P. 53-77.
255. Pereira A.M. Is all Public Capital Created Equal? // *Review of Economics and Statistics*. – 2000. – № 82 (3). – P. 513-518.
256. Pereira A.M., Andraz J.M. Investimento Público em Infra-estruturas de Transporte em Portugal Continental // *Ministério do Planeamento Portugal*, 2001.
257. Pereira A.M., Andraz J.M. On the Impact of Public Investment on the Performance of US Industries // *Public Finance Review*. – 2003. – № 1. – P. 66-90.
258. Pereira A.M., Andraz J.M. Public investment in transportation Infrastructures and Industry Performance in Portugal. College of William and Mary, Department of Economics // *Working Paper*. – 2007. – № 45.
259. Rebecca Smith, Daniel Machalaba. As Utilities Seek More Coal, Railroads Struggle to Deliver // *Wall Street Journal*. – 15.03.2006.
260. Reflections on Sustainability, Population Growth, and the Environment // *Renewable Resources Journal*. – Winter 1997-98. – Vol. 15. – No. 4. – P. 6-23.
261. Report: Nation's Infrastructure Crumbling // *USA Today*. – 11.03.2005.
262. Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London, 1973.
263. Samuel R. Staley, Ted Balaker. The Road More Traveled: Relieving Congestion and Improving Mobility in America's Cities. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006. – P. 127-138.
264. Scott Donaldson. The Suburban Myth. – New York: Columbia University Press, 1969.
265. Seitz H., Licht G. The Impact of Public Infrastructure Capital on Regional Manufacturing Production Costs // *Regional Studies*. – 1995. – № 29. – P. 231-240.
266. Shah A. Dynamics of Public Infrastructure, Industrial Productivity and Profitability // *Review of Economics and Statistics*. – 1992. – № 74 (1). – P. 28-36.
267. Shapiro Robert J., Hassett Kevin A. The Economic impact of public investment in Surface Transportation.
268. Shikoh J.A. The Higher Life in the American City of the 1900s: A Study of Leaders and Their Activities in New York, Chicago, Philadelphia, St. Louis, Boston, and Buffalo: PhD diss., New York University, 1972.
269. Space informatics for sustainable development / R B Singh and Shunji Murai (eds). – Rotterdam: A Balkema Publ, 1998. – 255 p.
270. Steve Erie. Enhancing Southern California's Global Gateways // *Pacific Council on International Relations*. – 2003. – June.

271. Susan Saulny, Jennifer Steinhauer. Bridge Collapse Revives Issue of Road Spending // New York Times. – 07.08.2007.
272. Thaddeus Herrick. Arena of Dreams: But Will Teams Come? // Wall Street Journal. – 21.06.2006.
273. Timothy Aepell. U.S. Waterway System Shows Its Age // Wall Street Journal. – 08.02.2005.
274. Timothy B. Wheeler. Baltimore's 'Inner Suburbs' Showing Their Age // Baltimore Sun. – 12.05.2005.
275. Wendell Cox. Houston 'Can Do' Urban Area // Demographia.com. – 2006.
276. William Neuman. New York Transit Failings Similar to Those in 2004 // New York Times. – 09.08.2007.
277. ASCE 2006 Report Card [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.asce.org/reportcard/2005/page.cfm?id=25#conditions.
278. Demographia.com. Central Business District: Jobs & Commuting, Table E-1 CBD Share of Urban Employment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demographia.com/db-cbd2000.pdf.
279. Greater Dubuque Development Corporation, Dubuque Powers into U.S. Top 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.greaterdubuque.org/downloads/news/2006_Dubuque_Powers_Into_US_Top_25.pdf.
280. Office of Transportation Policy Studies, Federal Highway Administration, Highways and the Economy: Macroeconomic Perspectives [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fhwa.dot.gov/policy/otps/macro.htm.
281. www.kazanfed.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вероника Викторовна Виноцкина,
Оксана Сергеевна Гайфутдинова,
Полина Михайловна Горшенина,
Татьяна Сергеевна Гринько,
Евгения Алексеевна Камбарова,
Жанна Ярославна Колычева,
Наталья Юрьевна Коротина,
Екатерина Викторовна Кочева,
Юлия Дмитриевна Кузьмина,
Владимир Александрович Лукин,
Жанна Аркадьевна Мингалева,
Людмила Николаевна Плеханова,
Евгения Владимировна Подгорнова,
Елена Васильевна Протасова,
Саассылана Иннокентьевна Сивцева,
Елена Николаевна Тупикина,
Лилия Николаевна Чайникова,
Сергей Сергеевич Чернов.**

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ Книга 6 Монография

Подписано в печать 23.11.2009. Формат 84×60Х1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 23,2 Печ. л. 19,2 Заказ 112609

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

с целью оказания помощи в опубликовании результатов научно-исследовательских работ профессорско-преподавательского состава готовит к выходу следующие монографии:

1. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ (КНИГА 11)

Широкая проблематика монографии включает все многообразие вопросов управления экономическими системами. Взаимосвязанность и взаимообусловленность данных вопросов предусматривает их рассмотрение с учетом совокупности внешних и внутренних факторов, что требует комплексности предлагаемых решений.

Принимаются результаты научных исследований по экономике, менеджменту, маркетингу, финансам, бюджетированию, бухгалтерскому учету, логистике, ценообразованию, теории принятия решений, статистике, эконометрике, математическим и инструментальным методам экономики и другим направлениям прикладных и теоретических исследований в области управления сложными социально-экономическими системами.

2. СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОГО БИЗНЕСА (КНИГА 8)

Монография содержит характеристику основных принципов и методов организации эффективного бизнеса в современных экономических условиях в различных сферах предпринимательской деятельности.

Принимаются результаты научных исследований по экономике, менеджменту, маркетингу, финансам, бизнес-планированию и бюджетированию, бухгалтерскому учету, предпринимательскому праву, логистике, ценообразованию, теории принятия решений, статистике, эконометрике, экономике труда, управлению персоналом, организации экономической безопасности и другим направлениям теоретических и прикладных исследований, связанных с построением, организацией, функционированием и развитием бизнес-структур.

3. ИСКУССТВО РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ: НОВОЕ ВИДЕНИЕ (КНИГА 5)

Разработка и реализация стратегии – чрезвычайно ответственная задача, стоящая перед менеджментом компании. Ее успешное решение возможно только при выстраивании четкой цепочки действий по проработке всего комплекса работ, предшествующих и сопутствующих разработке стратегии, ее реализации и актуализации для достижения необходимого результата.

Принимаются результаты научных исследований по стратегическому менеджменту, маркетингу, инновационному менеджменту, финансам, теории принятия решений, экономике, управлению качеством, управлению персоналом, управлению проектами, математическим и инструментальным методам экономики и другим направлениям прикладных и теоретических исследований в данной области.

4. ФИЛОСОФИЯ МАРКЕТИНГА (КНИГА 1)

В условиях конкурентного рынка перед крупным, средним и малым бизнесом все острее стоит задача не только привлечения, но и удержания уже существующей потребительской базы. Успешное решение данной задачи возможно только при использовании целого комплекса маркетинговых технологий и методов, наряду с адекватной оценкой рынка, условий и закономерностей его функционирования и развития с учетом постоянно изменяющихся потребительских предпочтений.

Принимаются результаты научных исследований по маркетингу, экономике, менеджменту, финансам, логистике, ценообразованию, теории принятия решений, статистике, эконометрике, экономической социологии, социологии управления, предпринимательскому праву и другим направлениям прикладных и теоретических исследований в данной области.

5. УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (КНИГА 2)

«Кадры решают все», – это известное выражение не потеряло своей актуальности. Квалификация, умение и навыки персонала являются одним из ключевых факторов успеха компании. От того, насколько эффективно организована система управления персоналом, в частности его подбор, мотивация, контроль, повышение квалификации, напрямую зависят положение компании на рынке и перспективы ее развития.

Принимаются результаты научных исследований по экономике труда, менеджменту, теории управления экономическими системами, управлению инновациями и инновационной деятельностью, социологии управления, психологии труда, инженерной психологии, эргономике, трудовому праву и другим направлениям теоретических и прикладных исследований, связанных с управлением персоналом.

6. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (КНИГА 3)

Функционирование практически любой социально-экономической системы осуществляется в условиях борьбы за ограниченные блага. В связи с этим обеспечение конкурентоспособности социально-экономической системы, ее адаптивности и выживаемости в условиях изменчивости внешнего окружения становится первоочередной задачей. Монография призвана исследовать различные проявления, факторы, механизмы обеспечения конкурентоспособности широкого спектра социально-экономических систем.

Принимаются результаты научных исследований по экономике, менеджменту, маркетингу, финансам, бизнес-планированию и бюджетированию, логистике, юриспруденции и другим направлениям теоретических и прикладных исследований в данной области.

7. ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (КНИГА 4)

В современных экономических условиях вопросы финансового управления развитием приобретают особую актуальность как на межгосударственном, национальном и региональном уровнях, так и в разрезе отдельных предприятий. Монография посвящена вопросам постановки систем финансового анализа, бюджетирования и бизнес-планирования, управленческого и бухгалтерского учета (в том числе и по МСФО), аудита, разработки финансовой стратегии, а также особенностям налогообложения экономических субъектов.

Принимаются результаты научных исследований по экономике, финансам, бизнес-планированию и бюджетированию, бухгалтерскому учету и аудиту, налогообложению, юриспруденции и другим направлениям теоретических и прикладных исследований в данной области.

8. СЕКРЕТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА (КНИГА 5)

Одной из важнейших задач педагогики всегда являлось повышение качества педагогической деятельности. Решающую роль в деле совершенствования образовательного процесса и улучшения качества подготовки специалистов играет педагогический коллектив, все организаторы учебного процесса. Они обязаны знать не только состояние и перспективы развития той или иной области знания науки, техники и производства, но и научно-методические основы обучения и воспитания, психолого-педагогические особенности образовательного процесса. В монографии представлены теоретические и практические знания, способствующие более успешной работе начинающих и молодых преподавателей, усвоению ими секретов педагогического мастерства в сложном процессе обучения и воспитания.

Принимаются результаты научных исследований по общей педагогике, теории и методике обучения и воспитания, теории и методике дошкольного и профессионального образования, педагогической психологии и психологии развития, а также по другим направлениям в области педагогики и психологии.

9. СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА (КНИГА 9)

Уровень образования, квалификации является основным критерием успешности современного человека, поэтому вопросы внедрения современных образовательных технологий приобретают особую актуальность. Монография призвана осветить основные направления и особенности развития современных образовательных технологий с учетом повышающихся требований к качеству образования.

Принимаются результаты научных исследований по общей педагогике, теории и методике обучения и воспитания, теории и методике и организации социально-культурной деятельности, теории и методике дошкольного и профессионального образования, общей психологии, психологии личности, педагогической психологии и психологии развития, а также по другим направлениям в области педагогики и психологии.

10. ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО (КНИГА 11)

В последние годы мировая общественность все чаще приходит к выводу, что в основе большинства экономических, политических и иных проблем

лежат проблемы гуманитарные. Исследованию отдельных гуманитарных проблем во всей их сложности, многогранности и противоречивости посвящена данная монография.

Принимаются результаты научных исследований по философии, социологии, эстетике, этике, педагогике, психологии, религиоведению, демографии, политологии, юриспруденции, искусствоведению, истории и другим областям знаний.

11. ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ (КНИГА 3)

В современных условиях, когда приоритетным считается обеспечение как общества в целом, так и отдельного индивидуума материальными благами, духовная сторона жизни незаслуженно отошла на второй план. Однако развитие общества немыслимо без сохранения духовной и культурной «оболочки» социума. В монографии поднимаются вопросы сохранения и распространения духовных ценностей, повышения культуры общества.

Принимаются результаты научных исследований по социальной философии, этике, эстетике, религиоведению, философской антропологии, философии культуры, искусствоведению, психологии, социологии культуры и духовной жизни и другим направлениям.

12. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (КНИГА 1)

В монографии представлены материалы по истории России и зарубежных стран с древнейших времен до наших дней. История общества и современные явления общественной жизни получают своё объяснение путём раскрытия объективных закономерностей развития общества. В книге собраны данные, посвященные истории формирования и развития государственности России, стран Востока и Западного мира.

Принимаются результаты научных исследований по истории России, истории зарубежных стран, политической истории, истории экономических учений, истории общественной мысли и другим направлениям.

13. РОССИЯ В XXI ВЕКЕ: МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (КНИГА 4)

Трансформация социально-экономической модели развития России, изменение внутриполитической и международной обстановки привели к кардинальному пересмотру взглядов общественности и политической элиты на перспективные направления развития страны. Попытке выстраивания модели устойчивого развития России посвящена данная книга.

Принимаются результаты научных исследований по экономике, политологии, геополитике, юриспруденции, философии, социологии, истории и другим направлениям исследований.

14. ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ (КНИГА 7)

Одной из первоочередных задач проводимой политики укрепления вертикали власти является обеспечение устойчивого развития субъектов Российской Федерации. Предполагается перераспределение полномочий между федеральными и региональными органами власти, что осложняется высо-

кой дифференциацией регионов по социально-экономическим, природным и иным условиям. В монографии рассматривается широкая проблематика вопросов, связанных с организацией эффективной региональной политики по всему перечню ее направлений.

Принимаются результаты научных исследований по региональной экономике, экономике природопользования, регионоведению, менеджменту, теории управления экономическими системами, управлению инновациями и инновационной деятельностью, математическим и инструментальным методам экономики, социологии управления, психологии труда, гражданскому и муниципальному праву, экономической социологии и демографии, другим направлениям теоретических и прикладных исследований в данной области.

15. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ (КНИГА 4)

Повсеместное использование информационных технологий позволяет не только оптимизировать функционирование технических и социально-экономических систем, то есть существенно повысить их эффективность, минимизировать риски, выработать универсальные подходы к управлению. В монографии рассматривается широкий спектр вопросов по внедрению, использованию, совершенствованию информационных технологий в различных сферах жизни общества.

Принимаются результаты научных исследований по автоматизации и управлению технологическими процессами и производствами, управлению в социальных и экономических системах, математическому и программному обеспечению вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей, математическому моделированию, методике и системам защиты информации, математическим и инструментальными методами экономики и другим направлениям данной области знаний.

16. ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (КНИГА 5)

Одним из важнейших проявлений научно-технического прогресса является совершенствование средств и расширение состава предметов труда. Монография посвящена актуальным вопросам развития техники и технологии материального производства в XXI веке, выявлению основных тенденций и закономерностей в различных областях знаний.

Принимаются результаты научных исследований по математике, физике, механике, химическим наукам, машиностроению, энергетике, приборостроению, информатике и вычислительной технике, транспорту, строительству и другим направлениям прикладных и теоретических исследований в данных областях.

**ДАТА ОКОНЧАНИЯ ПРИЕМА ЗАЯВОК
НА РАЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ В МОНОГРАФИЯХ
25 ДЕКАБРЯ 2009 г.**

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА предлагает научной и педагогической общественности услуги по публикации *авторских монографий по всем научным направлениям и специальностям*. Для публикации авторам необходимо предоставить в Центр Развития Научного Сотрудничества (по электронной почте) текст монографии, аннотацию, заполненную заявку. Сроки публикации монографии – один месяц с момента обращения автора.

Стоимость публикации определяется индивидуально в зависимости от «сложности» текста (формулы, таблицы, рисунки), объема монографии, тиража и срочности заказа.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте **WWW.ZRNS.RU**, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!